

VANCOUVER PUBLIC LIBRARY

3 1383 09312 4629

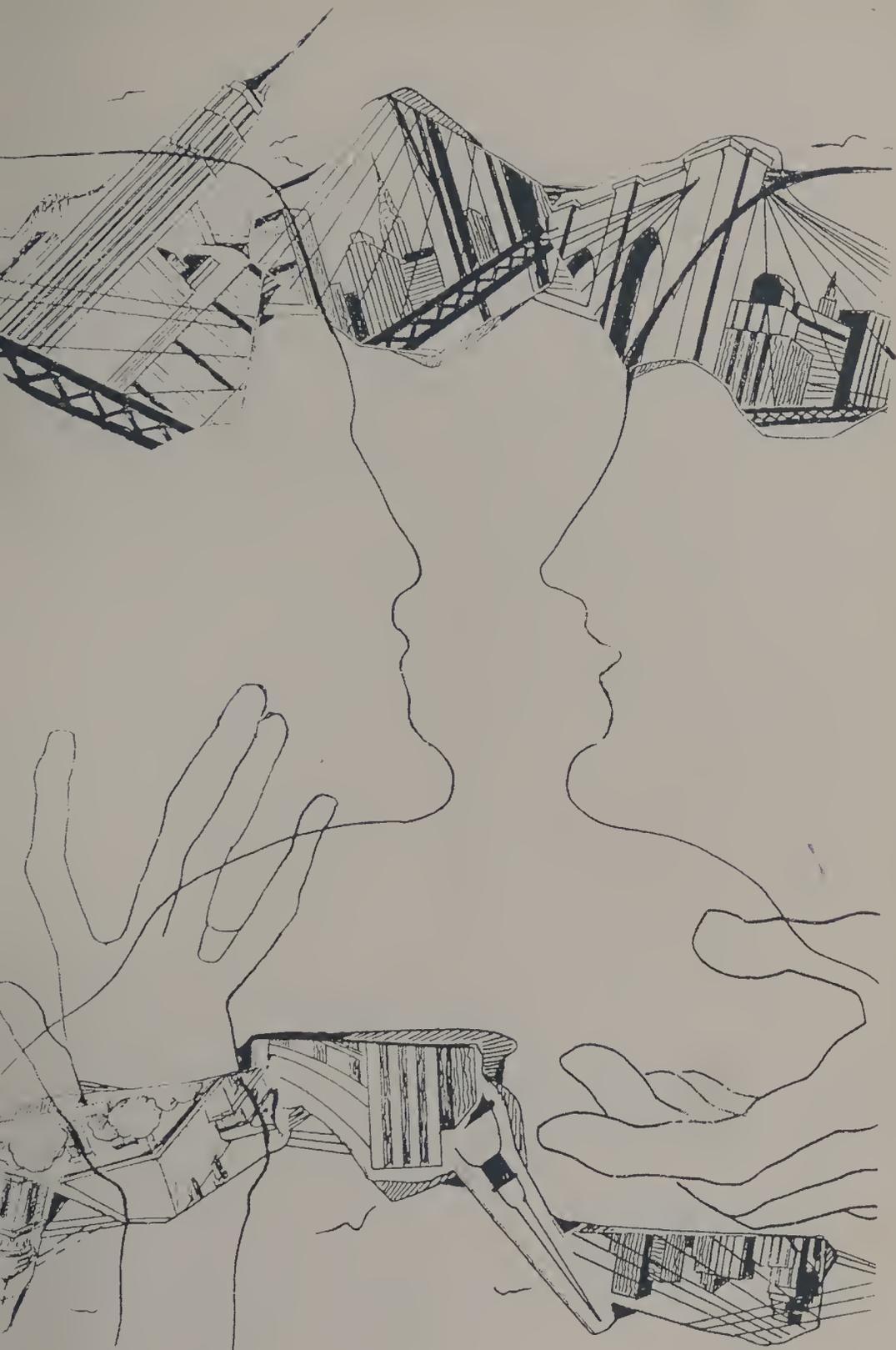
Минувшее...

Язык
Слово
Имя

E. Neiz

ε. Νείω

Алла Кторова
Минувшее...

Этот труд посвящается
Вячеславу Анатольевичу Сеницыну,
Заслуженному Учителю русского
языка и литературы России, другу
и единомышленнику, – с сердечной
благодарностью за его неоценимую
помощь и творческое участие
в составлении этой книги.

Алла Кторова

WITHDRAWN
FROM COLLECTION

VE

Alice Knopke

FROM COLLECTION

5V

Алла Кторовна

Минувшее...

ЯЗЫК
СЛОВО
ИМЯ

Москва
«Минувшее»
2007

ББК 84

К876

Алла Кторова

«Минувшее...» Язык. Слово. Имя.

М.: Минувшее, 2007, 392 стр.

Русская писательница, москвичка, Алла Кторова почти пятьдесят лет живет в США. Ее книги хорошо известны зарубежному русскоязычному читателю и отмечены истинным и очень своеобразным литературным мастерством.

Шестая и последняя книга серии «Минувшее...» представляет собой сборник работ автора по ономастике, разделу языкознания, изучающему собственные имена, раскрывает доселе неизвестные исторические и лингвистические факты, а также статьи литературной именологии и, в частности, посвященные Пушкину, Лермонтову, Нахимову: «Каждый убогий и знатный. в первый же миг при рождении – имя свое получает».

Книга издана в авторской редакции

В оформлении форзацев
использован рисунок Эрнста Неизвестного ко второму изданию
«анти-романа» Аллы Кторовой «Лицо Жар-Птицы».

Оформление К. А. Зубченко

ISBN 978-5-902073-54-3

© Алла Кторова, автор, 2007

© К. А. Зубченко, оформление, 2007

© «Минувшее», 2007

Вместо дотекста

Русская писательница Алла Ктóрова (настоящее имя и фамилия – Виктория Ивановна Шáндор, ур. Кочúрова) живёт в США с 1958 года. Окончила 1-й Московский Государственный Педагогический Институт иностранных языков. Книги её – «Лицо Жар-птицы», «Экспонат молчащий и другое», «Крапивный отряд. Дом с розовыми стёклами», «Мёлкий жемчуг» – широко известны как советским, так и зарубежным читателям и публикуются, начиная с 1988 года в СССР.

Работает Алла Ктóрова и в области ономастики (от греч. *онома* – имя), то есть именоведения. Ономастика – наука новая, ибо в широком масштабе её начали разрабатывать всего лишь несколько десятков лет назад, и разделы её – антропонимика (имена и фамилии человека), топонимика (географические названия), зоонимика (клички и прозвищные имена животных), а также изыскания в других её отраслях неразрывно связаны с историей, географией, антропологией, этнографией, социологией и прочими, сопряжёнными с ними науками.

Широко популяризовал работы по ономастике в 50-х годах ХХ века, введя свои труды по именоведению в «круг чтения для всех», замечательный писатель, учёный-лингвист и общественный деятель, ленинградский литератор **Лев Успенский**. Своими рассказами об именах, доступными всем по содержанию и форме, среди которых особенно захватила стар и млад книга «Ты и твоё имя», писатель открыл читателям малоизвестную в те годы науку и пробудил гражданский интерес людей всех социальных групп и профессий к страницам прошлого собственной семьи, истории своей родины и населяющих её народов, а также к антропóнимам во всемирном масштабе.

Книга Льва Успенского стала огромным стимулятором к изучению ономастики для других учёных, литераторов и социологов, побуждая их, войдя в орбиту изысканий в различных отраслях этой науки, расширять уже известное, пересматри-

вать то, что казалось незыблемым веками, и по-новому смотреть на окружающий мир.

Многое ещё дискуссионно в этой новой области изучения, часть проблем не затронута вообще, ряд положений – только гипотезы, но ясно одно: познание всех разделов интереснейшей науки ономастики, которую *считают наукой XX века*, тщательное изучение всех её тем, способствует перестройке мышления человека, избавляет его от национальных и расовых предрассудков и ведёт к переоценке своих взаимоотношений с другими народами, заставляя человеческое сознание прийти к заключению, что всё население Вселенной неразрывно связано единым замыслом.

В одной из статей Алла Кторова так определяет свое понимание этой науки: *«Меня больше всего интересует только один вопрос: исчезнет ли в будущих веках расовая и национальная ненависть между народами человечества, которая в наш век не дает спокойно жить нормальным людям.»*

Интерес к именам и фамилиям, к которым я пристрастилась еще будучи ребенком, не зная, разумеется, что через несколько десятков лет после моего рождения возникнет новая наука, *наука XX века*, называемая *ономастика* (от греческого «*оно́ма*», что значит «*имя*»), настойчиво заставляет меня при знакомстве с любым человеком прежде всего оценить отношение этого индивидуума к другим людям по тому, как он воспринимает это «иное» лицо не только по форме его носа и трансфигурации речевого акцента, но и из звучания его и его родителей имени и фамилии.

В своей книге «Сладостный дар», посвященной происхождению, истории и всему, что связано с именами и фамилиями, я неоднократно *подчеркивала*, что *ономастика не ставит* своей задачей «*раскрытие национальности*», чем усердно начали заниматься по заказу правительства советские социологи и историки в 1947–1948 годах. Задачей этих советских «ученых», как уже тогда понял весь интеллектуальный мир, была охота! Настоящая охота на тех, кто пишет под русскими псевдонимами, а на самом деле скрывает свое «истинное лицо» безродных космополитов, марая честь и достоинство первого на нашей

планете «интернационального, коммунистического общества».

Целью науки ономастики, а по-русски это просто-напросто именоведения, не является установление национальности, повторяю я, но почти всегда география, археология, история и прочие общественные науки, теснейшим образом связанные между собой и с ономастикой – (именологией тоже) раскрывают нам доселе неизвестные социологические и лингвистические факты, которые, в свою очередь, после анализа неопровержимой информации, самоустанавливают принадлежность какого-то человека к тому или иному народу».

Состоя членом Американского Ономастического научного общества (American Name Society), Алла Кторовна публикует на страницах его журнала, а также в русскоязычной прессе Зарубежья и стран СНГ статьи, адресованные как своим российским коллегам в области предмета изучения, так и массовому читателю, в том числе американским ономастам и студентам-русистам, уделяя главное внимание ещё неизведанному в сравнительном русско-английском именоведении, кладя в основу своего труда результаты собственных изысканий в научно-исследовательских разработках как отечественных, так и зарубежных документов, касающихся истории России и связанных с нею стран, ещё не затронутых рукой учёных.

*На пути к книге,
или несколько полезных советов ее
читателю*

*Мысль есть главная способность человека;
выражать ее – одна из главных его потребностей,
распространять ее – самая дорогая его свобода.*

Пьер Буаст

Всякая книга – остров, по которому можно с удовольствием совершить кратковременное путешествие с пользой для себя. В твоих руках КНИГА для обычных и ученых людей. Умение ориентироваться в мыслях и чувствах автора книги, – серьезная и трудная задача. А посему:

1. Открывая первые страницы, ПОМНИ: ты вторгаешься в государство чужих мыслей и чувств.

2. Читай, чтобы думать. Думай, чтобы вовремя останавливаться. Останавливаясь, продвигайся вперед и размышляй.

3. Тщательно проанализируй все ситуации, факты, явления, изложенные автором. Не пытайся пренебречь и осмеять их. Удивляйся, но не будь скепичен.

4. Обогасти себя неизвестными фактами, парадоксами и курьезами нашей жизни.

5. Прояви должное внимание к специальным словам-терминам, объясняющим то или иное ономастическое явление.

6. Не удивляйся многократному повторению хлопотливой говоруньей-«авторшей» некоторых сведений – это средство выделения главной мысли автора-рассказчика.

7. Оцени юмор научно-занимательных рассказов пишущего. Это особый дар его сердца, сама добродетель, исходящая из богато одаренной души.

8. Помни, рассказывая, автор книги стремится передать тебе чувство родства, объединяющее людей планеты.

9. Вникая в содержание ономастических этюдов, избавляйся от национальных предрассудков, пороков тоталитарного прошлого в истории своего государства.

10. Не используй мысли автора для своей выгоды, по неосторожности не обрати их во вред себе и другим.

11. Пусть мысли печатных страниц этой удивительной книги разовьют в тебе зародыши добрых действий.

12. Попытайся использовать предлагаемые материалы для собственного лингвистического поиска, исследования.

Итак, ОНОМАСТИЧЕСКОЕ БЮРО АЛЛЫ КТОРОВОЙ для частных запросов – к твоим услугам, Читатель!

*Какую пользу
тебе принесет эта книга,
или помни имя свое*

– Меня зовут Алиса, и я...

– Довольно дурацкое имя! – нетерпеливо перебил ее Шалтай.

– Что оно означает? – Разве имя должно что-нибудь означать? – спросила озадаченная Алиса.

– Вне всякого сомнения, – фыркнул Шалтай-Болтай. Лично мое имя указывает на ту хрупкую форму, которая мне присуща. Потрясающая форма! А с таким именем, как у тебя, можно оказаться какой хочешь формы, даже самой уродливой.

Льюис Кэрролл

Представь, любезный Читатель, что к тебе обратились с вопросом-загадкой: «ЧТО ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО ТЕБЕ, А УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ЧАЩЕ ДРУГИМИ, ЧЕМ ТОБОЙ?». Конечно, это ИМЯ.

Вспомним Гомера и его знаменитую «Одиссею»:

Между живущих людей безымянным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий, и знатный
Имя свое от родителей в *сладостный дар* получает...

На ценность имени указывал и Гете: «Имя не безделица: недаром же Наполеон, чтобы получить великое имя, вдребезги расколотил чуть ли не половину человечества».

О великом предназначении имени говорят и пословицы разных народов:

Все начинается с имени (японская).

Человек спрятан за своим именем (персидская).

Если хочешь понять человека, узнай его имя (китайская).

Кто не знает своего имени, не знает своей истории (осетинская).

Дерево красиво листвой, человек – именем (персидская).

Имя счастливое – судьба несчастная (непальская).

С именем Иван, а без имени – болван (русская).

Без имени ребенок – чертенок (русская).

Хорошо там и тут, где по имени зовут (русская).

Вероятно, ты уже догадался, о чем пойдет речь в этой книге. Это занимательное пособие для тебя, УЧЕНИК, и твоего УЧИТЕЛЯ, а также для тех, кого увлекают загадки собственных названий, кто пытается и стремится проникнуть в тайну своего имени.

Имя крепкими узами связано с историей человеческой цивилизации, с историей отдельного государства, с национальными традициями, особенностями быта того или иного народа, с его религией. А раз так, то имя представляет для нас особый интерес.

Хорошо известно, что эта тема всегда вызывает любознательность, находит живой отклик в сердцах наших детей. Увы, не часто у ребенка и его учителя под руками имеется нужный и доступный материал. Ты возразишь: а как же специальные работы по ономастике (раздел языкознания, изучающий собственные имена), известные словари, справочники. Конечно, уже многое создано. И все же большинство книг по этой теме недоступны нашим школьникам, а главное – многие из них написаны тяжелым научным, зачастую занудным и скучным языком.

Где достать материал по ономастике? – вопрос, который всегда волнует творческого учителя, желающего проводить со своими ребятами интересную многоплановую научно-исследовательскую работу.

Эта книга не есть полный и исчерпывающий ответ на вопрос, поставленный выше, но – попытка представить тебе,

читатель, увлекательный, а главное – свежий материал об именах, фамилиях, названиях в русской и иноязычной речи. Особый раздел посвящен литературной ономастике, зоонимам, этимологическим комментариям всевозможных названий.

Представленные здесь материалы, несомненно, окажут неоценимую помощь ученикам и учителям, занимающимся специальной работой с онимической лексикой, помогут провести интересные лингвистические исследования.

Учитель-словесник сможет разработать специальные лингвистические занятия, углубить, расширить знания ребят, обратившись к жизни, культуре и истории.

Книга «Сладостный дар, или История имен и прозваний» принесет большую пользу любознательным ученикам и их родителям, студентам-филологам, учителям, работающим в гуманитарных классах, классах с углубленным изучением английского языка, гимназиях, лицеях.

Наверное, по-своему каждая книга – открытие. В этом смысле эта книга – настоящий подарок, ибо тебя ожидает приятная, душевная и теплая встреча с человеком необыкновенным.

АЛЛА КТОРОВА (настоящие фамилия и имя – Виктория Ивановна Кочурова) – одна из самых известных писательниц Русского зарубежья, автор многих книг, которые пользуются огромной популярностью среди тех, кому довелось их читать.

Член Американского ономастического общества, Алла Кторова уделяет главное внимание новому, еще не изведенному в сравнительном русско-английском именоведении.

Круг научных проблем и творческих исследований Аллы Кторовой соприкасается с проблемами молодого сегодняшнего человека. Неважно, где живет этот человек – в России, на Западе или на Востоке. В наше время широких международных связей иностранные имена и названия составляют значительную часть словарного состава русского языка. Сегодня уже трудно представить себе работника науки или культуры, просто образованного человека, который не употреблял бы имен собственных или названий, заимствованных из других

языков. В этом смысле данная книга приобретает особое значение.

Содержание книги – это результаты собственных изысканий в научно-исследовательских разработках как отечественных, так и зарубежных документов, касающихся истории России и связанных с нею стран; это опыт жизни глазами старожил, дыхание мудрого свидетеля прошлого и настоящего; это связь времен и поколений, труд души и сердца человека незаурядной судьбы, подлинной интеллигентности и яркого писательского дарования.

Еще одна особенность. Научно-бытовые рассуждения автора исходят не из системы внешнего изучения интересующего его вопроса, а из живой наглядной ситуации: встретила человека с необычным именем, прочитала табличку с новым названием, прислали письмо, путешествие в тот или иной уголок Земли... Эти ситуационные моменты для Аллы Кторовой бесценны.

Бесценны они и для нас, читателей, ибо данную книгу, представляющую собой целостный предметно-тематический сборник статей, очерков, рассказов, я бы назвал своеобразной кторовской ономастической «мифологией», в которой само дыхание жизни, время, история ушедшая, настоящая и будущая.

Разыскания Аллы Кторовой отмечены публицистической заостренностью, живостью, эмоционально-личностным отношением к тому, о чем она пишет. Уникальность книги и в том, что она помогает расширить границы познаний, преодолеть узость и стереотип мышления, предостерегает тех, кто зачастую судит о национальности лишь по именам и фамилиям, кто, по выражению Достоевского, только на основании этого относит себя к категории людей «необыкновенных». По словам самой Аллы Кторовой, цель ее ономастических этюдов – не установление национальности по форме наследственных имен и фамилий российских граждан, а обстоятельства, при которых те или иные иностранные прозвания появились в России, изменились под влиянием родного языка и сегодня считаются чисто русскими.

Статьи, очерки Аллы Кторовой написаны и опубликованы в разные годы, поэтому кое-где встречается оправданное авторское повторение, ссылки на свою уже ранее известную информацию.

И последнее. Смело можно сказать, что эта бесценная книга поможет всем нам, живущим на этой Земле, сохранить, защитить, укрепить свое достоинство, веру и память – это главное.

Имя у тебя одно,
Навсегда оно
Дано.
Жизнь длинна,
И оттого
Ты
Побереги его.

Эту истину известного поэта и постарался напомнить автор этой книги. А, впрочем, пора и ему самому предоставить слово...

*Вячеслав Сеницын,
учитель русского языка и литературы, имеющий счастье
общаться и дружить с автором этой книги*

Сладостный
дар

«В книге «Сладостный дар» Алла Кторовая выступает впервые как исследователь, языковед, а не как беллетрист. Наиболее интересный ее раздел «Русские имена за рубежом». Это тема, которая малодоступна советским исследователям, и поэтому очерк Амы Кторовой восполняет заметный пробел в их трудах. Перед нами – имена наших американских соотечественников, предки которых были россиянами.»

**Иосиф Косинский. Смесь одежда и лиц.
«Новое Русское Слово». 1990.**

ТАЙНА ИМЕН И ПРОЗВИЩ

В Книге Книг всего человечества, Библии, говорится: «Вначале было СЛОВО».

В своем замечательном стихотворении о языке Иван Бунин пишет:

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
НАШ ДАР БЕССМЕРТНЫЙ – РЕЧЬ.*

Письмена, то есть тот же язык, но зафиксированный в написании тысячи и десятки тысяч лет назад на памятниках, пирамидах, каменных стелах и прочих сооружениях наших предков, открыли нам историю, географию, литературу и все науки мира, в том числе и замечательную науку **ОНОМАСТИКУ** – науку об именах. Вот пример.

В 1989 году археологи нашли во время римских раскопок усыпальницу девятилетней девочки, которая была погребена с самым дорогим, что у нее было, – любимой куклой. Это самая древняя кукла на нашей планете, ей 1800 лет. Надмогильная надпись говорит, что девочку звали *Криперейра-Трифена*, имя же куклы утонуло в веках.

Там же сказано, что девочка была обручена по обычаю того времени с мальчиком *Филетом*, которому было 10 лет. На пальце девочки было кольцо, а на нем выгравировано имя – «Филет» и написано, что жениху было 10 лет. К ономастике имена мальчика и девочки имеют самое непосредственное отношение не только потому, что имена детей знакомят нас с антропонимами Древнего Рима. Имя Трифена существует и в русском именнике и значит оно – «*тот, кто любит жить в роско-*

ши», а имя *Филет* – «*тот, кто любит друзей*». Имена маленьких жениха и невесты не русские, а латинские, и потому могут вызвать у тех россиян, кто мало знаком с историей родной именологии, вопрос: почему мы считаем антропонимы Трифена и Филет русскими, если они употреблялись у древних римлян? И те, кто не знает этого, получают ответ: многие имена в России, которые считаются русскими, на самом деле к славянскому языку не имеют никакого отношения, а пришли в нашу страну после принятия христианства из Римской империи и Византии, из Греции, Аравии, Сирии, древней Иудеи и прочих азиатских и других стран. Так что, фактически, российские имена – это иностранные имена, прижившиеся на русской почве и широко употребляемые в нашей стране.

Для меня язык как слово воплощается прежде всего в имени человека, в названии вещей, мест и так далее. Еще не освоив толком родную речь, будучи всего нескольких лет от роду, я, сидя под столом, перебирала своих «детей», а ими были обыкновенные пуговички, которые несли ко мне в комнату все обитатели нашей огромной коммуналки, чтобы я давала этим пуговичкам, своим «детям», имена. Детское имятворчество – одна из самых неразработанных тем в именологии мира, поэтому российские ученые сейчас очень просят меня попытаться вспомнить эти имена.

Но вспоминать не надо, они были со мною всю жизнь, и, что самое главное, как потом выяснилось, эти как будто выдуманые мною названия (Деа, Делина, Ата, Ателина, Сэди, Одана и Одан, Тарим и Тарима...) уже существовали у разных народов мира.

О том, что такое **ЯЗЫК, СЛОВО, ИМЯ**, писалось в прошлые времена, по-моему недостаточно, слишком мало. Ведь любая человеческая речь воспринимается многими так же, как биение сердца, как дыхание, как будто что-то данное нам свыше. Зачем же это изучать?

Когда-то, на ранних стадиях цивилизации, европейцы говорили, что для них китайцы, японцы и все прочие народы, живущие в Азии, – неразличимы и все на одно лицо. Возможно, так оно и было, но стоило иным народам познать **РЕЧЬ**,

ЯЗЫК и, главное, **ИМЕНА** чужеземцев, как история незнакомого народа принимала другой оттенок – все ранее чужое становилось близким, понятным и доступным окружающим. Есть и еще одна важная вещь, когда мы говорим о любом языке. Я имею в виду, что мы все еще, хотя и в меньшей степени, чем раньше (а это очень важное замечание), часто относимся к языку чужой страны несколько предосудительно, считая, что наш русский язык самый, по выражению Тургенева, «великий и могучий». Это, конечно, далеко не так – все языки нашего мира безо всякого исключения по-своему прекрасны и как бы являются ключом к тому, чтобы понять независимость и особенность мышления другого народа, его понимания мира и его отношения к событиям этого мира, а также ко всему прочему, составляющему основу любого общества.

В заключение же хочется сказать, что **ЯЗЫК, СЛОВО** – это не просто *бессмертный*, но и *неиссякаемый* дар, преподнесенный Всевышним человечеству.

Годами, десятилетиями, веками, *тысячелетиями* **ЯЗЫК** добавлял и добавит все больше и больше ценных, еще не открытых учеными сведений в своих письменах, то есть в отживших уже языках, а также в живой речи, материала для кладезя всех видов знаний, которые обогатят жизнь человечества.

С благодарностью и уважением к своему Читателю
Алла Кторова
г. Вашингтон, США, март 2001 г.

СЛАДОСТНЫЙ ДАР

Вы кому-то звоните. Там снимают трубку.
– Здравствуйте, Анна Ивановна! – радостно восклицаете вы.

– Здравствуйте! – откликается трубка.

Вы ждёте, что после приветствия последует ваше имя, но надежды ваши тщетны. Трубка молчит.

Теперь уже не только «молодые», но и те, кто в хороших годах, часто при встрече, после приветствия, не считают для себя обязательным назвать имя собеседника. Когда-то, в нормальном человеческом обществе, это считалось неприличным и относилось за счёт неуважения к личности.

Чтобы не вводить в комплекс тех, кто старинными понятиями о приличии грешит, замечу, что некоторые учёные-футурологи вообще предрекают исчезновение имён в будущем и замену их номерами. Однако **Александр Македонский**, по преданию, помнил **наизусть** имена всех воинов своего двадцатидвухтысячного войска, а в древнем Риме граждане, претендующие на избрание в высшие органы власти, полагали необходимым знать и помнить имена всех тех лиц, от которых как-то зависела их успешная будущая деятельность. Для этой цели каждый, жаждущий власти, нанимал особых слуг, которые шествовали впереди этих кандидатов в государственные деятели и громко выкликали имена приближающихся к ним сторонников. Члены этой услуги назывались номенклаторы («те, кто объявляет имена»), и именно отсюда возникло советское понятие «номенклатура».

Принцип старательного, по силе-возможности, запоминания имён всех, с кем сталкивает тебя на радость или горе судьба, не чужд и американским деятелям. Так, в 60-х годах, прожив уже несколько лет в Штатах, я стала добиваться от советских властей, чтобы те «дали добро» (тогда употребления этого слова в теперешнем смысле ещё не было) на гостевую визу в Америку моей матери, и после неоднократных отказов рассказала о

своих тщетных усилиях сенатору Хьюберту Хамфри, который потом, при Линдипе Джонсоне, стал вице-президентом США. Когда-то, в молодости, мой муж был с сенатором Хамфри то, что называется «на дружеской ноге», и дружба сохранилась; но, несмотря на такой невероятный «блат», я подошла к сенатору, как чужая, покрывшись по-русски платочком, и, тихо назвав своё имя и фамилию, с видом скромной просительницы изложила просьбу о содействии. Мы разговаривали не более пяти минут, Хамфри выслушал меня, ничего не записывая, но попросил прислать в его секретариат письменные данные всех участников дела Р.Е. Вороновой, матери В.И. Кочуровой-Шандор, которая, в свою очередь, является женой американского гражданина Джона Г. Шандора. Не успела я собрать и отправить все «бумаги», как мать неожиданно выпустили. Я позвонила в офис сенатора и, сердечно поблагодарив за участие, передала секретарше, что нужда в помощи г-на Хамфри отпала.

Но как же я была потрясена, когда, не менее чем полтора года спустя, я опять встретила этого сенатора, и он не только тут же вспомнил, кто я такая, но и без промедления назвал без единой ошибки все трудные русские фамилии и отчества участников нашего семейного дела! А для смеха добавлю, что даже сложнейшее для иностранца имя и отчество моей матери, Ревекка Евсеевна, Хамфри произнес абсолютно чистенько – не в пример моему мужу, который очень долго, при разных обстоятельствах, называл её *Рэбэка Исв́иня*, гордо демонстрируя, хотя и с помощью ложной этимологии, своё знакомство с названиями домашних животных славян.

Именоведение, или ономастика – это наука об именах и названиях. Роль и значение личных имён (как и почему их дают и чем руководствуются при этом) волновали человеческое общество ещё на заре цивилизации, и вряд ли кто-либо из читающих сейчас эту статью не обратил внимания в отрочестве на строки в «Илиаде» Гомера:

*Нет меж живущих людей,
да не может и быть безымянных.*

Из всех разделов ономастики самым интересным мне кажется антропонимика, то есть наука об именах людей. Вопрос «почему так названы» не давал мне покоя с детства, и все члены нашей огромной московской коммуналки с лучшим, возможным для той формы жизни сообществом разнонациональных, разновозрастных и разноидейных лиц приносили в нашу комнату пуговички, которые заменяли мне куколок. Эти куколочки-пуговички я не нянчила, не поила-кормила и уж, конечно, не шила им платица, ибо после того, как мною был сотворён первый в жизни стежок, мать немедленно учинила мне выволчку за то, что моя пятилетняя рука сделала этот исторический стежок не справа налево, как все женщины, а слева направо, по-мужски, так что, начиная с юной поры, о специальности швеи я не мечтаю, несмотря на то, что мой дед, мамин отец, был в Севастополе военным портным.

Нужда в куколках была у меня чисто профессиональной и росла в душе чуть не с двух лет из-за непреодолимого желания давать людям имена, так как

*В первый же миг по рождении
каждый, убогий и знатный,
Имя от близких своих
в сладостный дар получает.*

Очень жалею, что судил мне Господь родиться после «*кроволюцши*», как называл мой дед, потомственный московский извозчик, тот период российской судьбы, когда «*большевики на власть сели*», а не до «строительства нового мира», так как в ином случае и в другой век стала бы я прицерковной деятельницей. Не из-за глубочайшей религиозности и любви к церковным обрядам, а лишь для того только, чтобы присутствовать при самом завлекательном во храме действе – таинстве крещения. Присутствовать с целью предоставления родителям, а то и самому батюшке (казённому раввину тоже, пожалуйста) бесплатной консультации насчёт выбора имени младенцу. Что же касается антропонимов (антропоним – синоним слова «имя»), которыми я нарекала своих куколок-пуговичек, то многие

из них помню до сих пор, другие забыты (число пуговичек в разные времена доходило до пятидесяти), но сам процесс наименования одушевлённого или неодушевлённого существа чрезвычайно интересен. Дело в том, что разработка психологии имятворчества, особенно детского – тема в ономастике почти неисследованная и относится к разряду тех загадок, которые, по выражению учёных-ономастов, покрыты мраком неизвестности.

Если спросить любого американца, какое, по его предположению, женское имя сейчас чаще всего встречается у юных гражданок США, то, рассчитывая на лиц среднего интеллекта, можно почти гарантировать, что по крайней мере один из пяти назовёт имя *Джэнифер*.

Установить, насколько часто выбирается из числа многих то или иное имя для новорождённого, нетрудно: для этого существует статистика, которая ведётся во всех цивилизованных странах. Однако, к сожалению, вопрос как часто? – это только полдела. Гораздо сложнее, а иногда и просто невозможно ответить на вопрос почему так часто? То есть: почему одно, а не другое имя стало любимым и модным, и что именно этому способствовало. Мода на имя (так же, как мода на длину платьев, на бороды, усы, длинные волосы и т.д.), то есть вопрос о том, почему человеческое существо всех времён и народов в массе своей так страстно, так стадно стремится влиться в ряды как две капли воды похожих на него, лежит пока в темноте подсознательного. Но вот антропониму Дженифер как раз в этом смысле повезло: было установлено, что предпочтение этому имени, незвучному, с глухим некрасивым окончанием «фер», но стоящему уже семнадцать лет на первом месте среди самых популярных в США и Канаде, начало даваться новорожденным девочкам в тридцать пятом году по причине пока неизвестной, а вот бурный расцвет его начался в семидесятом, сразу же после появления кинофильма «История одной любви» (*Love Story*), по повести Эрика Сигала того же названия.

Повествование Сигала и фильма того же названия, совсем в духе Чарской или Желиховской, так поразили сердца деловых янки, явно изморожденных торопливой жизнью, и замученных

литературой, отражающей эту сверхнапряжённую жизнь и потакающей ей, что на сентиментально-слезливую картину валом валил и стар и млад. «Историей одной любви» равно наслаждались как преуспевающий бизнесмен и государственный деятель, так и заправщик на бензоколонке и уборщица, а имя героини фильма, молодой девушки Дженифер из скромной итальянской семьи, влюбившей в себя сына богатого человека и вышедшей за него замуж, а потом умершей от роковой болезни, – положило начало бешеному галопированию этого длинного и некрасивого имени по всем англоязычным странам.

Когда-то и у русских (имею в виду святцы) был эквивалент этого имени, – а именно, *скучное Ени́фа и Эни́фа*, но употреблялось оно чрезвычайно редко, да и то почти всегда среди монашек.

Любой антропоним теснейшим образом связан с жизнью страны. Отношения имени и общества зависят от многих причин. Возьмём русскую историю. Так, имя *Григорий*, до XVII века весьма популярное, стало сходить на нет в средней России после появления сначала *Гришки Отрепьева*, а спустя два века почти совсем исчезло из русских интеллигентных семей из-за выхода на российскую арену *Григория Распутина* (не рискую, не в пример Отрепьеву, назвать эту персону уничижительной формой «Гр-ка», так как верю в сверхъестественную психосвязь и боюсь привидений). Интересно, что после того, как православная церковь обелила Григория Распутина и даже хотела возвести его «во святые», отношение к имени «Григорий» изменилось, и в Санкт-Петербурге много мальчиков носят теперь, в начале XXI в. имя Григорий (Гришка!).

Стоит подумать над тем, почему Лермонтов наградил своего Печорина именем Григорий: уж не в пику ли обществу, которое имя это не жаловало? Прошу, однако, не путать традиции русских и, часто, еврейских семей, где имя Григорий часто служит эквивалентом еврейского Гершель.

Такая же история в русском обществе произошла и с именем *Петр*, которое, несмотря на великолепную фигуру величайшего работника на троне – Петра Великого, исчезло из обихода русской императорской фамилии после неудачного короткого цар-

ствования Петра II и злосчастливого Петра III. Таким образом, по терминологии ономастов, имена Григорий и Пётр были на какое-то время «загублены» в определённом обществе.

Мир людей сжимается всё теснее и теснее в единое целое, и есть даже предположения, что недалёк тот день, когда начнут стираться границы между государствами.

За последние сорок лет в современном обществе произошли разительные перемены. Изменилось не только мышление человека, его подход к проблемам бытия, смыслу существования, роли искусства в обществе, не говоря уже о всемирно равнотной моде на стиль жизни и все её реалии, как-то жилище, его убранство, одежду, причёски и так далее, – но кардинально преобразуется и традиционный взгляд на имена.

Если когда-то по имени и фамилии человека можно было почти безошибочно отнести того или иного члена общества к представителям определённого народа (Иван Петров – русский, Джон Браун – англичанин или американец, Ганс Шмидт – немец, Жорж Буайе – француз и т.д.), то теперь в передовых странах мира вам не удастся закрепить за человеком какую-либо определённую национальность, руководствуясь только именем и фамилией.

Жители земного шара и не только Европы, но и Азии, Китая и Японии, например, как показывают сами граждане этих стран, устали не только от старых традиций, но пресытились и своими собственными национальными именами и в поисках новых, привлекательных для них антропонимов, как бы отправляются в путешествия по всем странам мира в надежде влить в старые меха своего застоявшегося ономастикона молодое вино.

Реакционный подход к именам сохраняется ещё, к сожалению, там, где господствует полное непонимание будущего человечества. Желание не допускать в свой именослов инонациональные имена, чтобы не «загрязнять» его чужими антропонимами, обуславливается даже официальными мерами сурового запрета, как это было в 70-х годах в Аргентине, когда был издан закон о привлечении к суду всех, кто посмеет дать ребёнку иностранное имя, Поль или Павел, например, если в

стране есть своё национальное Пабло. Нечего и говорить, что эта попытка потерпела жесточайший крах, и правительству приходится теперь притворяться, что оно не замечает злых нарушений госдекрета.

Современный человек широкого кругозора не может не понять, что слав многонациональных имён в одной стране – это первый шаг к уничтожению шовинизма и установлению интернационализма и всеобщего содружества, что способствует искоренению высокомерия некоторых по отношению к другим, чьё имя звучит не так, как у окружающих его лиц. Взгляните на Соединённые Штаты, Европу, некоторые страны Азии, где, начиная уже примерно с 60-х годов XX века, вошёл в силу «явочным порядком» называемый автором этой книги **закон ономастического обмена**, когда отечественный именованослов этих государств начал заполняться, более чем успешно, антропонимами всех других стран и народов. В американских школах вы найдёте детей со всеми существующими на нашей планете именами, когда белую девочку за первой партой зовут *Кейла Мэри*, где *Кейла* – типичное имя на языке одного из народов *Чёрной Африки*, а *Мэри* – незыблемо английское; *мальчик-негр* записан при рождении как *Исайя Франческо*, где *Исайя* (в английском произношении *Айзэя*) – имя древнеиудейского, библейского пророка, а *Франческо* – имя итальянское; *девочка-китаянка* откликается на имя *Таня*, *вьетнамка* – на *Лилика Везека* (первое имя греческое, второе шведское); а *брат и сестра* близнецы, потомки англичан-аристократов, предки которых прибыли в Новый Свет на знаменитом корабле «*Мэйфлауэр*» (*Mayflower*), что значит «ландыш», и arrogantно утверждавших ещё совсем недавно, что именно они – сливки американского общества, определяющиеся аббревиатурой УОСП (WASP, что расшифровывается как «белый, англосакс, протестант»), – отмечаются в классном журнале как *Рашид Роберт* и *Лейла Элизабет Кёлппер* (*Рашид* и *Лейла* – одни из самых распространённых арабских имён). Среди антропонимов всех народов мира, интегрированных в американское общество сегодняшнего дня, немалое место занимают и *русские имена*.

РУССКИЕ ИМЕНА ЗА РУБЕЖОМ*

С о времён Второй мировой войны и по сей день во всех европейских странах, в США, в странах Латинской Америки, в Австралии наблюдается необыкновенная тяга к русским именам. Существует предположение, что мода эта началась сразу же после Второй мировой войны в Германии, на территории которой некоторое время находились советские войска, и офицерский состав мог жить со своими семьями. Именно в то время, начиная с 1945 года, в СССР началось увлечение именами Наталья и Татьяна. Количество маленьких девочек с именами *Наташа* и *Таня* росло в СССР с необычайной быстротой, в то время как матери и бабушки этих девочек именовались *Екатерина*, *Анна*, *Надежда*, *Александра*, *София*, *Ольга* и соответствующими деминутивами Катя, Аня, Нюра, Надя, Саша, Соня, Оля. Все эти женские сокращённые имена начали перениматься немецким населением от русских, живших после войны на территории ГДР, и входить в ономастикон этой страны, а потом перешли за её границы и пошли «путешествовать» по Европе, появившись со временем во всех точках земного шара, включая Африку. Для сравнения можно заметить, что влечение к русским, в какой-то мере «экзотическим» именам в западных странах сегодня не менее сильно, чем тяга к иностранным именам типа *Эдуард*, *Рудольф*, *Жанна*, *Ивесса* и т. д., которая наблюдалась в СССР в 20–30-ые годы.

Однако, по-видимому, указанный путь проникновения русских имён на Запад был не единственным. Америка стала вплотную знакомиться с русскими именами ещё в начале XX века. Знаменитый *скрипач*, выходец из России *Иосиф Робертович Хейфец*, с детства был известен на родине, а потом и во всём мире, как *Яша Хейфец*. Другой скрипач, тоже уроженец России, *Михайл Эльман*, всю творческую жизнь именовался *Миша*

* Начиная с 1987 г., женские антропонимы Александра и Александрия стали входить в авангард модного именника в Америке.

Эльман. Русскими уменьшительными именами пользовались родившиеся в России пианист *Саша Городницкий*, пианистка *Витя Вронская*, скрипач *Яша Зайде*, преподавательница музыки *Надя Буланже*, актриса *Лиля Кедрова* и другие выдающиеся деятели русской культуры, творившие на Западе, в частности, в США.

Если в России до революции артисты цирка, а иногда и оперного театра брали себе в качестве сценического иностранное имя, то за границей была обратная картина: представительницы балетного искусства – англичанки, американки, француженки и другие считали за честь носить русские театральные имена. Среди них: *Алисия Маркова (Lilian Alicia Marks)*, *Надя Нерина (Nadin Judd)*, *Вера Зорина (Eva Brigitta Hartway)*, *Людмила Черина (Monique Tchetersine)* и др.

Массовая эмиграция из России в США, начавшаяся в конце XIX в., в ономастическом отношении дала следующую картину: родители-эмигранты продолжали называть своих появившихся на новой земле детей русскими именами, но имена эти неизбежно американизировались. Так *Миша* становился *Майклом* или *Майком*, *Петр* – *Питером*, *Мария* – *Мэри* и т.д. Бывали случаи и полной переделки имени или замены его. Так, русский по имени *Владимир*, за неимением точного эквивалента в английском именнике, начинал носить имя *Уолтер* или *Уильям*, а *Борис* становился *Робертом* по совпадению одного из русских деминутивов имени *Борис* – *Боб*, употребляемого в среде интеллигенции, с той же формой уменьшительного *Боб* от англосаксонского *Роберт*. *Прасковьи* превращались в *Патти*, *Федосьи* в *Фанни* и т.д. Однако, говоря о начале XX века, следует отметить, что в те времена имёнслов США почти не допускал в свой состав ни русских, ни каких-либо других инородных имён, а сами иммигранты всех национальностей старались поскорее американизироваться, чтобы не выделяться из основного состава населения. В связи с этим они в первую очередь меняли своё национальное имя на англосаксонское, чтобы хотя бы своей основной «визитной карточкой» походить на аборигенов Соединённых Штатов.

Правда, в начале 20-х годов среди американской интеллигенции как белой, так и негритянской наблюдался небольшой всплеск моды на имена, образованные от фамилий русских большевиков и коммунистов других стран, но это были лишь единичные случаи, хотя до сих пор можно встретить пожилых американцев, уроженцев США, с официальными именами *Ленин* (Lenin), *Троцкий* (Trotsky), *Радек* (Radec), а в Западной Германии и сейчас живет нестарый ещё режиссёр, мужчина по имени *Роза фон Праунхайм* (Posa von Praunheim), названный так в память немецкой коммунистки Розы Люксембург. Западные ономасты утверждают, что во время Второй мировой войны в США промелькнуло несколько раз мужское имя *Петя*, данное коренным американцам. Однако всё это были лишь очень редкие, единичные случаи, и процесс вживления русских имён в иноязычную среду жителей Нового Света не ускорился даже тогда, когда в Соединённые Штаты начала бурно проникать и становиться предметом внимания и восхищения русская литература.

Обновление инвентаря личных имён в Соединённых Штатах происходит в гораздо большей степени, чем в каких-либо других странах по причине постоянной эмиграции разных национальностей, поставляющих в Новый Свет не только свои обычаи, нравы, традиции и характерные черты образа жизни, но также и свои имена.

В конце прошлого и начале нынешнего веков национальные фамилии и имена представителей разных народов, эмигрирующих в США, подвергались американизации в эмиграционном управлении, лишь только новые эмигранты сходили на берег. Так, *Миха́йл* и *А́нна Степа́новы* из России записывались как *Ма́йкл* и *Э́нн Стёп*, *Саму́йл* и *Рахи́ль Матко́вские*, супруги еврейского происхождения с Украины, начинали официально именоваться *Сэм* и *Рэ́чел Мэ́т*, словены *Бо́жидар* и *Ма́рия Пиплак* стали *Биллом* и *Мэри Пáйн* и т.д. Процедура американизации национального имени не была ни насильственной, ни обязательной, но практически это было очень удобно в данной стране, и в дальнейшем новые эмигранты продолжали называться своими американизированными именами и фамилия-

ми. Однако, если их дети ещё хорошо знали историю жизни своих родителей, а внуки интересовались этим, то правнуки зачастую проявляли полное равнодушие ко всему, что касалось их родословной, и только за последние 20 лет, когда в Америке вспыхнула тяга к изучению своих этнических корней, состав личных имён в США обновился и стал гораздо разнообразнее, чем был ещё 50 лет назад.

В настоящее время наблюдается, правда, в слабой степени, несколько обратная картина. У потомков тех далёких россиян, которые стремились в первую очередь хоть как-то, хотя бы через американизацию своего имени, поскорее приобщиться к общественной жизни новой страны, наблюдается тенденция к возрождению своих национальных имён в их настоящем русском произношении и написании. Так, американка *Кэтрин* (Katherine), начинает произносить и писать своё имя как *Екатерина* (Ekaterina), *Элизабет* представляется всем как *Елизавета* и имя своё транслитерирует соответственно как *Elisavetta*, *Пётр* начинает называть себя *Петр* и пишет своё имя как *Piotr*, *Мэри* изменяет своё имя на *Марья*, в правописании *Marya*, а дочь свою называет не *Хелен*, а *Елена* (Elena). Удержится ли эта тенденция и расширится ли она, пока неизвестно.

У русских по происхождению, попавших в Соединённые Штаты в разные периоды, детям, родившимся уже на новой земле, дают по американскому принципу два имени: одно, имеющее точный эквивалент и звучащее «похоже» на родное русское, и второе американское, хотя и не обязательно английское, но модное в Америке в момент рождения ребёнка. Среди мужских имён в русских семьях, попавших в США в 40–60-ые годы, первое место занимают *Эндрью* (Андрей), *Пётр* (Пётр) и *Майкл* (Михаил). Имена *Николаас* (Николай) и *Алекс* (Александр и Алексей) следуют за первыми тремя. Владимир и Василий у мальчиков, рождённых в Америке, встречаются крайне редко по причинам, указанным выше. Таким образом, у молодых американцев русского происхождения можно очень часто встретить такие сочетания, как *Андрей Дональд* (Andrew Donald), *Майкл Стівен* (Michael Steven), *Пётр Джеймс* (Peter

James), *Никола́с Чарльз* (Nicholas Charles) и др. Среди женских особой любовью у русских пользуются имена *Ната́ша*, *Ма́ша*, *А́нна*, *Еле́на*, *Ка́тя*, *Ма́рина*, которые дают как в полной, так и в сокращённой форме. И часто среди молодых американок (после 30 лет и старше), родившихся в семьях с русскими корнями, имеются *Ка́тя Мелі́сса* (Katya Melissa), *Ма́рина Дже́ссика* (Marina Jessica), *Еле́на Дже́нифер* (Elena Jennifer) и т.д. Интересно отметить, что именами *Та́ня*, *То́ня*, *Тама́ра*, *Ни́на*, *Ла́ра* и др. без второго, иностранного имени сейчас американских девочек в русских семьях называют довольно редко.

У прибывших из России в Америку в 60–70-ые годы наблюдается та же картина, которая характерна для эмигрантов всех национальностей в начале процесса их приспособления к жизни в чужой стране. Прежде всего они меняют своё русское имя на американское: *Са́ша* на *А́лекс*, *Дми́трий* на *Дэ́вид*, *Ка́тя* на *Ке́йти* или *Кэ́трин* и т.д. Дети же этих «третьих» эмигрантов, рождённые в Соединённых Штатах, начинают называться теми же «красивыми» иностранными именами, которые были в большом ходу в СССР в 30-ые гг. Главным образом это женские имена, такие, как *Ма́рионе́лла*, *Клементі́на*, *Да́лия*, *Аделі́на*, *Джорджи́ана*, *Генриэ́тта* и т.д. Родителям кажется, что приобщиться к новой жизни будет проще, если у человека не иноземное, а западное, такое же, как у всех коренных жителей США, имя. Родители эти, думается, впадают в глубокую ономастическую ошибку, не зная, что все вышеперечисленные женские имена сейчас у коренного американского населения относятся к категории давно забытых и старомодных, и женщинам с именами *Клементі́на* или *Джорджи́ана* теперь по крайней мере за 80 лет, в то время как в моду вошли короткие двух- и трёхсложные имена. За последние несколько лет в США стали распространяться в качестве официальных паспортных – русские женские уменьшительные *Ма́ня* (*Manja*) и *Лю́ба* (*Lubba* или *Ljuba*). Первое, вероятно, заимствовано у женских представительниц потомков эмигрировавших из России евреев, употребляющих эту сокращённую форму в качестве полного имени. Имя *Лю́ба* (*Lubba*) обязано своим появлением такому же факту. Кроме того, в США сейчас нередко можно встретить

женщину с таким именем, являющуюся уроженкой Сирии и исповедующую православие.

Русские имена за последние десять лет стали пользоваться огромной популярностью в *Швейцарии*. Девочкам всё чаще даются русские деминутивы: *Таня*, *Натáша*, *Сóня*, *Сáша* и полное имя *Ларíса*. Мальчики зовутся русскими уменьшительными *Мíша* и *Сáша*. В Цюрихе на первом месте среди русских женских стоит *Таня*.

Русские имена в настоящее время даются и в странах *Латинской Америки*. Больше всего встречаются они на Кубе, и причина их широкого использования там понятна. Мода на русские имена проникла и в *Венесуэлу*, где особой любовью пользуются женские сокращённые: *Таня*, *Тамáра*, *Натáша*, *Сáша* и *Ларíса*. Есть в Венесуэле и интересное явление – употребление русского ласкательного *Нíночка* (в произношении, увы, *Нинóшка* – с ударением на «о») в качестве полного имени. Попало это имя в Венесуэлу вместе с американской кинолентой «*Нинóчка*» 30-х гг., где героиней была русская женщина с таким именем.

В *Бразилии* русские деминутивы умеренно популярны. Самые употребительные из них на сегодняшний день, *Таня*, *Тамáра*, *Сóня*, *Кáтя*, *Нáдя*. Однако самым женственным и нежным считается у бразильянок русское женское имя... Ваня. Вероятно «женское» имя Ваня попало в Бразилию через американский справочник-пособие для молодых родителей с указанием разнонациональных имён*.

Как в Венесуэле, так и в Бразилии, а возможно, и в других странах Латинской Америки, особенно часто встречаются мужские русские имена, из которых наиболее популярны *Бóрис* и *Сáша*. Среди латиноамериканцев, носящих эти имена: *Бóрис де Грифф* (Boris de Griff) – уроженец Колумбии, участник Международного чемпионата по шахматам 1957 г., и *Бóрис Литс Кастильо* (Boris Leets Castillo) – политический деятель, уроженец Гондураса.

Говоря о мужских русских именах в различных странах мира, необходимо отметить, что им меньше повезло в смысле

* 3000 names for girls. N.Y., 1964.

распространения, чем женским. За исключением деминутива Саша (*Sasha, Sacha*), который встречается довольно часто у молодых людей не только в США, но и во многих странах Европы, нередко случаи употребления в Америке имени *Дмитрий (Dmitry)*. За последние годы нередко стало встречаться в США мужское имя *Андрей (Andrei)*, звучащее почти по-русски. Вообще имя Эндрью (Андрей) приобрело за послевоенные годы (50–80-ые годы) огромное распространение и, кроме англосаксонской формы, в США стали заимствоваться формы, принятые в других языках. Самые известные из них фр. *Андрэ* и греч. *Андрéас*. Теперь к ним присоединилась и русская форма *Андрей*.

Имя *Борис*, кроме Латинской Америки, часто встречается в ФРГ, например, *Борис Беккер (Boris Becker)*, победивший в 1985 г. на соревнованиях по теннису в Уимблдоне, Великобритания. В имени *Броис* за границей ударение переместилось на первый слог, – *Bóris*

Имя *Саша (Sasha)* заслуживает пристального внимания. Дело в том, что традиционный англоязычный деминутив для мужского полного имени *Александр (Alexander)* и женского имени *Александра (Alexandra)* всегда было *Алекс (Alex)*. В Великобритании имена Александр, Александра и их сокращённая форма Алекс встречаются гораздо чаще, чем в США*. За последнее десятилетие с именем Александр(а) происходит удивительное ономастическое явление: мальчиков и девочек с этим именем начинают сокращённо называть не *Алекс*, а *Саша*. Этот удивительный феномен встречается не только в Англии, но и в Америке. В столице США Вашингтоне есть «Дом *Сашу Брюса*» (*Sasha Bruce House*). *Саша Брюс* – основательница этого дома, прибежища для подростков из неблагополучных семей (недавно она умерла совсем молодой). Полное её имя было *Александра*. Есть и другие примеры. Так сына премьер-министра Канады Пьера Трюдо зовут *Саша*. Имя Саша известно в Европе

* Эта статья была опубликована в сокращённом виде в сборнике «Ономастика. Типология. Стратиграфия». АН СССР, М., «Наука», 1988.

уже давно. У широко известного в начале XX века французского артиста Люсьёна Гитри́ был сын *Саша́*, тоже артист.

Кроме сокращённого Саша от Александр и Александра, автору статьи встретилась 12-летняя американка по имени *Ната́ша*, полное имя которой Ната́лья (Nathalia), молодая женщина-негритянка, которую звали *Та́ша*, уменьшительным от того же Nathalia, и совсем недавно – немолодая уже англичанка – писательница и актриса *Викто́рия Са́квилл-Уэст* (Victoria Sackville-West), которую сокращённо зовут не обычным американским деминутивом *Вики* (Vicky), а по-русски – *Вита* (Vita), что по латыни значит «жизнь».

Возможно, мы стоим перед зарождением новой моды или интересного ономастического явления, когда к полному англосаксонскому имени уменьшительным выбирается русская форма. Можно предположить, например, что росту моды на имя *Таня* в Австралии после 60-х годов послужило то, что в те времена «Мисс Юниверс», т. е. «Королевой Вселенной», была избрана *Таня Верстак*, австралийка украинского происхождения. В той же Австралии количество девочек по имени Тамара было в 80-х годах весьма высоко, вероятно, потому, что жену нынешнего премьер-министра Австралии, у которой бабушка была русской, зовут Тамара. Моду на имя Наташа можно было бы объяснить огромным успехом американской экранизации романа Толстого «Война и мир», но это будет выглядеть некоторой натяжкой, так как популярность имени Наташа стала расти в Европе задолго до появления кинофильма и почти в то же самое время, когда это имя начало выходить на одно из первых мест в СССР. Получающее распространение русское женское имя *Кира* вне всякого сомнения связано с любимой малышами детской телевизионной программой *Муппит Шоу* (Muppet Show) с участием марионеток-зверюшек, одну из которых зовут Кира. Популярность имени *Кира* (*Kyra*) растёт. Именем *Кира* зовут молодую американку, ведущую программу «Новости».

В настоящее время одни из самых популярных иностранных имён в Америке – русские. Предполагаемую их частотность и рост за последние годы вычислить трудно из-за отсутствия точных официальных данных, но на первом месте, как и в

предыдущие годы, стоит деминутив *Таня* (с двойным написанием *Tania* и *Tanya*), полное имя *Тамара* (*Tamara*), деминутивы *Натáша* (*Natasha*), *Тáша* (*Tasha*), *Тоня* (с двойным написанием *Tonia* и *Tonya*) и *Кáтя* (с двойным написанием *Katia* и *Katya*). За ними следуют деминутивы и полные имена *Лáра* (*Lara*), *Ларíса* (*Larissa*), *Нíна* (*Nina*), *Сáша* (с двойным написанием *Sasha* и *Sacha*), *Сóня* (с двойным написанием *Sonia* и *Sonya*), *О́льга* (*Olga*), *Улья́на* (*Ulyana*), *Кúра* (*Kura*), *Ве́ра* (*Vera*), *На́дя* (с двойным написанием *Nadia* и *Nadya*) и *А́ня* (*Ania*, *Anya*, *Annia*).

Все приведённые имена встречаются как у белых, так и у чёрных жителей Соединённых Штатов, но их количественное распределение у разных групп населения постоянно меняется. Так, сейчас имена *Таня* и *Тамара* очень часто встречаются в южных штатах США в негритянских кругах, а имя *Натáша* пользуется особой любовью в северных штатах Америки у белого населения. Имя *Таня* присутствует на Юге и на Севере Соединённых Штатов приблизительно в равных количествах как у белого, так и у чёрного населения.

Итак, *Таня* – самое известное и популярное сейчас русское женское имя не только в Америке, но и во всех англоязычных странах. Оно равно любимо как в США, так и в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, а также почти во всех европейских странах, особенно в ФРГ, Италии и во всей Скандинавии. Кроме того, как указывалось выше, русские имена вообще, а в частности имя *Таня*, очень часто употребляются в странах Латинской Америки, Бразилии и Венесуэле. Впервые имя *Таня* с вариантным написанием *Tania* и *Tanya* появилось в американском пособии по рекомендации выбора имени новорожденным девочкам в начале 60-х годов. Популярность имени *Таня* росла поразительными темпами. Так, до 1975 г. имя это только набирало свою силу, но в 1975 г. оно совершенно неожиданно вышло на 36-ое место в США, на 22-ое в Австралии и на 3-е в Канаде. В английском языке имя *Таня* в обоих вариантах написания звучит одинаково и произносится как *Танья* и *Тэнья*. Из американок, носящих это имя, можно упомянуть известную исполнительницу песен в стиле «кантри» по имени *Таня Таккер* (*Tanya Tucker*).

Тамара – второе по распространённости русское женское имя, ставшее необычайно популярным во многих странах мира. Оно встречается очень часто на Юге США у чёрного населения. В 1978 г. автору этой статьи довелось встретить в городе Лейк Чарльз, штат Луизиана среди девочек шести-, восьмилетнего возраста из группы в 23 человека сразу четыре *Тамары* (три девочки чёрные и одна белая). Интересно, что ещё в 1850 г. в Великобритании, в церковных книгах, регистрирующих рождения и смерти, были записаны две *Тамары*; но потом это имя исчезло, а теперь вновь появилось в Великобритании, хотя и встречается у дочерей Альбиона гораздо реже, чем у американцев. «Вспышка» популярности имени Тамара стоит того, чтобы об этом рассказать подробнее.

Ещё сравнительно недавно, в 1964 г., в американском пособии по рекомендации разных имён новорождённым, авторы писали следующее: «Имя Тамара настолько необычно, что родители вряд ли захотят так назвать свою дочь». Однако прогнозисты ошиблись, а непонятно почему возникшая мода на это имя победила, ибо теперь имя Тамара ведёт активное наступление на имя Таня и спешит, по всей вероятности, занять первое место в англосаксонском ономастиконе. Так, в Канаде, где оно особенно любимо, имя *Тамара* в 1957 г. стояло на 29-м месте в числе наиболее любимых из первых 50 имён. Американские ономасты часто высказывают мнение, что имя *Тамара*, так же как и *Таня*, становится необычайно любимым во всём мире. В США примерно до 70-х годов были особенно популярны его формы *Тэмми* (Тамму), *Тара* (Тага), последняя созвучна ирландскому имени, и *Тэмра* (Тамга), пожалуй, самая распространённая и любимая. Произносятся имена Тэмми, Тара и Тэмра с ударением на первом слоге. Полное имя Тамара также иногда имеет ударение не на втором, как по-русски, а на первом слоге. Из известных американских Тамар назовём олимпийскую лыжницу *Тамару Маккинзи* (1983 г.).

Наташа (Natasha) – третье по распространённости русское женское имя, особенно полюбившееся иностранцам. Это имя произносится по-английски с мягким, как бы двойным «ш», но для человека русского происхождения не представляет ника-

кой трудности его мгновенно распознать. В 1975 г. в Канаде и Великобритании деминутив *Наташа* был в числе первых 50 любимых женских имён, занимая в Канаде 32-ое и в Великобритании 40-ое место. *Наташей* зовут дочь известной актрисы Ванессы Редгрейв. В Соединённых Штатах имя *Наташа* пока что не вошло в число первых пятидесяти.

Уменьшительное имя *Лара* вошло в моду в Америке в начале 60-х годов после появления романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и американского фильма того же названия. В английском произношении есть тенденция произносить первую гласную имени как э, по правилам чтения английского языка, и оно звучит как Лэра. Деминутив *Лара* в настоящее время никак не равен по популярности именам Таня, Тамара и Наташа, но мода на него растёт, и есть тенденция произносить его Лара, а не Лэра. Соответствующее полное имя Лариса встретилось автору статьи только один раз, в Сан-Франциско. Так звали женщину средних лет, коренную американку китайского происхождения. О том, что она носит русское имя, женщина не имела никакого представления.

Русское сокращённое имя *Тоня* (пишется вариантно *Тоня* и *Тонуа*), как и деминутив Таня, встречалось до середины 70-х годов относительно редко, но потом частотность его стала расти. Своим появлением на антропонимической сцене оно обязано второй героине «Доктора Живаго». В английском произношении имя *Тоня* звучит как *Тонья* или *Тониа*. В Америке существуют две версии толкования происхождения этого деминутива. Одни считают, что *Тоня* — это сокращение от английского Антония (*Antonia*), другие утверждают, что *Тоня* — русское имя. В Австралии в 1960 г. имя Тоня занимало 22-ое место среди первых 50 любимых женских имён.

За последние десять-двенадцать лет в Соединённых Штатах у девочек стало попадаться имя *Улана* и в вариантном произношении *Улёна* (*Ulyana*). Это не что иное, как русское имя Ульяна, которое тоже начало завоёвывать своё место в Новом Свете. Используется имя *Улана* (*Улёна*) как у белого, так и у чёрного населения, но даже приблизительная статистика его ещё не ясна.

Во время Второй мировой войны двум девочкам в Англии дали имя *Зоя* (Zoe) в честь *Зои Космодемьянской*. Редко, но можно найти у американок и просто экзотические имена. Так, в конце 60-х годов в г. Миннеаполис, штат Миннесота, по телевизионной программе выступала американка средних лет, имя которой ведущий произносил как *Груси́нка*, с ударением на «и». В титрах, сопровождающих текст, имя это писалось как Grooshenka. Оказалось, что это... *Грушенька*, имя, данное этой американской даме её отцом по любимой им героине романа Достоевского «Братья Карамазовы». А сейчас все знают молодую голливудскую актрису *Настасью Кински* (Nastassia Kinski). Настасья Кински – немка, родившаяся в Польше. Возможно, и она названа так в честь героини Достоевского – Настасьи Филипповны, из романа «Идиот».

Говоря о широко употребляемых теперь за рубежом русских женских именах, таких, как Катя, Соня, Вера, Нина (последнее начало входит в моду в семьях чёрного населения за последние годы), необходимо отметить, что имя Катя, по всей вероятности, стало популярным у англоязычного населения потому, что многие принимают эту форму за модификацию своего национального имени Кейти (Kathy). Имя Вера считается зарубежными ономастами англосаксонским, образованным от нарицательного *virtue* «добродетель». Оно было распространено в Великобритании в 20-ые годы.

Если для русского человека в сочетании *Ива́н Ива́нович Ива́нов* совершенно ясно, где имя личное, где отчество и где фамилия, то, для говорящего на английском, то же сочетание (если иметь в виду только грамматическую форму) совершенно непонятно. Поэтому убедить американца или англичанина в том, что *Ива́нов* или *Ива́нович* – имя, а *Ива́н* – фамилия, не составляет труда. Известно, что и английской ономастике не чужды такие сочетания, как *Джон Джон Джон*, где первое Джон – первое имя личное, второе Джон – второе имя личное, а третье Джон – фамилия. В английском ономастиконе вообще уменьшительных гораздо меньше, чем в русском, и употребляются они реже. Так, трудно себе представить, чтобы русского младенца в возрасте от грудного до двух-пяти лет родители

и окружающие звали полным именем *Алекса́ндр, Елиза́вета, Евге́ний, Екате́рина* и т.д., но в среде англосаксов, в Англии особенно, маленькие дети всё ещё традиционно нередко откликаются на свои полные имена. Новый Свет внёс значительные коррективы в этот британский обычай, и американцы всё чаще и чаще называют друг друга сокращёнными именами.

Между тем, наш век ускоренных темпов коснулся и ономастики, и если ещё 50 лет назад дать ребёнку в Соединённых Штатах деминутив в качестве официального полного имени было делом неслыханным, то за последнюю четверть века в Америке, так же как и в СССР, начала расти мода на уменьшительное имя в качестве полного, и родители всё чаще записывают своих детей в метрике такими именами, как *Боб* или *Бобби* – сокращённые формы от *Роберт, Джонни* от полного *Джон, Майк* или *Майки* от полной формы *Майкл* и т. д. Яркий тому пример – *Джимми Картер* – тридцать девятый президент Соединённых Штатов. Полное имя Картера – *Джеймс Эрл*, но, вероятно, под влиянием ширящейся моды, и, частично, как было уже сказано, по американскому (но не британскому) обычаю, он утвердил за собой не полное имя, а деминутив, что, в понимании американцев, в большой степени упрощает отношения с людьми и избавляет от сухой официальности. То же происходит и с именем бывшего президента Клинтона. Полное имя его – *Вильям (William)*, но все называют его сокращенно – *Билл*.

Что касается русских уменьшительных и их восприятия англоязычным миром Америки, то тут дело обстоит сложнее. Известно, что при встрече с сокращёнными именами в переводе художественных произведений с русского на английский, переводчики сталкиваются с огромными трудностями. Так, если имя *Владимир* и его деминутив *Володя* ещё как-то укладываются в сознание иностранного читателя и не отягощают его внимание трудностью запоминания нескольких форм одного и того же имени, поскольку в подстрочнике объясняется, что *Володя* – это уменьшительное от *Владимир*, то, когда в тексте появляются квалитативы от уменьшительного типа *Волдька, Волденька, Волдичка*, переводчик обычно не вводит этот ряд

имён в текст на английском языке, опасаясь излишней громоздкости и отвлечения внимания читателя непривычными для его ономастического «сознания» разнообразными деминутивами и оставляет только одну сокращённую форму *Волóдя* от имени *Владимир*. В таких случаях, однако, специалист в области литературы, в совершенстве владеющий обоими языками, замечает определённую утерю эмоциональной окраски имён.

У коренных американцев издавна существует обычай сохранения родового имени у потомков каждой отдельной семьи в той форме, в какой оно когда-то существовало у предков, но без учёта ономастического значения в трёхчленном сочетании, и такие имена и фамилии англосаксов, как *Кейсон Гринвелл Смит*, где *Кейсон* – первое имя личное по фамилии одной бабушки, *Гринвелл* – второе имя личное по фамилии другой бабушки и *Смит* – своя фамилия, – нередкое явление. Американские семьи отдалённого русского происхождения заимствовали это построение ономастической модели у англосаксов, но заимствовали сугубо формально, без учёта особенностей морфологического строения антропонимической трёхсоставной русской формы имени–отчества–фамилии. Поэтому с утерей знания русского языка становится невозможным понять отличие имени от фамилии или разницу между мужским и женским именем. Люди совершенно теряются при столкновении с отчеством. Вследствие этого происходят различные ономастические курьёзы. Так, в Бонне, ФРГ, на Боннгассе, в доме, где родился Бетховен, висит портрет русского вельможи с надписью *Кири́ллович Разумовский*, где Кири́ллович, с точки зрения иностранца, вероятно, выступает как имя личное. Если портрет этот висит до сих пор с той же надписью, то трудно полностью утверждать, что времена, когда во Франции в 20-ые годы XX столетия в каком-то театральном действии участвовали три персонажа с «типичными русскими мужскими именами» *Аннушка*, *Петрушка* и *Бабушка*, а основателями русской оперы, по мнению какого-то немца, были *Аско́льд* и *Могильда* и *Руслан* и *Людми́льда*, – давно прошли.

У одного американца по имени *Чарльз Хенри* и по фамилии *Мороз* далёкие предки – выходцы из России. В семье Мороз русская традиция на протяжении 85 лет свято сохраняется в именах членов семьи, хотя значение нарицательного имени «мороз» давно забыто. Внука старого Чарльза зовут *Мороз Дональд Мороз* (Moroz Donald Moroz), где первое Мороз – первое отфамильное имя личное, а третье – фамилия. В школе соученики называют мальчика *Мор* (*Mor*), дома называют его *Мор* или *Мороз*, но учительница русского языка в школе называет его *Морик* (*Morik*), предварительно объяснив мальчику и его родителям существование многорядности русских деминутивов.

В горах Колорадо, вероятно, и по сей день живёт лечивший автора этой статьи доктор *Заяц*. Полное имя и фамилия доктора – *Джим Заяц Заяц* (*Jim Zaiyats Zaiyats*), бабушка и дед которого с Украины. У другого гражданина США, по предкам российского происхождения в четвёртом поколении, имя и фамилия которого *Эдвард Джордж Фиалкин* (*Edward George Fialkin*), дочь зовут *Дебра Фиалкин Фиалкин* (*Debra Fialkin Fialkin*).

Маленькой девочке из семьи, где родители мужа были с российскими корнями, недавно дали имя *Айрин Кузьмич* (*Irene Kuzmich*). Второе, патронимное имя личное, дано в память отчества деда Айрин, Николая Кузьмича, жившего в России в конце прошлого века. Полное имя с фамилией у этой маленькой девочки звучит как *Айрин Кузьмич Томлинсон*.

Пи Джордж Теситор (*P. George Tessitor*) – так зовут одного из жителей штата Нью-Йорк. Инициал Пи, что часто практикуется американцами, заменяет полную форму его первого имени личного *Полэно*, от русского нарицательного «полено» и дано ему по фамилии его украинского деда по матери. Знакомые называют его *Пол* или *Полэно* (*Poleno*), часто принимая это имя за итальянское.

Ниже следуют другие забавные антропонимические сочетания русских имени, отчества, фамилии в американских семьях отдалённого русского происхождения:

Голубчик Эдвард Конь (*Golobchik Edward Kon*) – мужчина.

Юзеф Лорелея Рис (*Yusef Lorelea Riss*) – женщина.

Нюрка Сόδун (Niurka Sodupe) – имя и фамилия молодой девушки.

Наташа Пенелопэ Квас (Natasha Penelope Kvas) – молодая женщина.

Цецилия Мэня Кошмар (Cecilia Manya Koshmar) – очень пожилая женщина с прауродителями из той части Польши, которая когда-то была русской территорией.

Доця Кімберли (следует фамилия) (Dotsya Kimberly) – здесь в качестве первого имени собственного выступает диалектная форма бывшего звательного падежа от нарицательного дочь (дóча, дóця). На данном примере можно проследить интересную параллель. В родословной книге одной семьи англосаксонского происхождения отмечается имя *Дочь* (Daughter) – XVIII век, штат Канзас. Внучку этой особы звали *Америка*. Женское имя *Америка* (America) и сейчас нередко встречается в районе Аппалачских гор.

Аньюта Отелло Здуренсик (Aniuta Othello Zduresic). Первое имя Анюта – по русской прабабке. Второе имя Отелло – очень понравилось матери по «романтическому» звучанию, но кого звали именем Отелло – она не знала. Здуренсик – девичья фамилия по отцу-поляку.

В числе имён-курёзов можно назвать женское имя *Одесса* (Odessa), вошедшее в моду после появления телефильма «Дело О.Д.Е.С.С.А.» о событиях Второй мировой войны. Оно часто встречается среди негритянского населения Америки у девочек дошкольного возраста, родившихся в конце 70-х – начале 80-х годов.

Девушку 19 лет зовут *Танна Такер* (Tanna Tucker). Имя Тánна, а не Таня, дано ей для того, чтобы окружающие не путали её с известной певицей в стиле «кантри» Таней Такер (Tanya Tucker). Сокращённо имя *Танна* (произносится как Тэна) имеет форму *Тэн* (Tan) или *Тэни* (Tanu), что полностью укладывается в фонетическую и грамматическую модель англосаксонских сокращённых имён, таких, как *Билли*, *Пэти*, *Дэни* и т.д.

Дочь известной актрисы *Шерли Маклэйн*, тоже актрису, зовут *Сáши Пáркер* (Sashi Parker). Сáши – модификация русского деминутива Саша.

В 20-х годах двум американским девочкам в США были даны имена *Телиа Тина* (Telia Tina) и *Телега* (Telega), то есть телятина и телега, после пребывания их родителей в России. Действительно, если Ашота Отелло Здуренсик – живой персонаж, то вполне можно поверить и в существование леди с именами Телятина и Телега.

Известно, что многие русские деятели искусства и литературы подолгу жили и творили в США и каждому культурному американцу знакомы такие имена, как *Сергёй Рахманинов*, *Игорь Стравинский*, *Сергёй Кусевицкий*, *Алла Назимова* и др. Имена эти, однако, не вошли в моду, но вот любимый жителями Соединённых Штатов русский композитор *Римский-Кóрсаков* оставил заметный след в именовании Нового Света, поскольку от его фамилии образовалось отфамильное мужское имя *Римски* (Rimsky). Имя *Римски* можно встретить в обеих этнических группах США, белой и чёрной, но беда в том, что большинство американцев воспринимает сочетание *Римский-Кóрсаков* не как двойную фамилию, а как имя личное *Римски* и фамилию *Кóрсаков*. Один из носителей этого имени, белый, среднего возраста государственный служащий по имени *Римски Аткинсон* (Rimsky Atkinson).

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в настоящее время во всём мире происходят интересные антропонимические перестройки, вызванные расширением культурных связей между народами. За последние десятилетия во многих странах всё шире распространяется тенденция официального именования взрослых людей с помощью усечённых, издавна принятых в неофициальных ситуациях форм имён. На этом фоне легко осуществляется заимствование в западные языки сокращённых форм русских антропонимов (имён), особенно женских.

Со времени публикации вышенапечатанного прошло два года, с момента написания – пять лет. За этот период многое в русской ономастике за рубежом изменилось. Кое-что прибавилось, кое-что убавилось, выяснились некоторые данные, проливающие новый свет на старые проблемы.

Чтобы компактнее изложить мысли о последних данных, пришлось, в целях облегчения задачи, разделить собранный материал на две группы женских и мужских имён и проанализировать их отдельно.

В традиционные «Четьи-Именей»* США вливаются не только русские, но и другие женские славянские имена, к которым, как к своим собственным, начинает привыкать слух американцев. Так, в городе Гэри, штат Индиана, расположенном в центральной части США, куда в конце позапрошлого и начале прошлого века направляли свои стопы в поисках заработка эмигранты-славяне – поляки, чехи, сербы, хорваты, русские, украинцы, белорусы и другие народы Восточной Европы, – задержались и используются американцами-аборигенами такие славянские антропонимы, как *Катринка* (Katrinka), *Аниска* (Aniska), *Хеленка* (Helenka) и *Марыська* (Maryska). Ещё десять лет тому назад в центре Вашингтона, почти напротив Белого Дома был салон дамской одежды под названием «Моды Марыськи» (Maryska's fashions), который принадлежал дочери выходцев из Польши.

Кроме того, среди всех групп населения США, а также Латинской Америки давно получили права гражданства славянские женские имена *Роксана* (Roxana), *Русудана* (Russudana), *Роксалана* (Roksalana и Roxalana) и другие, и встретить в американских семьях девочек с межнациональными именами, такими, как *Аниска Джессика* (Aniska Jessica), *Катринка Мейган* (Katrinka Magen), *Мелисса Хеленка* (Melissa Helenka) и т.п. – в порядке вещей.

Выше упоминалось, что в 20–30-х годах в парижском театре шла пьеса «из русской жизни», в которой главных действующих лиц мужского пола звали *Аннушка* (Annushka), *Петрушка* (Petrushka) и *Бабушка* (Babushka) с ударением на втором слоге. В те времена для русских это было смешно и «клюквенно», но

* «Четьи-Именей» – модификация термина «Четьи-Миней» (А.К.), слово Миней – усеченное «Именей», но есть и другое толкование.

сегодня все эти три имени вошли как равноправные члены в ономастикон целого ряда стран.

В Соединённых Штатах ширится мода на имя *Аня* (Ania, Anya) и есть даже роман для юношества из американской жизни, который называется «Аня» по имени героини; встречается и имя *Аннушка* (Annushka), правда пока только в названии салона красоты, а в странах Латинской Америки уже десять лет как девочкам даётся личное двойное имя *Анна Каренина* (Anna Karenina). Девочка *Анна Каренина Родригес Санчес* учится недалеко от моего дома в штате Мэриленд, вблизи столицы Соединённых Штатов.

Жители Западной, а теперь уже, вероятно и Восточной Германии, после прочно вошедшего в репертуар всех стран Европы балета Игоря Стравинского «*Петрушка*» пленились этим именем и стали усиленно давать его девочкам, так что если вы встретите в Германии молодую немку по имени *Петрушка Шмидт* — не удивляйтесь.

Что же касается имени *Бабушка*, то *несколько лет назад его дали мальчику в Индии* и с тех пор оно медленно, но верно начало пробираться в состав антропонимов страны. Есть сведения, что этим именем называют теперь в Индии и девочек, но с уверенностью утверждать этого не берусь. Интересно, что апеллятив «бабушка», русский термин родства, используется в США *двойно*: как *имя нарицательное* в значении *головной платок* и в семьях выходцев из России всех национальностей в своём прямом значении. Внуки и правнуки давно покинувших страну предков-россиян, уже не знающие родного языка пра-родителей за исключением двух-трёх слов, в основном эквивалентов своих американских имён по-русски (*Томочка* — Tammy, *Женька* — Gene, *Алёшка* — Alex, *Мила* — Melissa) называют престарелую мать семейства на родном её языке — «бабушка» или американским деминутивом *бабби* (Bubby). Так, в двухлетней давности американском кинофильме «На улице Диленси» некто миссис Кантор, старая еврейская женщина называется *Бабби*.

Русские деминутивы с окончанием «ка», которые, по понятиям уроженцев России всё ещё относятся к разряду уничи-

жительных, хотя давно приобрели и некий ласкательный оттенок, воспринимаются американцами как современные, приятно звучащие, короткие, созвучные ономастическому увлечению нашей эпохи имена, которыми они с удовольствием называют своих девочек и в одном только моём личном «биополе» я встретила в семьях аборигенов США девочек по именам *Ми́шка* (Mishka – от русского Михаил). *Три́шка* (Trishka – по басне Крылова «Тришкин кафтан», где имя героя удачно совпало с деминутивом американского Триша (Tricia) от полного *Патри́ша* (Patricia), *Ма́йка* (Maika) и *Нью́рка*, указанное выше в тексте.

Полюбились американцам и русские женские ласкательные и в добавление к имени *Ниню́чка* недавно прибавились *Верю́чка* и *Саше́нка* (Сашенька). Однако ни родители, ни имяносители не имеют никакого представления о происхождении этих имён и относят их к африканской модели очень нежных и женственных антропонимов типа *Ми́арка*, *Ти́арка*, *Оди́ка*, *Тами́ка* и тому подобных. Все они пишутся латинскими буквами в полном соответствии с произношением, русское «к» дублируется в английском как «k» и «c».

Что же касается имени *Верю́чка* (Verochka), то недавно мне пришлось столкнуться с совершенно новым толкованием американцами имени Вера. Это имя известно в Англии давно (от лат. *Verus* в значении «правда»), а в 20-х годах XX века оно было даже в списке наиболее часто встречающихся среди крестильных, но во время Второй мировой войны один из американских военнослужащих, дав дочери имя Вера, растолковал его по анаграмме:

В – Побе́да (Victory)

Е – Ево́па, Англия (Europe, England)

Р – Росси́я (Russia)

А – Аме́рика (America)

Это толкование настолько привилось, что многие американские и британские Веры из тех, кому за семьдесят и старше, негодуют, когда корни их имён объясняют иначе.

Из русских уменьшительных, широко бытующих во всём мире, остаётся назвать имя *На́дя* (Nadia, Nadya). То, что это

имя сокращение от русского Надежда знает только очень узкий круг специалистов-ономастов. Популярно это имя не только в Европе, но и на Ближнем и Среднем Востоке, где у арабов есть своё национальное имя *Надия*, с ударением на последнем «я». Теперь произносят там это имя, как с арабским, так и с русским ударением. Самая красивая женщина в мире – *Надя Бахио* (Nadia Bahio), а прекрасную скрипачку, победительницу многих конкурсов, и очень хорошенькую молодую женщину зовут *Надя Солерно* (Nadia Solerno). Не лишним будет добавить, что особую популярность имени Надя «разогрела» *Надя Команечи*, молодая румынская спортсменка, живущая с 1990 года в США. Две другие спортсменки 60–70-х годов, русские *Натáша Кучи́нская* и *О́льга Корбу́т* в своё время способствовали моде в Америке на имена *Натáша* и *О́льга*, хотя последнее было широко популярно и у американцев греческого происхождения, которые не забывают царицу *О́льгу*, пользовавшуюся огромной любовью своих подданных в 20-х годах XX века. Имя Ольга одно из самых любимых славянских имён в Бразилии.

В результате тщательного анализа пришлось придти к заключению, что антропонимы *О́льга*, *Нина*, *Вера* и *Со́ня* можно лишь относительно считать типично русскими, так как они давно вошли в ономастикон Германии, Швейцарии, Австрии, а также некоторых стран Азии, не говоря о Скандинавии, где все эти имена не менее популярны, чем в России.

Для иллюстрации даю выборочно несколько примеров:

О́льга Пика́бия – жена известного художника Фрэнсиса Пикабия (Швейцария), *О́льга Геринг* – родная сестра гитлеровского пособника Германа Геринга (Германия), *Нина Вáлленберг* – сестра Рауля Вáлленберга, спасшего во время Второй мировой войны от уничтожения нацистами в Венгрии девяносто процентов евреев страны, *Нина Штауфенберг* – жена одного из заговорщиков против Гитлера (Германия), *Со́ня* – жена Раджива Гáнди (Индия).

Все вышеперечисленные имена начинают в настоящее время проникать в Японию и даже Китай, где ещё тридцать лет назад именовослов казался неприкосновенным для инте-

грации чужеродных антропонимов. Деминутив Наташа продолжает жить в именованном Соединённых Штатов, и недавно 11-летняя сирота, девочка-корейка, удочерённая американской парой как амерэйжен (название национальности, или, скорее, расы детей от брака американцев и жителей стран Азии), едва освоившись в новой для неё стране, заявила, что отказывается от своего национального имени *Ун Сук* и выбирает себе новое, самое, по её словам, типичное, самое красивое для девочки и самое популярное американское имя... *Наташа*.

Имя *Таня* прочно вошло в антропонимикон всех народов мира, приобретя массу производных: *Tan, Tarána, Tany, Tawna, Tawnya, Tahnya* и т.д., и частотность его употребления растёт с каждым годом. Судьба этого имени интересна тем, что полная его форма, *Татьяна* (Tatiana) вошла в именник США и Европы только за последние пять лет после своего уменьшительного, что, однако, не помешало тому, что иноземные Татьяны получают уменьшительное имя *Таня*. Феномен этот частично напоминает ономастическое явление, происшедшее с именем *Саша*, деминутива от Александр.

Имя *Tatiana* быстро входит в моду среди всех слоев населения западных стран, это имя носит как дочь бельгийской красавицы Дианы и австрийского принца Von Fürstenberg'a, так и огромное число девочек среди всех национальных групп граждан США и Латинской Америки.

В мае 1990 года имя *Tatiana* дала своей второй дочери Керолайн (Carolyn), дочь убитого в 1963 году президента Джона Кеннеди. А сокращённо, как было объявлено по радио, внучку покойного президента будут называть *Таня*.

Полюбились женские русские имена и в кругах наследственной аристократии Британии. Так, у Джеральда, шестого герцога Вестминстерского, жена *Наталия* (Natalia, ур. Natalia Phillips – имя в произношении и написании следует русской, а не французской или английской модели) и семилетняя дочь *Лэди Тамара* (Lady Tamara).

Среди девочек-близнецов встречались неоднократно имена Лара и Кира, но по отдельности рост частотности этих имён незаметен.

Есть ли новые женские русские имена, вошедшие за последние пять лет в моду в США и во всём мире? Есть, но их немного. Так, в Америке стали встречаться имена Зина и *Марина*, а в порядке частной информации услышала я и имя *Галина*, данное двум американским девочкам в честь любимой учительницы русского языка их родителей. Имя *Зина*, однако, только по созвучию русское, оно пришло из Африки: *Зина Гэриссон* (Zina Garrison) известная теннисистка из ЮАР и *Зина Лавей* (Zina Lavey), американка, дочь члена церкви Сатаны, очень часто показывались в телепрограммах, что, без сомнения, дало некий толчок ономастическому сознанию тех, кто почувствовал интерес к этому имени и начал давать его своим детям, включая и американо-русские семьи.

Личное имя *Марина* – не новое в обиходе американцев. В американском списке женских имен Марина употреблялось почти всегда только как апеллятив в значении «морская пристань, причал». За последнее десятилетие антропоним Марина всё чаще и чаще встречается в Западной Германии (*Марина Киль* – молодая горнолыжница из Мюнхена). Имя Марина, которое так же, как и *Сергей* среди мужских, задавило когда-то почти все женские в России, оно было привезено новыми советскими эмигрантами в разные страны мира и естественно влилось в их именослов, ибо воспринимается представителями не только христианской, но и иудейской религии, как модификация библейского *Мириам* и начинает расти в употреблении, немалая доля которого падает на семьи из России.

Попало в Соединённые Штаты и модное сейчас в России имя *Анастасия*, *Настя*. Некрасивое (объяснение ниже) и занявшее первые ряды по праву модной сейчас в Союзе будто бы «простонародности», имя это стало в удесятерённой степени непривлекательным в Америке, где его сокращённое, *Настя*, совпало по случайному созвучию с английским *nasty*, что зна-

чит отвратительный, противный, вбирая в своё значение все другие негативные понятия подобного рода. Девочки-американки, и не только российского происхождения, устроили полный бойкот имени Настя и Анастасии называются теперь *Стэйси*, *Стэйша* или *Стáся* и *Áся*.

Два раза, после посещения США Райсы Макси́мовны Горбачёвой, встретилось в негритянских кругах Нью-Йорка имя *Ра́йса*, в написании *Raíssha* и *Ráysha*.

Заканчивая свои дополнения о женских именах за рубежом укажу, что хотя имя *Таня* прочнее всего укрепилось в интеллектронимиконе, но самое известное и популярное теперь в мире женское имя *Екатерина*, русская модификация которого, *Катюша* особенно любимо, благодаря славе доверенной советской песни «Катюша» и смертоносному оружию того же названия, изобретённому в СССР во время Второй мировой войны. Деминутив *Кáтя*, считающийся русским, давно известен в Европе (так звали дочь немецкого писателя То́маса Ма́нна), издавна бытовал он в Швейцарии, Швеции и других странах. В самой России имя Екатерина стоит в 80-х годах XX века в первой десятке наиболее модных, а многие родители настаивают на том, чтобы в метрике у новорожденной стояла официальная форма *Ка́тя* или даже *Катю́ша*, что, особенно вторая форма, по-русски является нарушением нормы. Гражданок разных возрастов по имени *Ка́тя* и его трансформаций в изобилии на всём земном шаре и на московский фестиваль «Катюша», устроенный в Москве в 1983 году прибыли, увековечивая ономастический памятник самим себе, *Ка́ти*, *Екатери́ны*, *Катю́ши*, *Кэ́трин*, *Китти* и прочие именованностицы этого антропонима со всех концов нашей планеты, включая всю Европу, Австралию, Новую Зеландию, Африку и Японию.

В заключение, желая потешить своих читателей, скажу: зная, в какой восторг приходят граждане разных возрастов, профессий, интеллекта и коэффициентов умственного развития от курьёзных антропонимических сочетаний, доношу до сведения штудирующих эту книгу, что за истекшее пятилетие среди американцев далёкого русского и украинского проис-

хождения я встретила «янки» с именами и фамилиями *Петя Боря Козлик* (Petia Borja Kozlic), *Сюзанна Акүля Палка* (Susanna Akulia Palka) и *Маланья Пердита Козёл* (Malanie Perdita Kozel).

Между *Маланьей Козёл* и *Петей Борей Козликом* никакого родства нет, а второму имени гражданки Козёл прошу не удивляться. Имя *Пердита* считается изобретённым Шекспиром, так зовут героиню его пьесы «Зимняя сказка», есть оно и в одной из пьес Лопе де Вэга, но в отечественных переводах его всегда заменяли другим, более благозвучным и «приличным» для добродетельного русского уха. Ономастическое наше мышление столь несовершенно, что без особой реакции на странновучащие, мягко говоря, имена мы обойтись не можем, забывая, что и у русских есть такие имясочетания, с которыми в США являться рискованно. И трудно, если вообще не невозможно убедить даже высшего класса русскоговорящего интеллектуала в том, что «хер» превратилось в неприличное для русских слово благодаря экстралингвистическим факторам (истории, социологии и т. п.), а корень его и происхождение – библейское, высокодуховное слово *херувим*. Но это особый раздел ономастики, требующий специальной разработки.

А что же происходит в антропонимическом стане сильного пола, какова ситуация сегодня среди русских мужских имен в мире?

В послереволюционной России власти не жаловали мужские иностранные, «вычурные» имена. Никакого отношения к вычурности в своём родном языке эти антропонимы не имели, нормальным российским гражданам они были очень по вкусу, но поскольку *Эдуарды*, *Рудольфы*, *Арнольды* и т.д. это будущие отчества, напоминающие детям социализма об англичанах, немцах, французах и вообще о прогнившем западном мире, вершителям идеологии они не нравились. Негативное отношение к иноземным антропонимам можно проследить и в литературе того времени, где отрицательные персонажи «все эти *Эдики*, *Рудики*, *Арики* и *Фредики*» всячески высмеивались, а родители упорно поощрялись давать детям «свои, простые, хорошие русские» имена. Все эти перекосы прошлого,

не изжитого, надо сказать, и сейчас, свидетельство того, что ономастически малограмотные управляющие чужой жизнью не знали, да и теперь не имеют никакого представления о том, что «хорошие... русские» имена вообще наперечёт, а в православных канонических списках господствуют греко-византийско-иудейско-латинские антропонимы, заимствованные у народов стран, принесших в Россию христианство.

Зато так называемые «идеологические» имена, как бы иноязычно они ни звучали, поспешили войти в русский именослов, и *Вилёны*, *Марлёны*, *Марксáны*, *Оэры*, *Мэлсóры*, *Индустриáны*, *Кооперáци*, *Энгеленмáрки* (Энгельс-Ленин-Маркс), *Лентроузи́ны* (Ленин-Троцкий-Зиновьев) и другие того же типа прочно заняли там своё место. Ничего страшного в этом нет: новые имена необходимо поощрять, а некоторые, особенно приятно звучащие, такие, как *Владилён*, *Арлён*, *Марлён* (два последних, по случайному совпадению, варианты старинных англо-кельтских имён, кроме значений «Армия Ленина» и «Маркс-Ленин», – и это ещё одно свидетельство невежественности «запретителей»). Такого рода новые, «революционные» имена, за редким, вероятно, исключением, ни Европой, ни США в 20–30-х годах не перенимались, но после Второй мировой войны экзотическая лексика многих стран мира стала, в общем порядке, модной в Латинской Америке, вобрав в себя, в свою очередь, многие имена, слова и названия, отражающие историю России.

В наше время (40–80-ые годы) больше всего русских имён, так или иначе связанных с политикой и идеологией, можно найти в Латинской Америке. Сочетание *Владíмир Ильи́ч Ленин* (Vladimir Ilych Lenin) встречается как целиком, так и по частям почти во всех странах этого континента. То же, но гораздо реже, и с именем *Иосиф Ста́лин* (Iosif Stalin) (отчество не встречается). Однако часто при наречении ребенка именем «великого человека» возникают проблемы, которые и не снились родителям, и вместо прославления выдающейся личности наступает её полная дискредитация.

Так, всему миру известны три брата семьи *Рамíрес* (Ramircz), сыновей адвоката, которых он назвал *Владíмир*, *Ильи́ч* (патро-

ним в качестве личного имени, который по частотности употребления, вполне возможно, стоит на первом месте в некоторых латиноамериканских странах) и *Ленин* (отфамильное имя собственное). Второй из них – *Ильич Рамíрес* по кличке *Шакáл* – самый страшный и жестокий террорист в мире, уже много лет разыскиваемый Интерполом с участием Советского Союза.

Главу секретной полиции сандинистской хунты зовут *Ленин Серна* (*Lenin Serna*), и по всей Латинской Америке ходят мужчины и мальчики по имени *Владíмир Хуán Ильич Гонсáлес* (*Vladimir Juan Ilyich Gonzalez*), *Ильич Стáлин Владимир Педро Грáнде Эскобáр* (*Ilyich Stalin Vladimir Pedro Grande Escobar*), где *Педро Грáнде* – Пётр Великий; есть антропоним *Иван* (*Ivan*) по Ивану Грозному, несмотря на то, что в языке имеется национальное *Хуán* (*Juan*), *Карл* (*Karl*) по Карлу Марксу, который соседствует с исконно испанским *Кáрлос* (*Carlos*), а также масса других имён, отражающих русскую лексику разных сторон жизни современной России, типа *Кремль* (*Kreml*) – мужское, *Кремлина* (*Kremlina*) – женское, *Спúтник* (*Sputnik*) – мужское, *Кóсмос* (*Cosmos*) – мужское, *Товáрищ* (*Tovarich*) – мужское и, наконец, после пребывания в мирах заоблачных русских собачек-космонавтов, в странах латиноамериканского континента родились мужские отзоонимные (образованные от зоонимов, кличек животных) имена *Бéлка* (*Belka*) и *Стрélка* (*Strelka*). Латиноамериканцы средних лет, которые представляются вам как *Хуán Бéлка Эдуáрдо* (*Juan Belka Eduardo*) или *Стрélка Ильич Э́нзо* (*Strelka Ilyich Enzo*), никого сейчас не удивят.

Поветрие на подобные наименования свидетельствуют не о сознательной любви к России, социализму или коммунизму, а об (разрешите употребить своего изобретения новый термин) *ономастическом попугаизме*, то есть бессознательном подражании моде по принципу «пусть моего ребёнка зовут так, как сына или дочь соседа», и поэтому не только многие *Владíмиры Ильичи Ленины*, но и более молодые *Белки* и *Стрёлки* среди испаноговорящих жителей Латинской Америки забыли или вообще никогда не знали, почему они так названы, как не имел об этом представления до знакомства с русско-

ворящими американцами некий служащий бензоколонки в районе города Ютика, США – американец с двойным личным именем *Никола́й Ленин* (Nicolai Lenin). Так его назвала мать. Почему? Он и сам не знает. А мать ему сказала, что ей просто понравилось как звучат «вместе» эти два слова. О том, что вершителя Октябрьской революции звали *Влади́миром Улья́новым*, что *Никола́й* (имя) – один из его псевдонимов, а *Ленин* (фамилия) – тоже псевдоним, она не знала, не ведала.

Среди наиболее употребительных мужских имён в иностранном мире очень редко встречаются лишь некоторые. Задавшись целью прояснить причину этой неприязни, я решила провести свой собственный опрос лиц разного возраста, профессий, национальных корней и даже темперамента. Из тех антропонимов, которые, теоретически, могли бы занять своё место в именнике США, поскольку они хорошо известны жителям этой страны из мира музыки и литературы, я выбрала три: *Ю́рий*, *Бо́рис* и *И́горь*.

Результаты моей мини-анкеты пролили свет на причины особого отношения к этим именам, связанные с упорным выталкиванием их из антропонимикона Америки.

Имя *Ю́рий* (Jury) начинает появляться в США вслед за полётом в космос Юрия Гагарина и, особенно, после появления романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и кинофильма того же названия. Логически следовало бы ожидать в США крупной вспышки моды на антропоним *Ю́рий*, но этого не произошло. По утверждению моих анкетодержателей, имя это «не работало», ибо оказалось неприятным на слух и, что ещё очень важно, в написании *Jury* может совпадать со словом *jury*, означающим «жюри» – группу судебных заседателей, и стать дразнильной кличкой, но в *Латинской Америке* имя *Ю́рий* встречается весьма часто.

Имя *Бо́рис* (Boris) давно было известно в Соединённых Штатах по опере «Борис Годунов», но моды на него никогда не было, потому что царь Борис – личность, не заслуживающая прославления. Был, однако, на Западе артист *Бо́рис Ка́рлофф* (Boris Karloff – псевдоним Уильяма Пратта), но он пользовался особой популярностью не в США, а в Австралии, где это имя

стало умеренно (10 на 25.000) даваться младенцам в 50-х годах. Имя Бóрис (ударение на «о») и его модификации встречаются иногда в англоязычных странах в качестве второго имени, и редактор одной из американских газет именуется *Кэтрин Бóрис Хэмилтон* (Katherine Boris Hamilton). *Бóрис* – имя её деда-россиянина. К этой же категории экс-патронима (патроним – имя отца) относится и потешное сочетание Петя Боря Козлик, упомянутое выше. За последние годы имя Бóрис приобрело ещё более негативную, чем в прошлые годы, окраску, чему способствовала популярная в 60-х годах песня Boris the Spider («Бóрис-паук»).

Так же отрицательно воспринимает англоязычная публика и имя *Йгóрь* (Igor). Нелюбовь к этому «застревающему в горле» имени (цитирую одного из опрошенных аборигенов Америки) выразилась в том, что Игорем зовут очень несимпатичного персонажа детских телевизионных передач, что заставило русских мальчиков, приехавших с этим именем в Новый Свет, отказаться от него и изменить *Йгóрь* на *Грег*. Любимые американцами мотивы из оперы Бородина «Князь Игорь» не способствовали возникновению положительных ассоциаций с этим антропонимом.

Поинтересовалась я и отношением к имени *Сергей* – самому популярному в России послевоенного периода. Антропоним этот, возможно, и вошёл бы в обиход в Америке, но этому помешало то, что в английском произношении *Sergei* звучит как *sir gay*, то есть «господин гомосексуалист», и поэтому в русских семьях, не желая рисковать, называют своих Сергеев итальянской формой *Серджио* (Sergio).

Имя Никита не приобрело даже малой частотности, но стало встречаться в среде англоязычной публики у девочек и произносится с ударением на окончание *á* – Никитá.

Мужские имена Саша, Миша и Гриша всё чаще приобретают в конце слова окончание «и», характерное для английских деминутивов – Саша (Sashi), Миша (Mishi), Гриша (Grishi).

Так же, как когда-то в России иностранные имена Эдуáрд, Рудóльф и прочие русифицировались в форму Эдик, Рудик и

т.д., так и теперь молодые люди из Советского Союза зовутся в США упрощённо по английской ономастической модели *Алеш* (Alesh) от Алёша, *Влэд* (Vlad) от Владимир, *Вал* (Val) от Валерий и т.д. Случаи заимствования подобных имён коренными американцами пока выборочны.

Удивительным кажется то, что аборигены США так редко используют самое простое для написания, интернациональное и очень часто встречающееся среди обиходных в России имя *Виктор* (Victor, Viktor) и не попробовали ещё, хотя бы в порядке эксперимента, модификации Михаил Горбачёв, хотя *Горби* (Gorby), сокращённое от фамилии, встречается в других разделах ономастики как кличка!

Недавно, побывав в Восточной Европе, я убедилась, что мужскими русскими именами переполнена Венгрия, и Саша, Мíша, Сергéй, Ёгорь, Олэг и прочие вот-вот станут национальными именами.

И всё-таки русские мужские имена, несмотря на малый процент их использования в качестве антропонимов, пользуются сейчас в США (да и во всём мире) огромным успехом.

С деталями этой феноменальной ситуации читатель ознакомится далее.

РОССИЙСКИЕ ПРИМЕТЫ ЗА РУБЕЖОМ

В самом начале XIX века как-то при обсуждении литераторами книги Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника», один из писателей заявил, что для него одно из самых интересных занятий в путешествиях за границей – отыскание в иноземщине «русских примет».

Чтобы понять культуру какой-либо страны, ученые мира изучают не только историю данного государства, но стараются по возможности погрузиться в цивилизацию географически соседствующих с нею народов, так как история даже далеких друга от друга стран настолько тесно сплетена, что требует особого отдела науки, изучающего исторические причины происхождения их связей. Отыскать, заметить и проанализировать тугие сплетения языков, музыки, и социальных контактов разных народов пришлось и мне...

Песни российских поэтов, ставшие народными – ценнейшая часть русского музыкального искусства. Но не только русские стихотворцы обогащали музыкальный мир россиян. Стихотворения западных поэтов, попав в Россию, растворялись в музыке ее многочисленных народов, начинали считаться отечественными и только при большой, глубинной работе есть возможность добраться до корней того или иного музыкального творения.

Розыск корней той или иной народной русской песни – удел не только литераторов и музыковедов, этим занимается и масса любителей. Такие любители-профессионалы, как их теперь называют, внесли свой немалый вклад и в анализ российского песнетворчества.

Как-то в США показывали по ТВ жизнь одного из восточных островных племен Тихого океана. Быт, нравы и, особенно язык этого племени, – предмет изучения этнографов мира, так как – ОН, то есть **ЯЗЫК** этого племени, которое относится к расе негроидных, считается языковедами самым музыкальным, компактным и располагающим такими необычными граммати-

ческими конструкциями, которые невозможно найти во всех прочих говорах земного шара. Но когда в заключение программы группа аборигенов этого народа хором запела свою самую популярную народную песню, я вскочила, так как ее мелодия точь-в-точь повторяла мотив, считающийся и в России народным. Без этого напева, называемого в России «Серенада», не обходилась ни одна встреча или студенческая вечеринка в России еще шестьдесят или более того лет назад. Вот ее текст:

*Закинув плащ, с гитарой под полою,
К ее окну пойдем в тиши ночной.
Не возмутим мы песней удалую
Роскошный сон красавицы младой,
О, не страшись ты нас, младая дева,
Не возмутим твоих мы ясных снов...
И так далее...*

Текст «Серенады» принадлежит перу Владимира Александровича Соллогуба (1813–1882), того самого, который чуть было не вызвал на дуэль Пушкина из-за какой-то светской сплетни. Однако В. Соллогубу все россияне должны по гроб жизни быть благодарны за то, что от дуэли он отказался, понимая, по выражению Лермонтова, «На что он руку поднимал». Соллогуб был прозаиком, автором знаменитой в его время повести «Тарантас», стихов он не писал, так что «Серенада» – его единственное поэтическое произведение, ставшее русской студенческой песней. Можно даже назвать ее «народной» студенческой песней, и наши деды и отцы распевали ее на сборищах университетских молодых людей, также, как «Ты отцветешь, подружка дорогая», «Как яблочко румян» и, возможно, другие, переведенные со стихов Беранже. Конечно, молодые люди с «закинутыми», а не «накинутыми» плащами и «гитарами под полою» – деталь никак не российская, а европейская, бытовавшая в Европе еще во времена Петрарки – но когда мы узнаем, что Владимир Соллогуб в молодости был студентом университета Дерпта (Германия), то становится понятным, что «Закинув плащ» – это его поэтическая передел-

ка одной из песен немецких буршей. Загадка здесь – мелодия, неизвестно как попавшая к немцам за тысячу миль от маленького негроидного народа Тихого океана (а может быть – наоборот?) в Европу.

Здесь музыковедам предстоит научный поиск.

Таких феноменов, а именно бытовавших на русской почве иноземных творений, считающихся отечественными, народными, в России немало.

Хочу довести до сведения молодых россиян, что некоторые стихотворения на иностранном языке, влившись в русскую поэзию, хоть и не стали народными песнями, но часто *считаются* гражданами России *своими*, отечественными, написанными русскими поэтами. Самым интересным примером такого рода служит поэма Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Сюжета этой поэмы приводить не надо, так как, я уверена, что многие школьники России чуть ли с детства прекрасно знают это пушкинское творение, несмотря на то, что не имеют никакого представления о том, что четверостишие «Свет мой, зеркальце! скажи да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» – это ничто иное, как перенос английского фольклора на российскую почву. По-английски звучит это четверостишие так:

*«Mirror, mirror on the wall
Who is the fairest of us all?»*

– и так далее. Понадобился гений Пушкина, не говорившего, но читавшего по-английски, чтобы перенести на национальную почву музыку английских строк, без их точного перевода и значительной переделки, с полным сохранением ритма четверостишия.

С радостью, пишущая эти строки может поделиться с читателями и своим открытием, пока единственным, к которым литературоведы отнеслись с глубоким интересом и вниманием. Речь идет о старинной студенческой (а вернее – скаутской песне) – «Пошёл купаться Веверлэй», а история ее истории – простите за тавтологию, пожалуй, для меня самая занимательная,

потому что открыла я ее сама. Необходим, однако, и некоторый ввод в описание нижеследующего. Мало кто из молодых россиян знает в настоящее время то, что в дореволюционной России в 1909-м году было основано так называемое «скаутское движение» называемое по-русски – «организацией юных разведчиков». Руководителем этих юных разведчиков был *Олег Иванович Пантюхов*, скончался он в США лет двадцать пять тому назад в очень пожитом возрасте. В состав юных скаутов входили как мальчики, так и девочки и под руководством своих старших товарищей они изучали, как ориентироваться в незнакомой местности, отыскивать места для ночлега, готовить себе пищу, разжигать костры одной спичкой и прочее и тому подобное. В сталинском Советском Союзе о скаутах мы ничего не знали, так как движение юных разведчиков за границей квалифицировалось, как буржуазный метод воспитания молодого поколения. В мое время в СССР юные школьники вовлекалось в так называемые пионерские организации, но ничего общего со скаутами «юные пионеры» не имели, за исключением только того, что члены этих организаций обязаны были носить красные галстуки, а при вступлении давать «клятву». Клятву эту я до сих пор помню «Я, юный пионер СССР, даю торжественное обещание...» и т.д. Говоря о дореволюционных российских скаутах, необходимо добавить, что в своих походах они обязательно пели разные песни, большей частью русские народные напевы, как, например «*Во кузнице*» и другие того же рода.

Здесь кончается моё предисловие и начинается текст, напечатанный несколько лет назад в одном из российских журналов.

«ПОШЕЛ КУПАТЬСЯ ВЕВЕРЛЕЙ»

И так, читатель уже познакомился с тем, что среди текстов и романсов, бытовавших в России со времен оных, есть немало переводов и переделок с иностранного. Так, простите за повторение, почти уже сто лет, доживши почти до наших дней, поются в нашей стране с эстрады такие

стихотворения *Беранже* в переводе *Курочкина*, как «Ты отцветешь, подруга дорогая», «Как яблочко румян», «Мелá метель, летели хлопья» (это романс «Нйцая») и другие. Среди этих стихотворно-музыкальных произведений интересен и несколько загадочен сюжет и история проникновения в Россию одной из песен, которую и сейчас еще, вероятно, могут помнить люди пожилого возраста в разных районах нашей родины.

Есть в Бельгии старинный город *Лувен*, знаменитый своим университетом XV века. До сих пор печать Средневековья лежит на каменных, мрачных зданиях, громоздящихся на узеньких улочках с огромной сетью маленьких погребков-трактирчиков. Несколько лет назад сидела и я в одном из таких кабачков. Блестели отполированные одеждой посетителей лавки, отсвечивало пламя камина в огромном медном кувшине, стоявшем, вероятно, на том же самом месте со времен *Тйля Уленшпигеля*, а на стенах висели муляжи тех самых колбас, которыми так любил лакомиться верный друг и помощник *Тйля Ламме Гудзак*. Такие погребки до сих пор – излюбленные места встреч студенческих компаний, распивающих легкое вино под тихие, нежные, как паутина звуки старинных инструментов, напоминающих разрезанную вдоль грушу. Щипковый инструмент этот – *лю́тня*, арабского происхождения, предок гитары, мандолины и домры. На такой грушевидной лютне, когда я там сидела, исполнял свои мелодии старый человек, зорко следящий за тем, какое количество медных монет бросают посетители в его потрепанную шляпу. И едва я тогда подумала о студентах, как тут же, как бы отвечая на мое желание ясно увидеть картину прошлого, в погребок ввалилась шумная кампания молодых людей и, перебрасываясь шутками и прибаутками, уселась напротив меня за длинный деревянный стол.

Вскоре мы разговорились на общем нашем английском языке и я узнала, что это – студенты *лувенского университета*, сама представившись им как русская писательница, живущая в Соединенных Штатах, не упускающая ни малейшей возможности найти вдали от России родные корни и собрать любой материал о своих земляках, живущих когда-то и теперь в Европе.

Узнав, что я русская, молодые люди неожиданно притихли, пошептались, негромко чему-то засмеялись и вдруг вся компания, вставляя в текст на незнакомом мне языке чем-то похожие на русские слова, затянула песню, при первых звуках которой я насторожилась...

Это была песня, которая когда-то распевалась ребятами в пионерских лагерях, обычном месте отдыха во время летних каникул советской детворы.

*Пошел купаться Веверлей-лей-лей,
Оставя дома Доротею-тею-тею,
С собою пару пузырей-рей-рей
Берет он, плавать не умея-мея-мея,*

– пели молодые люди, и я вспомнила походы и товарищей своего далекого детства, исполняющих вместе со взрослыми эту совершенно непонятную им по содержанию российскую песню.

Но откуда пришла эта песня, когда-то бывшая очень популярной в России, к студентам-бельгийцам, с которыми я разговорилась в погребке университетского города Лувена? Оказалось, что один из них, изучающий русский язык, был за два года до нашей встречи в советской столице по программе студенческого обмена и однажды встретился там со стариком-москвичом, который и спел ему песенку о Веверлее в полной уверенности, что молодой бельгиец наверняка ее знает. Молодой человек песни на родном языке на тот же сюжет припомнить не мог, однако, вернувшись в Лувен, перевел ее на французский, раскрасив «русской лингвистической аранжировкой» (как-то «пару пузырей-рей-рей»), и именно этого самого «Веверлея» и услышала я в старинном трактирчике бельгийского университетского городка.

Что это за песня? Как и когда она была занесена в Россию, кто ее автор, какой сюжет положил основу этому стихотворно-музыкальному произведению и какая исторически существует тут связь между Россией и Бельгией?

Разгадка пришла через месяц после моего пребывания в Лувене, когда мне пришлось побывать в той же Бельгии в

небольшом местечке Хёверли и осмотреть расположенный недалеко от него в старинном парке замок под тем же названием, окруженный большим прудом. Замок этот когда-то принадлежал богатому дому графов Аренсбургов, но в начале XX века наследники рода подарили имение лувенскому университету. Во время осмотра увидевших покоев владения Хёверли я обратила внимание на висящий в одном из залов портрет очень красивой молодой женщины.

– Это портрет прелестной Доротэи, – сказал гид, пожилой человек из семьи владельцев замка, с большим удовольствием исполнявший обязанности экскурсовода, – и еще в начале века почти каждый ребенок в округе слышал от бабок и дедов прошлого предание о том, как она, дочь графа, влюбилась в простого смертного из соседнего местечка Хёверли. Родители же ее, как и полагалось по традициям того времени, восстали против такого неразумного увлечения: однажды ночью влюбленных выследили во время встречи в саду и молодого человека застрелили. Доротэя не выдержала страшного горя и бросилась в пруд... Была даже когда-то сочинена баллада на этот сюжет, но она забылась.

И тут, начав связывать топоним Хёверли с антропонимами Веверлей и Доротэя, я увидела несомненную связь между бельгийским преданием и нашей российской песенкой, где название местечка Хёверли стало именем собственным – Веверлей, Доротэя сохранила свое имя и детали всего текста во многом совпадают с историей любви молодых людей, хотя стиль песни выдержан не в трагическом, а, скорее, в комическом жанре. Налицо «опустевший парк», «заросший пруд», «остов» (а не «остров», как мы пели когда-то) чудной Доротэи, и даже малопонятным строчкам «С собою пару пузырей берет он, плавать не умея», – тоже нашлось объяснение, и весьма интересное. Оказывается, в конце XIX века профессор лувенского университета Минкелерс открыл горючий газ. Газ оказался легче воздуха, и был выработан проект для использования его для надувания воздушных шаров, а опыты с этим газом Минкелерса производились именно на берегу старого графского пруда замка Хёверли, куда с горя бросилась прелестная

Доротея. Событие это произошло в гораздо позднюю историческую эпоху, но придание древнему событию современных деталей не ново в народной литературе.

История того, как баллада о Веверлее попала в Россию, может быть объяснена тем (разумеется, это только гипотеза), что в XVIII–XIX веках в Лувене училось немало молодых людей из России. Одним из них, и, вполне вероятно, имя его стало потом известно среди соотечественников, но до нас не дошло, баллада была переведена на русский язык, а возможно, и сочинена на фактологической основе русская версия о Веверлее и Доротее. Песня эта попала на родину сочинителя, стала студенческой*, но широкого распространения не получила из-за непонятного народу смысла. Однако век этой песни не так уж и короток, если она попала к нам приблизительно в первой четверти прошлого, XX века. Сейчас молодому поколению в России «Веверлей» почти неизвестен и помнят ее только те, кому за семьдесят. Но самое интересное то, что существовавшая у бельгийского народа баллада о двух бедных влюбленных попала в Россию, стала национальной и, прожив там длительное время, вернулась обратно, уже в переводе с русского, на свою историческую родину.

Остается добавить, что имя Веверлэй (в английском произношении – Бёверли – (Beverly) существует и сейчас в английском ономастиконе, но считается женским. Знакомый дантист, мужчина по имени Беверли рассказывал мне, как его дразнили в школе из-за женского имени.

Немало чисто русских «примет» найдет любопытствующий путешественник, живущий сейчас в России и в американском штате Аляска, о чем с интересными историческими подробностями писал Виктор Порфирьевич Петров, русский ученый, недавно скончавшийся в США. Там, на Аляске, уже с восемнадцатого века, начало «Русью пахнуть», когда

* Самыми распространенными студенческими песнями в России конца XIX–начала XX веков были «Быстры, как волны, дни нашей жизни», «Из страны, страны далекой» и... «Пошел купаться Веверлей». Их еще пели в 50-х годах XX века в Москве и Ленинграде (А.К.).

алеу́ты, тамошние аборигены, были крещены русскими миссионерами, перенявши от них русские имена и фамилии, а также кое-где и образ жизни, распространенный в России. Потомки тех далеких алеутов, крещеных русскими миссионерами, носят сейчас на Аляске фамилии *Кошева́ровы*, *Козло́вы*, *Крю́ковы*, *Лестенко́вы*, *Котельниковы* и другие, а такие, самые распространенные среди русского народа, как Кузнецов или Смирнов – совсем не встречаются. Личные имена поражают своей необычностью, хотя все из них есть, конечно, в святцах. Для примера из женских – *Матро́на*, *Ма́рфа*, *Апполина́рия*, *Хио́ния*, *Клеопо́тра*, *Снанду́лия*, *Яндукзо́кта*, *Февро́ния*, *Харити́на*, *Сосипа́тра*, *Калли́ста*, *Платони́да* и т.д. Среди мужских особенно популярны – *Авваку́м*, *Ки́рик*, *Феопти́ст*, *Разу́мник*, *Фирс*, очень много употребляющихся у русских до революции иудейских – *Исаа́к*, *Лаза́рь*, *Эфраи́м*, *Моисе́й*, *Рафаи́л*, *Авраа́м* и пр. И давно заимствованное у татар древнееврейское имя Измаил. Люди с вышеуказанными именами родились в 20-х, 30-х годах прошлого, XX века. Имя *Иннокенти́й* – в этих краях на первом месте.

Первую миссию на Аляску возглавлял священник *Отце́у Герман*, он научил аборигенов сажать картошку, разводить овощи, открыл первую школу и скончался глубоким старцем. Местные аборигены считали отца Германа – святым.

Новая страница истории началась с приездом на Аляску отца *Иннокенти́я Вениами́нова*. При нем было сооружено много церквей, и не только церквей, но и школ, он перевел на алеу́тский, эскимосский и на язык других аляскинских аборигенов, как-то тлинкитов-индейцев Евангелие, а па́ства его состояла из новообращенных туземцев. Известно, что в 1867 году Аляска была продана царским правительством США и тех пор все то, что «пахнет Русью», стало постепенно американизироваться. Однако исчезло далеко не все: еще в 30-х годах прошлого, XX века, у коренного народа Аляски были популярны русские имена и фамилии, работали школы на русском языке, в разговорной речи проскальзывали русские слова. В те времена на Аляске еще существовали магазины с русскими продуктами и другими товарами. Но самое интересное для

меня это то, что праправнук святого Иннокентия, Ростислав, родившийся в Москве в 1924 году, по профессии медицинский работник, участник Отечественной войны, овдовев, принял послушание в честь святого *Иннокентия Иркутского*, а затем пострижен в честь и память этого святого, посвятив свою жизнь возрождению памяти прапрадеда.

Когда алеуты были в православии, то почти все из них говорили по-русски, в домах утварь была чисто русской: самовары, вышивка, подзоры на кроватях и так далее. Но после того, как Аляска была продана США, алеуты за самое короткое время «забыли» русский язык, кроме древних старцев, которые знают немного русский от своих дедов и прадедов. Но в домах и квартирах все та же «русская атмосфера»: все сплошь уставлено ИКОНАМИ. Чай пьют из самовара и иногда правнукам дают русские имена в честь и память прадедов.

Итак, Русская Аляска продолжает жить, у эскимосов и алеутов даже в наше время популярны русские имена, на первом месте среди мужчин – Иннокентий. Так звали замечательного артиста Смоктуновского, родившегося в Сибири. В их речи проскальзывают русские слова. В будущем американские историки мечтают открыть на Аляске Музей русской культуры. Руководит реализацией этой идеи историк-американка *Барбара Смит* и ее коллеги-ученые, до сих пор существуют на Аляске православные церкви, в городе *Анкоридже* строится новый православный собор, а руководит постройкой священник православной церкви отец *Николай-Хэррис Молотников*... Замечательные открытия, связанные со всем русским Зарубежьем радуют не только жителей России, но и рассыпанных по всему белу-свету наших соотечественников. Что ни день, поступают новые сведения, интереснейшие экспонаты, рассказы очевидцев, а для фолиантов Русской истории за границей, там, в американском штате Аляска, вскорости намечается строительство огромного здания музея. А самое последнее интереснейшее сообщение появилось в новостях Интернета. В нем говорится, что в 2007 году, во всех средних школах столицы Аляски городе Анкоридже вводится в программу обучение русскому языку по одному часу каждый день.

В заключение скажу нечто тоже очень интересное. Все мы знаем, что жители многих стран легко переписывают мелодии у других государств, особенно поправившиеся им. Прекрасно помню, как еще до Второй мировой войны, когда я была в раннем подростковом возрасте, во многих ипоязычных странах и не только близлежащих от СССР, подхватили и распевали, как «свою» знаменитую «Полюшко-поле», теперь редко исполняемую. В настоящее время многие в России увлекаются «рóком» всех видов и очень часто не интересуются текстом и не знают, что это точный, слово в слово, перевод с какого-то иностранного языка, большей частью английского.

Несколько лет назад в Японии, знакомый молодой преподаватель русского языка с жаром уверял нас с мужем, что разошедшаяся по всему миру «Катюша» – американская песня и мало кто в этой стране в этом сомневается. А во время Отечественной войны, мы, бывши еще полудетьми, в Алтайском крае распевали «Путь далекий и нет терпенья», будучи уверенными, что эта песня – наш русский военный мотив. А вот совсем недавно я получила сообщение о том, что в Израиле во всю поют «Жди меня» (музыка вольная, хотя и напоминает чем-то старинные еврейские напевы) в полной уверенности, что это – давняя песня израильского сопротивления.

БОЛЬШОЙ ПИТЕР

Столкнуться с отечественным наследием за десятки тысяч километров от России можно гораздо чаще, чем принято считать. А то, что мне пришлось увидеть в небольшом местечке *Баасроде* в Бельгии, может стать одним из главных экспонатов исторического музея России. Баасроде, маленький городок, всего в 200 километрах от Брюсселя, столицы государства. Казалось бы, каждый житель здесь должен знать не только своего соседа, но и достопримечательность городка.

– Ну, какие у нас тут достопримечательности! – сказал, пожав плечами, молодой парень, мотоциклист, затормозив

около маленькой булочной, где я стояла и разговаривала с владелицей этого заведения. – Да никаких, пожалуй. А хозяйка булочной, скрестив руки на груди, такой же пышной, как и ее булки, вежливо осклабилась и сказала:

– Ничего нет у нас особенно интересного, разве только вот канатная фабрика (la fabrique des cordes), она очень старая и здешний кюре мне говорил, что туда кто-то много лет назад приезжал из России и даже работал там.

Употребляются ли сейчас в постройке кораблей канаты, мне неизвестно, и я решила, что их производство – деталь настолько устаревшая, что, вероятно, давно предано забвению. Однако я ошиблась: канатная фабрика в городке Баасроде работала на полную мощность, рабочие стояли у машин и все станки яростно грохотали. Все, кроме одного. Этот молчаливый станок стоял в углу цеха – старинный, огромный, холодно-черный, явно сделанный по заказу на человека ростом с Гулливера. Заведующий фабрикой мсье Робер, учтиво поклонился и сказал:

– После того, как ваш Пётр дер Гратэ уехал к себе в Москву, вот уже 299 лет как, мы не можем подобрать к этому станку рабочего подходящего роста, чтобы продемонстрировать туристам старинное производство канатов, – и вслед за этим рассказал, что в городском магистрате имеются документы, удостоверяющие, что ПИТЕР ДЕР ГРАТЭ был никем иным, как русским царем Петром I Великим. Русские историки знают, что более двухсот восьмидесяти лет назад наш русский царь приезжал в Баасроде под маской российского урядника Петра Алексеева, где он работал и учился производству канатов для постройки кораблей в России. Местные жители прозвали тогда русского царя за огромный рост Пётр дер Гратэ, то есть **Большой Пётр!** Так, почти случайно, я увидела станок, где когда-то стоял, обучаясь работе на нем, наш самый замечательный царь – Петр Великий.

Но не только всё русское за рубежом стало привлекать внимание иностранцев. Есть и в России много мест с иностранными названиями, а названия эти были даны много лет назад зарубежными «гостями», долгое время жившими в нашей стране. Много

о таких местах писала Светлана Аллилуева, например, о местах на Кавказе, где с давних времен селились аббисинцы, живущие там до сего времени. Светлана Аллилуева писала об этом в своих книгах, а я повторила с ее слов в своих писаниях об ономастике.

Есть и явления обратного порядка: на Урале можно найти небольшие села с названиями... **Пари́ж, Новый Орлеа́н, Монплези́р** и некоторыми другими. Странно? Да, странно-вато. А разгадка интересна. После войны 1812 года русское правительство наградило особо отличившихся в кампании войны с Наполеоном русских солдат свободной землей на Урале и разрешило назвать эти поселения как им заблагорассудится. Вот и дали наши солдаты этим селениям названия особо полюбившихся им местностей Франции. Не обошлось и без курьезов, когда один из капралов русской армии назвал какой-то населенный пункт не **Мон Мартр**, а **Мон Матерь**, что было вскоре, конечно, исправлено. К сожалению подробности жизни наших соотечественников в этих селениях нам пока неизвестны, но – недалек тот день...

СВОЕ – В ЧУЖОМ КРАЮ

Однажды, я прогуливалась в Вашингтоне по Коннектикут Авеню, одной из центральных авеню города с приятельницей, уехавшей из России еще в 1915 году, и она обратила мое внимание на название одной из больших боковых улиц. Улица называлась... Канáвка (Kanawha).

– Узнаете?

– Еще бы! – радостно воскликнула я. – Чайковский! Пушкин! «Пиковая дама»! Лиза! Сцена у Канавки!

О том, что в чужих краях имеется пока еще не считанное число русских географических названий, именующихся *топонимами*, ученым известно давно. Однако то, что мы с читателем уже знаем, сейчас несколько «устарело» в нашем сознании, ибо каждый год в разных точках земного шара появляются новые названия рек, гор, городов, городков, а также других *топонимов*, заимствованных одной страной у другой.

Кроме того, с течением времени появляются и новые, прежде совсем не известные сведения о том, почему то или иное место так названо.

Постараемся же обратить особое внимание на свои, российские, географические названия в чужих краях, и по возможности дать хотя бы краткую их историю.

Россияне всегда интересовались, почему и когда появились названия русских городов в Соединенных Штатах. Одних городов и городков с названием *Москвá* насчитывается в Америке более трех десятков.

Одни из этих населенных пунктов – настоящие малютки и население там всего несколько десятков человек, другие покрупнее. А вот город *Москвá* в штате *Айдахо* – университетский и насчитывает 120 тысяч человек! О том, что же дало некоторым американским «москвичам» повод назвать свой город так же, как столицу нашей родины, тоже иногда известно.

История рассказывает нам, что первая, но самая маленькая *Москвá* появилась в штате *Миннесота*. Произошло это

событие вскоре после войны России с Наполеоном в 1812 г., когда в маленьком северном не обжитом еще поселке США, где жителей было всего...38 человек, вспыхнул пожар. Огонь был погашен самими жителями и по предложению одного из погорельцев, хорошо знающего о том, что в далекой России (это были как раз те времена, когда за границей были убеждены в том, что по улицам русских городов ходят медведи, а жители едят черную икру – ложками!) был недавно пожар в Москве, – было решено назвать новый поселок именем русской столицы!

Другая *Москва́* появилась в штате *Вермонт* также после нашествия Наполеона на Россию, когда кто-то из образованных жителей городка сравнил новый колокол местной церкви с московским Царь-колоколом.

Есть города по названию *Москва́* и в Техасе (в английском произношении – *Тéксис*), а также и в других штатах. А вот во Франции, в Париже, недалеко от Монмартра, есть даже *Московская улица*. Но к *Франции* мы еще вернемся.

Ну а как обстоят дела с названием *Санкт-Петербург*, второго знаменитого города России? Самый большой Санкт-Петербург находится в Америке, в южном штате *Флорида*. Я бывала там много раз, ибо в этом городе селятся многие русские американцы после выхода на пенсию, чему способствует сравнительно дешевая жизнь, благодатный климат и прочие комфортные условия. История названия города необычайно интересна и связана с именем *Петра́ Алексе́евича Дементьева* (1850–1919). Родился П.А. Дементьев в России, в Санкт-Петербурге, в дворянской семье и после многих жизненных перипетий оказался в Америке. В США он стал известен по имени *Деменс* и псевдониму *П.А. Тверско́й*. Под этим псевдонимом он посылал свои статьи в Россию, в журналы «Неделя» и «Вестник Европы», а в Петербурге, в типографии И.Н. Скороходова, издал сборник своих статей «Очерки Североамериканских Штатов» (1895). Человек большого ума, образования и энергии, он купил в Америке, в центре штата *Флорида*, небольшой участок земли, где занялся постройкой железной дороги, которая известна под названием «*Орандж Белт*», то есть «*Апельсиновая кольцевая*».

«Апельсиновая кольцевая» кончается у берегов Мексиканского залива, и именно здесь стал расти американский город Санкт-Петербург.

Об истории выбора названия для нового города неоднократно писали русские ономасты – именоведы *Альберт Пэри* и *Р. Полчаньнов*. А. Пэри, преподаватель, историк и журналист, жил последние годы своей жизни во флоридском Санкт-Петербурге, где я и встречалась с ним. Альберт Пэри посвятил свою жизнь деятельности П. Деменса-Дементьева, встречался с его родственниками, в частности с внучкой российского «первопроходца» *Мюриэл Владимировной Деменс-Брэдли*. Поскольку в те, уже далекие от нас, времена мало кто занимался историей русских названий городов Америки, сохранилась лишь связка легенд и фактов о происхождении названия Санкт-Петербург в штате Флорида. Самой достоверной можно считать следующую. Когда было решено открыть почту в новом городе, почтовое ведомство запросило сведения о названии места. Вновь назначенный почтмейстер *Элла Уорд* решила назвать почту своего поселка Ст.-Петербург, так как знала, что таково было желание П. Деменса. Флоридская почта в Санкт-Петербурге открылась 10 мая 1888 года. Так что совсем недавно мы праздновали столетие города-тезки всеми нами любимого Ленинграда – Петербурга.

Знаю я о существовании в США и другого *Санкт-Петербурга*, но это уже из первых рук. Как-то, тщательно изучая карту местности около города *Оушен Сити*, где летом живу в небольшом летнем домике, я обратила внимание на то, что часах в 2-3 от нас находится место Санкт-Петербург. Раздумью моему не было места, я вскочила в «телегу» (как эмигранты называют машину) и поскакала... Приезжаю... и что же я вижу? Пустое место, где стоит только одна заправочная колонка! Вышедший молодой парень засмеялся, когда услышал мой вопрос, касающийся названия этого маленького пункта, но тут же рассказал, что колонку поставили здесь совсем недавно, а пятерых молодых людей, взявшихся эту колонку обслуживать, – всю эту великолепную пятерку звали... *Питер*. Поэтому и присвоили этому, пока пустому местечку, название Санкт-Петербург. Есть

небольшое поселение около Аляски, у Тихого океана, также носящее название *Петербург*.

Встречаются в США и несколько городов по названию – *Одесса*. На мое счастье, один из этих городов расположен очень близко от только что упоминавшегося мною крошечного Санкт-Петербурга. В эту Одессу я ездила несколько раз и даже, кажется, установила приблизительно, кто ее так назвал. «Моя» *Одесса*, расположенная в штате Делавер, город старинный. Когда-то он назывался *Кентэлл Бридж* и экспортировал сельскохозяйственные продукты, главным образом, зерно. Одесса расположена на воде – город стоит на канале, соединяющем два больших залива; вокруг фермы огромные поля с растущей пшеницей, кукурузой и прочими злаками. В городе очень много интересных зданий, одно из них – *Френдз Митинг Хаус* (Дом встречи друзей). Построен этот дом в 1783 году квакерами и во время гражданской войны в Северной Америке служил тайной «станцией подземной железной дороги», где скрывались негры, черные рабы, бегущие с рабовладельческого Юга. В то время, когда я ездила в Одессу (жителей в этом городе сейчас около тысячи), а было это в 1985 году, там уже стерлось в памяти жителей имя того человека, который выкрикнул на сходке, посвященной тому, как назвать городок, – слово «Одесса».

Тщательно исследовав оставшиеся старинные документы, исходя вдоль и поперек старинное кладбище, я наконец-то нашла плиту, на которой были высечены имя и фамилия, вероятно, того человека, который был когда-то в российской Одессе скупщиком зерна, а потом поселился в США. Человек этот по-английски звался *Станислав Вест* (Stanislav West), был поляком из России и когда-то занимался продажей пшеницы из Одессы, а настоящая его фамилия была Весткóвский.

Имеется и еще одна *Одесса*, но уже в Южной Америке, в Бразилии, и история этой Одессы столь интересна, что я не могу ее обойти. А любопытна она потому, что касается прошлого русской эмиграции, начиная с дореволюционных времен. Здесь, в США, у меня есть приятель, эмигрировавший из черноморской Одессы пятнадцать лет назад, который рассказал мне, как

он нашел в Бразилии своих близких родственников, потомков брата своего деда, уехавших в эту далекую страну из российской Одессы в начале двадцатого века. Дело в том, что, начиная с конца последней четверти XIX века, в Бразилию начали прибывать евронейцы: голландцы, венгры, литовцы, латыши и другие. Город *Одесса* был основан *Карлосом Жозе де Орфуда Бательо*, который когда-то бывал в российской Одессе и пришел в восторг от этого города, его прекрасной планировки и богатой зелени. Первыми эмигрантами в бразильской Одессе были среди прочих народов русские и евреи, а директором колонии был назначен доктор *Проконий Давыдов*. Возвращаясь к истории моего приятеля, нужно отметить интереснейший узел событий: оказалось, что не только он искал своих родных, но и они пытались найти его. В конце концов через посольство Бразилии в Вашингтоне родственники «воссоединились» и что же? Оказывается, уехавшие в начале прошлого века (после 1907 года) из *Одессы* России, сначала поселились опять-таки в Одессе, но уже в бразильской, однако жительствоваали там недолго и переселились в другое место... Вот так соединились не только родные по крови лица (кстати, и фамилия у них одна и та же, и лица у всех бразильцев и моего *Мишки* — одинаковые), но вошли в какое-то «необратимое» родство украинский и бразильский город *Одесса*.

Хочу добавить одну очень интересную, но уже «политическую» подробность: во время эмиграции россиян в Бразилию в начале века, о которой я рассказываю, была какая-то заминка, и бразильское правительство обратилось в Петербург с просьбой разрешить русским крестьянам переселиться в Бразилию. И царское правительство ответило, что в отношении русских по крови людей им было бы это не совсем желательно, но что касается латышей (они в те времена считались подданными России) и евреев, то оно не только одобряет, но и всячески содействует выезду этих народов в Южную Америку...

Самая большая *Одесса* в Соединенных Штатах находится в штате *Texas*, в ней проживает около ста тысяч человек. Внимательно взглянув в годы основания американских городов с русскими названиями, можно заметить, что они появлялись в

основном тогда, когда в России происходили какие-то крупные перемены, большей частью войны с другими государствами.

Горящая *Москва* была запечатлена в Америке по имени столицы России: в штате Нью-Йорк появилось место – *Бородино*. А вот во время Крымской войны Америка «удочерила и усыновила» такие русские названия, как *Украина*, *Крым* и сразу... *пять Севастополей*. Что касается названия Украина, то первым в начале XIX века озвучил так свою небольшую усадьбу замечательный россиянин *Агáний Гончарёнок*, украинец, основоположник русского печатного дела в Америке. Именно с ним связано зарождение русской культуры и общественного дела в Новом Свете.

Согласно одному из преданий, в 1868 году в одном из поселков Калифорнии произошла потасовка между несколькими парнями. Они забаррикадировались в лавке и долго отбивали атаки рассвирепевших полицейских. После того, как «осада» была снята, эту лавку стали называть *Севастополем*, а позже название перешло к городу.

Тут к месту заметить, забежав немного вперед, следующее: после перестройки М.С. Горбачева началось бурное переименование многих больших городов и маленьких местечек СССР, названий политизированных, в дореволюционные их топонимы. Однако и в царской России не каждый город удерживал на долгое время первоначальное свое название. Замечание это относится прежде всего к *Севастополю*, что значит по-гречески «высокий, священный город». Севастополь был заложен 3 (14 июня) 1783 года, именно тогда появились первые каменные здания города. Но в 1797 году император Павел I приказал переименовать Севастополь в *Ахти́ар*, и только 29 мая 1826 года *Николай I* «высочайше повелеть изволил, чтобы Севастополь не именовать впредь Ахтиаром, а всегда Севастополем».

В штатах *Индияна* и *Северная Дакота* есть небольшие поселки с названиями *Ялта*, *Русь*, *Крымск*, *Волга* и *Сибирь*.

Недалеко от Нью-Йорка, в штате Коннектикут, находится так называемая *Русская деревня* (Russian Village). Основана была

Русская Деревня Ильей Львовичем Толстым (1865–1933), сыном Льва Толстого, и писателем *Георгием Гребенщиковым* и названа была *Чураевкой* в память известного романа Г. Гребенщикова «Чураевы». Сохранились там и по сию пору *улица Толстого*, *улица Киевская*... По приезде в США, в 60-х годах, мы с мужем были в этой *Русской Деревне* и много общались с ее русскими обитателями, но теперь все жители этого прелестного уголка отошли в мир иной, деревня почти пуста, а на земляном полу маленькой часовни растут грибы...

В *Городе Яблока* (как называют американцы свой самый большой город, город-мегаполис, город по размеру целое государство – *Нью-Йорк*) есть немало мест с русскими названиями. Всем россиянам, кто давно и недавно живет в *стране Колумба*, хорошо известна *Яшкин стрит* (Яшкина улица), где продаются недорогие, но приличные промышленные товары. Название это неофициальное, по-английски эта улица называется Дилэнси, но для всех русскоговорящих этот район Нью-Йорка – Яшкин стрит. Давно забыто, был ли этот «Яшка» русским по имени Яков или американцем Джейкобом... но улица Яшкин стрит в Нью-Йорке есть и, вероятно, будет там всегда. Случайно набрела я в Нью-Йорке, в верхнем *Манхэттене*, и на улицу *Петра Пинхасова* (Petr Pinchásov street). Как видим, это не транслитерация с английского и имя человека, давшего название небольшой улице, не английское *Питер*, а русское *Петр*. Попытки мои узнать о самом Петре Пинхасове не увенчались успехом.

В начале XX века в Америке блистала теперь уже несколько забытая звезда театра и кино *Алла Назимова*, русская актриса, воспитанница МХАТа. В начале века она купила поместье под Нью-Йорком, которое назвала Хуторок. По-английски название звучало как «*Who-Torok*». В 1941 году «*Хуторок*» был продан за 22000 долларов, там поселились другие люди, исчезло и русское название.

Вообще-то присваивать географическим точкам названия по именам людей, еще живущих на нашей планете, теоретически не полагается, но за последнее время эта традиция постепенно перестала соблюдаться на всем земном шаре. Особенно

это правило стало исчезать в 60–70-х годах XX века, когда в политической жизни некоторых стран, а особенно, и из песни слова не выкинешь, в бывшем Советском Союзе, стали нарушаться права человека с применением самых жестоких, варварских «методов исправления» тех, кто осмелился пойти наперекор «законам» *«империи зла»*, как назвал бывший Советский Союз американский президент *Рональд Рейган*.

В 1981 году в центральных американских газетах появилось удивительное сообщение о том, что городской совет *Нью-Йорка* единогласно утвердил название *«Лестница Анатолия Щаранского»*, которая ведет в Зал Мира, расположенный напротив Организации Объединённых Наций по адресу – Первая авеню и Сорок третья улица.

В том же году советского правозащитника *А. Щаранского*, находящегося тогда в тюрьме, почтили еще раз, когда присвоили его имя площади в Бронксе. *Площадь Анатолия Щаранского* существует и по сей день, несмотря на бурные тогдашние протесты представителя СССР в ООН. Следует сделать одну поправку: при выходе из тюрьмы Щаранский уехал на свою «прародину», в Израиль, где сменил свое имя на *Натан*. Изменили ли власти Нью-Йорка имя в первоначальном названии улицы – мне не известно. Улица *Ицхака Рабина* появилась в Нью-Йорке после убийства *И. Рабина* в Израиле.

21 сентября 1984 года американские центральные газеты писали следующее: «Мэр города *Нью-Йорка Эдвард Коч* присутствовал на официальной церемонии нового наименования Восточного угла 67-й улицы Ист, расположенной прямо напротив советской миссии ООН. Место это отныне будет называться *угол Сахарова-Боннер* в честь *лауреата Нобелевской премии Мира Андрея Сахарова*, находящегося в ссылке в г. Горьком вместе с женой *Еленой Боннер*». В том же Нью-Йорке, в знаменитом *Линкольн-центре*, у маленького скверика за памятником *Данте*, стоит высоченная вышка, сделанная вся из виолончелей, и называется это оригинальное виолончельное сооружение *вышка Растроповича*, в честь бесстрашного музыканта-виолончелиста *Мстислава Растроповича*, долгое время в 70-х годах XX века дававшего приют знаменитому

писателю *Солженицыну* у себя на даче (в СССР, конечно). Тут же, в Нью-Йорке, несколько лет назад появилась рядом с Рокфеллеровским центром улица *Джорджа Баланчина* в память сравнительно недавно скончавшегося в США знаменитого русского хореографа.

Есть и кое-что совсем новое в географических названиях Нью-Йорка. В ноябре 1999 года один из перекрестков между *Квинс-бульваром* и 67-й улицей был назван перекрестком *Памяти Холокоста*. Здесь, в США, многонациональной стране принявшей десятки тысяч бывших узников гетто и концлагерей, в которых сжигали живых людей, их детей и внуков, эта память священна, она никогда не умрет. Сотни людей собрались на митинг, который открыл раввин *Манфред Ганс*. Страшную историю Холокоста (уничтожения нацистской Германией шести миллионов европейских евреев) рассказала бывшая узница *Освенцима* *Ева Лукс...*

Очень много в США мест, носящих русские названия, и встречаются они порой в самых неожиданных местах. Так в поместье *Тэнгвуд*, в *Ленноксе*, проводятся каждый год музыкальные фестивали. Первым их организатором был русский дирижер *Сергей Александрович Кусевицкий*. Недалеко от *Леннокса* находится бывшее имение *Кусевицкого* – *Серафак*. Совсем недавно мне стало известно, что *Серафак* – акроним и составлен он из имени *Кусевицкого* – *Сергей* и имени его жены – *Натальи*. В имении теперь музей, на стенах висят интересные фотографии – среди них *Кусевицкий* с художником *Петровым-Водкинским* и другие, стоят мебель и рояль дирижера.

Все, кто следит за литературой, которая касается связи истории России с другими странами, знает, что американский полуостров *Аляска* когда-то принадлежал нашей стране, но в 1867 году был продан Америке. Поэтому немудрено, что на Аляске встречается очень много русских названий. Город *Ситка* ранее назывался *Ново-Архангельском* и полон названий улиц и прочих мест, напоминающих нам о его русском прошлом. Вот улица *Баранова*, первого главного правителя владений России на Аляске. От нее отходит улица *Этлима*, затем князя *Максимова*. По всей Аляске можно встретить русские

названия: *утёс*, называемый почему-то *Священником*, заливы *Монашка* и *Ольга*, залив *Спиридона*. На чередке островов (смотрите карту Аляски) вы найдете и недавнее название – залив *Св. Германа* и небольшой *остров Ёски* (*узкий*). Но поскольку тема о русских названиях на Аляске «велика и обширна», она была предметом исследования многих историков, в частности русского писателя-эмигранта *Виктора Порфирьевича Петрова*. Поэтому я отсылаю читателя к его книгам, которые теперь издаются и в России.

В своей книге «*Пращурь и правнуки*» я упоминаю своё посещение *Толстовской фермы*, которую основали недалеко от Нью-Йорка младшая дочь *Льва Толстого* *Александра Львовна* и *Татьяна Алексеевна Шауфус*... Как раз в то время на ферме жили прибывшие на постоянное жительство в США из *Турции* так называемые казаки-некрасовцы. *Казаки-некрасовцы*, старообрядцы, прожили в *Турции* 400 лет, спасаясь от преследования русской официальной церкви. Помню, с каким восхищением наблюдала я за жизнью «некрасовцев» на Толстовской ферме, слушала свой родной, но такой уже экзотический для моего уха их русский язык, поражалась давно забытыми в России их именами. Спустя некоторое время «некрасовцы» переселились на Аляску и теперь живут в *селе Николаевск*, занимаясь, в основном, ловлей красной рыбы, то есть семги. А выстроен Николаевск на диком пустынном месте, где сейчас стоят крепкие рубленые избы, расписанные внутри в разные цвета, точно так, как было в старину, но тут же холодильники, стиральные машины... И ходят по Николаевску наши как бы «предки»: женщины носят сарафаны и вышитые кофты в стиле семнадцатого века, на голове – платок, волосы – на прямой пробор и заплетены в косы, мужчины – в расшитых косоворотках, рубахи перехвачены поясками. Но жизнь бурно врывается в русский XXI век: на ногах вместо лаптей – знаменитые и любимые всем миром «*адидаски*».

А теперь кратко пройдемся по городам, деревням и улицам соседней с Америкой *Канады*. В этой стране издавна селились члены преследуемых в России религиозных сект. В исто-

рии России не раз бывало отмечено участие великого Льва Толстого в переселении в Канаду *духоборов* (а не духоборцев, как их часто неправильно называют), четвертое поколение которых до сих пор живет в этой стране. Главой духоборов был *Петр Веригин*. Провинции *Саскачеван* и *Британская Колумбия* – главное средоточие духоборских поселений, здесь находится и *посёлок Веригино*, названный так в память вождя вероучения, «столица» их духоборческого Союза. Последователь Веригина, *Пётр Проханов*, много ездил по Соединенным Штатам и в одной из статей о его деятельности рассказывается о том, что в 1926 году в американском штате Северная Дакота он встретился со своими единоверцами в *посёлке Кйев*.

Политическая «ориентация» старых послереволюционных эмигрантов была разной. Немало было среди них и просоветски настроенных, только лишь потому, я уверена, что в СССР они никогда не жили и советской жизни не ведали. Именно поэтому русские в Америке были очень удивлены, когда после перестройки в одной из русских газет в США писалось, что в Канаде определенная часть русской публики потребовала *отмены названия мыс Сталина и посёлок Сталин*.

Помню, когда мы с мужем посетили *Канаду* в 70-х годах, нам пришлось побывать в особенно райском месте Британской Колумбии... Есть в этом удивительном уголке нашей планеты место, необычно напоминающее пейзаж, который воспроизвел русский художник *Левитан* на своей картине «Над вечным покоем». Место это – живописный остров, расположенный на слиянии двух рек: мощной, полноводной Колумбии и другой реки, поменьше. Теперь здесь удивительной красоты Национальный парк – *парк имени Александра Цукерберга*. Русский журналист *Мстислав Могилянский* в одной из своих статей рассказывает об истории Национального парка Канады имени Александра Цукерберга. История эта очень романтична. Александр Цукерберг, потомственный петербуржец, технический специалист высокого класса, попал в *Британскую Колумбию* в 1930 году, спасаясь вместе с женой от зверств советской власти. Увидев вышеописанное место, он настолько пленился им, что решил поселиться там навсегда. На редкость вынос-

ливый человек, он работал без устали и в конце концов превратил маленький остров в цветущий сад. Почти вручную этот труженик построил напомилавший семье о далекой России деревянный замок, увенчав его церковным куполом, а когда в 1960 году скончалась его жена, соорудил маленькую часовню, в которой стоит вырезанная из дерева фигура жены, одетой русской сестрой милосердия начала века, кем она и была во время Первой мировой войны. Теперь Национальный парк *Александра Цукерберга* – место посещения туристов. Он содержится в идеальном порядке на средства правительства *Страны Кленового листа*, как называют Канаду ее граждане.

Посмотрим теперь на, как теперь говорят, «обратную связь», а именно: какие же английские названия и топонимы (наименования) на других языках существуют в России. Их не так много. С детских лет каждый молодой россиянин знает, что на полуострове Таймыр расположен *посёлок Диксон*. Основан поселок был шведским купцом, жившим в XIX веке, но название Диксон равно как фамилия и имя, широко распространены в англоязычных странах. В США есть немало населенных пунктов с названием *Диксон*. Один из них – небольшой городок на Среднем Западе, в центральном штате *Иллинойс*. Здесь провел свои детские годы бывший президент США *Рональд Рейган*.

Не думаю, что многие в России знают, что на северо-востоке российского Крайнего Севера существует *перевал Рио-Рита*, *река Конго* и два озера – *озеро Джека Лондона* и *озеро Сольвейг*. Последнее, вероятно, – дань уважения норвежскому драматургу *Ибсену*. Река Конго названа не по бывшему названию африканского государства, а по причине того, что на языке местных жителей, якутов, «*конгай*» значит «спокойная». Когда появились вышеприведенные названия, выяснить не удалось, а вот озеро *Джека Лондона* названо так уже в советское время по просьбе *Ю.А. Билибина*, геолога, под чьим руководством осуществлялись работы по изучению «*золотой Колымы*».

Есть и еще несколько интересных американских топонимов, но по их звучанию теперь трудно понять, что они когда-то

произошли от русских имен или фамилий. Я писала о них в своем первом выпуске книги «Сладостный дар». Но вот одно название небольшой улицы, закрепленное уже в советское время, еще мало кто знает. Эта улица расположена в городе *Ломоно́сове*, недалеко от Санкт-Петербурга, бывшего долгие годы Ленинградом. На этой улице стоит небольшой деревянный дом, где снимал на лето помещение поэт *Некрасов* вместе с литератором *Иваном Панаевым*, а называется сама эта небольшая *улочка* именем *Дюма-отца*, ибо летом 1858 года здесь жил приехавший в Россию знаменитый писатель Франции *Александр Дюма*.

Что касается русских названий в Европе, то их — непочатый край. Об обратном явлении, об иностранных названиях в России, и говорить в настоящее время не приходится, так как в Москве и Санкт-Петербурге уже каждый малыш знает о происхождении названия «*Русское бистро*», ибо, возможно, уже не один раз лакомился там вкусными пирожками в русском стиле. Итак, Европа. Давайте пройдемся «галопом по Европам». Именно галопом, так как многие знают, что русских названий во Франции, например, очень много.

Так в *Ницце* есть *площадь Царевича* — в память убитого большевиками цесаревича Алексея, в *Буживале* — *площадь Тургенева*, а не так давно появились сообщения, что в *Париже* присвоили русские названия двум улицам: одна из них называется теперь именем *графини де Сегюр*, другая — *улица Андрэ Барсака*. *Графиня Сегюр*, урожденная *Ростопчина*, дочь известного генерал-губернатора Москвы 1812 года *Фёдора Ростопчина*, вышла замуж за *графа Эжена де Сегюра*. Во Франции она стала писательницей, и ее детские книги «*Горести Софи*» и «*Воспоминания осла*» пользуются до сих пор большим успехом. *Андрэ Барсак* — сын обрусевшего француза-винодела, родился в Феодосии, но затем уехал во Францию, где прославился как выдающийся театральный режиссер. С удовольствием вспомнила я, что в юности однажды летом пришлось мне быть в Дмитровском районе Московской области, где на какой-то текстильной фабрике познакомилась я с молодой женщиной *Катей Барсаковой*, кото-

рая рассказала мне, что, по семейным преданиям, семья их происходит от француза по имени Барсак.

Продолжала Франция давать русские названия и после революции. Жена *Владимира Александровича*, сына Александра II, *Мария Павловна*, была похоронена в маленьком французском городке *Контрексвиль*, и в ее честь и память одна из улиц в этом городке называется *Rue Grand Duchess Vladimir* – то есть *улица супруги Великого князя Владимира*. К сожалению, никто уже не помнит, кто была эта великая княгиня. Вообще во Франции улиц с именами деятелей русской культуры великое множество: *бульвар Ленина*, *Сталинградский бульвар*, *мост имени Александра Третьего* и так далее. Имена населенных пунктов с русскими названиями во Франции начали появляться после войны с Наполеоном, когда русские войска вступили на землю Франции. Названия были даны, как показала история, когда на иностранные названия топонимов влияла политика.

Когда во Франции была сильна коммунистическая партия, в ряде округов можно было встретить *улицы Жданова*, *Дзержинского*, *Кирова*, *малый Ворошиловский проспект* и т.д. До поры, до времени, однако... Посмотрим, что случилось с этими названиями, когда в СССР началась *перестройка*. А случилось то же, что и в СССР, незамедлительно переименованном в свое старое доброе имя Россия. *Мэров-коммунистов* во Франции немедленно переизбрали, и *ул. Кирова* снова стала *ул. Наполеона*, *ул. Дзержинского* получила свое старое название *ул. Милосердия*... В Швейцарии, в Цюрихе, жил в эмиграции Ленин. Улица эта называется *Левенгассе* (улица львов). Известно, что сын сапожника, у которого Ленин и его жена *Крупская* снимали квартиру, предложил во времена благосклонного отношения к коммунизму в Европе переименовать эту улицу в *Ленингассе*, тем более что новое название очень походило на старое, но жильцы запротестовали, ибо название *Левенгассе* – историческое и существует несколько столетий.

Ну, а самое интересное произошло в Чехословакии после 1968 года, задолго до перестройки, когда советские войска раздавили требование чехов о полной свободе в стране и о выво-

де советских войск. Об этом прекрасно пишет *Милан Кундера*, чех, в своей книге «Невыносимость лёгкого бытия».

Конечно, Чехословакия после Второй мировой войны была почти советской, но открытый взрыв негодования там был первым и отразился он, можно ли представить себе, прежде всего на... топонимике. Сначала *М. Кундера* перечисляет все названия улиц в *Праге*, взятые из русской географии, истории, литературы и т.д. «*Сталинградская улица. Новосибирская, Киевская, Одесская... Санаторий имени Чайковского, имени Толстого, имени Римского-Корсакова*». Все вышеперечисленные названия, а также подобные им: *гостиница «Суворова», кинотеатр им. Горького, «Пушкинское кафе»*... – все эти русские названия граждане Чехословакии тут же сняли, как только цель советского руководства – подавление восстания – стала ясна. Страна за одну ночь стала безымянной. Семь дней советские солдаты и офицеры бродили по городам *Чехословакии*, как слепые, не в силах определить своего местонахождения. Они искали здания радиостанций, газет, телеграфа, чтобы их захватить в первую очередь, спрашивали у прохожих, где то или иное место, но чехи или отвечали незнанием, или посылали своих в ту минуту врагов в противоположную сторону.

В *Израиле*, задолго до прибытия туда российской эмиграции нашего времени (с 1950-го и по сей день), было безмерное число названий улиц с именами выдающихся людей русской культуры. В столице этого крошечного государства, которое по территории меньше, чем Московская область, *Тель-Авиве* (что значит «весенний холм»), туристы восторгаются *улицами Пушкина, Лермонтова, Лескова, Короленко, Горького, Мандельштама, Пастернака, Вахтангова*. В сравнительно небольшом новостроенном городе *Ашдод* я видела *улицу врача Рогзина*, в *Иерусалиме* – *доктора Хисина*, о котором мне много рассказывала здесь, в Америке, внучка жены доктора, женщина довольно преклонных лет. Встретился мне в этой малютке-стране и целый населенный пункт с названием *Слободка Иешива!*

И самое последнее, что попало мне на глаза в американской газете за 2000 год, – было сообщение о том, что решением правительства *Эфиопии* одна из *улиц* этой столицы будет назва-

на именем великого *Пушкина*. В *Эфиопии* Пушкин пользуется большой известностью. Некоторые его произведения переведены на амхарский – государственный язык *Эфиопии*.

Не сосчитать за пределами России наших соотечественников, многие из них уже давно забыли, что предками их были русские люди. Осталась у этих людей, в самом лучшем случае, лишь фамилия.

Много лет тому назад, в начале XIX века, русский царь *Александр I* подарил немецкому кайзеру *Фридриху-Вильгельму* солдатский хор с семьями. Всего двенадцать семей. Солдаты-певцы, чьи голоса так восхитили державного правителя немецкого народа, были привезены в Германию, получили звание гренадёров и были поселены в Потсдаме, тогдашней резиденции прусских королей. В 1826 году для них построили поселок из тринадцати прелестных домиков «в русском стиле» с фруктовыми садами. Почти все домики были в два этажа с мансардой, с правом передачи по мужской линии. Сам поселок занимал две небольшие улицы, пересекающиеся в виде Андреевского креста, а в середине стоял дом коменданта. В честь Александра I местечко было названо *Александровкой*. Однако уже через двадцать лет, в 1847 году, в *Александровке* осталось всего лишь девять семей, а в 1913 году – только четыре.

Очень давно в нашей семье я слышала от деда моего эту историю, как сказку, так как, по семейным преданиям, кто-то из нашей дальней родни был в числе переселенцев. Во время Первой мировой войны дед мой был в плену в Германии и даже подумывал о том, чтобы остаться в чужой стране, ибо на него «имела виды» хозяйская дочь. И вот, будучи в Германии, недалеко от *Потсдама*, он узнал, что какие-то семьи изначально переселенных гренадёров там остались, но на языке предков никто из них уже не говорит и своим русским происхождением никто из них и не думает «гордиться». Далее история Александровки как-то теряется, российский так называемый «коммунизм», Вторая мировая война, гитлеризм, сталинизм отодвинули прошлое маленького поселка куда-то вглубь, но сам поселок продолжал стоять и привлекать внимание тури-

стов. В семидесятых годах XX века побывали в Александровке наши зарубежные соотечественники и рассказали, что городок стоит! Стоит со своими деревянными домиками, разукрашенными художественной резьбой, с прекрасными садами и даже небольшим, скромным православным храмом! Прежние русские, праправнуки и правнуки первых поселенцев, уже совсем онемечились, да и разъехались, но вместо них поселились бежавшие от «друга народов» во время Второй мировой войны россияне 40–50-х годов, и для нескольких старичков и старушек приезжает служить в церковь русский священник. А на одном из домиков можно еще разобрать фамилию прежнего владельца – «Григорьевф». В 1977 году был юбилейный год Александровки, ей исполнилось 150 лет! Поселок был объявлен архитектурным памятником. Составлен план реставрационных работ, и есть надежда на то, что эта русская сказка на чужой земле сохранится и будет жить долгие годы.

Много встречается русских названий мест в разных странах, но надо быть осторожным, ибо иногда бывают совпадения в английском или ином иностранном написании и в русском произношении. Какие? А помните начало этой главы, когда я увидела слово *kanáwha* (канáвка) и вообразила, что эта американская улица повторяет название нашей русской *Канáвки* в Петербурге?.. Я ошиблась. Улица *Kanawha* в *Вашингтоне* – из лексики североамериканских индейцев, но по значению стоит близко к русскому «река». Так что прежде, чем утверждать, что по звучанию какое-то слово напоминает русское, надо тщательно изучить его происхождение. А вообще иноземные названия в какой-то стране свидетельствуют не только об истории всего нашего мира, но дают глубочайшие знания о социологии, о культурных связях между народами всех стран, об *исчезнувших цивилизациях* и даже ведут историков, географов, археологов и геологов к научным предположениям о будущем нашей планеты и всего человечества в целом.

КАК ЗВАТЬСЯ?

В России граждане редко сталкивались с трудностями написания своей фамилии в официальных учреждениях. Грубо говоря, «как слышим, так и пишем», – вот основное правило с небольшими иногда поправками «а» на «о», «и» на «е» и так далее. В Соединенных Штатах – иная картина. Во всех англосаксонских странах для написания любого слова, в том числе и фамилии, существует «спеллинг», форма которого, то есть порядок букв, может быть резко отлична от произношения целого слова. Так, американец по фамилии Fährnheim поправит любого, кто произнесет его фамилию, как Фарнхэйм, то есть по закону «как пишем, так и произносим», и укажет на правильное произношение – Фэрнэм или Фэрэм.

Мысль о написании данной статьи родилась, когда некто *Нинель Царшинская* рассказала автору, с какими трудностями ей приходится сейчас сталкиваться, чтобы получить положенную ей пенсию. Все документы готовы, вот копии их на столе, но, как ей объяснили в управлении, синонимом которого служит наш российский собес, в бумагах ее есть много несоответствий, касающихся ее имени и фамилии. Дело в том, что *Нинель*, по полному незнанию американского подхода к любого вида официальной документации в этой стране, представляла себя по-разному: то изображала свое имя как *Nelly*, то *Ninèl* или *Nelia* и т.д., а уж что она творила со своей даже и по-русски «трудной» фамилией, рассказать невозможно. В результате возникла невероятная путаница, и женщине этой придется потратить массу времени, чтобы доказать, что все *Нинели*, *Нелли* и *Нели* – одно и то же лицо, и в конце концов получить пенсию, а также ряд других привилегий, связанных с возрастом.

Фамилия – не имя. Она должна неизменяемой переходить из поколения в поколение. Фамилию нельзя самовольно сократить или видоизменить даже в неофициальной беседе, как, например, имя, когда можно назвать себя *Píta* вме-

сто *Маргарита*, *Мара* вместо *Тамара*, *Мила* вместо *Людмила* и так далее. Изменить официально родовое свое прозвание (прозвище, наименование, прозвание и т.д. – так по-разному называются фамилии) везде непросто, и Россия, и США – не исключения. С этим везде надо идти в суд, а после присвоения такому-то лицу нового наименования надо срочно оповестить все инстанции и учреждения, где он значился под своей старой фамилией и, возможно (если тоже менял), именем. Для всей процедуры требуется масса документов, свидетелей, письменных и устных объяснений, почему вас смущает прежняя фамилия и вы хотите «ту» переменить на «эту».

В любой стране можно найти множество лиц, желающих изменить фамилию. В США через это испокон веку проходили иммигранты. Еще в начале века эта процедура происходила на острове Эллис Айленд, пропускном пункте для лиц, прибывающих со всего света в Америку, где их имена и фамилии подвергались «американизации» в эмиграционном управлении, лишь только будущие граждане сходили на берег. Так, *Михаил* и *Анна Степановы*, называющие себя русскими (этнически), записывались, как *Майкл* и *Энн Степ*, *Самуил* и *Рахиль Матковские*, супруги еврейского происхождения с Украины, начинали именоваться *Сэм* и *Рэйчел Мэтт*, словены *Божидар* и *Мария Пиплак* стали *Биллом* и *Мэри Пайп* и так далее.

Процедура американизации национального имени не была обязательной, но в новом иноязычном обществе это было очень удобно. В дальнейшем потомки этих новоприбывших уже носили новые имена.

Ну, а как же с теми, кто не захотел расстаться со своим исконным прозвищем и рискнул оставить его в чужой стране?

«Разве можно жить с фамилией *Фердыщенко*?» – восклицает один из героев Достоевского. «Еще как можно! – спокойно отвечу я, – а вот вы поживите с фамилией... *Твоумать*». Подобную фамилию я встречала два раза: один раз – на родине, другой раз – здесь, в США. Тот, кто носил ее в России, рассказал мне, что изначально перед *Твоумать* стояло и известное слово

из двух букв, но в 30-х годах он убрал их в официальном порядке, а остальное оставил, руководствуясь тем, что фамилия его исключительно оригинальна.

А вот здесь, в Нью-Йорке, в начале 50-х годов, когда повалила из Европы вторая волна русскоязычной эмиграции, некто Пётр Сидорович Твоюмать сначала при въезде переделал себя в «мистер Твом» (*Twot*), но дети его, когда выросли (а звали их уже по-новому – *Мария – Мэри, Прасковья – Пегги и Сидор – Сид*), возродили свою родословную через суд и пишутся сейчас *Твоюмать* (*Tvoiumat*), так же, как и некоторые эмигранты-украинцы – *Порубайсмех, Пердикляч, Нешьсала, Нетудыхата, Писькин, Какашкина, Срака* и другие. Ведь американцам смысл этих смешных словосочетаний ни о чем не говорит. Так, знакомый многим *Иван Семенович Гнида*, представитель баптистской общины Украины в Ашфорде, штат Коннектикут, прошел всю жизнь со своей фамилией с полным достоинством.

Или мой сосед, славный молодой человек. Ему 27 лет, он украинец в четвертом поколении, и не только он, но даже родители его давно забыли родной язык предков. Зовут моего соседа – *Роберт Глста*. Объяснить ему, что значит его фамилия, я не рискнула, чтобы не вводить молодого человека в комплекс – он бизнесмен, клиенты его все американцы (русские обходят его из-за фамилии).

Когда-то, по приезде в Америку, я сталкивалась с россиянами, воспользовавшимися возможностью через суд освободиться от своих малопривлекательно звучащих фамилий. Основных причин было две:

1. Чувство дискомфорта в кругу своих российских соотечественников.

2. Для «удобства чужого уха» – чтобы американцы не переспрашивали чуждо звучащую для их слуха фамилию и не просили дать написание буква за буквой.

О дискомфорте: особенно много я встречалась с курьезными фамилиями по приезде своем в США, когда ходила в суд на слушание дел по переименованию национальных наименований украинцев, обитающих в большом количестве в Миннесоте, где тогда жила и я. Комических эпизодов, связанных с прозва-

паниями, прозвищами, именами и родовыми кличками, было не перечсть.

Так, *Роман Луквич Свистопун* перепачтил в суде свое кровное прозвание на *Ричард Лерри Свист. Радиоліна Сукодавкина* стала называться *Лінда Сукк. Революцій Ермілович Красножбнов* в Америке немедленно переименовал себя в *Волли Кросс*, что звучит совсем неплохо. А вот в *Советском Союзе*, где в глухом украинском местечке он женился перед войной, скандал разразился прямо в загсе. Работники этого уважаемого учреждения, умирая от хохота и чувствуя, что здесь — их власть, упорно отказывали ему взять фамилию жены, хотя по советским законам это всегда позволялось. И остался бы наш *Революцій Ермілович* павек Красножбновым у себя на родне (он, правда, всех уверял, что когда-то, еще при царском «прижиме», писарь в воинском присутствии хотел за что-то отомстить его предку и нарочно «описался», а настоящая его фамилия — *Красножбнов*), если бы не попал наш герой во время войны за кордон.

С новой фамилией, которую берут себе в чужой стране иммигранты, нужно быть очень осторожным, особенно теперь, в век повальной компьютеризации. Новая фамилия должна быть везде, во всех документах одинаковой, писаться по раз и навсегда установленному единому спеллингу, то есть правописанию. А иначе — хлопот не оберешься. Тот же *Революцій* выбрал себе фамилию *Kross*, но где-то он изобразил ее как *Cross*, имя писал то *Волли*, то *Уолли*, как и вышеупомянутая *Нинель Царшинская*. И ему тоже пришлось долго мучиться, чтобы доказать, что все это — одно и то же лицо.

Ну, а что приходится ожидать иммигранту любой страны, если он решил не изменять своей фамилии при въезде в США или при получении гражданства, а сделать это позже? Вот тогда-то ему и придется идти в суд. Именно тут, в суде, и разыгрываются случаи, граничащие с трагедией. Американцы до недавнего времени верили всем на слово, но теперь все круто изменилось. Поскольку многие иммигранты, и россияне в том числе, по-прежнему прибегают к обману, федеральный или штатный суд в США все чаще и чаще начинает интересоваться, по каким мотивам такой-то решил себя переименовать.

А мотивы эти могут быть самыми разными: тут и попытка избежать всплытия какой-нибудь нечестности, уклонение от уплаты алиментов, желание предать забвению свое уголовное или политическое прошлое и т.д. После Второй мировой войны случаев ложных показаний при въезде в США было не перечесть, и прибегали к ним не только нацистские и российскийские военные преступники, но даже ни в чем не повинные граждане СССР, из привычного страха скрывающие всё и вся. Именно тогда вошел в юриспруденцию США термин «берёзовская болезнь».

Термин «берёзовская болéзнь» касался показаний при натурализации (получения гражданства) *Роди́она Миха́йловича Берёзова*. Честнейший, благороднейший человек **Роди́он Миха́йлович Акúльшин**, поэт, прозаик, драматург, пользующийся большим почетом в Москве, взял себе в лагере для перемещенных лиц в Германии псевдоним **Берёзов**, чтобы руки Сталина не «достали» его за морем. И вот при натурализации он обо всем по своей доброй воле рассказал в суде, хотя никто его за язык не тянул. Американские законодатели заволновались настолько, что *Роди́ону Берёзову* и многим другим с такой же судьбой грозило насильственное возвращение в СССР прямо в лапы тех, от кого бежал определенный процент второй волны эмиграции.

Впрочем, не хочется омрачать настроение читателя печальными эпизодами, возвращаясь к комическим. *Федóт Фёдорович Семи́рбóжин* погал в Америку в 49-м году из Германии, где он несколько лет жил с семьей в диспийских лагерях. Человеку этому из небольшого села под Смоленском и по-русски-то грамоты не хватало, а что же говорить об английском? Кроме «хай» и «бай» ничего произнести не мог. Итак, обратился *Федóт Семи́рбóжин* в суд с ходатайством о перемене фамилии, а в ходатайстве надо было указать, почему он желает расстаться со своим национальным прозвищем. Несмотря на отсутствие «грамотёшки», *Федóт Фёдорович* (с подначки уже вполне обамериканившегося сына) избрал себе новую фамилию и пожелал впредь именоваться... *Стóартом*. Зал наполовину был заполнен нашим братом, россиянами, которые встретили нового

бывшего представителя «британского королевского дома» хохотом. «Что же вы находите в фамилии Семайруджин недостойного, чтобы ее изменить?» – спросил судья. Он никак не мог докопаться до смешного смысла прозвища *Семирóжин* и произносил ее на свой салтык – *Семайруджин*. – Вы ведь из Советского Союза, не так ли? И вы, как говорите, не разделяли политику своего босса *Стáлина*. Но ведь вы жили в той стране и даже были красноармейцем?.. Ах, вам не хотелось идти в *Крáсную А́рмию*, вас записали туда насильно? Что ж, – он строго обвел глазами присутствовавших, – так и выходит, как я предлагаю: если вы не полностью красный, то уж *полукрáсный* наверняка. – Судья хорошо знал французский: «семируж» по-французски – полукрасный. – Итак, – четко заявил представитель американского закона напоследок, без тени жалости глядя на взмокшего от напряжения *Федóта Фёдоровича*, – хотя в Америке нет авторского права на фамилию, желаемое вами новое родовое прозвание *Стю́арт* я не утверждаю. А вот *Семáйруж* – могу утвердить. Согласны?»

Бедный *Федот Фёдорович* был рад и этому. Он давно возвратился к престолу Отца Небесного, пославшего его на нашу грешную землю, дети все вышли в большие люди и фамилию свою, обрубив, произносят, как *Сáммер* (лето). А белоголовые внучата *Федóта*, облепившие меня в доме *Сáммеров* и не секущие по-русски ни слова, так никогда и не узнают, что их дедушке, «полукрасному» колхознику из-под Смоленска, не только по-английски, но и на его родном, русском языке «грамотёшки не хватало».

Встречались случаи, когда некоторые наши россияне (и не только славянского происхождения) хотели менять свои исконные фамилии на другие, попримечнее. Так, на вопрос судьи, что конкретно не устраивает господина *Гробдляркурицы* или прочих по фамилиям *Полудурок*, *Вариборц*, *Недопýськин* (последнее, вероятно, от Недопюскин, по фамилии одного из действующих лиц рассказа *Тургенева* «*Чертопханов и Недопýскин*»), те отвечали, что соотечественники часто встречают их насмешками и шутками. Судьи большей частью (сейчас особенно) слушают претендентов на соискательство

новой фамилии несколько скептически и очень неохотно дают «добро» или вообще не разрешают полное изменение фамилии, настаивая только на ее сокращении: *Гроб, Пол, Вар, Нед* (см. фамилии, упомянутые несколькими строками выше). Ибо в английском языке смысл подобных курьезных фамилий полностью затушеван. Что же касается ремарки судьи, ведущего дело *Федота Семифóжина* о том, что в Америке авторского права на фамилию нет, то тут дело в следующем. Многие иммигранты желают менять свои фамилии (по крайней мере так было в прошлом, чему я сама свидетельница), называя себя каким-либо американским историческим именем: *Линкольн, Джефферсон, Рузвельт* и тому подобное. Именно против этого выступают американцы-аборигены англосакских корней, носящие ту же фамилию. Некоторые судьи принимают эти протесты во внимание, другие утверждают, что авторского права на фамилию нет. Вот случаи. Украинец *Ульян Хамно* решил переменить свою не самую благозвучную для россиянина фамилию на *Улисс Грант* (имя и фамилия одного из выдающихся американских президентов XIX века). Судья не утвердил – будет двусмыслица. Предложил фамилию *Хэм*.

Евгён Сопля задумал стать в Америке *Джэйном Коммерсэтом* (он произносил это слово, как «самосад», так что судья вначале ничего не понимал). *Коммерсэт* – имя писателя *Мозма*, о котором наш герой не имел никакого представления. В этой новой фамилии *Евгёну* было отказано, ибо она может ввести всех в заблуждение, и судья предложил на выбор *Сопл* (*Sopl*) или *Сопун* (*Soun*), что значит «мыло». *Евгён* так и назвался. Еще недавно в Вашингтоне жила немолодая пара по фамилии *Крик-Ливу* (*Steek Leevy*). Типичная английская фамилия. Ан нет. Муж в этой семье был из семьи казаков и прозывался *Крикльвий*.

С полным пренебрежением к смыслу славянских фамилий предков живут такие известные в США люди, как *Сью Палка* (*Palka*), профсоюзный деятель *Стив Водка* (*Vodka*), его коллега *Джон Срака* (*Sraka*) или часто мелькающий в рекламных роликах человек по фамилии *Гореёв*. В список этот входит также очень давно известная жителям США фамилия компании по продаже автомашин, нынешнего главу которой зовут *Брайен*

Пога́нка (Рога́нка). В качестве фамилий иногда встречаются за рубежом имена собственные. Миру известен француз *Рафаэль Олег*, скрипач. Хорошо знают также французского режиссера *Роже Вадима* – этот деятель искусства взял фамилией свое имя. В действительности он зовется *Вадим Племянников*.

Как-то по образовательной телепрограмме выступали две толстушки афроамериканки, желающие стать певицами. Сценический псевдоним был у них уже готов, и в искусство они надеются войти, как *Кассандра Алексе́й* и *Офелия Никола́й* (имена *Кассандра* и *Офелия* даны при рождении). Я не поленилась позвонить в студию и поинтересоваться, знают ли они, что значат их новые фамилии и почему они обе выбрали именно их. Девушки-толстушки без запинки ответили, что в их районе живут теперь новенькие из *России* и сыновей в семье зовут *Никола́й* и *Алексе́й*, что звучит несколько загадочно, а для сценического псевдонима ничего не может быть лучше.

А вот случай весьма редкий, когда русская фамилия стала в иноязычной стране именем. Случай этот – один из первых, если не первый в русской истории наименования. В конце XVIII века англичанка *Марта Брэ́дфорд* (ур. Виллмот) была женой британского посла в *России* и очень дружила с *Екатери́ной Рома́новной Да́шковой* (ур. *Воронцо́вой*), первой женщиной-президентом Российской академии наук. Дружба была столь тесна, что *Марта* называла *Екатери́ну Да́шкову* своей русской матерью. Именно в память и честь этой любимой русской матери *Марта Брэ́дфорд* назвала свою дочь *Екатери́на-Анна-Да́шкова*, где *Да́шкова* – не фамилия, а третья составная часть имени. Насколько мне известно, «*Дашкова*» – русский компонент этого имени, повторялся и у потомков *Марты Брэ́дфорд*.

В заключение поинтересуемся, есть ли в русском языке фамилии, которые и без переводчика ясны англоговорящему в чужой стране. Да, конечно, есть. Таковы, например, исконно «лаптежные» русские наши фамилии *Ши́тов* и *Фо́кин* (которые могут ассоциироваться с «*shit*» и «*fuck*»). Одного дипломата по фамилии *Шитов*, насколько мне известно, заставили заменить «т» на «л», и он стал *Шиловым*. Другого не пустили в англоязычную страну, а направили куда-то еще.

Неудобно-неприятная ситуация возникает и в России, когда туда из англоговорящей страны прибывает человек с фамилией *Эбитт*, *Эбан* и что-то такое в этом роде.

По моему личному мнению, ни в русских, ни в английских фамилиях такого рода ничего страшного нет, но как русским, так и американцам просто не хватает ономастического кругозора, чтобы не хихикать при подобных именных «вывертах» нашей всеобщей истории именологии.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКИХ ИМЕН

Многие, эмигрирующие из России за последнее время, утверждают, что они уехали ради детей, для того, чтобы спасти своих чад от тлетворной моральной темноты, жестокости и невежества советского строя. Особенно радостно отмечается в любой российской семье в США появление нового ребенка, нового «настоящего американца», свободного гражданина свободной страны. Однако тут же с появлением «нового американца» иногда возникает проблема: как назвать младенца? Широкая служба имен (списки, рекомендации и др.) для новорожденных в США у коренных граждан Америки не совсем развита, так как считается, что это – личное дело родителей и никакой рекламе или навязчивому совету не подлежит. Но эмигранты часто безнадежно тонут в новой стране в обилии имен и перенимают для своего сына или дочери, недолго раздумывая, имя ребенка соседа или родственника, знакомого или часто просто то, что «на слуху».

Долго занимаясь этим вопросом в американском англоязычном обществе «Имена» (American Name society), мне пришлось прийти к выводу, что если родители хотят, чтобы их дети (сейчас мы говорим о россиянах) знали историю своего рода и семьи, они дают ребенку двойное имя: русское и американское. Говоря «русское», я должна сделать поправку и указать, что это может быть любое другое национальное семейное имя. Среди первой и второй эмиграции это было в меру, правда, принято, и вы можете нередко встретить американцев всех возрастов русского происхождения с именами *Владимир-Ричард*, *Татьяна-Дженнифер**, *Юрий-Эдвард*, *Наталья-Джессика* и другие. Россиянам, желающим сохранить в семье «русский дух», я всячески советую следовать выше приведенному при-

* Имя Джен(н)ифер пишется, по желанию родителей, а впоследствии и имяносителя, либо с одним, либо с двумя «н».

меру. Таких семей в среде выходцев из *России* (национальность я в расчет не принимаю), где дети не только естественно относятся к тому, что у них два имени, одно из которых звучит несколько экзотически для слуха коренного жителя Америки, – я встречала немало. Они прекрасно говорят по-русски, знают многое из русской истории и литературы и производят впечатление очень интеллигентных американцев русского происхождения.

Есть и другая категория россиян: те изначально идут по другому пути, пути полной американизации своих сыновей, дочерей и внуков. Этим ребятам даются только американские имена, с ними никто из близких не проявляет желания говорить по-русски, предпочитая в меру искаженный английский родителей и других членов семьи, старающихся отодвинуть от поколения, родившегося уже в США, все, что касается любых аспектов знания о прошлой и настоящей России.

Как «надо» поступать и как «не надо» – это личное дело каждого, вольному – воля. Именовед (он же онолог или ономаст) – не воспитатель, его интересует только одно: как справляются с американскими именами недавно прибывшие российские эмигранты, знают ли они их происхождение, историю, значение? Ведь дети в любой стране, всех национальностей очень ценят, когда на их вопрос к матери или отцу «почему меня так назвали?» родители дают им толковый ответ.

Говоря «американские имена», я прежде всего имею в виду их основную массу – антропони́мы (антро́поним – имя человека) Великобритании. Не сомневаюсь, что бывшие учащиеся как советских, так теперь и русских школ, помнят, что в своей повести «*Человек в футляре*» Чехов рассказывает читателю о том, как в одной из гимназий старой России *Беликова*, преподавателя греческого языка, влюбленного в некую *Вареньку*, прозвали «влюбленный антропос». Последнее слово – значит «человек» по-гречески. Но это только к слову.

Итак, именно антропони́мы древней *Великобритании*, иначе говоря, современной *Англии*, составили основной костяк английских, а впоследствии и американских имен после переселения многих англичан на Новый континент, в *Америку*. Но

английские имена тоже не с неба свалились, они были заимствованы у многочисленных народов, населявших, завоевывающих и посещавших эту страну в разные времена истории, как-то: у кельтов, датчан, римлян, а более всего у норманнов и бриттов (старинное название французов), которые во главе с *Вильгельмом Завоевателем* вторглись в Англию в 1066 году и принесли свои имена. Эти имена и сегодня входят в британский именник как часть основных англо-американских антропонимов, используемых в наше время. Имена эти с давних пор перенимались и перенимаются всеми народами земного шара, в том числе и народами России.

Для примера: *Роберт, Ричард, Роджер, Эдвард, Алан, Вильям* (Уильям), *Генри, Джеффри* и другие – из мужских и *Виктория, Эмма, Эмилия, Лаура* (Лора в английском произношении), *Берта, Роза, Лиана, Линда* и прочие – из женских. Количества их не перечить.

Кроме вышеупомянутых, в именник (список употребляемых где-либо имен) англо-говорящих народов вошли и антропонимы, связанные с разными религиями, и прежде всего **имена библейские**.

Именоведы вычислили, что с XII по XVI века библейские имена были первыми по популярности в Англии. Из мужских к ним относятся *Адам, Соломон, Давид, Эйбрахам* (Авраам), *Исаак* (Айзик в английском произношении), *Бенджамен, Джейкоб* (Яков), *Джозеф* (Иосиф), *Мозес* (Моисей), а из женских такие, как *Ева, Ада, Сарра, Рахиль, Ревекка, Лия, Руфь, Юдифь, Дина* и другие. Произношения женских имен по-английски я пока опускаю. Все эти имена используются до сих пор всеми народами мира. Входят в этот список и библейские **антропонимы пророков**, подобные прозваниям Иеремия, Даниэль, Михей, а также других, упоминаемых в Библии персонажей – *Самсон, Иона, Йов, Сусанна, Офра* (Офра) и т.п.

Ученые-ономасты установили, что во всем мире женщин с библейскими именами гораздо больше, чем мужчин, хотя в Книге Книг, как называют Библию, насчитывается три тысячи тридцать семь мужских имен и только... сто восемьдесят одно женское.

Но что, по сути, представляет собой библейское имя? Заложено ли в нем какой-либо смысл? Да, каждое имя в Библии несет смысловую нагрузку, по выражению ученых-именологов, то есть имеет какое-то значение, смысл. Так, например, *Моисей* – пророк, глава иудейского народа, давшего древним евреям **Закон**, был найден дочерью египетского фараона трехмесячным в корзине, плывущей по Нилу, и значит это имя «*вытащи его из воды*». То есть имя это египетского происхождения.

Имя *Ева* имеет значение «*праматерь всех живущих на Земле*», *Адам* – «человек», *Иосиф* – значит «добавь», так как при рождении ребенка мать его будто бы воскликнула: «Да будет увеличиваться мое семейство».

Есть у евреев сегодняшнего дня немало имен собственных, мужских и женских, значение которых – название животных и растений. Так, *Дебора* значит «пчела», *Иона* – «голубь», *Яэль* имя женское – распространенное в Израиле особенно в конце XX века – трактуется как «овечка», *Лия* – «тёлка», *Калеб* – «собака». Разошедшееся по всему миру имя *Тамар(а)* – означает на иврите «пальмовое дерево», *Сусанна* – «роза».

Есть древнеиудейские имена не очень популярные сейчас, но распространенные в далеком прошлом, такие, как *Лабан*, что значит «белый», *Харим* – «плосконосый». *Кора* – «лысый». *Нога* – имя мужское и женское, загадочное по своему происхождению, не известно, какой смысл имеющее.

Да не удивится читатель, узнав, что многие имена из Библии означают **топони́м**, то есть название места. В России когда-то, большей частью до революции (теперь, в начале третьего тысячелетия идет возрождение этих имен) использовалось среди еврейского населения имя *Батшеба* для девочек. Имя это часто встречается в США среди немолодых женщин-эмигранток из России. *Батшеба* – название самой южной части *Палести́ны*, упомянутое в Библии, а в русифицированном варианте имя это звучит как *Вирсавия*. Среди русских встречается редко.

В Соединенных Штатах среди групп населения всех национальностей нередко встречаются граждане с имена-

ми, мужскими и женскими, также означающими названия географических мест (топонимов) в Библии. Таковы, например, *Кармел* и *Кармела*, мужское и женское, *Бетезда*, *Вифанія*, *Хайфа*, *Рехобот*, – некоторые эти города существуют на земле древнего Израиля до сих пор, другие возрождаются и как бы восстают из-под земли в результате стараний археологов.

Все вышеупомянутые библейские имена изначально пользовались большой популярностью у американцев, у белых и у афроамериканцев. Американские имена *Рейчел* (*Рахиль*), *Рут* (*Руфь*), *Ребекка*, *Ли́я* у слабого пола и *ё* (Авраам – так звали президента Линкольна, при котором было отменено рабство в США), *Джозеф* (*Иосиф*), *Сэмюэл* (*Самуил*), *Джейкоб* (*Яков*, а вернее *Яко́в*) у сильного пола, встречаются на каждом шагу. Мужское имя *Дейвид* (*Давид*) уже много лет подряд считается (см. ниже) после имени *Майкл* – самым любимым именем американских мужчин. Всем давно известно, что «кличка» всех американцев – *Дядя Сэм*, и имя это – сокращенное от библейского *Сэмюэл*.

Не худо бы помнить россиянам, что имена *Давид* и *Роман* были излюбленными во многих поколениях русских князей в XII–XIII веках. В XII веке оно стало произноситься и писаться как *Давыд* и в таком произношении дошло до нашего времени в имени *Давыд* и фамилии *Давыдов*.

Необходимо отметить, что по самым последним сведениям (речь идет о начале 2000 года) впервые за приблизительно двадцать с лишним лет на первое место по популярности в США вышло среди мужских имен не *Майкл*, а *Джейкоб*, старинный библейский антропоним.

Ну, а как обстоят дела сейчас с библейскими именами в России? Ведь до сих пор русский человек, даже, случается, интеллигент, уверен, что если россиянина зовут Василий Абрамович, Лидия Моисеевна и т.д. и т.п., то носитель этого имени хоть и наполовину, но еврейской национальности. Это, однако, величайшее заблуждение. Русские по крови люди с библейскими, то есть иудейскими именами, встречались до революции совсем нередко, можно встретить таковых и сейчас среди пожилых граждан России, а вот среди молодых – гораздо реже.

Объяснить это можно следующим. В русской православной церкви существует так называемая «Неделя святых *Праотцев*», когда почитаются библейские патриархи *Авраам*, *Исаак*, *Яков*, а также их жены. В эту неделю, а падает она на *середицу и вторую половину декабря*, в русской православной церкви при крещении младенца ему можно было, по желанию родителей, дать одно из библейских имен. В некоторых районах России на эти имена была даже своеобразная мода. Так, например, в маленьком городке *Зубцове Тверской области*, недалеко от Москвы и Ржева, где я жила летом в детстве, мужчины часто носили такие имена, как *Абра́м*, *Исаа́к*, *Моисе́й*, *Нау́м* (по имени древнееврейского пророка) *Иуда*, *Йов*, *Ибна* и другие.

Что касается *древнееврейских женских имен* в старой России, то они тоже давались новорожденным, но гораздо реже. Так, например, прабабку Пушкина по отцу из семьи Ржевских звали *Са́ффа Юрьевна*. то же самое имя носила и *дочь Фёдора Толстого*, по прозвищу *Америка́нец*, современника и хорошего знакомого Пушкина. Дочь его, *Са́ффа*, была талантливой поэтессой, но, к сожалению, скончалась очень рано, в 17 лет. Уже в наше время в Советском Союзе работала русская женщина-скульптор *Са́ффа Дми́триевна Лебедева*. Отец ее рассказывал, что он дал дочери еврейское имя *Са́ффа* назло своей родительнице, антисемитке. Мать знаменитого в начале века русского киноартиста *Ива́на Можжухина* звали *Рахи́ль Ива́новна*, девичья фамилия ее, дочери православного священника, была *Ласточкина*. В прошлом веке как среди дворянства, так и простого народа можно было нередко встретить женское имя *Суса́нна*. Царевна *Со́фья*, единокровная сестра Петра I, в заточении Новодевичьего монастыря звалась *Суса́нна*, но после того, как приняла по́стриг, стала опять называться *Софи́ей*. Именем Сусанна звали главное действующее лицо рассказа Тургенева «Несчастливая». У национального героя России *Ива́на Суса́нина* пращуркой была, без сомнения, женщина по имени Сусанна... Имя *Суса́нна* со временем сошло в России почти на нет, его заменило имя *Сюза́нна*, французского типа.

Те, кто имеет представление о жизни в русских православных монастырях как в России, так и за рубежом уже в

наши дни, не говоря о временах прошедших, знают, что при принятии пострига человеку обязательно меняют его антропоним на имя из священных книг, чаще всего как можно более необычное и оригинальное. Особенно «странные», «неслыханные» в быту библейско-иудейские антропонимы носят представители высшего духовенства. Среди этих имен можно назвать: *Иеремия, Варнава, Иоасаф, Гедеон, Израиль, Зенон, Завулон, Самеаф, Самей* и другие. А в православных женских монастырях монашки носят те же имена, что упоминались выше: *Сарра, Ревекка, Рахиль, Руфь, Эстер, Юдифь, Енафа (Эннафа)* и прочие.

Несмотря на весьма долгую советскую власть, использовались и используются библейские имена и в среде русских сектантов, одни из которых все еще живут в России, другие – переехали в 60–90-х годах и ранее за рубеж.

Религиозные секты всегда преследовались в России, поэтому сектанты удалялись, то есть попросту бежали в малонаселенные, отдаленные за тысячи километров от центральной части страны места. Большею частью эти люди обживались на севере России. Сохранились и по сей день в дебрях тайги мало кому известные поселения и даже небольшие городки «жидовствующих» (название старинной секты, исповедующей иудейскую религию) с центром, называемым *Жидовск*, где библейские прозвания мужского населения совершенно необычны, например, *Мельхиседек, Элиаким, Еффей, Иегудиил, Нафанаил, Гамалиил, Израиль, Годолия* и другие.

Но где же, спросит неискушенный в ономастике читатель, самые известные на белом свете **евангельские имена** – *Иван, Степан, Пётр, Павел, Михайл, Андрей, Фёдор, Джон, Стивен, Питер, Пол, Майкл, Эндрю, Теодор, Энн, Мэри, Элизабет* – в русском, английском и прочих языках? Какова их история? История всех вышеперечисленных имен, а с ними и многих сотен других начинается с распространением христианства и упоминается в **Новом Завете**, иначе **Евангелии**, что значит **Благая Весть**. Надо сказать, что библейским именам, о которых мы говорили выше, и не снилась такая популярность, какая выпала на

долю имен евангельских. Самые популярные среди всех евангельских имен во всем мире – *А́нна* из женских и *Ива́н* из мужских. Разумеется, эти имена в разных странах произносятся по-разному.

После появления в мире новой религии – христианства, церковь стала зорко следить за тем, чтобы имена младенцам при крещении давались только христианские. К христианским именам относятся прежде всего прозвания двенадцати апостолов, последователей Христа, а затем так называемых сорока «малых апостолов». Интересно, что *евангельские имена тоже иудейского происхождения*. Для примера: собственное имя апостола *Петра* – *Симон*. Христос, видя твердость *Симона* в вере, дает ему новое имя, или, вернее, прозвище – *Петр*, по-гречески *Петрос*, так же, как он сделал это и по отношению к *Иакову* и *Иоанну*, назвав их *Воанергес*, то есть «сыны Громы». Таким образом, здесь смешение понятий – имя собственное смешивается с нарицательным.

Напоминаю, что библейские, иудейские по своему происхождению имена всегда входили и входят в орбиту повседневных имен в религиях католической, протестантской и всех других вероисповеданий, относящихся к Западной христианской церкви. И только в Русской православной церкви библейские антропонимы используются, как правило, только в «**Недэлю святы́х Праоте́ц**», в монастырях и кругах высшего духовенства при пострижении в духовный сан.

Теперь уже многие россияне, независимо от национальности знают, что самое «русское» имя *Ива́н* происходит от древнеиудейского имени *Иоханнан*. И если по-русски это *Иван* или *Иоанн*, то у англичан и американцев это *Джон*, у французов – *Жан*, у поляков – *Ян*, у венгров – *Янош* и так далее.

Есть один интереснейший момент в именах тех, кто исповедует христианскую или иудейскую религии мира. Касается это имен *Ма́рия* и *Иисус*. *Ма́рия* – имя греческое, но на древнееврейском языке оно соответствует имени *Ми́риам* – именно таким именем звали мать Иисуса Христа, возможно от «*мрийм*», что значит «*любимая, желанная*». Поскольку в древнееврейском языке на письме не употребляются гласные, оно озвучено в

Библии как *Мирьям*, в *Евангелии* – как *Мариам*, *Марьям*, *Мария*, отсюда и русские варианты этого имени – *Марья*, *Марьяна*, *Марианна* и т.д. Имя *Иисус* у русских давать не принято, хотя я один раз и встретила в российском мужском монастыре послушника, носившего это имя. В 2005 году по «Интерфаксу» было сообщение, что в ЗАГСе города *Житомира* (на Украине) был зарегистрирован мальчик по имени *Иисус Христос*. Работники ЗАГСа пытались отговорить родителей от такого шага, но это не помогло, и у мальчика в официальных бумагах стоит «*Иисус Христос Владимирович*».

Имя это – от древнееврейского «*йехошуа*», что значит «*Бог спасёт*». В разных странах исхода оно звучало у евреев как *Иешиа*. Именно так называли Иисуса родители – *Мириам* и *Иосиф*. Имя *Иешиа* и по сей день употребляется в Израиле так же, как и *Джбшуа* (то же самое имя в английском произношении) в США, где оно относилось, по крайней мере, в середине девяностых годов двадцатого века к первой десятке самых любимых и модных. Но вот недавно, в одной из еврейских школ Вашингтона, я познакомилась с мальчиком Джбшуа, которого соученики называли... *Ваня*. Пораздумав, я пришла к заключению, что есть все основания полагать, что цепочка антропонимов *Йехошуа* – *Иоханнан* – *Иешиа* тесно связана между собой и имя *Иешиа* не что иное, как производное уменьшительное от имени *Иоханнан*, что соответствует русскому *Ваня*. Разумеется, вопрос этот требует дальнейшего исследования.

Хочется добавить еще что-то очень интересное, связанное с именем *Иисус* – *Иешиа*. Дело в том, что за последние 20 лет в Америке попало в список первой десятки самых распространенных и популярных мужских антропонимов имя *Джейсон*. В русском языке оно произносится как *Язон* (*Ясон*), употребляется очень редко, иногда в форме *Иассон*. Имеется и еще одна форма – *Ясен*. Думаю, что всем русскоязычным людям неплохо бы знать, что как *Джейсон*, так, конечно, и *Язон* – это эллинизированное древнеиудейское имя *Джбшуа*, то есть *Иешиа*, *Иисус*. Необычно, но очень интересно. Так что как в еврейском мире, где имена новорожденным даются часто в память предков, и если это был предок по имени *Яков* – то младенца называют в

Америке *Джэйкоб*, – так и в российском православном обществе, где то же имя когда-то обладало необычайной частотностью, появляются мальчишки с тем же именем *Джэйкоб*, – не худо бы было «взять на вооружение» и имя *Язбн*, *Ясбн* или *Ясбн*. Тем более что именем *Джэйкоб* не все довольны (несмотря на то, что оно с бешеной скоростью входит в моду). Можно с легкостью образовать от имени *Джэйсон* и женское *Джэсса*, которое просто очень красиво.

Пора, однако, вернуться к истории англосаксонских имен. Подытоживая все, сказанное ранее, запомним, что с течением времени именник в Англии – Америке неустанно обогащался, становился все обширнее и начал включать в себя имена самого разного происхождения: римские, греческие, византийские, египетские, сирийские и прочие. В XVII веке, кроме библейских и евангельских, появлялись в быту и дохристианские имена, совершенно забытые в черед веков. Необходимо сделать здесь оговорку и довести до сведения интересующихся, что в конце XX века и сейчас, в XXI веке, эти почти забытые имена начинают хоть и медленно, но возрождаться. Среди них – *Бардольф*, *Бевис*, *Дрбго*, *Кимборо* и другие, оставшиеся в наше время лишь в фамилиях. Некоторые из этих имен, с моей точки зрения, очень интересны.

В самом начале возникновения христианства распространено было в Великобритании мужское и женское имя *Оригинал* (*Ориджинал* – в английском произношении). Имя это означало – «первый», «положивший начало» и давалось первому ребенку в семье. В русской ономастике это имя можно сравнить с языческим *Первый*. От него ведут начало русские фамилии *Первов*, *Перваков*, *Первушин* и др.

Отпрыск же, появившийся после смерти отца, в англосаксонских странах получал имя *Постумий* (*ия*), то есть «посмертный». Имя *Постумия* читатель может найти в романе Джованьоли «Спартак» – так назвала жена Спартака, Валерия, их дочь, родившуюся после смерти героя.

В вышеописанные времена существовали такие женские имена, как *Сайленс* и *Схолостика*. Имя *Сайленс* – крайне возмутило бы в наше время женщины, поборницы равноправия слабого

и сильного пола, иначе говоря – феминисток (в России до революции они назывались суфражистками), ибо значение слова сайленс (молчание, молчать!) повторяет изречение апостола Павла – «Да молчит женщина». Антропоним *Схολáстика* значит «служанка Бога» в средневековой философии. После XVII–XVIII веков имя *Сáйленс* почти совершенно выпало из именника британцев, а вот у антропонима *Схолáстика* несколько иная судьба. Ученые-схоласты пытались утверждать, что как имя собственное это слово никогда не употреблялось. Однако тут должна авторша их поправить: я дважды встретила в США женщин с подобным вторым именем, но обе они родились в *Европе*, где-то на границе *России* и *Польши*.

В науке ономастике существуют так называемые **ономастические циклы**. Это значит, что имена так же, как и живые существа, рождаются, живут и умирают.

Помня, что имена христиан во всех странах пришли из разных государств, заметим, что в какое-то время их использование было полноправным и популярным в этих странах, за исключением произношения. Откроем, к примеру, страницы пьес А.Н. Островского и увидим, что имена его героев «простого» и «купеческого» звания очень часто повторяют антропонимы англичан и американцев XVII–XVIII веков. Тут мы находим антропонимы *Анáний*, *Самсо́н*, *Пере́грин*, *Варфоломе́й*, *Э́разм* из мужских, считающиеся в наше время у русских «допотопными», а из женских – *Поликсе́на*, *Софрoния*, *Евлáлия*, *Евме́ния*, также давно вышедшие из употребления. В числе этих имен есть и модные сейчас в России – Анастаси́я и Елéна, да и имя *Евлáлия* начинает медленно входить в обиход.

В том же XVII веке, когда в России царем был отец Петра I, Алексей Михайлович, в Англии широко употреблялись такие мужские антропонимы, как *Константíн*, *Дми́трий*, *Рома́н* и *Алекса́ндр*, весьма редко встречающиеся теперь в стране Альбиона, кроме имени *Алекса́ндр*. А вот имена, широко используемые до нашего времени, такие, как *Билл*, *Джим*, *Том* и даже *Джон* прочно вошедшие в англо-американский именник, даже не встречались. Речь, правда, идет только о сокращенных формах имен *Ви́льям*, *Дже́ймс* и *Тома́с*. Объяснение этому последует ниже.

Но время шло, история как таковая, а вместе с тем и история имен менялась, расширялись сведения о странах-соседках, структура антропонимов в Англии приобретала иные формы. Тем не менее, от старого кое-что осталось, и наиболее «живучие» формы сохранились. В качестве примера можно привести фамилию предпоследнего в XX веке президента США *Билла Клинтона*. Ведь когда-то эта его фамилия, *Клинтон*, была именем собственным, и оно означало «гора, возвышенность», но постепенно перешло в фамилию, хотя иногда и в наше время встречается как антропоним. Такова же участь и слова *Морган* (от староанглийского «море»), которое в последующие века стало полноправным в употреблении как имени, так и фамилии.

Но, как уже упоминалось выше, структура антропонимики англоговорящих стран к началу XVIII века начала меняться. Однако не будем забегать вперед и прежде, чем перейти к этой теме, следует остановиться на одном из интересных периодов в английском ономастиконе, когда выбор имени младенца целиком и полностью зависел от идей и идеалов того религиозного общества, к которому принадлежала его семья.

В штате *Мэриленд*, на берегу океана, стоит памятный щит, на котором высечено: «Здесь, в 1660 году, держала оборону против англичан батарея генерала *Зейдока Макферсона*».

Щит этот увековечил одну из страниц американской истории – борьбу за независимость Америки от Англии. Фамилия генерала – *Макферсон* – для уха современного американца вполне обычна, но вот его имя *Зейдок* большинство рядовых жителей современных США слышат очень редко. Что это за имя, каково его происхождение?

XVI и XVII века в истории Европы, а затем и США известны как *эпоха Реформации*, когда произошли исторические, социальные, религиозные и прочие всякого рода изменения. Изменились общественные установки, вкусы, традиции, взгляды общества на многие стороны жизни, в том числе и на имена. Подобные изменения мы видим и в России после революции 1917 года.

Начало эпохе Реформации положила *религиозная секта пуритан* – от латинского слова *purity*, что значит «чистый».

Религиозные понятия *пуритан* способствовали резкому изменению взгляда на личные имена, так как члены этой секты пытались по-новому осмыслить, что значит имя человека и какой в нем заложен смысл по отношению к религии. Пуритане отвернулись от всех антропонимов, бывших в то время в употреблении, кроме библейских, однако даже и из имен *Ветхого Завета* они перестали употреблять имена главных библейских персонажей и начали выбирать для новорожденных имена малоизвестных, второстепенных лиц. Как бы играя в русскую рулетку, пуритане наугад открывали *Библию* и брали первое попавшееся имя. Так появились в Англии, а затем и в США такие неслыханные до той поры имена, как *Хаббаккук* (*Аввакум*), *Шадрак*, *Хефсибак* и подобные им.

Небольшое примечание: эти имена и кое-какие другие того же пуританского типа иногда встречаются и сейчас у негритянского населения США, но афро-американцы все менее и менее называет детей подобными антропонимами. Именно из *Ветхого Завета* и было взято имя *Зейдок*, которое вы будете тщетно искать в списке имен, даваемых новорожденным мальчикам в наше время. Это имя давно вышло из употребления – так звали иудейского первосвященника, помазавшего *Соломона* в цари над Израилем по указу царя *Давида*. Значение имени *Зейдок* – «справедливый, праведный». Для россиян, и не только для христиан, это имя должно быть очень интересным. Дело в том, что у древних иудеев это имя произносилось как *Садох*, и именно этот *Садох*, представитель древней *Палестины*, торговавший с *Господином Великим Новгородом*, и был зачинателем появления в русском именнике имени *Садко*, известного россиянам по опере *Римского-Корсакова* того же названия. В несколько измененном виде имя – *Садок* – встречается в русских святцах, отсюда и русская фамилия *Садков*. Эту фамилию я встречала несколько раз среди знакомых.

Пуритане обогатили ономастикон (именник) англоязычных стран именами-вывесками, имеющими, по их убеждению, «мистическую» силу. Что это значит? А то, что пуритане стали называть своих детей словами своего родного

английского языка, имеющими благородный смысл. И вот, в эпоху Реформации, появились дети с такими, кроме библейских, именами, как *Пруденс* (благоразумие), *Пьюрити* (чистота), *Фейт* (вера), *Хоуп* (надежда), *Фелисити* (блаженство), *Фиделити* (верность), *Конфиденс* (уверенность), *Реформейшен* (реформа́ция), *Эмансипейшен* (эмансипа́ция) и так далее. Подобные имена давались безо всякого изменения как мужчинам, так и женщинам. Последний антропоним, *Эмансипейшен*, был особенно модным среди американских негров после гражданской войны в Америке, когда впервые за всю историю США люди с черной кожей перестали считаться рабами.

Некоторые пуританские имена были двусоставными, например: *Фьер нот* (не бойся), *Сик Виздом* (стремись к истине), *Де лорд из ниа* (Господь рядом) и так далее. Вначале эти имена казались людям несколько претенциозными, а затем к ним начали понемногу привыкать, но все это до той поры, пока подобная тенденция не превзошла всякие мыслимые границы. Так, например, в 1700 году ребенка из пуританской семьи называли «*Тру мач трибьюлэйшен энтер инто де кингдом ов Хейвен*», то есть «*Через препятствие и препоны ты всё-таки войдёшь в Царствие Небесное*»... Когда бедный мальчик где-либо называл свое имя, все присутствующие хором отвечали ему – «*Аминь*». Другому младенцу, также мужского пола, дали имя «*Иф Крайст хэд нот дайд фор ю, ю хэд бин дэмд бейз боунз*» – что значит «если бы Христос не умер за тебя, ты был бы кучей презренных костей». Со временем такое длинное имя окружающим надоело, и имя юноши сократилось до «*бейз боунз*», в переводе – «*презренные кости*», на потеху всем окружающим.

Остается добавить, что из известных читателям лиц пуританским именем (вторым) звали автора знаменитого романа «*Ярмарка Тщеславия*», а имя его было – *Уилльям Мейкпис Теккерей*. Мейкпис – имя пуританское и значит оно – «трудись во имя мира». Между прочим, и среди российских имен встречаются давно принятые антропонимы, похожие на пуританские. Прошу читателя вспомнить такие женские прозвания, как *Вера*, *Надежда*, *Любовь* с точно таким же значением, как пуританские английские – *Faith, Hope, Love*.

В заключение скажем: Англия и все англоязычные страны не пошли по пути пуритан. Неудобные для произношения, часто комические, пуританские антропонимы скоро вышли из употребления за исключением приятно звучащих, благозвучных и имеющих положительный смысл, так что и по сей день вы можете встретить американцев с именами *Джой* (ра́дость), *Хоуп* (надежда), *Лав* (любо́вь), *Модести* (скро́мность), *Камфорт* (удобство), *Констанс* (постоянство) и др. Одно из этих имен – *Модест*, что значит «скро́мный», имеется и в православном именнике, имя это носил знаменитый русский композитор *Модест Петрович Мусоргский*, очень любимый в Америке.

P.S.

В России и в других странах и в наши дни многие граждане особенно привержены к англо-американским антропонимам. Поэтому я хочу дать не в виде рекомендаций, а просто для ознакомления небольшой список мужских и женских имен, особенно любимых американцами за последние 30 лет.

Мужские: *Майкл*, *Тейлор*, *Кристофер*, *Кристиан*, *Джейсон*, *Брайан*, *Брендон*, *Дэниэл*, *Стивен*, *Эрик*, *Роберт*, *Роджер*, *Джон*, *Дейвид*, *Джонатан*, *Джошуа* (Иешиа), *Эйрон* (Аарон), *Мэттью* (Матвей), *Нейтан* (Натан), *Джастин* (Устин), *Энтони* (Антон), *Эдвард*, *Дональд*, *Рональд*, *Дэннис*, *Райан*, *Николас*, *Заккари* (Захария, Захар), *Кайл*, *Джейкоб* (Яков), *Адам*...

Женские: *Александра*, *Александрия*, *Аманда*, *Бриттани*, *Дэниэл*, *Сара* (Сэра), *Эшли*, *Кристина*, *Катерин*, *Келли*, *Линн*, *Мейган*, *Мишел*, *Никол*, *Дениз*, *Рейчел* (Рахиль), *Ребекка* (Ревекка), *Саманта*, *Стефани*, *Элизабет* (Елизавета), *Хетер*...

По самым последним сведениям, начинает бурно входить в моду и широко распространяться имя *Эмили*, еще недавно считавшееся старомодным, и имя *Эмма*.

ДВОЙНЫЕ ИМЕНА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

Любой россиянин, начинающий знакомиться с жизнью в Соединенных Штатах, воспринимает сразу же как непреложный факт то, что почти все жители Америки имеют два, а то и несколько имен (историю династических, то есть имен коронованных особ, я пока опускаю).

Всегда ли существовали в англоязычных странах двойные имена? Проследившая ономастическую традицию англичан и жителей тех стран, для которых английский язык родной, можно заметить, что с XII по XVII века в этих государствах нельзя было найти ни одного человека с двойным именем, не говоря уже о трехименном прозвании. Почему? Да потому, что до XVII века в англоязычных странах таковой традиции вообще не существовало. Обычай давать новорожденному *два или несколько имен* появился в *Испании* еще за тысячу лет до нашей эры, то есть задолго до появления христианства. В XV веке, во времена Колумба, привычка к двойному имени человека была заимствована Германией, но в Великобритании присвоение младенцу двух или более имен считалось кощунством, особенно после того, как один из британских аристократов, сэр Эдвард Кук, заявил, что христианину не подобает иметь два имени. В Англии был даже издан закон, по которому новорожденному при крещении должно было присваиваться только одно имя.

Среди первых пилигримов, прибывших в Америку в XVI веке на корабле «*Мэй флáuэр*» (что значит «*ландыш*»), не было ни одного человека с двойным прозванием. Первым настоящим американцем (то есть родившимся на земле Колумба), носившим двойное имя, был некто *Эдвин Мария Уингфилд* из поселения *Джэймстаун*, появившийся на свет в середине XVII века, приблизительно около 1640–50-х годов.

Мне же думается, что двойное имя – это не минус, а плюс, и если первое, основное, не нравится владельцу, он называет

себя в быту другим, которое ему более по сердцу. Такой случай как бы специально произошел в моей американской семье, у старшей сестры мужа. Сын ее, наш племянник *Джордж Дейвид*, не пожелал называться *Джорджем* и с детства известен всем как *Дейвид*, а его сестра *Мария Луиза* с рождения зовется всеми *Бонни* (что соответствует русскому Лялька, как часто называют хорошеньких девочек). Несколько лет назад племянница получила право официально называться именем *Бонни*.

По-моему, двойное имя необходимо, чтобы облегчить человеку жизнь. Изменять данное при рождении имя особенно удобно, если это касается подростков, которые превращаются из детей во взрослых и имеют право называться так, как они хотят. Удобная традиция наречения человека двумя или несколькими именами начинается не всегда при рождении ребенка. В католических кругах, например, второе имя не обязательно дается при крещении младенца, но может выбираться самим подростком от тринадцати лет по мере взросления или при конфирмации, что соответствует еврейскому обычаю «*бармицва*» для мальчиков или «*батмицва*» для девочек. После завершения этого обряда подросток считается в обеих религиях взрослым человеком и полностью отвечает за свои поступки, а свое второе имя он может выбирать себе сам.

Так, мой муж *Джон* и его брат *Эдвард*, католики по рождению, взяли при обрядах конфирмации в 14 лет часто встречающиеся в англоязычных странах обычные имена и в документах у них стоит – *Джон Генри* и *Эдвард Энтони*. Однако их близкие друзья *Эндрью* и *Альберт* последовали бушевавшей в тридцатые годы моде и заимствовали в качестве вторых антропонимов отфамильные имена (то есть фамилию в качестве имени собственного) известнейших как в США, так и во всем мире лиц, – один называется *Эндрью Карнеги*, а другой *Альберт Эйнштейн*. В те далекие годы эти вторые имена не звучали ни странно, ни претенциозно: *Карнеги* – фамилия известного американского благотворителя-миллионера, *Эйнштейн* – фамилия великого ученого, автора теории относительности, одного из самых выдающихся лиц прошедшего тысячелетия.

Каждый иммигрант, готовящийся к получению подданства в США, знает, что в процессе принятия гражданства ему, будущему новому гражданину, предоставляется полное право на изменение своего имени. Еще 50 лет тому назад это было очень легко. Но в конце XX века, когда в США хлынули за легкой наживой преступники из разных стран, процесс изменения своего имени стал гораздо строже, чем это было раньше.

Как-то одна моя знакомая из России при получении американского гражданства, смущенно хлопнув глазками, спросила меня, не буду ли я иметь что-либо против, если она возьмет себе мое имя – Виктория, так как ее собственное – *Цецилия* ей не нравится с детства. Конечно, я не имела ничего против, так что моя *Цилечка* зовется теперь всеми *Викторiя*.

Увы, иногда подростки выбирают себе при конфирмации второе имя сами, ни с кем не посоветовавшись, и в результате возникает курьез, в буквальном смысле режущий слух. Родители стали опасаться предоставлять своим потомкам широкую свободу действий в смысле выбора второго имени после 1965 года, а случилось это из-за того, что девочка Мэри Шульц пожелала взять себе в качестве второго имени название своего любимого шлягера «*Don't you weep, don't you cry*» («Ты не плачь, не рыдай») и была записана во всех документах как Мэри Тынеплачьнерыдай Шульц. Это новое имя девицы доставило так много «головной боли» компьютеру, что имя пришлось срочно менять, а нормальные американцы призвали родителей подростков внимательно проверять вторые прозвания с налетом экстравагантности, которыми хотят удивить мир юные существа.

Ну, а что же происходит со вторыми именами на нашей родине? В России еще совсем недавно по каким-то не известным никому законам, *не разрешалось* работникам загса записывать двойное имя новорожденным. Существенной мотивировки никогда не было, но кроме обычного, маловразумительного, типично российского «у нас это не принято» и не умирающего в стране нашего рождения «не положено», нет никаких объяснений, и два вышеупомянутых выражения заменяют законы, традиции, правила и подобные неукоснительно незыблемые

положения свободных стран. Еще в самое недавнее время это загсовское «не положено» полностью владело всеми юридическими категориями правопорядка.

Из собственного опыта знаю, что однажды, когда родители пожелали назвать мальчика и девочку близнецов – дочь **Ми́рка** и сына **Ти́ар** (я была этому свидетелем), последовало жесткое – «такого имени нет», исходившее в загсе из уст малообразованной, а в ономастике и вообще невежественной «девушки», записывающей имя появившегося на свет ребенка в метрику. Отказ другой подобной же «девушки» по той же причине (такого имени нет!) назвать девочку древнерусским именем *Тамíла* заставил родителей переименовать дочь в *Тамару*, других – изменить имя *Вита* на Виктория. Я уверена, что таких случаев было немало. Однако несмотря на маловразумительный запрет едва образованных работников загсов, двойные имена в советское время все же появлялись. Я уже не говорю о том, что в отдаленные времена, при крещении Руси, языческие имена заменялись на христианские и появились в России *Владíмир-Васíлий* (Великий князь киевский Владимир Кр́сное Сólнышко назывался Владíмир-Васíлий), *О́льга-Елéна*, *Борíс-Ромán*, сын Ивана Грозного звался *Дмíтрий-Уар* и так далее. В истории России до XVI века были даже среди духовных служителей лица с двойными именами: *Всéволод-Гаври́л*, *Петр-Давíд*, *Мстислáv-Геóргий*, *Феодóра-Вáсса* и так далее. В XVIII веке жил в Москве князь, ИОФ которого (ИОФ – имя, отчество, фамилия на языке именологов) было *Борíс-Леóнтий Александрович Курáкин*, а также немало и других лиц, носивших несколько имен собственных.

Интересна история имени великого писателя **Толсто́го**. Его мать, **Марíя Никола́евна**, была до замужества горячо влюблена в некоего молодого человека с двойным именем **Миха́йл-Лев**. Молодой человек скончался до их свадьбы, **Марíя Никола́евна** вышла замуж за **Никола́я Толсто́го** и первого своего сына, будущего знаменитого писателя, назвала **Львом**.

Просматривая долгие годы всяческие списки разных лиц в СССР, среди которых были и матери-героини, и кандидаты

наук, у меня составилась обширный перечень лиц с двойными именами, среди которых и *Леонид-Юрий Д.*, и *Галина-Маргарита О.*, и *Наталья-Радость* (последнее имя – чисто языческое; сравните его с американским *Джой*, что тоже значит «радость»). Среди моих друзей в Москве живет дама, которой при рождении дали имя *Муза-Кира*. А недавно при крещении она получила и третье имя – *Мария*. Должна отметить, что родилась *Муза-Кира* в *Ташкенте* еще до войны, когда загсовские «девушки», вероятно, не имели никакого представления о том, как положено и как не положено называть в СССР собственного ребенка. А *Корней Чуковский* в своем «Дневнике» сообщил нам, что на его жизненном пути встретилось в СССР и имя *Мария-Антуанетта*. Это была маленькая девочка, и мать ее утверждала, что она дала ребенку такое имя потому, что в советском календаре того времени отмечался день казни Марии-Антуанетты. То, что это была французская императрица, женщина не знала, решив, что так звали знаменитую революционерку (вне всякого сомнения, если ее казнили!), а потому она решила назвать ее именем свою дочь.

Есть среди лиц с двойными именами собственными и курьезы. Так, в моей коллекции присутствует женщина с одним именем, но... с двумя отчествами – *Нина Александровна-Васильевна*, на смех окружающим.

Проживая в США уже много лет, я внимательно слежу за тем, какие имена дают своим детям иммигранты из разных стран, и могу удостоверить интересующихся, что имена эти на 99 процентов двойные, где одно – американское, а другое – национальное имя той страны, откуда прибыл новый будущий гражданин Америки. И еще одно «изобретение» тех, кто называет своих детей двойными именами: вот, пожалуйста, – *Глория-Лора* (именно таким было полное имя *Глории Вандербилт*, миллионерши), *Эсфирь-Фира*, а у русских – *Александр-Саша*, *Алекс-Алла*, *Лариса-Лора*, (по-русски мы часто произносим и пишем английское имя Лора (Laura) как Лаура, и при написании по-английски – *Larissa-Laura* получается очень хорошо. И звучит прекрасно, тем более, что имя *Лариса* (Ларисса) уже вошло в американский ономастикон.

Но XXI век внес много нового в жизнь рядовых людей и маловразумительный запрет на двойные имена пришлось отменить! После перестройки граждане России получили официальное право называть своих детей *двойными (тройными и т.д.)* именами. На Украине с 1 января 2004 года вступил в силу кодекс, согласно которому количество слов (имен) в сложных именах украинцев не будет ограничиваться.

Итак, да здравствуют двойные имена! Мужские и женские, длинные и короткие, красивые и не очень, двойные, тройные и прочие, любезные для всех сердец имена! И пусть в Америке среди русскоязычных граждан ономастическое мое сердце радуется появлению в *Новом Свете* детей с именами *Джон-Игорь, Николай-Джеймс, Наталья-Джессика, Татьяна-Мелисса, Людмила-Мейган* и им подобными.

КАРНАВАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ НОВЫХ ИМЕН В АМЕРИКЕ

Если вы заинтересуетесь, какие имена дают сейчас, в начале третьего тысячелетия, маленьким американцам дошкольного и школьного возраста, то увидите, что чуть ли не треть детей, главным образом девочки, называются почти неслыханными еще пятьдесят лет назад именами. Среди этих имен – *Мейган, Линдзи, Тиффани, Бриттани (Бритни), Кьяра, Шакиа, Хетер, Шалентай, Сорен, Кристалл, Тейлор, Тая, Саша, Наташа, Лариса* и другие.

Количество личных имен в США достигает в наше время 10 тысяч и увеличилось по сравнению с XIX веком почти в шесть раз за счет того, что американцы, народ в основном нравственно здоровый, чуждый в большинстве своем национализма и шовинизма, заимствуют у всех рас и национальностей мира и, конечно, у иммигрантов все, что может обогатить страну, в том числе и антропонимы.

У многих народов, населяющих Соединенные Штаты, пробудился примерно за последние 35–40 лет естественный интерес к тому – кто они? Из какой страны приехали их родители или прауродители? Кто были их предки, то есть, каковы корни человека, называющего себя американцем? Белые и черные, а также народы стран Азии, большей частью «желтокожие» (например, китайцы), и даже коренные жители Америки – индейцы, называемые когда-то «краснокожими», дети, взрослые и старики охвачены желанием узнать не только откуда, из каких мест прибыли в страну Колумба их далекие предки, но и традиции этих стран, тамошние обычаи, образ жизни и, конечно, какие имена носили их праотцы.

Появилась за последние несколько десятков лет и масса литературы, кинофильмов, телевизионных передач, а также исторических, географических, археологических и социальных исследований, насыщающих любознательность «янки» И вот хлынули в *Новый Свет* самые разнообразные по сравнению

с прошлым временем совершенно новые антропонимы. Смело можно утверждать – в *Новом Свете* сегодня повальное карнавальное шествие новых имен, и редко кто может определить, что это за имя, у какого народа оно заимствовано, каким образом пришло в Соединенные Штаты.

Среди этих, ранее почти не употребляющихся антропонимов, можно найти **имена американских индейцев**, коренных жителей Америки, немалая часть которых и по сей день – язычники, то есть народ, не примкнувший ни к одной из традиционных теперь религий. Открыв списки учеников любой школы в США, вы найдете ребят с индейскими именами *Тайна*, *Типпонима*, *Сауна*, *Онэйда*, *Кенекел* и другими. Имена индейцев обозначают, как это принято у язычников, часто абстрактное *качество человека* (маленький, большой, красивый...), *наименование явлений природы* (гром, молния, рассвет) или какой-либо другой части материального мира. Так, например, имя *Онэйда* значит «утес, горá». Используются имена «краснокожих» индейцев всем населением США без различия национальности, цвета кожи, религии, пола, расы и т. д.

Одним из первых белых американцев носил индейское имя (второе) *знаменитый генерал Шерман*, полное имя которого было *Вильям Текáмпсо*. Отец генерала Шермана (дело было во времена борьбы Америки за независимость от Англии) высоко почитал *Текáмпсо* – *вождя индейского племени Шауни, талантливого, образованного человека высокого интеллекта. Вождь родился в 1768 году и был назван Текáмпсо – «метеóр, падающая звезда».* Этого человека американские историки считают самым выдающимся человеком из племени индейцев США всех времен, и отец Шермана дал своему сыну, будущему генералу, второе имя *Текáмпсо* в честь индейского вождя.

Афро-американские имена – изначально истинно африканские имена негров. Среди семей белых коренных американцев вы можете сейчас встретить детей по имени *Кейла* (очень популярное в конце XX – начале XXI века), *Думака*, *Хауса*, *Баари*, *Иеруба* и т. д. Имена эти часто взаимозаменяемы для мальчиков и девочек. В микрорайоне, где я живу, есть маленькая белая девочка по имени *Айна* – что значит «прелестный цветок» на языке суахили.

Арабские имена – большей частью из Корана, такие, как *Карим, Мохаммед, Лейла* (это женское имя встречается сейчас у всех народов земного шара, в том числе и в России), *Фатима*, или *Фатимá*, *Аминах, Марид* и другие.

Гавайские имена – антропонимы *острова Гавайи* особенно часто стали встречаться в Америке после того, как Гавайи стали 49-м, по счету штатом США. Самые известные среди них – *Лани, Нерейн, Сакти*.

Древнеиудейские на иврите: *Дорон, Рамон, Дан, Нир, Зив, Нурит*. Это все мужские имена. Среди них встречается и одно загадочное имя – *Нога* с ударением на «о». Еще в конце прошлого, XX века, это имя начало изживаться, его носили в Израиле всего несколько человек, но после 2000 года оно стало медленно возрождаться в Израиле и употребляться в Соединенных Штатах.

Еврейские на идише и библейские: *Хершель, Моше, Израэл, Мálка (ж.), Рívка* (в русском произношении – Ревéкка, а в английском – Ребéкка), *Голда, Зéлда* и др.

Испанские имена сейчас широко бытуют в США, ибо за последние 20 лет в Америку хлынул огромный поток жителей *Мексики, кубинцев* и испаноговорящего населения *Южной Америки*. Из испанского языка пришли в американский ономастикон такие антропонимы, как любимое во всем мире имя *Лолита* (сокращенное от *Мария де лос Долóрес*), *Люсита, Кармен* – из женских и *Пáбло, Рафаэль, Джэйми, Педро, Мигель, Пилáр...* – из мужских.

Итальянские – *Франческо, Джуовáнни, Микéль, Áнджело, Леона́рдо и Франчéска (ж.)*.

Русские, главным образом, женские: *Натáша, Тàня и Татъяна, Тамáра, Сáша, Кúра, Ларíса, Раýса* и производные от них. Мужские русские антропонимы используются до крайности редко, кроме имени *Сáша*. Американцы считают их неудобными для произношения и грубоватыми. Кроме того, они иногда имеют по-английски странное или неприятное для англо-американцев значение. *Олэг* значит «о! нога», *Сергéй* – «сэр гей» то есть гомосексуалист, имя *Йгóрь* уже лет двадцать используется в Америке как кличка собаки, антропониму *Андрéй* предпочитают фран-

цузское *Андрé* или греческое *А́ндрес*, чтобы «не связываться» в написании с «й», которого нет в английском языке.

Скандинавские. Среди антропонимов скандинавов часто можно встретить такие мужские, как *Алф*, *А́лрик*, *А́ренс*, *Свен*, *Ларс*, *Кнут*, *Гуннар*, *О́лаф*, а из женских – *А́рла*, *Д́йса*, *Гресса*, *Блэнда*, *Бригитта*, *Ингри́д*, *Астри́д*, *Хельга* (родоначальница русского *Ольга*), и др.

Немецкие: *Карл*, *Курт*, *Дитрих* – из мужских и *Фри́да*, *Ингеборг*, *Грётхен* из женских. Имя *Грётхен* встречается довольно часто, но беда в том, что оно произносится, следуя английскому написанию, как «Гречен», что звучит крайне некрасиво для тех, кто знает истинно немецкое произношение.

Французские антропонимы, пожалуй, самые старые гости американского именика. Они начали входить в моду еще со времен Второй мировой войны. Тут и *Пьер*, и *Антуа́н*, а также *Шарль*, *Ги*, *Жерме́н* (м. и ж.) и многие прочие из мужских, а из женских – *Нико́ль*, *Мише́ль* (произносимые без смягчения звука «л» на конце слова), а также *Дезире́*, *Дени́з*, *Рене́*, *Антуане́тта* и многие другие.

Хочется отметить возросшую популярность антропонимов из языка *Хинди*, таких, как *Кле́са*, *Бенази́р*, *Рей*, *Кат*, *Суга́ра*, *Панди́та*, *Раджи́в*, *Га́нди* и другие.

После Второй мировой войны произошли крупнейшие изменения во многих областях жизни почти во всех странах мира. Соединенные Штаты не только не избежали натиска Нового времени, но были во главе всяких новшеств, дав своей стране, а затем и всему миру совершенно иной подход к разным явлениям жизни и к объяснению их, что способствовало изменению облика людей, городов, уклада жизни, моды и появлению новых наук, занимающихся объяснением этих явлений. В результате прочно заняла свое место, расцветая все более и более, наука об именах, **именология**, международный термин которой – **ОНОМАСТИКА**.

В Соединенных Штатах перемена в наречении детей выразилась, если это не прозвучит странно, *самовозвратом к далекому прошлому*, то есть в *языческом подходе* к антропониму, а именно: новорожденному можно по желанию родителей дать в качестве

личного имени любое слово, даже выдуманное, или комбинацию слов различных частей речи (существительного, прилагательного, глагола, местоимения, даже междометия и так далее). Явление это никак не новое, мода на языческие имена зародилась еще в XIX веке, однако тогда были только единичные явления подобного подхода к наречению человека. Вот примеры из прошлого и настоящего: *Май Дизер* (мой(я) дорогой(ая)), *Литтл Пигги* (крошка поросенок), *Бьютифул Кидди* (красивый детеныш), *Май Литтл Дамми* (мой маленький дурачок) – все эти прозвания языческого порядка в настоящее время имена собственные. Ни одно из этих имен не выдуманно автором очерка, все строго обосновано на архивных и живых фактах настоящей жизни. Кроме того, хочется добавить, что, приводя эти примеры, автор совсем не хочет сказать, что в США каждого десятого или даже сотого ребенка называют подобным образом. Нет, конечно, это все-таки курьезы, но ученые-ономасты удивлены необычным ростом этих курьезов, во-первых, а во-вторых, тому, что никто подобным прозваниям и не думает удивляться.

Как и во всем мире, в США уже давно получили права гражданства имена, связанные с антропонимами *героев кинофильмов*, особенно *мультиков*, книг, именами *спортсменов*, *музыкантов*, *героев телевизионных передач* и тому подобных «популистских» развлечений. Например: *Кира*, *Кристалл*, *Ариэль*, *Алексис*, *Ретт*, *Кинзи*, *Элтон*, *Элвис*, *Латвия*, *Майклджейксон* и т.д.

Ну а появление детей с названием *стран*, *штатов*, *городов*, *материков* и других географических мест уже давно не удивляет ни ученых, ни рядовых граждан в стране Колумба. Женские имена *Франция*, *Азия*, *Африка*, *Америка*, *Англия*, *Италия*, *Кения*, *Калифорния*, *Небраска*, *Флорида*, *Индиана* и подобные им давно вошли в американский ономастикон и считаются обычными. Дочь последнего президента США XX века Билла Клинтона зовут *Челси*. Так назвали родители девочку в память того места, где они познакомились. Есть и второй вариант объяснения имени *Челси*: имя девочке было дано в честь одной из любимых песен матери в стиле фолк – «*Утро Челси*» в исполнении *Джонни Митчела*. Второе имя дочери президента – *Виктория*. *Челси* *Виктория* *Клинтон*.

Имени Россия в США я пока не встречала, но в самой России такое имя уже зафиксировано.

Все вышеперечисленные имена женские, а что касается мужских, то тут долго и думать нечего: мужчины и женщины с именами, повторяющими названия американских городов-гигантов *Вашингтон, Детройт, Денвер, Клівленд, Миннесота, Юта, Калифорния* и другие, – не редкость. Есть и имя собственное *Йорк*. Антропоним *Нью-Йорк* – слишком длинен и сложен для компьютера, имя собственное можно спутать с фамилией *Йорк*. Однако я больше чем уверена, что и таковое, то есть *Нью-Йорк* как антропоним, где-то да можно встретить, так как существуют ведь имена *Мэнхэттен, Бруклин, Куинз, Бронкс* – названия географических частей Нью-Йорка, из которых состоит город. Географические имена можно причислить к «долгожителям». Многие знают драматурга *Теннесси Уильямса*, автора пьесы «Трамвай “Желание”». *Теннесси* – название одного из южных штатов США.

Обычай именовать новорожденных по названию штатов существует очень давно, чуть ли не с самого начала образования страны Колумба. Так, например, одно из самых распространенных женских имен в XIX–XX веках в Америке – *Вирджиния*. Имя это историческое. Так назвали первые поселенцы Нового Света один из первых штатов этой страны в память тогдашней королевы *Великобритании, Елизаветы Первой*. Прозвище *Елизаветы* было *Вэрджин*, то есть девственница, ибо формально замужем она никогда не бывала, хотя к ней сватались многие, в том числе и «наш» Иван Грозный, которого она отвергла. Таким образом, первым ребенком, появившимся на свет в Америке у переселенцев из *Великобритании*, стала девочка, которую назвали *Вирджиния*. *Вирджиния Дерр* – первая «настоящая американка», родившаяся в 1587 году, и с тех пор имя это всегда было очень популярно в США, но сейчас наблюдается спад на его употребление. Подстать ему и антропоним *Джорджия*, тоже женское имя, данное другой девочке по названию штата *Джорджия*, в честь тогдашнего короля *Великобритании Джорджа (Георга в русском произношении)*. Но женское имя *Джорджия* не столь популярно и любимо, как *Вирджиния*.

Есть ли *похожие ономастические явления* в сегодняшней России? Можем ли мы на нашей родине встретить человека по личному имени *Петербург, Ленинград, Москва, Кострома, Саратов*? Пока имен таких в массовом распространении нет, но вот в 1997 году чуть было не появилось имя... *Москва*, а несколько лет назад, как я писала, девочку называли Россия, возникли и мужские антропонимы *Печорин, Онегин*, включенные даже в книгу А.В. Суперанской «Словарь русских личных имен», 1998 года. Что же касается других географических названий, то за последние 50 лет можно услышать такие имена собственные, как *Амур, Лена, Иртыш, Енисей, Тунгуска* и подобные им. Некто председатель колхоза на северо-востоке России назвал дочь *Пьяна*, по названию протекавшей рядом с колхозом речки, а замечательный писатель *Артём Весёлый*, дальний родственник моего отца, погибший в годы сталинских чисток, назвал свою дочь еще в 20-х годах *Волга*. Есть в России и женские имена *Флоренция* и *Венеция*, но они достаточно редки. Что же касается имени первой гражданки СССР, то и тут есть сходство с именем первой гражданки США, Вирджинией, – в истории российского именования зафиксирована *Лия Полонская*, появившаяся на свет в семье *большевика В.И. Полонского*. Сохранился и «Акт номер один» о рождении этой первой советской гражданки, выданный в *Суцёвско-Марьинской* управе города Москвы 18 декабря 1917 года.

Следуя уже упомянутой языческой традиции, за последние несколько десятилетий *имя* ребенку в США дается *по названию цветка, дерева, фрукта, овоща* и всего того, что связано с растительным миром. Пол ребенка не учитывается, и детей с именами *Оук (дуб), Эпл (яблоко), Строберри (клубника), Черри (вишня), Кэррот (морковь), Пеннер (перец)* можно встретить среди всех слоев американских жителей. Недавно в День Благодарения (конец ноября), когда вся Америка готовит на обед традиционный тыквенный пирог, в газете «*Вашингтон Пост*» появилась фотография новорожденной афро-американочки, появившейся на свет в этот никогда не забываемый всеми американцами день. Малышка была названа *Пампкин*, что значит «*тыква*». На фотографии видно, что головка девочки действи-

тельно похожа на маленькую тыковку – кругленькая с хохолком посередине темечка.

Мало кто из россиян в детстве не читал книгу *Марка Твена* «Приключения Тома Сойера и Геккельберри Финна». Имени *Геккельберри* (*Хаклберри* в английском произношении) в английском традиционном именнике нет, по-английски оно звучит в сокращенном виде как *Хак*, имя это выдуманное и значит «дикая ягода, унизанная шипами». Марку Твену это имя пришло в голову, когда он увидел в Германии ежевику. Так назвал сына отец, пьяница и бродяга, как бы предугадав судьбу своего очень «непростого», как теперь говорят, мальчика.

На территории бывшего СССР мне встретились только один раз в Таджикистане имена собственные из растительного мира: житель кишлака *Ванӣ на Памъре*, таджик, дал своим сыновьям имена *Гандум* (пшеница), *Джав* (ячмень), *Наск* (чечевица) и *Мушӯн* (горох). У русских по национальности традиция именовать детей сегодня по названию растений мне пока неизвестна, а когда-то в языческие времена она, конечно, была, отсюда такие фамилии, как *Яблоков*, *Грушин*, *Капустин*, *Репин*, *Крапивин*, *Морковин*, *Земляникин* и т. д. Интересно заметить, что фамилия *Картошкин* мне не встречалась, так как картофель появился в России в XVIII веке, спустя долгое время после исчезновения язычества, если, конечно, некий индивидуум сам не присвоил себе подобной фамилии.

Так же широко, как названия растений, используются в Америке как имена человека названия животных, птиц и прочих представителей животного мира. В 1997 году прогремел в США игрок в гольф, стократный чемпион по имени *Тайгер Вуд*. Тайгер по-английски значит – «тигр». Имя *Тайгер* дается мальчикам в Америке нередко вместе с именами подобного рода, такими, как *Игл* (орел), *Дав* (голубь), *Бэрди* (птичка), а чемпиону по борьбе 1995 года родители догадались дать имя... *Горилла*. Правда, в последнем случае я в некотором сомнении – чемпион по борьбе, возможно, сам взял себе это имя, и с тех пор его так и величают.

Есть и экзотические антропонимы из мира зоологии, но они пока – достоверность курьезов. Среди них встречаются

ся – *Маугли* из книги *Р. Киплинга* того же названия, а также прозвания друзей мальчика, зверей из того же литературного произведения: *Багíра, Шерхán, Кáа, Балó*. А однажды в семье военного-отставника я познакомилась с его сыном, мальчиком по имени *Рíкки-Тíкки-Тáви*. Ребенок был назван так отцом, долго служившим в Индии, в честь храброго мангуста, победителя ядовитых змей.

Традиция называть человека во всех странах именем животного (или рыбы) существует очень давно, со времен язычества. В те далекие языческие времена и в России очень часто встречались такие антропонимы, как *Волк, Медвѣдь, Бобр, Заяц, Лисица, Судак, Карась, Лец* и другие, подобные им, оставшиеся сейчас в фамилиях. Хочу довести до сведения интересующихся искусством и ономастикой, что знаменитому итальянскому певцу прошлого века *Тíтта Руффо*, известному во всем мире, было дано имя *Руффо* по кличке любимой собаки семьи, а фамилия артиста была *Тíтта*.

Интересна русская фамилия *Соколов*. Она, без сомнения, образовалась от древнерусского названия птицы *сокол* и от бытовавшего тогда мужского имени *Сокол*. Название птицы перешло из имени в фамилию, а личное имя постепенно исчезло. Однако в Москве до сих пор живут двое мужчин, а может быть, и больше, которых при рождении называли одного *Сакко*, а другого – *Соколик*. *Соколиком* был сын знаменитой летчицы 30–40-х годов, Героя Советского Союза *Валентины Гризодубовой*. Однако советский гражданин *Сакко* (имя – в честь казненного в США Сакко, товарища и соратника Ванцетти) потом переделал себя в *Сокол* из-за неблагозвучности своего настоящего имени в русском языке, а теперь известен всем как *Святослав*. В теперешней России имена *Сокол* и *Соколик* как-то не привились, хотя оба имеют прекрасное значение и звучат очень красиво.

Названия явлений природы и отприродные имена тоже не замедлили встать в США в ряды имен собственных: особенно популярно имя *Доон* (рассвет), *Саммер* (лето), *Отем* и *Фолл* (осень), *Уинтер* (зима), *Спринг* (весна), *Сан* и *Санни* (солнце и солнышко), *Мун* (луна), *Ривер* (река), *Вэлли* (долина) и т.д. Еще

раз надо отметить, что некоторые эти имена уже вошли в традиционные именные и поэтому не считаются курьезными, а другие ждут своего часа, как, например, *имена собственные, данные по названиям христианских и прочих праздников: Истер (Пасха), Крисмас (Рождество), Тэнксгивинг Дэй (День Благодарения), Пентикост (пятидесятник)* – так звали одного из приближенных короля Генриха Восьмого еще в XVI веке в Англии, и другие.

Если сравнивать США и Россию с использованием выше упомянутых названий, то многим гражданам послереволюционного рождения известны такие имена, как *Первомай, Революция, Седьноб (Седьмое ноября), Восьмарт, Женьдения (Женский день)* и, вероятно, *Женьдень* и другие. Недавно было упомянуто, что *Перестройка* и *Гласность* тоже на пороге того, чтобы перейти в имена собственные.

Возвращаясь, однако, к относительно нетрадиционным наименованиям новорожденных, отличным от общепринятых антропонимов прошлого в США, добавим, что в англоязычных странах всегда было принято *употребление фамилии в качестве имени собственного*. Называются такие имена – *отфамильные имена*. Пример: *Кеннеди Смит*, где *Кеннеди* – имя, а *Смит* – фамилия. Или: *Смит Браун* – здесь Смит выступает в роли имени, а Браун – фамилия. Помню, в детстве, читая английскую книгу «*Маленький оборвыш*» в переложении для детей *Корнея Чуковского*, я долго думала над тем, почему мальчика Джимми, героя книги, маленькие его беспризорные товарищи *Мбулди* и *Рипстон* называли *Смит*, английской самой распространенной фамилией. Потом выяснилось, что маленькие оборвыши назвали так своего приятеля потому, что они познакомились с ним на Смитфилдском рынке. Традиция существования отфамильных имен в английском языке давняя и не только по отношению к лицам мужского пола, но и женского. Пример: в моем классе в Университете была молодая девушка по имени *Дженкинс Дороти*. *Дженкинс* – первое ее имя – типичная английская фамилия, а *Дороти* – английское женское имя – было ее фамилией. Многие, наверное, помнят роман Диккенса «*Давид Копперфильд*». Женщину-служанку в

доме мальчика Давида звали *Пеготти*. Это фамилия, а не имя, но все читатели, без сомнения, принимали его за имя собственное, тогда как по-настоящему звали эту преданную семье женщину *Клара*. А *Пеготти* ее называли, чтоб не путать с хозяйкой, которая тоже послала имя Клара.

Издавна в англоговорящих странах популярны такие сочетания, как *Джонсон Питер Смит*, *О'Кейси Дэвид Браун*, *Трёмвелл Вайт* и другие такого же типа, где традиционные английские фамилии, подобные Смит, Браун, Вайт, О'Кейси, Трёмвелл и прочие выступают в качестве *имен собственных*.

Есть ли подобное ономастическое явление в России? До революции такого не было, ибо весь ономастический и грамматический строй русского языка с его отчествами не допускает превращения истинной русской фамилии в имя собственное. В русском церковном именнике, святцах, существует только два имени *Патрѳов*–и *Иакѳов* (*Яков*) с окончанием на «ов», что в русском языке – указатель фамилии. Появилось, правда, где-то в 40-х годах при советской власти одно имя собственное – *Иванов*, затем, вероятно, в послесталинское время – *Онёгин*, *Печѳрин* и т.д., указанные А. Суперанской.

Но! После 1917 года появились-таки и в России – *отфамильные* имена. Явление это было хотя по форме и ономастическое, но по существу политическое, когда некоторые граждане страны начали давать своим детям фамилии известных советских государственных деятелей в качестве имен. В стране появились *Ленин*, *Стáлин* (иногда с перестановкой ударения на последний слог, но часто и без этого), *Трѳцкий*, *Крупская*, затем фамилии стали «сдваиваться» и «страиваться» и стали, редко, правда, бытовать такие антропонимы-динозавры, как *Лентрѳуцѳин* (*Ленин-Трѳцкий-Зинѳвьев*), *Лензинтрѳц*, *Трѳцензѳина*, *Ворбудрѳк* (*Ворошѳлов-Будѳнный-Рыков*), *Климѳѳр* (*Клим Ворошѳлов*), но это уже курьезы и о них далее. К сведению россиян: *Лентрѳуцѳин*, то есть человек с этим именем, работал в пятидесятых – шестидесятых годах в советском посольстве в Вашингтоне, но просил называть его просто *Леник*.

Особенно часто *отфамильные* имена в СССР повторяли фамилии иностранцев. К примеру, имя собственное *Тельман* – фамилия председателя компартии Германии в 30–40-х годах. В период перестройки в России стал известен следователь *Тельман Гдлян*. В начале советской власти часто встречались такие антропонимы, как *Дантон*, *Робеспьер*, *Марат* (последнее пользовалось и пользуется наибольшим распространением и сейчас, его часто дают своим сыновьям и внукам лица еврейской национальности вместо широко бытовавшего ранее антропонима *Михаил*, заменителя иудейского *Моисей*), *Джонфрид* (сдвоенные иностранное имя и фамилия) – так звали двоюродного брата Светланы Аллилуевой, дочери Сталина.

С 60-х годов и позже россиянам стали известны *Эдисон Денисов*, композитор, биолог *Жорес Медведев* и его брат *Рой Медведев*. *Жорес* и *Рой* – фамилии известных коммунистов-иностранцев. А мне досталось узнать курьез-курьезов из первых рук: один из граждан Армении назвал свою дочь... *Евтушенка*, по фамилии известного поэта. *Евтушенка Арутюновна Арутюнян*. В закавказских же республиках существуют такие забавные отфамильные имена, как *Пашкевич*, *Жюль Верн*, *Чапаев*, уже упомянутое *Онёгин*, *Магеллан*, *Колумб* (сокращенно Коля) и, вероятно, прочие того же типа. Есть уже и немало взрослых граждан с отфамильными именами и отчествами. Вот, пожалуйста, – *Гёгель Бисмаркович*, *Казбек Эльбрусевич* и, вероятно, другие подобного же образца. Будет ли в России развиваться эта традиция отфамильных имен – неясно, но то, что употребление их в качестве личных имен собственных ширится, не поддается никакому сомнению.

К весьма распространенному явлению в английском именовании относится и *нарекение детей сокращёнными, уменьшительными именами*. Детей с такими именами в США – не перечесть. В официальных документах, соответствующих российским метрикам, у мужчин стоит: *Майк* или *Майки*, а не *Майкл*, *Боб* или *Бобби*, а не *Роберт*, *Джонни*, а не *Джон*; а у особ женского пола: *Вики*, вместо *Виктории*, *Конни*, вместо *Констансы* (*Констанции*), *Бет* или *Бетси*, а не *Элизабет* (*Елизавета*) и так далее.

В России уже давно наблюдается точно такое же явление, не столько ономастическое, сколько социально-культурное. Причина та же, что и везде на нашем континенте, а именно: жизнь столь страшно мчится вперед, что всякие бытовые и прочие реалии нашего существования все больше и больше требуют сокращения. Но в московских загсах все еще можно встретить суровое «не положено», если родители хотят назвать своего младенца *Слáвик, Э́дик, Толик, Рита, Галя, Маша* и т.д. Однако если в Москве и Санкт-Петербурге – «не положено», то на периферии, особенно в национальных республиках с иным родным языком, – загсовская «девушка» с желанием родителей спорить не станет. За последние годы моя ономастическая коллекция пополнилась такими примерами (уменьшительными российскими именами в качестве полных), как: *Галя, Ли́да, Ната́ша, Ю́ля* – женские и *А́лик, Ю́рик, Рудик, Жо́рик, Э́дик, Слáвик* – мужские. Особенно это принято в бывших закавказских республиках. Так что в эмиграции родители вполне могут дать малютке сыну имя *До́дик* вместо *Дави́д*, *Ми́ша* вместо *Михаи́л*, *Бо́ря* или *Бо́рик* вместо *Бори́с*, *Рая*, а также *Ли́ля* вместо *Ра́йса* или *Ли́лия* и т.д.

Хочется сделать маленькое замечание: некоторые ученые-именоведы в России как бы косвенно присоединяются к загсовским служащим, утверждая, что полные имена (мужские), такие, как *Э́дик, Ю́рик, Во́вик, Слáвик, Толик* и все им подобные, превращаются, в конце концов, в отчества *Э́ди́кович, А́ли́кович, Слáви́кович, Жо́ри́кович* и т.д., что для уха русского человека комично. Хочу возразить: во-первых, именоведы должны полностью освободиться от восприятия некоторых русских или нерусских имен, считая их непривычно смешными, а во-вторых, как в русских святцах, так и в книгах именологов об именах прошлого, совсем немало русских старинных мужских антропонимов типа *Агафо́нник, Кали́нник, Ти́хик, Зо́рик, Ки́рик* (в простонародном произношении *Ки́рьяк*, вспомним «Мужики» Чехова) и других. Имена эти, вероятно, используются сейчас очень редко, но фамилии от них такие, как *Кали́нников* (композитор), *Агафо́нников* (корреспондент газеты «Вечерняя Москва»), *Ки́риков* (простонародное произношение – *Ки́рья-*

ков) – сохранились. Так почему же Агафонникович и Кирикович звучало когда-то среди населения России нормально, а современное Эдикович, Аликovich... – смешно?

Возвращаемся к американским именам собственным. Есть и еще немало новшеств в подходе к наречению только что появившихся на белый свет маленьких американцев, но я хочу остановиться на предпоследнем, весьма теперь часто встречающемся явлении: *исчезающей разницы между мужскими и женскими именами*. Еще в начале века такие имена, как *Линдзи, Харпер, Дарси, Бобби*, носили только мужчины. Теперь же, начиная, примерно с 50-х годов и до сего времени, они стали женскими вместе с такими прозваниями сильного пола, как *Донни, Джэки, Сидни, Джейми, Алексис, Альвин*, включая вышеупомянутые. Мужчины, что встречается реже, тоже начинают носить женские имена: есть в США футболист-негр по имени *Джуди* (Джудит – это Юдифь в русском языке), в Германии живет кинорежиссер *Роза фон Праунхайм*, в память и честь немецкой коммунистки *Розы Люксембург*. Антропонимы *Вивиян, Лесли* и *Бeverли* давались ранее как мальчикам, так и девочкам, а теперь присоединились к этим «двуполым» прозваниям и другие, бывшие когда-то только мужскими, – *Дэниэл*, например, и наше русское... *Никита*. Мода на это имя началась после посещения США советского руководителя Никиты Сергеевича Хрущева, и в начале 60-х годов стали встречаться в Штатах как девочки, так и мальчики с этим именем. Есть футболист *Никита Уилсон*, а по телевизору демонстрируется программа «Женщина *Никита*» с другим, нежели в мужском имени, ударением. Мужские имена в США начинают приобретать парность при помощи женских окончаний – появились имена *Алана* от *Алан*, *Давида* от *Давид*, *Исаака* от *Исаак*, *Уилльяма* от *Уилльям* и так далее.

Если сравнить двуполость американских имен с подобного рода русскими, то в России такие парные антропонимы, как *Валентин* и *Валентина*, *Евгений* и *Евгения* и др., не представляют труда для распознавания, какого пола человек, благодаря окончаниям. Различить двуполое полное имя у русского всегда легко, сокращенное – труднее, но тогда на помощь приходит

фамилия с соответствующим окончанием. В англоязычных же странах различию помогает обращение: мистер, миссис, мисс и т.д. Впрочем, одну женщину с мужским именем из России я знаю: ее зовут *Даниэль*. Не *Даниэла*, а *Даниэль*. Она рассказывает, что родилась во время войны в глухой деревне, в эвакуации, и в сельсовете, где вместо загса выдавались разного рода справки, никто не понял, что девочке дается мужское, а не женское имя.

И самое последнее: совсем недавно в США особым семейным законодательством было предписано, что фамилия новорожденного может даваться по девичьей фамилии матери, а не отца или то и другое вместе. В России такого никогда не бывало, а вот в Италии в начале XIX века параллельно с итальянским гражданским кодексом действовал также знаменитый *Кодекс Наполеона*. В соответствии с ним незамужняя женщина, при рождении у нее ребенка, могла записать в свидетельстве о его рождении, что она является «матерью и отцом новорожденного».

В заключение хочу еще раз повторить, что все замеченные мною новые явления в ономастике-именологии связаны, вне всякого сомнения, с переходом человечества в иной по всем категориям XXI век. Корни всех этих именологических новшеств, или, как я называю это явление, *карнавального именологического шествия новых имен*, лежат глубоко в истории, культуре и прочих изменяющихся каждый день разных реалий общей жизни нашей планеты.

ИСТОРИЯ ИМЕН НЕГРОВ-РАБОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И ИХ СРАВНЕНИЕ С НАИМЕНОВАНИЯМИ ДЕТЕЙ КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ ТОГО ЖЕ ПЕРИОДА

Джэсси Джэксон, кандидат в президенты Соединенных Штатов, на выборах в 1988 году заявил: *«Этнические группы в Америке, характеризуя себя, подчеркивают, из какой страны они родом, напоминая о культурном прошлом своего народа. Настало время и для нас, людей с темной кожей, напомнить не только американцам, но и всему миру, что мы родом из Африки. Когда-то нас называли «цветными» и «неграми», но теперь эти названия можно считать устаревшими и безосновательными. Мы – афро-американцы».*

Мне бы хотелось условиться с читателем: антропонимы, т.е. имена собственные, прозвания, наименования, фамилии, и прочие компоненты идентификации афро-американцев в наше время ничем не отличаются от имен граждан белой расы и всех других групп населения Соединенных Штатов. Почему же, в таком случае, автор выделяет антропонимы чернокожих в отдельную тему? (Слово «чернокожий» совершенно для негров необидно, так же как «цветной» и само слово «негр», оскорбительным считается лишь кличка «ниггер»). Да потому что история имен собственных этой части населения страны обладает большим своеобразием и интересной историей, а сам подход к выбору имени младенцу у афро-американцев имеет свою эстетику и этику, что в ряде случаев было заимствовано белыми. Ведь еще совсем недавно некоторые лица белого населения США не преминули подчеркнуть, что они WASP, то есть White – белые, Anglo Saxon Protestant – англо-саксы-протестанты, и утверждать, что именно они – первые, лучшие и настоящие представители американских граждан.

Первым городом, основанным в Америке в 1619 году англичанами, был Джеймстаун в теперешнем штате Вирджиния. Именно в этом штате, как уже говорилось выше, родилась

первая истинная американка, девочка Вирджиния Дерр. Об этом знает каждый дошкольник в Америке. Именно к месту, где теперь стоит Джеймстаун, прибыл в вышеупомянутый год первый корабль с неграми, невольниками из Африки, что положило начало рабовладению в Соединенных Штатах. Совершенно естественно, что чернокожие люди, ставшие по чужой воле «иммигрантами первой волны» Нового Света, имели на родине, в Африке, свои имена, но имена эти были столь необычны для слуха белых американцев, для тех, кто называл себя WASP, что цветные невольники, ставшие рабами, были вынуждены откликаться на два имени – на африканское между своими соотечественниками и на иное, английское, каким стали называть их белые хозяева.

Ученые-именоведы вычислили, что антропонимы ново-прибывших невольников составляли 340 тысяч, тогда как число имен их хозяев-американцев ограничивалось лишь 140 тысячами. Удивительного в этом нет ничего, так как негры были язычниками и давали имя новорожденному, взяв для этого любое, иногда первое попавшееся слово; европейцы же были христианами и руководствовались именем, за пределы которого церковь при крещении младенца выходила в редчайших случаях.

Жестокие времена любого рабовладения всегда порождают среди хозяев насмешки и издевательства над подневольными, однако некоторые рабовладельцы не отличались ни жестокостью, ни чувством презрения к попавшим в их руки чернокожим невольникам и пытались называть своих рабов их настоящими именами (списки африканцев, прибывших на американский континент, сохранились), но африканские антропонимы скоро исчезли из обращения и уступили место тем прозваниям, которые были угодны владельцам рабов. Сначала все мужчины-негры стали носить имя *Адам*, а женщины – *Ева*. Здесь можно провести сравнение с нацистской Германией, когда *после прихода Гитлера к власти у евреев*, граждан этой страны, в немецких паспортах рядом с немецким именем, данным при рождении, *начали проставлять слово «Израиль»* – у мужчин и *«Сарра»* – у женщин.

Потом рабов начали издевательски называть кличками выючных животных – мулов и ослов, и ономастикон невольников пополнился такими прозваниями, а вернее прозвищами, как *Джек*, *Том*, *Билл*, *Нед* и т.д. – как в те времена называли домашних тягловых животных.

Наряду с этими именами вошло в практику и е к о т о р ы х рабовладельцев «величать» негров именами-насмешками, которые подчеркивали особенность внешности раба, черту его характера или обязанность исполнения им какой-либо работы по дому. Так появились имена *Смарт* (умный), *Флор-слуга*, в обязанности которого входило мытье полов, *Принс* (принц) – тот, у которого была весьма далекая от настоящего принца внешность, *Лобти* и *Голиáf* (великаны) – в насмешку над рабами маленького роста, *Керли* (кудрявый) – пня, которое присваивалось абсолютно лысому человеку и так далее и все в этом роде. Общим же названием для обозначения черного человека мужского пола в те времена было *Самбо*, оно просуществовало вплоть до XVIII века. Происхождение этого названия неизвестно, после восемнадцатого века оно забылось, но в иные времена негры приходили в ярость, услышав кличку *Самбо*, точно так же, как негодуют современные афро-американцы, когда кто-либо произносит слово «*ниггер*» – слово презрительно бранное, все реже и реже употребляющееся теперь в США.

Об именах женщин-рабынь начального периода рабства сохранилось меньше сведений, но все же известно, что им чаще всего давались их хозяевами в качестве имен названия кораблей, на которых они прибыли из Африки в Америку. Имена кораблей и лодок в английском языке всегда, по традиции, женского рода, именно поэтому эти имена давались негритянским женщинам и девушкам: в архивах сохранились имена *Сьюки*, сокращенное и несколько уничижительное от *Сьюзен*, а также *Шарлот* (*Шарлотта*).

Какие же имена собственные пришли к черному населению на смену к уже упомянутым? Тут, по справедливости, необходимо сделать существенную оговорку: с течением времени Запад стал все более и более двигаться по пути к прогрессу, и между гражданами всех стран Европы начали возникать более

цивилизированные отношения. В Америке уже в первой половине XIX века жестокость рабовладения начала медленно, но ощутимо ослабевать и отразилось это прежде всего на отношениях между хозяевами и их черными рабами.

Помню я, выпускница 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков в Москве на Метростроевской (ныне Остоженка) вместе со своими соучениками удивлялась тому, что нам, студентам, не разрешалось читать «Унесённые ветром» американской писательницы *Мэргарет Митчелл*. И только когда я начала жить в США, мне стала ясна причина: в этом романе описывается жизнь на рабовладельческом Юге и показывается автором не зверские отношения между белыми и черными, как в нашей учебной настольной книге «Хижина дяди Тома» *Бичер Стю*, а самые нормальные, человеческие. Книге Маргарет Митчелл вторила и кинолента «Унесённые ветром», но и этот фильм был в СССР недоступен для широкой публики.

Становится ясно, что нас, студентов, в те сталинские 50-ые и позже, в 60-ые годы, искусственно удерживали от того, чтобы мы знали правду о США, и в годы «холодной войны» всячески, при помощи выдумок и лжи, настраивали на враждебное отношение к Америке.

Итак, Соединенные Штаты медленно, но верно начали двигаться к духовной свободе настолько, что даже среди южан (белых, живущих в Южной части США, где расизм исчезал гораздо медленнее, чем где-либо в Америке) уже не возникало резко ощутимого недовольства рабовладельцев, когда негры, независимо от вкуса своих хозяев, начали давать своим новорожденным детям те же имена, что носили их белые ровесники.

Здесь нужно сделать небольшую остановку и напомнить, что в середине XIX века в США, а также в России произошли почти в одно и то же время два равноценных, равнозначных по своему моральному значению события: отмена рабства в США после гражданской войны Севера и Юга в 1863 году и отмена крепостного права в России в 1861 году. Этому способствовал и всеобщий моральный прогресс человечества, а что

касается непосредственно Америки, то в семьях рабовладельцев довольно скоро появились образованные люди, главным образом – жены, сестры, дочери и прочие члены их семей. И вот занятие наречением именами новорожденных детей своих невольников среди этих по тому времени начитанных дам, превратилось у них в своеобразную игру и стало выражаться в том, что неграм-невольникам стали даваться имена почти неслыханные в широком распространении среди рабов.

Тут уместно провести явную ономастическую параллель с прежней Россией. «Она любила Ричардсона», – пишет Пушкин о своей русской Татьяне в «Евгении Онегине», – а любовь к романистам того времени пришла в нашу страну из Англии, где тамошние мисс и миссис запоем читали новую, романтическую литературу. Что же касается США, то и там очень скоро переселенцам-британцам стали даваться имена героев и героинь модных романов, и когда в 1670 году появилась повесть-роман «Мелинда» мисс Офры Вэн (имя Офра, в ином произношении Опра – библейское и значит оно «козочка»), а название романа было дано по имени главной героини этого романа, – вся женская половина Туманного Альбиона «запомнила» это вновь появившееся имя. А когда оно переключалось в Америку, в архивах страны Колумба можно было найти во многих магистратах записи о рождении девочек-негритянок, дочерей рабов, которым их хозяйки давали имя *Мелинда*.

Есть ли объяснение тому, что писательница Офра Вэн дала своей героине вышеупомянутое, а не другое имя? К счастью для именологов, причина этого, что бывает очень редко, – есть! Началу распространения имени *Мелинда* приписывается то, что последние представители английской короны *Стюартов* очень любили женские имена с окончанием «инда». Именно во времена правления Стюартов (последняя представительница этой династии – королева Анна 1702–1714 гг.) имя Мелинда было очень модно, а затем оно переключалось и в Америку, где появились женщины всех рас, называемые *Мелинда, Кларинда, Люсинда, Лоринда, Селинда, Белинда, Коринда, Розалинда, Флоринда* и тому подобные с окончанием «инда», на первый звук которого – «и», падает ударение. Распростране-

нию этих действительно очень благозвучных имен, популярных и по сей день, способствовало и творчество знаменитого шотландского поэта *Роберта Бёрнса*, часто использовавшего эти антропонимы в своих произведениях.

Вскоре на первое место по употреблению среди вышеперечисленных вышло имя *Люси́нда*, наиболее популярное у всех классов и всех цветов кожи населения США. А в пятидесятые годы XX столетия американцы обратили внимание и на отколовшееся от всех «индовых» женских антропонимов имя *Ли́нда*, бывшее в большой моде в пятидесятых годах XX века и надолго попавшее в первую десятку самых популярных женских имен массового распространения.

Вслед за вышеупомянутыми стало расти число женщин-рабынь, носивших имена *Се́лия*, *Хло́я*, *Фло́ра*, *А́йрис*, *Джу́лия*, *Ми́ра*, *Фи́лис*, *Сэ́лли*, *Софи́я* и т.д. Большинство этих рабынь были так названы по именам героинь романов Шекспира, *Ма́рло*, *Бен Джонсона*, *Фи́лдинга* и других литераторов. Особенно отличался широким знанием самых разнообразных имен великий Шекспир, а один из американских филологов сказал, что собрание сочинений драматурга номер один всего человечества могло бы обогатить американский ономастикон больше, чем теперешние антропонимы, заимствованные у всех народов Земли.

Мне за долгие годы жизни в Америке приходилось и приходится встречать у афро-американок (в основном), а затем и у других слоев населения такие женские шекспировские имена, как *Би́анка*, *Ката́рина*, *Вальпу́ргия*, *Офе́лия*, *Гонерíля*, *Джульетта*, *По́рция*, *Францýска*, *Корде́лия*, *Регáна*, *Розали́нда*, *Окта́вия*, *Гертфу́да*, а также, прошу прощения у русского читателя, не искушенного в именологии, мало благозвучные для русского уха имена *Перди́та* и *Мо́пса*. Одни из самых любимых, часто встречающихся литературных имен у афро-американок сегодня – *Кассáндра* и *Джульетта*.

Посмотрим теперь, что происходило во времена начального периода рабства и в стане «непрекрасной» половины человечества. У мужчин-невольников стали появляться имена по названию американских городов и прочих мест, так или

иначе связанных с жизнью их хозяев, чтобы неграмотные рабы могли при случае объяснить, кому они принадлежат. Вот первые зафиксированные в документах имена подобного рода: *Йорк, Бристол, Лондон, Солсбери, Оксфорд, Кембридж* и тому подобные. Напоминаю читателю, что многие города, городки и места в США носят, вернее повторяют, названия не только географических мест Англии, но и всего мира, в том числе и России.

Вслед за именами-топонимами, повторяющими названия географических мест, список мужских имен начал пополняться также литературными именами и, в первую очередь опять-таки **шекспировскими**. До сих пор можно встретить в Соединенных Штатах, и не только у негров, такие имена собственные, как *Гамлет, Отелло* (у меня есть знакомая, на этот раз женщина польского происхождения, по имени Анята *Отелло Здуренсик* – никого это не удивляет), *Яго, Кассио* (Кассиус Клей, знаменитый боксер 60–70-х годов, изменивший при перемене религии свое имя на *Мохаммед Али*), *Лир, Орландо, Ромео* (кстати, имя *Ромео* тоже образовано от названия города Рима, то есть *топонима*). Не отставали от шекспировских и личные имена, берущие свое начало в **мифологии**, например: *Демосфен, Улисс* (*Улисс Грант* – один из президентов США) *Ахилл, Гектор, Ланселот, Архимед* – из мужских и *Ариадна, Андромаха, Афина, Медя, Электра* – из женских, многие из них до сих пор используются американцами всех цветов кожи. Не уступали по популярности шекспировским и мифологическим именам, имена **исторические**, в их числе: *Цезарь, Тарквиний, Нерон, Британикус, Магеллан, Колумбус, Перикл, Наполеон, Теодорикус, Калигула* (*Калигула*), *Брут, Германикус* и другие. Некоторые из этих антропонимов сейчас почти вышли из употребления, другие встречаются и по сей день, но крайне редко, а иные, такие как *Цезарь*, например, любимы не только афро-американцами, но и белым населением до сих пор. Можно добавить, что женское имя *Британни* и его вариации – стало необычайно модным в конце XX века для поворожденных девочек у всех групп населения, а к редко встречаемым относятся **имена – названия планет**: мужские – *Юпитер, Марс, Сатурн* в английском произношении и женское имя *Венера*.

Если вы сейчас спросите ученика американской школы младших классов, какое мужское имя самое популярное в Соединенных Штатах, он, почти не задумываясь, ответит: *Линкольн*. Тут, правда, надо отметить, что школьник имеет в виду фамилию самого популярного президента в Новом Свете, при котором рабовладение было отменено. Однако после этого события в истории Америки фамилия Линкольн стала употребляться в качестве имени собственного не только у афро-американцев, но и у других граждан США, а вслед за именем собственным Линкольн стало широко использоваться *нафечение мальчиков личными именами и фамилиями президентов* вместе или отдельно *в качестве опять-таки имен собственных*.

Большинство российских граждан знает имя президента **Кли́нтон** – **Уи́льям** (Билл) **Дже́фферсон**. Президент **То́мас Дже́фферсон**, творец Декларации Независимости (1743–1826), был одним из первых зачинателей моды, когда мальчикам стали давать личные имена по фамилиям и именам известных государственных деятелей: **Эйбрахам** (Авраам – в русском произношении) **Ли́нкольн**, **Ва́шингтон**, **Гра́нт**, **Мэ́дисон**, **Мо́нро**, **Ку́лидж**, **Ру́звельт**, **Фра́нклин Ру́звельт**, **Тру́мен**, **Ву́дро Ви́льсон**, **Эйзенха́уэр**, **Дуа́йт** и **Айк** (последние два – имя президента **Эйзенхауэра** и его *уменьшительное* от этого *имени*). Многие из этих антропонимов живут до сих пор как у черного, так и у белого населения США. Следует отметить, что все вышеперечисленные когда-то «нетрадиционные» имена вошли в список имен американцев с легкой руки дам богатых семей Америки, занимающихся имяизобретением для низшего класса общества, которым в то время были рабы – негры, привезенные из Африки.

И еще раз напрашивается интересное историческое сравнение со страной нашего рождения, где в 1861 году было отменено крепостное право. Не все было одинаковым по отношению к невольникам в США и к крепостным крестьянам в старой России, но как раз в социальном смысле, – а конкретнее, в определенной области жизни, касающейся наименования новорожденных, существование которых целиком и полностью зависела от воли их хозяев, – есть немало общего.

Припоминая творения русских писателей и поэтов XIX века (*Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Терпигорева, Писемского, Эртеля, Лескова, Бунина* и др.), описывающих жизнь крепостных Средней России, заметим, что одним из любимых занятий помещичьих жен и дочерей было – давать имена новорожденным детям крепостных. Так, у *Некрасова* в поэме «Кому́ на Руси жить хорошо» барыня *Елена Александровна* нарекла мальчика своей любимой крестьянки *Матрёны Тимофеевны – Илиодором* (*Лиодорушкой*, как называла его родная мать), абсолютно не принятым в крестьянском быту. Необходимо сделать небольшое замечание: в 60-х годах XX века, при советской власти, это имя, *Илиодор* (сокращенно – *Дорька*) стало модным у населения Нижегородской области, почитающего особо любимого тамошнего священника *Илиодора*.

Возвращаясь же к временам классиков, заметим, что *Анна Павловна Затрапезная* в романе Салтыкова-Щедрина «*Пошехонская старина*» давала иногда своим крепостным неслыханные вообще в русском быту имена, такие, как *Сатир, Смарагд, Коронат, Ёспер* (хотя подобные антропонимы были и есть в православных святцах), а всех незаконнорожденных младенцев мужского пола приказывала крестить одним-единственным именем – *Макыр*.

А вот пример из нашего времени, событие из моей жизни, когда я еще девочкой пребывала несколько месяцев во время войны в эвакуации в *Иванове*, «городе невест». Город издавна был центром текстильной промышленности, нужда в мужских профессиях была не столь велика, как в женских, поэтому и звался город *Иваново «городом невест»*. Приятельствовала я в этом городе ткачих с 86-летней старушкой по имени *Прасковья Викторовна*. Она родилась в семье крепостных крестьян одной из деревень *Шуйского уезда*. Уже тогда, грезя именами, я была поражена ее необычным для деревенской женщины отчеством. Однажды я подвела-таки мою немолодую приятельницу к тому, чтобы она рассказала мне об отце. Ее отец, *Виктор*, рожденный в тридцатых годах XIX века, барский кучер и, конечно, крепостной, а также его родные братья, близнецы *Валентин* и *Валериан*, дворовые, были наречены совершенно

немыслимыми в своей среде именами барыней *Софьей Федоровной* в знак особой милости к их матери, бабушки Прасковьи Викторовны, состоящей при своей госпоже «чесальщицей пяток». Помещица *Софья Федоровна* была крестной матерью поворожденных мальчиков, и всем окружающим было приказано называть трех братьев *Вика*, *Вика* и *Лека* на потеху остальным крестьянским ребятишкам.

Точно такую же историю видим в рассказе *А.И. Эртеля*, замечательного дореволюционного писателя России, где крепостной человек по имени *Поплешка*, а отца его звали Виктором, рассказывает автору, что в их деревне поп называл поворожденных мальчиков пслыханными именами: *Апполёшка* (*Апполон*), *Валёрка* (*Валерий*) и другими, а его самого назвал *Поплий*, и стал мальчик называться среди деревенских сородичей *Поплешкой*... Имя *Поплий* есть в русских православных святцах, происходит оно от латинского «*публиос*».

Как-то, изучая имена лиц из окружения Пушкина, я сделала предположение, что *Надежда* – имя первой дочери знаменитой няни поэта, *Арины Родионовны*, было дано девочке матерью Пушкина, *Надеждой Осиповной*, т.к. в крестьянской жизни такое имя в те времена не бытовало. Надежда Осиповна, вероятно, была крестной матерью старшей дочки *Арины Родионовны* и поэтому пожелала назвать ее своим именем. Несколько лет назад, когда я гостила в знаменитом селе *Михайловском*, *Семён Иванович Гейченко*, хранитель заповедника, сказал мне, что моя догадка имеет все основания, и до войны существовали даже документы, имеющие к крестинам детей крепостных непосредственное отношение, но во время войны все сгорело.

Вывод ясен: история наименований крепостных крестьян в России твердо шла по той же параллели, что и в США у черных невольников. Вообще личные имена (не будем говорить об исключениях) у негров и у белых в Америке стали после отмены рабства почти одинаковыми, но некоторый оттенок в употреблении их все-таки сохранился, так же как и в дореволюционной России, где некоторые антропонимы в те времена были как бы принадлежностью только той или иной части населения. Так, в какой-то период после отмены рабства в

США, если кто-то произносил антропоним *Энтони* или *Эфраим*, было ясно, что человек, носящий это имя, – негр. При имени *Нэнси*, *Сэлли*, *Полли*, *Люси*, *Пэгги*, *Памела* (Пэмэла – в английском произношении) или *Стелла* все понимали, что речь идет о черной служанке. Интересно отметить, что имена *Памела* и *Стелла* можно привести как пример «выдуманных» антропонимов. Памела (сладкая) – было выдумано сэром Филиппом Сидни для героини своего романа «*Аркади*», опубликованного в 1590 году, уже после смерти автора, а *Стелла* (что по-латыни значит «звезда») – антропоним, которым одна из английских мисс в США стала называть свою служанку, черную красавицу. Имена *Памела*, *Стелла*, а также *Белла* в давнее время считались «негритянскими», и белое население избегало давать их своим детям. Вскоре этот подход к вышеупомянутым именам стерся совершенно, так же как в современной России, где после революции *Марья* и *Анастасия* считались «деревенскими» именами, а к концу века *Машами* и *Настями* называли почти 40% девочек в городах.

Круг «черных» имен в начале XIX века в США существенно расширился, но несмотря на это женщины, носившие имена *Агнес*, *Альма*, *Беатрис*, *Бланш*, *Элиноф*, *Эстер*, *Эвелин*, встречались почти стопроцентно только у белых, а уж если в какой-либо семье антропонимы белой хозяйки и черной служанки совпадали, то госпожу величали *Роз*, а служанку – *Роза*. Опять мы видим прямую параллель с Россией: если госпожа и горничная в одной семье (большой частью в XVIII–XIX веках) носили одинаковое имя *Прасковья*, – то хозяйка звалась *Полина* («Была Полиною Прасковья» – Пушкин), а служанка вовек оставалась *Парашей* или *Пашей*.

А вот пример перехода (трансплантации) имен одного из классов населения в другой. Начнем с России. Как-то некий советский писатель, лет тридцать назад упоминая нынешний Север, писал, что пожилой мужчина из тамошних жителей сообщил ему, что у какого-то человека в давнее время в их местах имя было «господское», а речь шла всего-то об антропониме *Сергей*. Теперь этим именем «осергеена» вся Россия без различия городов, деревень и прочего. Надо сказать, что

так называемые «городские» имена начали вообще бурно проникать после революции в деревни везде в СССР, чему я сама была свидетелем, переписываясь с подругой, жившей в Алтайском крае. «Чтой-то у вас в городе имена какие-то деревенские стали давать, – писала она мне со слов колхозницы из деревни *Топчихинского* района, – все *Наташки* да *Сашки*, а мы теперь красивыми называем, у нас *Луизы* все пошли, *Риммы* да *Герберты*, да вот и еще одно нерусское красивое имя есть, как его... забыла, ой, да, вспомнила! – *Игорь*».

Взаимопроникновение имен в Соединенных Штатах из одного класса населения в другой особенно бурно началось в конце XIX века, когда черные женщины начали носить имена аристократических классических героинь старой Англии: *Корнелия*, *Гвендолен*, *Сильвия*, *Клелия*, *Лавиния*... А вот к белому населению в те времена перешли прежние, любимые имена женщин-негритянок, такие, как *Аманда* и *Саманта*, ставшие за последние 30 лет XX века почти полностью принадлежностью белого класса населения. То же самое произошло с именем *Кора* («девица» по-гречески), обязанным своей модой роману Фенимора Купера «Последний из могикан». Когда-то это имя было модным только у «цветных» женщин, а теперь, в начале нового двадцать первого века, стало преимущественно встречаться у белых.

Как известно, иногда какое-либо имя приобретает значение *собирающего*: *Церберы* – злые люди; *Фрицы* и *Гансы* – прозвища немцев во время Второй мировой войны, *Комми* – кличка советских воинов от слова «коммунист» во время той же войны; *Жорики*, *Гаврики*, *Шурики* – названия молодых людей особого поведения в разные времена в России; *Митьки* – так в наше время, в конце XX и в начале XXI века называют там же молодых людей, зарекомендовавших себя особым подходом к искусству; и самое последнее собирательное, итальяно-английское *Папарацци* – как стали называть назойливых, беспардонных журналистов и фотокорреспондентов. Не повезло в этом смысле английскому имени *Нэнси*, сокращенному от *Анна* (*Энн* – в английском произношении), которое в XVIII–XIX веках носило неприятный оттенок, обозначая «уличную женщину».

Припомним роман Диккенса «Оливер Твист» и одного из его персонажей, Нэнси, сожительницу вора Сайкса. Историю этого ономастического явления в Англии можно вкратце свести к следующему: в XVIII веке женщины легкого поведения были обитательницами публичных домов, которые иронически назывались «Нэни-шоп», вполне возможно потому, что коз на фермах кликали в то время именем *Нэни*. К названию этому имеют отношение и женственные мужчины, возможно, гомосексуалисты, которые носили кличку *Нэнси-бой*. Однако в конце XVIII века имя Нэнси было полностью реабилитировано, когда этим антропонимом стала называться высококвалифицированная няня, получившая профессиональное образование по уходу за маленькими детьми. Слово «няня» вошло в русский язык, вероятно, в XVIII веке, заменив русское «мамка».

Возвратимся к именам черного населения США, бросим взгляд на то, как сложилась ситуация в конце XX столетия. Сейчас уже никто не определит только по имени, к какой группе населения, белой или черной, принадлежит американец. Сохранилось, правда, в чернокожих семьях то, что называется **завышенным социальным притязанием**, когда ребенку дают сверхпретенциозное имя. Обычай этот опять-таки сохранился со времен рабства с легкой руки белых владельцев черных рабов. Молодые негритянские матери иногда до сих пор поддерживают эту традицию в память предков, а также и по другим причинам, называя своих детей редко принятыми у белых антропонимами.

Можно назвать среди этих «других причин» то, что, во-первых, звонкое, не приевшееся уху имя, может вызвать у окружающих чувство высокого уважения, когда кажется, что и человек, носящий это имя, обладает какими-то необыкновенными достоинствами. А во-вторых, этот феномен может служить отзвуком эмансипации, освобождения от рабства, когда отдаленные потомки бывших невольников, осознанно или нет, но хотят подчеркнуть, что негры уже давно независимы и свободны от комплекса покорности белым, когда они были вынуждены носить навязанные им белыми хозяевами

имена, которые в некоторых случаях им совсем не нравились.

Необычные для сегодняшнего времени имена даются в качестве как первых, так и вторых, например – *Наташа-Дездемона, Катринка-Кассандра, Мелисса-Офелия, Николас-Наполеон, Джейсон-Сенатор* и прочие того же рода. Некоторые из семейных историй этих имен интересны. Отец дал дочери русское имя *Наташа*, очень популярное в США лет тридцать тому назад, а второе имя, шекспировское, *Дездемона*, досталось девочке в память прапрабабушки, рабыни. У женщины по имени *Катринка-Кассандра* другая история. Ее мать – уроженка города *Гэри* в штате *Индиана*, крупном городе сталелитейной промышленности. В нем издавна селились славяне, эмигранты из Восточной Европы, находя себе там на заводах хорошую физическую работу, почти не требующую знания английского языка. Вот там-то, у славянского населения, в изобилии встречались уменьшительные женские имена *Катринка, Ани́ска, Ню́рка* и *Мары́ська*, которые перенимались местным негритянским, да и белым населением и впоследствии распространились по Америке. А второе имя – *Кассандра*, как заявила мне молодая женщина, – имя семейное и очень часто встречается в их роду.

Необходимо отметить, что американские негры, так же как и белые граждане с повышенными претензиями к звучанию антропонима, часто выбирают имена новорожденным из *Библии*, то есть открывают Книгу Книг наугад, как когда-то пуритане, и дают ребенку первое попавшееся на глаза имя, и чем оно необыкновеннее, тем лучше. Очень редко, правда, но можно услышать в наше время, что ребенка назвали: *Нееман, Нергал-Шарецел, Одед, Одеда, Оливема, Скева (м.), Ховад, Тартон* и им подобные. Некоторые из них весьма благозвучны (*Одэд, Одеда, Оливема* – мужское и женские), и нет сомнения, что в будущем они займут подобающее место в американском ономастиконе. Однако есть у *афро-американцев* и крайне нелюбимые имена, которыми называют детей очень редко. Это мужские имена: *Абишэг, Аморус, Бэберли, Браинд, Баглесс, Клефем, Минехаха, Мердер, Диспер, Дозер, Энергетик, Федер, Хэм,*

Самон (от Соломон) и *Стронгитáрм*. Исключение составляет имя *Летис* – оно когда-то давалось как мужчинам, так и женщинам и было очень популярным, а потом почти сошло на нет, но дается иногда и сейчас. Эти имена сегодня настолько редки, что отсутствуют даже в самом подробном именнике Великобритании и США. Только одно имя из вышеперечисленных мне пришлось встретить – *Абишáг*. Так зовут одного из футболистов Америки, его фамилия – *Прíчард*.

Встречается ли подобное явление наречения новорожденных необыкновенными именами в России? По моим наблюдениям, встречается, но в гораздо меньшей степени. Речь тут идет не о новых «послереволюционных» именах 20–30-х годов, таких как *Марклén*, *Трáктор*, *Баррикáда*, *Энгленмáра* и им подобных, а о классических именах из православного именослова. Так, однажды в том же русском «городе невест» мать шестнадцатилетней девочки *Йры* с некоторой гордостью сказала мне, что полное имя дочери не *Ирина*, а *Уйрко*, взятое из старинных, дореволюционных именников.

Становится ясно, что ономастикон черного населения США пополнился за последние 40 лет так же, как и у белых, именами и названиями любого народа и национальности всей нашей планеты. Тут и русские, большей частью женские: *Таня*, *Татьяна*, *Наташа*, *Тамара*, *Лариса*, *Сашénка*, *Верóчка*, *Нинóчка* (прошу обратить внимание на ударения в последних трех именах) и некоторые мужские: *Саша*, *Миша*, *Гриша*, а также славянские, о чем писалось выше. Кроме того, ономастикон США пополнился фамилиями и именами в качестве личных имен великих людей человечества – *Дáнте*, *Копéрник*, *Джордáно Бруно*, *Моцáрт*, *Бетхóвен*, *Леона́рдо да Винчи*, *Нью́тон*, *Айнстáйн* (Эйнштейн) и даже... *Ленин* и *Стáлин*, – имен и фамилий я не выбираю, а называю первые попавшиеся из моей коллекции.

В последнее время возникла мода называть детей христианскими именами другой страны, чаще всего Южной Америки, которые имеются и в английском именнике, но звучащие соответственно своему национальному произношению: *Пьер*, *Па́бло*, *Андрé*, *А́ндрес*, *Джиовáнни*, *Демéтриус*, *Ма́ркус*, *Рика́рдо*, *Леона́рдо*, *Хуáн*, *Ка́рлос*, *Рамóн* из мужских, а также

женские – Франциска, Мануэла, Инесс и т.д. Женские, большей частью французские, лет 25 назад появившиеся и прочно закрепившиеся в английском опомастиконе, не отстают от прочих иноязычных, среди них, например, такие, как Мишел (ж.), Никол (ж.), Дезире (ж.), Дениз, Ренэ, Джермен (французское Жермен) и др. Из немецких – Грётхен (ж.), Отто, Конрад, Дитер, Курт и другие. Кроме того, у черного населения (особенно) появилась целая плеяда имен собственных по названию рангов военных: Джэнерал (генерал), Маршал, Эдмирал (адмирал), Кенел (полковник), Соулджер (Солдат), Седжент (сержант) в их английском произношении, сразу же обращающие на себя внимание и заставляющие подумать, что человек, носящий имена Буккипер (бухгалтер), Джентльмен, Кардинал, Прófит (пророк), Каунт (граф) – Каунт Бейси, недавно скончавшийся выдающийся американский музыкант-негр, – действительно обладает какими-то уникальными качествами, о чем и свидетельствует его личное имя.

Ну и самое последнее, но чрезвычайно примечательное: афро-американцы страны Колумба в предыдущие десятилетия (60–90-е годы XX века) активно обратились к своим изначальным именам, именам своих предков и современным африканским антропонимам языческого происхождения. Самые популярные из них в наши дни это – Джабарí (м.) – «храбрый», Валида́ (ж.) – «новорожденная», Бакарí (м. и ж.) – «благородное обещание», Мунлайт – «лунный свет», Мунчайлд – «лунное дитя», Айна (ж.) – «прелестный цветок» (на языке суахили) и т.д. Многие из этих антропонимов необычайно благородны и красивы как по звучанию, так и по смыслу, они нередко заимствуются и белыми американцами, так что есть надежда на рост и продолжение этой традиции.

КУРЬЕЗЫ ИМЕН И ФАМИЛИЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

В этом очерке я хочу поговорить о редких, забавных именах и еще кое о каких темах в именоведении, пока не затронутых в ономастических изысканиях на русском языке.

Необычные до смехотворности имена или имена-курьезы не были предметом пристального изучения, ученые ими глубоко не занимались, хотя иногда и перечисляли читателям, для шутки, забавные личные имена и фамилии. Подобными антропонимами и их коллекционированием (вроде собирания марок) занимались многие известные лица нашего времени: балерина *Майя Плисецкая* собирала необычные имена и фамилии, а для *Нины Берберовой*, писательницы русской эмиграции, было любимым занятием вместе с известным художником *Мстиславом Добужинским* «играть» в фамилии из нетрадиционных, то есть находить такие, которые они называли «зловредными», причем, из литературы фамилии брать запрещалось, надо было лично знать тех, кто официально прозывался *Твердохрыш*, *Тумбесов*, *Кошкодэвов*, *Кровоушков* и т.д. Сейчас многие из этих фамилий не так смешны, как ранее, ибо происхождение и значение многих были расшифрованы уже в середине XX века, и читатели теперь знают, что фамилия известного российского спортсмена *Кровоуškова* происходит от старинного слова, означающего человека, который занимался пусканием крови, а *Кошкодэвов* — ни больше ни меньше, как русифицированная иностранная фамилия *Köös фон Дйален*.

Сначала посмотрим, какие же имена-курьезы встречаются в США, стране, ставшей моим вторым домом по приезде в Америку без малого 50 лет назад.

Наиболее полные американские именники содержат более чем десять тысяч антропонимов. Среди них — календарные, традиционные, новозобретенные, а также разномациональные, хлынувшие примерно 40 лет назад в американский име-

послов и дружески принятые коренными жителями США, для кого английский язык родной. Если в период 1600–1800 годов в англо-говорящих странах каждый второй мужчина носил имя *Джон, Томас, Вильям, Уолтер, Джеймс* или *Джозеф*, а женщины – *Мэри, Анна* или *Элизабет*, то позже подобные имена потеснились, хотя ими и сейчас продолжают называть детей и, вероятно, будут называть всегда, а некоторые из вышеупомянутых антропонимов появляются даже теперь кое-где на непродолжительное время в списке самых любимых и модных.

Чуть забегаая вперед, скажу, что многие имена граждан всех рас вызывают далеко не однозначную реакцию в смысле пренебрежения и отталкивания у аборигенов Америки. Правда, в США это встречается очень редко, американцы легко мирятся с необычными именами, как бы странны они ни были, и поэтому я была очень удивлена, когда один из моих учеников-студентов *Роджер Д.*, из семьи рабочего, вдруг фыркнул на уроке: «*Флойд?* Какое противное, какое деревенское имя!»

Подобное же было и в России после революции. Среди прибывших в США иммигрантов за последнее время (1995–2000 годы) было немало девочек по имени Анастасия. В то время оно было популярным в России благодаря моде, но попробовали бы вы назвать так девочку в 30-х – начале 50-х годов. В те времена этот антропоним считался «деревенским», давно вышедшим из употребления, однако в 80-х годах имя возвратилось, пошло и стало популярным. С сокращенной формой – *Настя* – жить в Америке вообще противопоказано, ибо «*нейсти*» (*nasty*) по-английски значит «отвратительный, гадкий, противный» и т.д. Но эмигранты из России, не имеющие понятия о том, что мода – это стадность, привели это имя и в США, где к нему американцы сразу стали относиться с пренебрежением. Именно поэтому все российские Настя немедленно стали называться в Америке *Стейси*, или *Ася*.

А вот с моим настоящим именем *Викторья* вышла совсем иная картина. Родители решили называть меня сокращенно мальчишечьим именем *Витя*, что причиняло мне в детстве большие неприятности. Но вот после моего отъезда из СССР на постоянное жительство в США имя *Викторья* стало одним

из самых любимых в России. Должна упомянуть, что в Америке это латинское имя было еще 50 лет назад не очень распространенным, не в пример Великобритании, где этот антропоним был в большом употреблении после очень долгого правления королевы *Виктории*, оставившей у своих сограждан наилучшие воспоминания. Однако это – присказка, а сказка впереди, и настало время автору перейти к истинно забавным, курьезным и по-настоящему потешным именам.

Какие же имена в разных странах принято считать курьезными? Вот, например: не каждому жителю США приходилось встречать женское имя... *Кеннеди Джонсон*, *Президент Линкольн* или девочку, которую зовут русским мужским именем *Ваня*, особу женского же пола, величаемую *Рейган*, фамилией президента Рейгана. Взрослых мужчин и женщин по имени *Куки-Пуки* и *Живы Долго* тоже придется тщательно поискать, так же, как и представителя сильного пола, взрослого уважаемого человека, величаемого *Джонни Дурачок*. Даю один процент из миллиона, что средний американец когда-либо слышал о военном в отставке, серьезном гражданине, участнике Второй мировой войны, которого товарищи называют *Стронги*, однако в документах он записан как *Стронг Бузер* (*Strong Boozer*), что в переводе значит «записной пьяница». Не сомневаюсь, что читатель будет от души смеяться над именами двух моих знакомых, а прозываются они: одна – *Цецилия-Мэна Кошмар*, а другая – *Наташа-Пенелопэ (Пенелопи) Квас* (у обеих родители украинского происхождения). Не меньше будет веселить читателей мужское прозвание *Мемориал Дэй* (День Поминовения) в честь национального праздника США, или имя девочки – *Гэфальте Фиш* (Фаршированная рыба) в семье смешанного национального происхождения, где отец – еврей, а мать – индианка. А совсем недавно я встретила молодого негра по имени... *Массой Живаго Дорси* (Живаго – из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»).

В начале XX века, когда в России началась революция, американцы были столь заинтригованы борьбой «красных» и «белых», что стали называть своих детей названиями разного цвета, и до сих пор подобные имена, такие, как *Ред*

(красный), *Уайт* (белый), *Грин* (зеленый), – так звали одного из моих студентов, *Блю* (синий) и так далее встречаются у немолодых граждан США. А однажды в телевизионной передаче фигурировал полицейский, чей антропоним был – *Бейби Грин Раши* (малютка зеленый русский). Предупреждаю всех, кому на глаза попадетсЯ этот очерк, вспомнить неоднократно мое паноминание о том, что все антропонимы, которые я привожу в качестве примеров, – законные имена собственные, а не прозвища, не клички и конечно, не выдумка автора. В Книге рекордов Гиннеса эти имена могут вам нет-нет да и встретиться, а некоторые мои именоведческие каталоги только им и посвящены, и вышеназванные антропонимы еще не самые забавные.

Чтобы не возвращаться к курьезам в России, замечу, что самая «смешная» фамилия (а не имя), встретившаяся мне на родине, – *Тяну-Тяну-Табунец-Жбан-Жлоба-Бублик-Погорельский*. Но, во-первых, это не личное имя, а фамилия, и, во-вторых, как это ни удивительно, объяснение этой фамилии – есть! Гражданин Василий Дмитриевич Тяну-Тяну... был украинцем и, как говорит предание, потомком именно тех запорожцев, которые «писали письмо турецкому султану». Тут стоит припомнить, что в качестве украинских фамилий в большей степени, чем в русских, используются такие имена и нарицательные существительные, что «только плюнешь, да перекрестишься», как говорил великий наш писатель Н.В. Гоголь. Среди них – и *Дурак*, и *Рожка*, и *Гвоздь*, и *Сопля*, и *Грязь*, и *Щи* вместе с прозвищем *Борщ*, и фамилии *Подопризабор*, *Забейгвоздь*, *Высокошапка*, *Нетудыхата* и *Непейново*, а также подобные им, иногда выходящие за пределы ортодоксального русского лексикона. Такая фамилия встретилаcь мне в эмиграции и звучала она как *Хуер*.

Чаще всего, конечно, эти фамилии произошли от прозвищ, а если на одно прозвище-кличку накладывалось другое и они закреплялись, вобрав в себя другие названия, то легко себе представить, что в конце концов при окончательном оформлении и закреплении большей частью за украинцами фамилий получалось что-то вроде прозвища Тяну-Тяну-Табунец-Жбан-Жлоба-Бублик-Погорельский. Думаю, читатели этой главы

придут в не меньший восторг от сочетания «*Не плачь, кобыла*», которым в Киеве, до революции, удостоилась прехорошенькая девушка, знакомая знаменитого А.Н. Вертинского.

В какой стране впервые вспыхнула страсть к изобретению новых имен и использованию их в более или менее широком масштабе, сказать невозможно, грубо говоря, это началось много ранее XX века. Однако с полным правом можно утверждать, что вскоре одни из этих странно и комично звучащих для уха имен вошли, как полноправные в ономастикон Америки, а например, другие и по сей день существуют в единственном числе. Ученые-ономасты США заметили, что чаще всего новоизобретенные имена связаны с топонимами, то есть с географическими названиями, и поэтому они называются **ОТТОПОНЬНЫМИ**.

Так, имя актрисы *Мирны Лей* теперь можно встретить у всех классов населения США, но происхождения его почти никто не знал очень долгое время... Однако совсем недавно сама владелица имени рассказала интересующимся, что в список американских прозваний имя это введено ее родителями в память о *станции Мирна*, где по свистку останавливался поезд, и где они познакомились.

Очень часто возникновение *новых имен* связано с какими-то военными действиями или *переменой* политической обстановки в стране. Недавно скончавшаяся гражданка страны Колумба по имени *Манила Дью Устед* (два имени и фамилия) родилась 5 мая 1898 года в Калифорнии и получила свое имя после того, как ее отец, адмирал *Дью Устед*, захватил залив *Манила*, в память чего он назвал дочь *Манила*. Дью – первое имя адмирала, но дано дочери в качестве второго. Успехом это имя не пользовалось и скоро почти вышло из состава личных имен США. Американец *Кенессо Маунтин Лэндис* был назван так в 1866 году отцом, военным хирургом, так как после окончания гражданской войны, будучи сам тяжело раненным, он сделал неисчислимое число операций другим пострадавшим, а было это у подножия *Кенессо Маунтин*, что в переводе значит – гора *Кенессо*. Последнее слово – *Кенессо* – индийского происхождения.

На сегодняшний день (самое начало XXI века) оттопонимных имен в США стало как будто меньше, но они все-таки встречаются. Так, недавно в одной семье из штата Оклахома двух дочерей-близнецов назвали *Окла* и *Хома*, что вместе составляет название штата, а в другой семье, в честь названия штата *Миннесота*, девочки получили имена *Минна* и *Сота*. Последнее известное мне оттопонимное имя в Америке было дано новорожденному сыну английского футболиста (мальчик родился в США) *Дэвида Бэкхэма*, когда ребенка назвали Бруклин в память места, где младенец появился на свет. *Бруклин* – часть нью-йоркского района Манхэттен.

В России, в 644-й школе, где я когда-то училась, в одном из младших классов была девочка по имени Биробиджана, сокращенно *Бира*, чтобы запечатлеть в имени еврейскую автономную область *Биробиджан*, которую при Сталине отвели евреям «для успешного строительства социализма».

Но «курьезы» в именах и фамилиях могут вызвать не только улыбку и смех. Редко, но встречаются в разных странах мира выдуманные оттопонимные **трагические** имена, могущие привести к содроганию. Так, совсем недавно, мне пришлось встретить двух мальчиков по именам **Бабий Яр** и **Холокост**. *Бабий Яр* живет в США в еврейской семье, *Холокост* – в Израиле. Я думаю, читатель и сам догадается, что оба имени были даны детям для того, чтобы окружающие, да и сами имяносители не забывали о самых страшных злодеяниях, совершенных так называемыми «людьми» прошедшего XX века, – когда гитлеровские войска поголовно уничтожали людей еврейской национальности в месте Бабий Яр под Киевом, а также и по всей Европе (в тех местах, где это было возможно). И эта страшная акция получила в истории название *Холокост* («всеобщее полнейшее сжигание» – слово греческого происхождения). Мне кажется, что два последних антропонима – самые ужасные примеры в ономастике, обрекающие тех, кто не по своей воле носит эти имена, на постоянное мучительное клеймо кошмара, способное довести людей до потери разума. Надеюсь, что *оба мальчика, носящие* эти жуткие прозвания, изменят их в соответствующем возрасте.

Но не только оттопонимные имена «радуют» сердце родителей в Соединенных Штатах. Если следовать хронологии, то одно из первых имен XX века, долго «развлекавшее» американцев было *Депрессия*, данное новорожденной девочке в семье *Дейвис* во время экономического кризиса 30-х годов. Уже в наше время прошлого XX века в одной из семей детей пронумеровали по буквам латинского алфавита – *Эй*, *Би* и *Си* (A, B, C). Явно подобный случай знаю сама и в России, бывшем СССР, когда в Ленинграде до войны в одной семье девочки были названы по трем буквам греческого алфавита и звали их *Альфа* (моя подруга), *Бета* и *Гамма*. *Ноу Мор* – так назвал сына гражданин Америки. «Ноу мор» по-английски значит «хватит». Параллельный случай имеем в бывшем СССР, когда родители, не желая, чтобы у них были еще дети, назвали ребенка *Точка*, то есть «довольно, хватит».

В лично мне знакомой семье родители «окрестили» всех своих трех детей именами – *Гуд* (хороший), *Беттер* (лучше), и *Де Бест* (самый хороший). В другой семье трем ребятам дали имена *Манди*, *Тьюзди* и *Сэтэди* – понедельник, вторник и суббота, по названию дней недели. Если мы вспомним Дэниэла Дефó и его книгу «Робинзón Крúзо», то на память немедленно придет друг моряка, дикарь, который был назван Робинзóном – *Фрайди* (Пятница), так что этот способ наименования человека в англоговорящих странах не нов.

Когда-то в старину в моде было называть детей именами профессий – *Бейкер* (пекарь), *Кукер* (стряпуха), *Брúстер* (пивовар), но в настоящее время это сошло на нет.

В наименовании ребенка часто проявляется библейская традиция, когда новорожденному дают имя по первому звуку, услышанному матерью после появления дитяти на свет. Этой традиции обязаны такие имена, как *Иаху* (нечто вроде слова «эхо») или *Бэнг* (стук), а также другие подобные имена.

В городе Тулса некто Юджин Джерóм Дюпуá назвал в 80-х годах всех шестерых детей своим именем, и все они зовутся Юджин Джерóм Дюпуá – ведь в английском языке различия пола в существительных нет, оно имеется только в местоимениях. Чтобы различить своих потомков, на помощь *Юджину Дюпуá* приходят номера.

Хонда и *Тойота* – две девочки, а их два брата именуются *Ягуари* и *Датсон* по названиям легковых автомобилей, особенно любимых родителями. А гражданин штата Калифорния зовёт своих детей их официальными именами *О'Кей* и *Олл Райт*.

Бывают и совсем уникальные случаи: так в Калифорнии в 80-х годах некто *Майкл Герберт Денглер* обратился в соответствующие организации с просьбой отныне называться номером 1069. Почему именно эти цифры пришли ему на ум – неизвестно, но окружной судья отказал ему на том основании, что нежелание использовать человеческое имя есть полная дегуманизация личности. В те же годы один из жителей штата Юта в США, человек мужского пола, потребовал, чтобы его имя было официально заменено на прозвание *Ўфи Гуфи*. А израильский программист *Томер Криси* поменял свое имя на *Дотком*, один из терминов *Интернета*. Израильские власти с неохотой выдали ему документы, удостоверяющие его новое имя, а сам он заявил, что, по его мнению, интеллектуалы нашей планеты подхватят идею перемены имени на интернетовский термин, так как подобный антропоним – не эпатаж, а термин чуда XXI века, компьютера, в корне изменившего их жизнь. Не успели власти *Израиля* оформить в законном порядке имя *Дотком*, как пришло известие о том, что в Англии некто *Эрик Фотербери* выиграл дело в суде, которое занимало граждан страны семь лет, и зарегистрировал свою дочь под «именем»... 21 А, в чем семь лет подряд суд ему отказывал.

Читателя, вероятно, заинтересует, есть ли подобные курьезные, забавные, потешные имена в России? Ну, конечно же, е с т ь. У всех, без исключения, национальных меньшинств, живущих в нашей стране. Оговорюсь, что у тех, для кого русский язык – не родной, курьезов в названиях своих детей даже больше, так как смысловая нагрузка какого-то слова родителям может быть не совсем ясна, они слышат только звук, и слова его родного языка путаются с русскими. Советский Союз – прежнее название России после революции, когда жизнь народа в корне изменилась, – подвигнул жителей всех ее национальностей не только на изобретение новых имен, но и на желание «переплюнуть» соседа и

выдумать такие антропонимы, чтобы «чертям стало тошно». Возможно, необыкновенное имя ребенка возвышает родителей в своих собственных глазах, и они, а также их дети как бы приобретают опять-таки в своих собственных глазах какой-то капитал, ценность, благодаря тому, что он или она носят необыкновенное имя. Попробую избежать упоминания о новоизобретенных в то время так называемых «революционных», угрожающих вкусу вождей именам, о них уже говорилось в главе «Карнавальное шествие имен», но вот имена-уродцы или динозавры, как называю их я, довести до сведения интересующихся неплохо, чтобы позабавить читателя и показать, как люди, у которых родной язык – русский, могут так над «великим и могучим» издеваться и выставлять свои изобретения для насмешки, не чувствуя этого. За уже закрепленными на страницах этой книги именами-антропонимами встают в ряд такие перлы, как *Даздрапёрма* (да здравствует Первое Мая), *Пятьвчёт* (пяtilетка в четыре года) и *Долонегра́ма* (долой неграмотность). Все вышеперечисленные я выделяю особо, так как они напоминают мне антропоним-«сверхдинозавр» *Яздундокта*, отмеченный в русских святцах. Это имя редко, но давалось до революции женщинам-монашкам при пострижении.

Особенно потешны курьезные имена вместе с фамилиями и отчествами или без них, которые до смешного не соответствуют друг другу. В нижеследующих примерах я иногда привожу и национальность имяносителя, но только для того, чтобы сделать некую скидку для тех, у которых русский язык – неродной. Итак: *Трави́ата Компа́ртровна Умойры́ло-Пиздер* (по мужу). Отчество Компартовна – от послереволюционного «идеологического» имени *Компа́рт* (коммунистическая партия). Ни имени, ни фамилии ни она, ни ее муж никогда принципиально не меняли. Так же принципиально не хотели менять, как один из моих эмигрантских молодых людей по имени и фамилии *Альфред Нетудыхата*.

Паскúда Ивлéха, гилячка – учительница начальной школы, затерявшейся где-то глубоко в Южной Сибири. Сокращенно – *Пáся*. Перед малограмотными родителями, лишь начина-

ющими овладеть русским языком, был выбор – назвать дочь *Прасковей* или откуда-то залетевшим из русского языка словом «*паскуда*». Назвали последним – слово показалось много красивее.

Хочу познакомить читателя и с сестрами, тройней, по прозваниям *Венёра*, *Ида* и *Муза Поликарповны Ссюхины*. Подобными именами назвал девочек врач-норвежец, принимавший роды. Родилась тройня на севере СССР, в селе *Ссюхино*. Село это было после XX съезда в 1956 году переименовано в «*Имени 20-го Партсъезда*». Все три сестры не имели никакого образования, кроме четырех классов, и были разнорабочими.

Махно Непейнво, украинец, уроженец Западной Украины. Впоследствии переименовал себя и стал зваться *Махиня*. *Феликс Грант-Рафаэль Хазматулин*, татарин. Изменил на одно – *Альберт*. *Выдвиженец Савельев* (сокращенно *Видя*) – русский. *Революция Танкаева* – татарка. Профессор физики в Москве. Называет себя *Люция*. *Ятея Гейнрих* – чистокровная немка, дочь репрессированного работника Коминтерна. Имя – аббревиатура «ятеист». Ятея – доктор наук. Именем гордится. *Марксана*, *Энгельсина* и *Огюст Федотовы*. Отец – чекист. *Трактор Басаргин*, живет в Москве. *Венёра Поломарь* – жительница провинции. *Арлен Колотушкин* – имя и фамилия одного из героев повести автора этой книги, где Арлен имеет значение «армия Ленина» (тут же упомяну, что имя Арлен есть и в старинном кельтско-английском языке, и значит оно – «клятва», так что это чистое совпадение). *Геродот Чернущенко* (бывший посол Белорусской ССР в СССР), *Уар Младогусь-Непорочный*, *Велизарий Анемподистович Срам*, *Людвиг Серапионович Могилко*, *Реджинальд Сосипатрович Завирюха*, *Леандр Псевич Тверезых*, *Эсмеральда Исаиковна Крутихвост* (доярка в Чувашии), *Вильям Кузьмич Забейворота*, *Сысоль Лукич Силыз*, *Наполеон Соломонович Еврейко*, *Бонапарт Наполеонович Французенко*, *Революция Ермиловна... Красножопова* (извините, читатель!). Впоследствии в этой фамилии, повторюсь, буква «ж» была заменена на «н», так что звучит она теперь, как *Красножопова*. *Гарибальди Соломонович Бес...уйский* (еще раз прошу прощения!). Звук и букву, следующую за «с», приводит рука не поднимается. Ну и еще два, дале-

ко не последние, а именно – *Наполеон Бонапартович Джопуи* (Грузия) и *Рюрик Израилевич Крестовоздвйжнер*. Последнее вместе с *Тяпу-Тяпу-Тябунец-Жбан-Жлоба-Бублик-Погорельский* – несомненные шедевры. Забавны и другие сочетания, такие как *Донара* (дочь народа), *Заклимена* (вставай, проклятьем заклеименный), *Праздновёта* (праздник Советской власти), *Лавансария*, *Индустриан*, *Осовиахим*, *Клуб*, *Главспёрт*, *Генсек* (Генеральный секретарь КПСС). Имя Генсек хотели дать новорожденному в Казахстане при Брежневe. В загсовской регистрации отказали. По-моему, за отказ нужно было подать в суд, так как в советском законодательстве в правовых актах ничего не говорилось о том, каким должно или не должно быть личное имя человека. Близнецы мальчики *Сталиндари* и *Скандербек* (Сталька и Сканька).

Мы уже знаем, что в России, так же как и в США, бытуют имена оттопонимные, то есть географические названия в качестве имен собственных. *Восток*, *Арабат*, *Запад*, *Эльбрус*, *Иртыш*, *Енисей* – всех не перечесть. Большею частью, как видим, имена мужские, но вот председатель одного из колхозов в Средней России дал своей дочери имя *Пьяна*, по названию протекавшей у деревни реки, а одно из самых истинно смешных прозваний встретилось мне в 70-х годах в Москве среди студентов – кубинцев, учившихся какое-то время в Союзе. Для своего неродившегося ребенка, не зная еще его пола, они выбрали имя *Красная Площадь* – для девочки, а для мальчика – *ВДНХ* (Вэдээнха) – то есть *Выставка достижений народного хозяйства*. Родилась *Красная Площадь* и отбыла с этим именем на Кубу с родителями. Все эти так называемые имена достаточно курьезны, но некоторую скидку можно сделать на то, что для родителей Красной Площади – русский язык не родной.

Перечислю и еще для потехи читателя несколько забавных сочетаний фамилий и имен, отчеств и фамилий: *Женевьева Овчинникова*, *Вилён Мелёнтьевич Радибога*, *Евгений Пасикратович*, *Рев* и *Люция* (дети одной семьи, вместе – революция), *Геннадий Философович*, *Вильям Наполеонович Козлов* (я его знала лично), *Алексей Эльбрусевич Христарádi*, *Стэнли Иванович*, *Восток Николаевич*, *Гарибальди Соломонович*, *Арабат Яковлевич* и про-

чие, им подобные. В моей книге «Мелкий жемчуг» встречается женское имя... *Совецка Власть* (именно так в правописании). Сокращенно *Совлаша*. Так назвал дочь в тридцатых годах отец, крестьянин, чтоб угодить советской власти. Имя дочери не помогло. Крестьянин был раскулачен и сослан на север Сибири, куда-то под Игарку...

Долго искала я сведений о том, существовали ли подобные потешные имена в дореволюционной России. Логика говорила, что у православного населения выдуманных комических имен быть не могло, ибо священник при крещении ребенка и называя его, руководствовался святцами. Но вот среди еврейского населения, а оно к концу XIX – началу XX века в местах, близких к европейской России, становилось билингвильным, то есть двуязычным, и говорило на русском так же, как и на своем родном языке идиш, – такие случаи бывали. Так, в Мелитополе, небольшом украинском городе, местный аптекарь *Натан Семёнович* назвал своих трех дочерей *Агония*, *Рецептура* и *Фармакопёя* (*Гоня*, *Реца* и *Копя*). Женихи обегали девиц с подобными именами, мать их, жена аптекаря, ругала мужа последними словами за подобное «имятворчество» и хотела даже обращаться к высокозначительным особам (в данном случае в то время это был урядник) для «внушения» супругу, но «проклятая царская власть» в этом случае оказалась бессильна, а хорошенькие девушки так замуж и не вышли. Во время Первой мировой войны один из старых эмигрантов встретил в госпитале молодого еврея, которого звали... *Бантист*. Так назвал его отец, пленившийся названием секты, распространявшей в начале века новое религиозное учение среди населения России. Насколько мне известно, в еврейской среде младенцам можно давать любое имя, а не только на языке идиш или древнееврейском.

А вот примеры на необыкновенные, имена в других странах.

В Польше имя *Кароль* стало повально модным после избрания Папой Римским поляка *Кароля Войтылы* (Папа Римский Иоанн Павел Второй). Имя это традиционное, но оно сразу стало еще популярнее для младенцев мужского пола. Но

вот началось политическое движение «Солидарность», и в нескольких семьях родители пожелали назвать новорожденно-го мальчика именем *Солидариус*. Властям это не понравилось, и незамедлительно был издан официальный список имен, где вышеуказанного антропонима не было. Пришлось родителям вести настоящий бой с властями, требуя права давать своему ребенку то имя, которое им нравится. Однако правительство настаивало на том, чтобы детей называли традиционными польскими именами, чтобы не наносить им травмы, и приводило в качестве примера следующий случай. В Польше лет тридцать тому назад был (теперь покойный) известный писатель *Ялу Курек*. Он был сыном педеля, университетского служа-теля в Кракове. Отец был большим патриотом своей страны, а сын его, будущий писатель, родился как раз в день пораже-ния русских на реке *Ялу* во время русско-японской войны в 1904 году. Педель назвал своего сына Ялу, но сын, особенно в юности, страдал от того, что все всегда удивлялись его имени и высмеивали мальчика с неслыханным прозвищем.

Иногда погоня за оригинальностью становится столь невыносимой, что власти берут на себя официальный бюро-кратический контроль над именами новорожденных. Так, в эквадорской провинции *Марона* (Южная Америка) строго запретили называть младенцев иноязычными и экзотиче-скими именами вроде *Симфония*, *Мегаполис*, а когда погоня за своеобразием в названии детей привела к появлению маль-чиков по имени *Париж* и *Ливерпуль* и девочек, которых звали *Кюка-Кюла* и *Миссисипи*, терпению отцов магистрата пришел конец, особенно после того, как один из счастливых папаш заявил, что желает назвать своего сына *Постскриптум*. В Перу, стране той же Южной Америки, имятворчество также на высоком уровне, там недавно появилось женское имя *H2O* то есть «вода». В одной из провинций *Алжифра* отныне строго запрещено давать детям экстравагантные имена, оскорбляю-щие человеческое достоинство. Несмотря на запрет, мода на курьезы растет и ширится. Встречаются в этой стране все больше и больше такие «имена собственные», как *Сковоро́дка*, *Горшóк*, *Тарéлка* и другие. Особенно изобретательными в выду-

мывании имен оказались... турки, в государстве которых историки видят гигантское средоточие исторического прошлого многих народов, населявших Турцию и соседние с нею государства. Антропонимы *Учák* (самолет), *Узáй* (космос) не редки среди них, а также (на турецком языке, конечно) такие названия машин, новоизобретений нашего века, как *Компьютер*, *Гороскоп*, *Холодильник*, *Автомобиль*, *Бульдозер* и почти всех других механизмов XX века.

Именами интересовались многие русские писатели. Известно, что очень часто публика, не искушенная в именологии, делит антропонимы на «красивые» и красотой не обладающие. Мне думается, что в России началось это «деление» примерно в XVIII веке, когда густым потоком потекла в нашу страну иностранная литература. Иноязычным именем русских детей называть было нельзя, и тогда их матери, отечественные матроны, начали прибегать к исконно национальным, но как-то до той поры не очень употребительным именам, вроде антропонимов Владимир, Евгéний, Валериáн, Людми́ла, Ни́на.

Однако тогда, в конце XVIII – начале XIX века, «красивых» имен было не так много, поэтому даже у Пушкина антропонимы, считающиеся в то время звучными, повторяются и перекочевывают из одного произведения в другое. Возьмем имя *Владимир*. Пушкин назвал этим именем своего героя в рассказе «*Метель*», в поэме «*Евгéний Оне́гин*» и в повести «*Дубро́вский*». Имя *Евгений* в эпоху Пушкина также набирало моду, его можно найти у поэта не только в поэме «*Евгéний Оне́гин*» но и в «*Медном всáднике*», а кроме того в задуманной, но не осуществленной поэме «*Родословная моего героя*». В русском именнике имя Евгений есть, но до Пушкина оно употреблялось очень редко, более всего в именах лиц, близких к церкви, так что оно вошло в российский обиход после распространения этого имени в Европе. Именем *Эжéн* (тот же Евгений во французском произношении) россияне пленились настолько, что в конце первой трети XVIII века этот антропоним стал именем массовым, и русские мужчины и женщины с сокращенным *Же́ня* (корень в имени Эжéн, а не Евгéний) начали заполнять русское, боль-

шей частью привилегированное общество. И еще небольшое «замечание» великому поэту: в одном своем задуманном, но не завершеном произведении Пушкин хотел вывести сына стрельца по имени *Валериán*, что, осмелюсь заявить, совсем не бытовало в описываемое время не только у стрельцов» но и у более знатных классов населения. Это имя вообще очень медленно входило в русский ономастикон, хотя и считалось «красивым»! Тяга к «пригожим» именам была не только у Пушкина. Например, Карамзín в повести «Бéдная Лиза» назвал своего героя, соблазнителя Лизы, именем *Эрáст*, и имя это на короткий срок стало в России модным. У Лермонтова в «Маскараде» *Евгéний* и *Нíна* – главные герои. Те же «красивые имена» находим в произведениях других писателей того времени.

Не обошла мода на «красивые» имена и Америку. Так, после войны мамыши часто давали мальчикам имена *Мелвин*, *Мéлвил*, *Мíлфорд* и другие, подобные им, действительно очень приятно звучащие.

Многие русские писатели уделяли антропонимам особое внимание: Некрасов, как считают некоторые именоведы, даже изобрел имя *Митродóр* и ввел его в свою знаменитую поэму «Кому на Руси жить хорошо». Думаю, что это утверждение неправильно, ибо в Древней Греции существовал человек по имени *Митродóр*, ученик и последователь *Гиппокράта*. Об именах много писал мой любимый Николай Семенович Лесков. И не просто вводил какие-то имена в русскую литературу, но и анализировал их, и разбирал их появление в своих очерках «*Колывáньский муж*» и «*Геральдический туман*». Массу необычных имен из святцев встречает книгочей русской литературы в повестях и рассказах *Пíсемского*, *Салтыкова-Щедрина*, у *А.И. Эртеля* и т.д. У *Пíсемского* встречаются имена наиредчайшие. Так, в повести «*Плóтничья артель*» перед читателем две сестры – *Минодóра* и *Нимфодóра*. В другой повести фигурируют сестры *Йнна*, *Пíнна* и *Рíмма*, употреблявшиеся в глубокую старину только для лиц мужского пола. Поверить в метаморфозу перехода слова из мужского в женский род трудно, но в одном из древних российских актов я все-таки нашла неоднократно употреблявшееся там мужское имя *Йнна*. *Рíмма* впоследствии

перешло в мужское Римм, оно встречается и в наше время, а в Сибири до и после революции можно было встретить, и не очень редко, женщин по имени *Пинна*, что я сама могу засвидетельствовать, так как жила в Сибири, однако некоторые ономасты утверждают, что имя это никогда в России не употреблялось... В произведениях *Писемского* можно найти *Рафаила*, *Флегонта* и крепостного мальчика *Аркадьюшку* (вспомним о страсти некоторых помещиц давать своим крепостным особенные в «простой» среде имена). *Мельников-Печёрский* ввел в русскую литературу целую золотую жилу обиходных и монашеских имен, у *Б. Пастернака* встречается старинное имя *Вахх*, а *Мамин-Сибиряк* первый, мне кажется, коснулся в русской литературе именно рассуждений о «красивых» и «некрасивых» именах, вложив в уста некоей сибирячки недовольство тем, что родившегося мальчика назвали *Гавриил*, тогда как, по ее мнению, ребенка надо было наречь «*Леванидом*». Действительно, мужское имя *Леонид* начало входить в моду в середине – конце XIX века, а *А. Н. Островскому*, драматургу, можно отдать пальму первенства в том, что он – первый из наших национальных писателей «угадал» имена будущей России XX века и ввел в свои пьесы персонажей с такими антропонимами, как *Леонид*, *Виктор*, *Геннадий*, *Зоя*, *Виталий*, *Людмила*, *Лариса* и другими именами, очень редкими в середине XIX века. Дважды было в России модным имя *Лариса*: первый раз в конце XIX века после спектакля по пьесе *Островского* «*Бесприданница*», где роль *Ларисы* исполняла *Комиссаржевская*, и второй раз, после вышедшего на экраны в 1936 году кинофильма по этой же пьесе и *Ларисы – Нины Алисовой*. Имя это давалось 15 девочкам из 100.

Именами интересовался *Иван Бунин* и писал в одном из очерков, что его самого хотели назвать *Филипп*, но взбунтовалась... няня, заявив, что *Филипп* – не барское имя. Бунин же, рассуждая о любимых и нелюбимых звуках, писал о красивом имени *Агния* и некрасивом *Аглая*. В первом выпуске книги «Сладостный дар» я писала о том, что после Второй мировой войны, при наплыве в Европу беженцев из России, *И. Бунин* удивлялся огромному количеству женщин и девушек по именам

Тамара, а также мужчин называемых *Игорь*, абсолютно не популярных во времена его молодости. Большое внимание уделял разным антропонимам, в том числе и курьезным, А.П. Чехов. Он не только коллекционировал фамилии (в основном), но и придумывал их.

Марина Цветаева высказывала пристрастие к одним именам и отвергала другие. Ей, необыкновенной поэтессе, принадлежит необыкновенное же высказывание, а скорее, **формула о «поэзии собственных имен»**. Она настаивала на том, что мужские имена с окончанием на «ий» как бы лишают имяносителей мужественности, однако назвала своего сына *Георгий* по желанию мужа, а не *Борис*, в честь знаменитого поэта Пастернака, как хотела сама. Над именем дочери – *Ариадна* – Цветаева долго думала вместе с сестрой Анастасией, перебрал множество... Сама же замечательная поэтесса носила имя *Марина* в память *Марины Мнишек*, а сестра ее – *Анастасия* – звалась также как *тургеневская Ася*...

В современной русской литературе редко употребляемые имена встречаются у писателей, описывающих жизнь русского Севера: *Белова*, *Личутина*, *Распутина* и других.

В заключение хочется немного поговорить об именах **династических**. Не только в России, но и в других европейских странах, имена собственные членов правящей династии немедленно становились предметом почитания и поклонения, поэтому в России XIX–XX веков было преизобилие *Николаев*, *Александров*, *Михайлов*, *Константинов*, *Владимиров* и некоторых прочих, вместе с женскими именами *цариц* и их родных, такими как *Екатерина*, *Мария*, *Александра*, *Елизавета*, *Анна*, *София*, *Ксения*, *Елена*. Имя *Ксения* первым ввел в царскую семью *Борис Годунов*.

Имени новорожденного из королевских и царских семей всегда отдавалось должное внимание и утверждалось оно главой династии. Так, в России Николай II Александрович, не утвердил имени *Андрей*, которым хотел назвать своего младшего сына Великий князь *Константин* Константинович *Романов* (поэт К.Р.), потому что такое имя уже было среди членов царской семьи. Мальчика называли *Гавриил* (будущий Великий князь

Гавриил Константинович Романов, эмигрант, которого спасло от расстрела во время революции ходатайство Гóрького). Николай II и царица *Александра Фёдоровна* долго размышляли об именах своим детям и наследника престола сначала желали наречь Павлом, но потом передумали и назвали Алексеем, ввиду нежелательности повторяемости имен Николай и Александр в России на протяжении всего XIX века.

Что касается династических имен, то несоответствие антропонима и того, кто его носит по положению в государстве, произошло совсем недавно в британской королевской семье, при рождении дочери у принца *Эндрью*, второго сына королевы *Елизаветы II*. Родители хотели назвать девочку *Беата*, но королева заявила, что имя это не входит в состав королевских антропонимов и девочку назвали *Абигайль*. И только один раз, в 1886 году *Кристина*, королева Испании, вопреки советам Двора, нарекла сына *Альфóнсом*, но имя это оказалось несчастливym, как и предсказывали придворные. Король *Альфóнс XIII* правил недолго и отрекся от престола.

Отметим, как редчайший факт, что наш *Петр I Великий* был не только новатором общественного строя и быта старой России, но и в некоторой степени нарушителем старых антропонимических канонов. В наречении своих детей он тоже пытался быть «первопроходцем», как и во всем прочем, и одну из дочерей назвал *Маргарита* (девочка скончалась в младенчестве), именем, которое в те времена встречалось в России только в среде монахинь и показалось нашему «работнику на троне» очень красивым, тем более, что он часто встречал женщин по имени *Маргарита* среди слабого пола на Западе в национальном произношении. Поскольку Петр I неоднократно посещал Запад, имя это, как модное там, он и привез в Россию. Надо сказать, что это женское имя до сих пор очень любимо в тех странах, где существует наследственная королевская власть, как-то: в *Англии, Голландии, Бельгии, Дании, Норвегии...* Петр же первым ввел в именник царствующей династии имена *Павел* и *Александр*, назвав так своих сыновей, скончавшихся маленькими детьми. Имя Александр в России нередко встречалось в древности (*Александр Невский*), но потом заглохло и в роду Романовых

не встречалось. Петр как бы возродил его. Екатерина II, дав своему сыну имя Пáвел, а первому внуку имя Александр, только закрепила то, что сделал Петр I, и впоследствии, до сего дня, имя Александр достигло самой большой популярности в России. Встречала я и неоднократное утверждение о том, что имя Татьяна было когда-то только привилегией имен просто-народных и среди высшего класса не встречалось, а первым его в среду дворянства ввел Пушкин. Однако же это не совсем так, потому что Татьяны были уже в семьях царствующих особ, например, среди первых Романовых, царей Михайла и Алексея. Кроме того, было немало Татьян среди высшего дворянства и приближенных московских государей XVI–XVII веков.

Не все так просто вообще с королевскими именами. Так, в 70-х годах XX века, в той же Великобритании произошла небольшая вспышка разногласий между правительственными чиновниками и рядовыми гражданами. Недовольство началось с того, что родители из среднего класса населения назвали свою дочку – *Принсесс Дульцима Розетта*. «Принсесс» значит «принцесса», но магистрат не захотел записать это имя из-за «нежелательных ассоциаций», и дело дошло до королевы. Сначала Елизавета II согласилась на имя, придуманное отцом и матерью новорожденной, но потом прислушалась к голосу советников и родителям посоветовали убрать из трехименного набора слово «принсесс». Однако тогда разгневалась вся Англия – по какому это праву государство вмешивается в личную жизнь своих подданных?

А вот в Америке в личную жизнь граждан этой самой свободной страны мира никто никогда не вмешивается, и лица женского пола с именами *Ку́йни Викто́рия* (Королева Виктория), *Ку́йни Елиза́вета* (Королева Елизавета), а также мужские – *Принс Чарльз* (принц Чарльз), *Принц Э́ндрью* и прочие встречаются не так уж редко. Существует не только женское имя *Ку́йни*, упомянутое в американском именнике, но числится и уменьшительное от него – *Ку́йни*, то есть «королёвочка» или «королёвка» – как кому угодно.

Почему в разных странах население тяготеет к новым, иногда странным и курьезным именам? Ответов-предположений

может быть несколько. Обоснованным можно считать предположение о том, что население всех стран земного шара просто устало от своих традиционных антропонимов. С моей же точки зрения, заниматься изобретением антропонимов совсем неплохо, более того, чрезвычайно интересно, но только надо знать меру. Занятие изобретения новых имен отражает независимость мышления современного человека и изменения его сознания в понимании мира, равно как и желание войти в духовное существование других наций, приспособиться к нему и стать его частью. Времена великих катаклизмов вообще характеризуются новыми именами – во Франции во времена Великой Французской революции каких только имен можно было не встретить, а в наше время у граждан многих стран произошел как бы перелом в **ономастическом сознании**, они просто устали от *Жаков* и *Пьеров* во Франции, а в Германии – от *Фрицев*, *Гансов*, *Клаусов* и *Гертфуд*, так что даже в Китае и Японии в последнее время вышли книги, рекомендуемые необычные прежде и совсем не принятые ранее имена, которые идут на смену старым.

В России большей частью все еще господствует теория о «наших, русских, хороших, кондовых антропонимах». Это наследие сталинских времен, выражение неприязни к именам выдуманному и иностранному. Но все вышеупомянутое стало постепенно проходить с тех пор, как русские женщины начали выходить замуж за иностранцев, уезжать за границу и называть своих детей американскими, французскими, немецкими и даже именами народов *Азии* и *Африки*. Следует учесть и политическую обстановку: во времена краха сталинской империи и начала нового государственного устройства и **главного ее достижения – гласности**, люди власти все меньше и меньше пытаются регулировать глубоко личные, семейные отношения и в имятворчество не вмешиваются, что дает полную свободу изобретению новых затейливых антропонимов, названий и слов русского языка. Однако надо знать меру, повторяю я еще раз, и в именологии остерегаться такого «материала», как слова, подобные новейшим ашпелятивам **Гласность** и **Перестройка**, **Ваучер** и **Приватизация**,

а также массы новых терминов и слов, модных теперь в России, настолько курьезных, что приводить все те, которые уже на слуху у ономастов, я пока не рискую. Надо чтоб они «устоялись» и, насколько возможно, стали применяться не только в одноразовом использовании.

Но, приняв во внимание, что мода в социальном смысле может «обскакать» все старания именологов и вскоре пойдет «шагать» по всей стране, некоторые из этих «имен собственных» я хочу все-таки представить на суд читателей, чтобы наши дети и внуки не удивлялись им в будущем, спокойно приняли их и считали частью языка перестроечного времени российского ономастикона, отражающего насущные проблемы сегодняшней России. Вот эти имена: *Арго́л* (армия голодает), *Бегин* (Березовский – Гений интриг) и *Бермуд* (Березовский мудр), *Зю́лик* (Зюганов – лидер коммунистов), *Пене* (переживший перестройку), *Рассо́с* (распад Советского Союза). Есть и еще незнамо какие прозвища-имена, в которые я лично поверю только тогда, когда увижу их в метрике или паспорте человека. Среди них – зафиксированное в России имя, граничащее с гротеском, и имя это – *Кукуцапо́ль*, что значит «кукуруза – царица полей». Сокращенно *Кука*. *Кукуцапо́ль Степа́нович Кривору́чко* – уроженец Краснодарского края, отец его – тракторист одного из совхозов, ярый поклонник новых идей Н.С. Хрущёва. Так что имя *Яздундо́кта* из православных святцев, которые я приводила ранее, называя его «динозавром», кажется вполне легко произносимым и даже полунормальным по сравнению с *Кукуцапо́лем*, и говорить, что после Сталина имятворчество пошло на убыль – не очень-то соответствует действительности.

А самые комичные имена оставлены мною напоследок:

Тутанхамон Николаевна! Так назвала молодая татап свою новорожденную дочь. Где? В той же Украине, где-то недалеко от города, где растет упомянутый в этой книге *Иисус Христос Владимирович!* Дай Бог побольше таких имен! Желаю маленьким пока имяносителям полнейшего счастья в жизни!

Вот вам и еще. Значит так – моя подруга работает в небольшом офисе по розыску пропавших «любимчиков». Там трудят-

ся наши молодые русские девицы. Эти «дамы» тоже «играют» в имена и фамилии, потому что их коллега – афроамериканец по имени... Шехерезад. Он молодой человек. Недавно оженился и родил дочь. И вот одна из наших языкатых мерзавок посоветовала ему назвать девочку – Шехерезада. А другая чуть поправила папаню и стала крошка – Шехерезадницей. Все в восторге. Особенно молодой отец. Имя, как считают все афроамериканцы – просто изумительное, звучное, необыкновенное, только немного длинное и трудноватое для произношения.

Дорогие друзья-читатели! Хочу предложить вам армянскую загадку: знает ли кто-нибудь из вас, в какой стране есть область, штат, округ или вообще географическое место, считающееся уже много лет коммунистическим, где очень часто детей называют именами великих людей России? Если нет, то подскажу – это штат Керала, в Индии. Есть там небольшая деревушка, она называется – М О С К В А. И живут там граждане (не так уж очень молодые), по именам собственным – Ленин, Сталин, Хрущев и Брежнев. Горбачева и Путина пока еще нет. Недалеко от сего места, тоже в провинции, обосновались ШЕСТЬ человек по имени Ленин, два парня по наименованию Пушкин и два Гагарина. Многие из этих имяносителей гордятся своими именами, но есть и такие, кто не имеет представления о том человеке, в память и честь которых они получили свое имя.... Большинство мужчин в этом штате родились в годы холодной войны, и жители там с притрепетом относятся к идеям вождей мирового пролетариата. Тенденция называть детей именами великих людей СССР потихоньку сходит на нет, но имя Ленина все еще в большом фаворе и маленьких ЛЕНИНЯТ полно на улицах вышеупомянутых маленьких городков Индии.

МОДА НА ИМЕНА — ПИК ОРВЕЛЛОВСКОЙ СТАДНОСТИ

*Так много разных шалопаев
Владеет мастерским стихом,—
Петров, Иванов, Николаев,
Что стих становится грехом,
Пусть угрожает мне «Удельной»
Любой читающий болван.
Как хорошо, что я о т д е л ь н ы й,
Что Игорь я, а не Ив́ан.*

Так писал один из любимых россиянами поэт *Игорь Северянин* в начале XX века (настоящее имя Северянина — *Игорь Васильевич Лотарёв*). В начале XIX века имя Игорь было редким, но в подражание имени сыну Великого князя *Константи́на Константи́новича, И́горю Константи́новичу*, оно начало все более и более проникать в ономастикон жителей России и вскоре попало в категорию модных, а в середине XX века стало именем массового распространения. Теперь, в начале третьего тысячелетия, Игорей — перепроизводство, зато взрослых и маленьких Иванов совсем немного, хотя количество их медленно растет. По самым последним сведениям мужское имя **Иван** стоит на втором месте по распространенности

Что же автор этого очерка подразумевает под *эстетикой имен*? Именно то, что приветствует поэт Северянин: *разнообразие имен в любом обществе*.

Что понимается под **этикой имен**? Отсутствие подчинения стихийной власти на имена, то есть **моде**. А мода — это бессознательное могущество общественного «вкуса», который течет сам по себе. Другими словами, мода — это *пик орвелловской стадности*, когда всё у всех должно быть одинаковым, то есть «хорошим», но только для тех, кто живет по *«принципам и заветам коммунизма»*.

Мода на имена, так же как мода на фасоны одежды, стрижки, столы, стулья, выражения и все прочее — это трафарет. А

трафарет – мешанство, безвкусица, рабство. Однако, когда встает вопрос о том, какие имена **надо** и какие **не надо** давать младенцу, – это тоже поощрение стадных инстинктов, тоже штамп так называемого «воспитания» толпы, сознание которой необычайно медленно изменяется.

Мода на имена возникает, когда какой-то антропоним, сметая все на своем пути, начинает использоваться в наименовании каждого пятого, десятого ребенка лингвистически и ономастически безграмотными родителями, глухими к звукам родного языка. Причины этого кроются в том, что понятие об антропонимике, то есть об именах человека, у обычного гражданина – скудны, примитивны, невежественны и абсолютно запутаны. Средний «антропос» интеллектом на высшем уровне не обладает, и любой человек общества в каждой вполне цивилизованной стране мира хочет жить не хуже соседа, желая, чтобы все у него было так же, как у Иванова или Смита, у Петрова или Джонса. Связанный сознанием, подчиненным стереотипу своего скованного мышления, «человек толпы» желает иметь не только ту же мебель, одежду и другие бытовые аксессуары, что и окружающие его лица, но... и те же имена.

Однажды в мой класс изучения политической лексики России в 80-х г. вошла новенькая, и я тут же спросила ее имя и фамилию.

– Моя фамилия – Грем, – сказала она, – а об имени не спрашивайте, я его ненавижу. Родители наверное хотели сделать меня на всю жизнь несчастной и дали мне имя, которое теперь носят только шестидесятилетние старухи. А зовут меня *Линда-Джейн*.

Когда же я задала ей вопрос, как бы все-таки ей хотелось называться, она упомянула два самых ходовых в то время женских имени в США за последние 25 лет. Имена эти – *Джессика* и *Дженнифер*. Все в классе дружно поддержали девушку по фамилии Грем, найдя два вышеупомянутых имени очень звучными и красивыми, но, когда я поинтересовалась, знает ли кто-нибудь в классе о происхождении и истории этих женских антропонимов, последовало гробовое молчание. Тем не менее, когда я

начала с большим воодушевлением рассказывать студентам об имени *Джессика*, все замерли от внимания и удивления.

Имя *Джессика* появилось в ономастиконе англоговорящего населения *Великобритании* в XVII веке, но очень медленно входило в ономастический обиход, и только наше время принесло этому женскому антропониму огромную известность во всех странах мира. Оказывается, это имя стало известным в англоговорящих странах после того, как его ввел в свою пьесу «*Венецианский купец*» великий *Шекспир*. На фоне истории обычных английских имен оно казалось сначала непонятно откуда появившимся, долгое время почти не употреблялось в быту, и именологи приложили немало усилий, чтобы «раскопать» хотя бы приблизительную его историю. Теперь имя *Джессика* считается «*шекспировским*», в основе его библейское слово и антропоним мужского имени *Иессей*, что на языке древних иудеев значит «богатый» или «подарок». В Библии именем *Иессей* звали отца песнеслагателя *Давида*, царя израильского и иудейского. Но все-таки ни в одном из древних документов израильского народа женская форма имени *Иессей* – *Джессика*, не встречается и поэтому оно считается полувыведуманным *Шекспиром*. Имя это красивое, полнозвучное, приятное для слуха стало необычайно популярным и любимым в Америке лет тридцать пять тому назад. Особой причины не было – оно просто стихийно вошло в моду. Что же касается антропонима *Дженнифер*, а оно во второй половине своего ашпелятива некрасиво, с глухим «ф», сводящим на нет звучность первой его половины, то оно стало модным наряду с именем *Джессика*. Почему оно стало столь популярным в данном случае понятно: так звали героиню сентиментального фильма «*История одной любви*», по книге *Сигала*, на просмотре которого, как писали американские кинокритики «плакали» не только молоденькие студентки, но и суровые бизнесмены, и рабочие, и фермеры, а также строгие законодательницы нравственности и высокой морали – священники и старухи, не вылезавшие из церквей.

– Как зовут твою дочку? – спросила я как-то в 70-х годах у своего коллеги по работе. – Зовут ее, как всех, – несколько смущенно ответил он, и я сразу же догадалась – *Марина*.

Если говорить о стадности в выборе имен, то необходимо повторять и повторять, что это касается, без исключения, всех европейских народов. В 1976 году среди школьниц, севших за парты первых классов Москвы, половина девочек носила имя *Марина*. Мальчики же были, в основном, *Сергеи* и *Александр*ы. В это время подобная картина была и в США: среди мальчиков и девочек *первоклассников* господствовали имена *Скотт* (м.) и *Дженнифер* (ж.). Первое – по имени одного из американских астронавтов, о втором мы только сейчас говорили. Преподаватели были в ужасе. Ведь когда в классе десять человек с одинаковыми именами, то имя, как таковое, не имеет уже никакого значения, и человек обезличивается. Потому что если преподавателю нужна *Марина*, *Наталья*, *Джессика*, *Скотт*, *Саша*, *Сергей* или *Таня*, а их в классе семь из пятнадцати, то гораздо легче произнести номер, данный этим девочкам или мальчикам, чем найти именно того имяносителя, который нужен. Неужели человечество доживет до номеров вместо имен? Неужели в обществе будет господствовать вместо имен выкрик: «По порядку номеров – рассчитайсь!» И сколько ни писали в обеих странах, что надо думать о том, как вы называете своего ребенка, что есть в русском и английском именослове масса других достойных, звучных прозваний, – все как об стенку горох.

В духовном ономастическом рабстве человек находился со времен оных. Самое первое свидетельство о моде на имена мы находим в дохристианском предании о том, что когда *Александр Македонский* завоевал весь Ближний Восток, в том числе и Палестину в 333 г. до нашей эры, жители этой страны начали повально давать мальчикам имя *Александр*.

В далеком прошлом славяне – христиане Древней Руси носили имена святых, источником которых были Четьи-минеи (именеи), то есть святцы. Но утверждение о том, что младенцам давалось очень часто имя *Иван* из-за того, что празднование дня святого Иоанна бывает много раз в году, и поэтому, мол, на Руси и в России до революции было так много Иванов, – объясняет только одну сторону вопроса, так как даже

в Древней Руси тоже была мода на имена. Иначе, чем же объяснить, что в XIV–XVI веках каждый пятый человек мужского пола носил имя **Ю́рий, Созо́нт и Я́ков** совсем (говорим о двух последних) не популярные впоследствии.

А в Америке мы видим следующее: коренное население этой страны почти каждый месяц разбавляется иммигрантами и характерными для их народа именами, и, казалось бы, количество одинаковых англо-саксонских имен должно уравниваться заимствованными инонациональными антропонимами. Однако это не так, а, скорее, наоборот – модные имена граждан Нового Света немедленно переходят в среду иммигрантов (которые побыстрее хотят стать «настоящими американцами») и так же, как в России, задерживаются в ономастиконе новоприбывающих народов столько же, сколько и у аборигенов Америки. Так, в США уже более 20 лет подряд в среде бывших граждан Латинской Америки господствуют с некоторыми вариациями имена *Майкл* и *Кристофер* – для мальчиков, и *Джессика* и *Дженнифер* – для девочек. Необходимо, правда, отметить, что женские имена везде хоть немного, хоть на малую долю процента, но задерживаются в среде популярных антропонимов менее, чем мужские, а кроме того, в разных штатах Америки есть свои модные имена.

Что же касается России, то почти все женщины определенного возраста, приблизительно 40 и 50 с чем-то лет, сейчас там *Ма́рины* и *Светла́ны*, взамен главенствующих в 70-х годах *Еле́н, Ирѝн, Ната́лий* и *Татья́н*. Среди следующих за Мариными и Светланами женских названий господствуют *Ка́ти, Ма́ши, На́сти* и прочие «простонародные имена». В первой десятке самых модных мужских было приблизительно в то же время имя *Вале́рий*, обошедшее вместе с Серезами и Сашами в 50–70-х годах все группы населения России и затмившее по частоте даже *Владѝмиров* и *Ю́риев* 30–40-х годов. Я никогда не сталкивалась с ситуацией (речь идет о последних 15 годах), когда имя Валерий, а особенно его сокращенное – *Вале́ра* стало не просто надоедать кое-кому в России, но и вызывало у некоторых имяносителей и их окружающих резко отрицательные и даже иногда буйно выражаемые чувства.

— Не называйте меня Валёра, — неистовствовал как-то один раз на моих глазах некто Валерий Д. — Половина России теперь Валеры. А я живу в Америке, и не хочу, чтобы здесь знали это имя «маменькиного сыночка». Оно омерзительно. Теперь я Вал. И точка.

То, что Героя СССР, знаменитого летчика Чкалова звали этим именем, россияне знают, да и мода на него пошла именно от прозвания летчика-героя, погибшего до начала войны. Но настоящее имя Чкалова, родившегося в деревне средней России, было *не Валерий*, а *Валериан*, по-простонародному — Аверьян, как и звали его родные.

Но! Ничто не вечно под луною... Эпоха Сергеев в Москве к о п ч и л а с ь. Среди девочек исчезли имена Юлия и Ольга. Об имени Иван уже было упомянуто, оно на втором месте по распространенности. Интернет сообщает: на январь 2007 года на первом месте среди мальчиков имя **А л е к с а н д р**, а среди девочек **А н а с т а с и я**. Кроме вышеперечисленных имен в России вот уже лет с тридцать как царит мода на «простонародные» имена: девочкам дают имя *Катя* (оно вообще популярно во всем мире в его разных вариантах благодаря советской песне «Катюша» и оружию того же названия, изобретенному в СССР во время Великой Отечественной войны), а также *Маша*, *Даша*, *Настя*, а мальчиков называют Михаилами, Дмитриями, Василиями, Алексеями, Андреями, теми же Александрями и Сергееми, Денисами, Максимами, Романами. Многие русские филологи и ономасты приветствуют это стремление к так называемой «простоте», которую я бы назвала простотою ложной, это та *простота, которая, как говорят русские, хуже воровства*. То ли дело, если бы были сейчас в ходу настоящие древнерусские имена, такие, как *Милонег(а)*, *Доброфрав(а)*, *Краснозвон*, *Милон(а)*, *Краснослав(а)*, *Младен*, *Ратмир*, *Радимир*, *Радислав*, *Милорад*, *Отрада*... и подобные им, но тут же я должна сделать выговор самой себе: если бы в русской среде начали господствовать эти имена, то в скором времени они также стали бы модными и потеряли свою прелесть. Призываю к гражданам своих стран развивать вкус в выборе имени, убеждая всех в том, что мода на прически, мебель и длину платьев приходит и уходит, а имя

остается на всю жизнь, не имеет почти никакого воздействия на родителей, и как ни стараются ономасты умолять жителей всех стран не давать пошлые имена новорожденному, результаты очень слабы. А ведь есть в русском языке прекрасное объяснение слову «пошлость»: «что пошло, то пошло».

Имя *Светлана* очень часто встречается среди женщин 40–60 лет, и многие считают его для этого возраста модным и сверхупотребительным потому, мол, что так звали дочь Сталина. Я же думаю – связь тут обратная. Сталин и Н. Аллилуева назвали так девочку потому, что имя *Светлана* начало входить в моду. Не успела появиться дочь по имени Светлана у Сталина, как пошли девочки с теми же антропонимами у Молотова, Бухарина, Тухачевского, Андреева и других прочих высококозначимых приспешников «вождя всего человечества».

Религиозный философ, мыслитель и ученый *Павел Флоренский* (1882–1937) был расстрелян в Соловках в страшные годы сталинских злодеяний. Он был известен как философ, филолог, специалист в области языкознания, богословия и ономатологии, как в годы его жизни называлась ономастика.

Женское имя Светлана начало пробивать себе путь в России в конце XIX – начале XX веков и поэтому стало входить в круг исследований Павла Флоренского, когда он писал о том, что имя это – не христианское, а языческое, и давать это имя в семьях христиан не следует.

О «запрещении наречения именем Светлана» было напечатано в «Церковных Ведомостях» 1912 года, столбец 292. Эта выдержка из «Церковных Ведомостей» упомянута и в книге «Имена», составленной в 1993 году из архивного наследия расстрелянного священника. Вместо имени Светлана П. Флоренский предлагал *греческое имя Фотина*, имеющее то же значение – «светлая». Именем Фотина после кончины Сталина крестил Светлану, дочь Сталина, в Москве священник *Голубцов*. Об этом она пишет в своей книге «Двадцать писем к другу».

Первой Светланой в России, официально окрещенной церковью этим именем, стала, в начале XX века, *Светлана Александровна*, урожденная *Эллис*. Церковь была против крещения ребенка нехристианским именем, но отец девочки, Эллис,

был последним комендантом Петропáвловской крепости (очень высокий пост в те времена), а его близкий родственник, морской офицер, командовал *крейсером «Светлáна»* (неодушевленные предметы можно было так называть), и вся семья была за то, чтобы девочку назвали Светланой. В конце концов дядя новорожденной подал рапорт в Святéйший Сино́д, и разрешение было дано. Сохранился и золотой крестильный крест, на котором выбито имя и год рождения С.А. Эллис, а скончалась она, прожив 97 лет, в начале XXI века.

Светлана Александровна Эллис была первой в России, нареченной языческим именем Светлана в Православной христианской русской церкви, но биография ее наполнена и другими интереснейшими фактами. Она была первой женой *Алекса́ндра Льво́вича Казембека*, главы партии *младоро́ссов*. Так вначале называла себя молодежь из российских эмигрантов во Франции, но впоследствии члены этой партии разъехались по всему миру. Во главе младороссов стоял А.Л.Казембе́к, но в один прекрасный день он, никому ни слова не говоря, бросил семью и Францию и уехал в СССР, где работал в *Моско́вской Патриархи́и*. Предки его были *пе́рсы*, давно переселившиеся в Россию и крещенные самим царем. Скончался А.Л. Казембек в 70-х годах XX века и похоронен в *Переде́лкино*, в ограде тамошнего кладбища.

Об истории имени «Светлана» рассказала мне Таня Трубецкая, урожденная Некрасова, праправнучка Федора, старшего брата русского поэта Н.А. Некрасова, приглашенная в гости в США Светланой А. Казембек. Таня была москвичкой, художницей, окончила Строгановское училище и приходилась родственницей Александру Казембеку. Она жила в штате Конне́ктикут, в городке Нью-Лондон и рассказывала, что Светлана Казембек была очень красивой, энергичной, волевой женщиной, прекрасной наездницей и замечательным человеком. После бегства мужа она стала работать в колледже, получив звание профессора русского языка.

Ну, а как же с именем Светлана в России? Число женщин, носящих это имя, росло, но сначала медленно. Священники были в некотором сомнении, можно ли называть новорожден-

ных девочек в православных семьях языческими именами. Тем более, что, кроме Светланы Эллис, появились в официальном обряде крещения детей еще два «запрещенных» церковью имени. И где же? В *царской семье*, когда у *Великого князя Константина Константиновича Романов* (поэта К.Р.) появились сыновья с именами *Олэг* и *Игорь*. Несмотря на то, что в самой высокородной семье России появились дети с нехристианскими именами, верующие все-таки придерживались того, на что указал Павел Флоренский. Однако случаев отхода от правил было также немало – когда в подражание Великому князю *Константинк Константиновичу*, рядовые обитатели предреволюционной России начали называть своих детей *Светланами*, *Олэгами*, *Игорями* и, реже, *Рюриками*.

Об одном из случаев наречения мальчика языческим именем *Олег* в 10-х годах XX века рассказал мне сам имяноситеь, *Олег Александрович, сын адмирала Рождественского*. Некое высокое «духовное лицо» было крайне против состоявшегося крещения ребенка нехристианским именем *Олег* в православной церкви, но в конце концов решило: «Перекрещивать не потребу, но взыскание (на священника) наложу».

В заключение надо указать, что как в советской России, так и сейчас, имена *Светлана*, *Олэг*, *Игорь* вошли более чем в широкий круг наречения младенцев. Есть и другие языческие наименования в России, но их много меньше. Так, имя *Рюрик*, после писателя *Рюрика Ивнева*, вошло в обиход, но встречается ещё очень редко.

В США же отношение к моде на имена обстоит несколько по-другому. Американские именоведы, несмотря на существующий, безо всякого сомнения, трафарет в выборе имени ребенку, призывают возрождать в ономастике древние языческие и забытые христианские имена, о которых писалось ранее, а также развивать в себе вкус к именотворчеству, что почти совершенно (я говорю о последнем) отсутствует в России. Вспоминая, что в бывшем СССР после революции имятворчество какое-то время вплоть до Второй мировой войны процветало, отметим, что теперь оно не столь модно, а такие «новые», «революционные», идеологические имена,

как *Май*, *Октябрь*, *Октябрина*, *Марлен*, *Марксен*, *Мэлс*, *Стáлий*, *Стален* и даже *Владилен* и *Владилена* (попробуем оттолкнуться от их политического происхождения и значения), младенцам даются чрезвычайно редко, разве что в память отцов и дедов, давно ушедших в мир иной, которые «делали» революцию или сочувствовали ей.

В США, повторяю, несколько иная картина. Вы, например, ожидаете бэби и мечтаете, что если у вас родится сын, то назовете его *Эйбрахам*, библейским именем, звучащим по-русски как *Авраám* или *Абра́м*. Напоминаю, что этим именем звали президента *Линкольна*, при котором, как читатель помнит, произошла отмена рабства в США, и это имя было, есть и будет всегда чтимо в Америке, но... у вас родилась дочь. Не отчаивайтесь, назовите девочку *Эйбра* – и станете творцом нового антропонима. Далее, если ваша дочка появилась на свет в феврале, но у вас заветного имени нет, то назовите ее *Фебра* (от английского «февруари» – февраль), если в июне, то *Джуна* (от июнь), а если и эти имена вам не очень нравятся, но ваш любимый цветок – *хризантема*, дайте дочери имя *Хризáнта*, если родился мальчик – *Хризáнт*. Должна сказать, что молодые родители прислушиваются к подобным советам, и за последние десятилетия в стране появились мальчики со старинными именами и девушки с новоизобретенными антропонимами, образованными от мужских – *Уолтерина* от Уолтер, *Ричардина* от Ричард, *Уильямина* от Уильям, *Алана* от Алан, и даже *Джимма* от Джим, и *Джэнна* и *Джэнна* от Джон (одну из дочерей избранного в прошлые годы американского президента *Буша* зовут Джэнна). Твори имена, Америка! Твори! Выдумывай! Пробуй!

То, что именоведы США поощряют родителей давать детям выдуманные, иностранные и не часто встречающиеся имена, свидетельствует об отсутствии шовинизма, злобного национализма и сознания того, что хорошо только то, что «наше». В России, к сожалению, это пока не совсем так, но встречаются и здоровые голоса, особенно теперь, когда страх «быть неугодным власти» исчезает, и появилась масса граждан, громко заявляющих: «**Разрешите мне называть своего ребенка так, как мне нравится**». Чаще

всего эта независимость встречается среди «слабого пола», благодаря мировой эмансипации женщин.

Посмотрим, как обстояло дело с русскими именами, даваемыми детям в дореволюционной России, встречались ли в ту далекую пору выдуманные наименования (к которым человек, я уверена, всегда тяготел) или редкие имена из тех, что упомянуты в святцах. Такое встречалось, но только в единичном случае. Так, в первый раз, еще будучи маленькой школьницей, я обратила внимание на имена сыновей помещика *Мани́лова* из поэмы «*Мертвые души*» Гоголя. А звали мальчиков никогда прежде мною не слышанными названиями – *Алкид* и *Фемистоклос*. Впоследствии оказалось, что это не выдуманные имена, а то, что они есть в святцах, мне было неизвестно, так как со словом «святцы» я вообще никогда не встречалась. Также удивило меня у Гоголя в вышеупомянутой поэме имя *Антипа́тр* (*Захарыч*). Оказалось, что и оно имеется в русском православном месяцеслове.

Те, кто изучал историю русского театра, помнят имя *Владисла́ва О́зерова*, одного из драматургов XVIII века. Долго, уже взрослой, я ломала себе голову над тем, как попало польское имя Владислав в глубокую провинцию Тверской губернии, где драматург родился. Ответа не нашла, но много лет спустя, в 90-х годах, лет десять тому назад, проезжая мимо кладбища города *Зубцо́ва в Тверской области*, где *Озеров* похоронен, я подошла к камню на его могиле, а он сохранился, хотя в этом районе шли одни из самых страшных боев во время Великой Отечественной войны, и обомлела. Настоящее имя драматурга, оказывается, было *Васи́лий*, а это говорит о том, что и во времена оны родители могли звать своего ребенка не общеупотребительным крестильным именем, как в этом случае, а тем, которое им нравилось.

Священник в ортодоксальной русской церкви никогда не осмелился бы крестить ребенка «неположенным», то есть не указанным в святцах именем, разве что в особых случаях, как и произошло с именами *Иго́рь*, *Оле́г*, *Рю́рик* и *Светла́на*. Преступать законы православной церкви могли лишь немногие, состоящие в конфликте с властью. *Пе́тр Кропо́ткин*, один из

первых русских революционеров-анархистов, в своей книге «Записки анархиста» указывает, что дочерей своих он назвал *Анархия* и *Утопия*. В книге не говорится, крестил он своих детей или нет. Я встречала Анархию и Утопию, работая переводчицей в 1957 году в московской гостинице «Москва». Они, почти ровесницы и очень уже старенькие, были туристами и приезжали из Франции в СССР погостить, но имена их были обычные, так как впоследствии они переделали свои комичные прозвания на традиционные русские. Одну из них звали *Вера* – на этот антропоним была повальная мода в конце XIX века в России, этой моде поддались даже лица царской крови. Так, в январе 2001 года, будучи уже более девяноста лет от роду, скончалась в США младшая дочь Великого князя Константина К. Романова, поэта К.Р. – *Вера Константиновна Ромáнова*. Имя Вера среди очень пожилых женщин можно было встретить в среде эмигранток, родившихся в царской России в начале XX века, а также за десяток и более лет до революции... Какое имя носила вторая дочь П. Кропоткина, не помню.

Иногда следование моде в именах – понятно. Так, после отмены рабства в Соединенных Штатах, чтобы увековечить это одно из замечательных событий в истории Америки, мальчиков и девочек – негров, в основном, поголовно крестили именем *Индепенденс* (независимость, свобода), черных и белых мальчиков часто называли *Стóун Уолл* (каменная стена) по фамилии одного из героев Гражданской войны в США, грудью стоявшего как стена за завоеванную территорию, а девочек всех цветов кожи – *Лорéта* (Loretta). История моды на это женское имя мне неизвестна, оно употребляется и ныне.

До сих пор мы говорили о моде только в европейских странах, однако тут надо сделать соответствующее дополнение. Мода на имена царит в странах других континентов не менее, чем она властвует в Европе.

В русской газете «*Вечерняя Москва*» в разделе «Юмор в коротких штанишках» несколько лет назад была как-то такая «хохма» (слово это давно вошло в лексику русского языка, оно заимствовано из языка идиш и значит «шутка»): «*Танечка*,

у тебя так много кукол, как же ты их различаешь? – А по именам!» – отвечает Танечка. Тесно связанная история с куклами русской девочки Танечки произошла в Африке. У Жана Бодель Бокасса (на наречии его родного языка имя это значит «маленький лес») – бывшего президента Центральноафриканской республики, родилась в 1953 году дочь, которой родители (мать этого ребенка – вьетнамка) дали имя Мартина. И вслед за появлением маленькой Мартини на свет, все девочки на родине Жана Бокасса и во Вьетнаме, месте рождения матери, как среди местных жителей так и французских солдат, пребывающих там на воинской службе, стали называться Мартинами. И когда дочь президента Жана Бокасса затерялась в результате какого-то происшествия, ее было невозможно найти, потому что все поголовно девочки в стране возраста дочери Бокассы и младше ее назывались Мартинами.

Читатель уже знает, что в бывшем СССР бывали случаи, когда родители давали детям редко встречающиеся имена. Здесь мне бы хотелось сделать некий «врез» и посвятить несколько строк стране, которую иногда называют «второй Россией». Речь идет об Израэле. Благодаря эмиграции из России евреев на свою «прародину», русский язык перешел в Израиль во всей своей полноте и чистоте. То, что это происходит в настоящее время – неудивительно, но я поразилась, когда узнала, что еще сто лет тому назад, а то и более, одно небольшое местечко в этой крошечной стране называлось «Слободка Иешива», и никому и в голову не придет удивиться, что в этой маленькой, возрожденной стране, где национальный язык называется *иврит*, то есть древнееврейский, на каждом шагу встречаются улицы Пушкина, Лермонтова, Лескова, Некрасова, Короленко, Горького и других русских классиков, не говоря уж об улице Шолом-Алейхема, литературного классика народа Израэля на русском и прежнем, национальном, уже выходящим из употребления языке идиш. В сегодняшней иврит вошли на полных правах такие русские слова, как «слободка», «палатка», «негодник», «иудник», «рубашка», «рефьюзник» (с английским корнем, но с русским окончанием), синоним его – «отказник»; «гекончетер» (с русской основой, но немецкой приставкой и

окончанием для названия лиц, окончивших высшее учебное заведение), а также некоторые «нетрадиционные» русские выражения, то есть, прямо говоря, неприличные выражения.

В то же самое время, когда я явилась в США «на постоянное жительство» с мужем-американцем, раз в неделю по утрам передавали по радио «Еврейский час», где ведущий произносил слово по-английски и спрашивал участников передачи, проживших в США со времен раннего детства, а то и родившихся в Америке и присутствующих на передаче в качестве гостей, – как в России назывались те или иные предметы, явления природы, названия домашней утвари, разных животных и прочее. Эту передачу очень любили пожилые люди из семей лиц, давным-давно эмигрировавших из России в США. И тут я узнала, к своему восторгу, что некоторым американским выражениям и словам в еврейской среде Америки до сих пор соответствуют русские: *подбшвэ* (подошва), *скóвородэ* (сковородка), *борода́вкэ*, *кастфуля*, *аптэкэр*, *пяткэ*, *акуше́ркэ*, *тумán*, *ро́сэ* (роса) и славянско-польские – *пáстех* (пастух), *цацкэ* (игрушка), *лялкэ* (кукла), *качкэ* (утка) и другие.

Говоря об именах в еврейской среде, можно добавить и кое-что еще об одном широко распространенном явлении в России вплоть до сегодняшнего дня. Дело в том, что так же, как и в других странах, евреи часто меняли свои отечественные имена «для удобства чужого уха» на имена страны проживания. Часто, то есть почти всегда, имя новорожденному давалось в память умершего близкого родственника. Это происходит и теперь. Есть только одно, в меру желательное условие: при перемене имени хотелось бы, чтобы оно начиналось хотя бы на ту же самую букву, что и истинное имя почившего. Так, годы назад, *Бо́рух* становился *Борисом*, *Мойше* – *Михаилом* или *Миро́ном*, *Гершель* – *Григо́рием*, *Германом*, *Велвел* – *Владими́ром*, *Рувим* – *Ромáном*, *Хаим* – *Ефи́мом* либо *Харитóном* (имя очень редкое среди людей еврейской национальности), *Лейб* – *Львом*, *Леони́дом*, *Леóном* или *Леóнтием*, *Наум* и *Копл* – *Никола́ем*, *Кóлей* (до революции последние два имени почти не встречались), *Мири́ам* и *Мари́ам* – *Миро́й*, *Ма́ней* или *Мари́ей*, *Ха́на* – *А́нной*, *Алекса́ндрой*, *Хи́бнией*, *Фейга* – *Фай́ной*,

Руфь, Ревекка, Рахиль – Раисой, Региной, Риммой и так далее. Но и теперь перемена иудейских имен на иноязычные не пожела- лала отставать от моды: посмотрите, как изменились сейчас имена еврейской молодежи в России и из России (имею в виду эмигрантов) – вместо устаревшего имени Семён мальчиков называют Станислав, Сергей; Михайл именуется Маратом, место Влади́мира заняли Владисла́в, Ви́ктор и Вади́м, вместо Григо́рия мальчик становится Генна́дием или Германом, Исаак трансфор- мируется в И́горя, Иосиф (или Осип) – в О́лега, Лия – в Лизу, Любу, Лелю, Лену, Лидию; женское имя, начинающееся на букву «р» заменяется Рена́той, а самым популярным среди еврейских девочек стало имя Лариса, женскую молодежь с этим антропо- нимом в 60-х, 70-х годах считать – не пересчитать.

Есть, конечно, случаи, и их немало, когда граждане национальных меньшинств в России теперь начинают возвращаться к своим традиционным, национально звучащим именам. И в еврейских и татарских детских садах в Москве теперь можно легко найти девочек по имени Ли́я, Го́лда, Ри́вочка, Руфа; маль- чиков, которых зовут Дан, Дэ́ниэл, Дави́д, Соломо́н, Ави́гдо́р, Исаа́к, Изра́иль, а среди татар – Рами́ль, Рафи́к, Гюзе́ль, Рези́да, Рами́ля... Сегодня самые популярные имена в США среди еврейской эмиграции, например, Дэ́ниэл – для мальчиков, а для девочек – А́нна. Удивительно, но имени А́нна грозит даже переход в имя нарицательное. Так недавно в одной из русскоязычных газет в Нью-Йорке появилась статья «А как вы свою Анечку назвали?»:

Как и почему возникает мода именно на те или иные имена, об этом остается только строить догадки. Ведь неизвестно, по какой причине имя Майкл гуляет по США уже почти тридцать лет. Модное женское имя Дженнифер можно было бы припи- сать тому, что молоденькую героиню фильма «История одной любви» в 70-х годах звали этим именем, о чем уже говорилось выше. Но... **связь здесь, как и с именем Светлана, а б с о л ю т н о о б р а т н а я**: скорее, писатель одноименной книги и сценарист этой картины Сигал дал героине фильма имя Дженнифер спустя долгое время после того, как оно вошло в моду и было у него, как и у прочих, – на слуху.

В России до сих пор среди женского общества одно из первых мест занимают *Наташи* как среди гражданок преклонного возраста, так и среди молодых. Между прочим, в черновом варианте «Евгения Онегина» Пушкин тоже дал своей героине имя *Наташа*. Имя это было известно давно не только среди русских, но и среди нерусских народов России, и Толстой в своей повести «Кавказский пленник» замечает, что горцы всех русских женщин звали «*Наташками*». За пределами России это имя тоже пользовалось и пользуется популярностью». Так, например, сейчас, когда поездки из страны в страну относительно свободны, власти Турции высылают из страны девушек «легкого поведения», которых турецкое население называет «Наташами».

– Почему в твоей семье пять Наташ? – спросила я как-то, у знакомой.

– Потому что это имя красивое, – объявила она без колебаний.

– А что ты скажешь насчет *Домаш*? – попробовала слегка возразить я. – Ведь эти имена почти не разнятся на слух.

– Домаша? Какой ужас! – возопила моя собеседница.

Нравится читателю такое объяснение? Уверена, что нет. Могу из практики своих изысканий добавить одну деталь, касающуюся моды на женское имя Наташа. Недавно скончавшаяся пожилая женщина, пережившая блокаду Ленинграда и работавшая там в комиссии по спасению малолетних детей, оставшихся по разным причинам без родителей, рассказала, что всех найденных **ребят, не помнящих своих имен**, оформляя, **называли Наташами** – девочек и **Сашами** – мальчиков. Может быть, именно поэтому имена Наташа и Саша так легко разошлись после войны по всей России? Ведь до войны в СССР девочек с этим именем было совсем немного...

Говоря об именах нарицательных, не могу удержаться от того, чтобы не привести **собирательные антропонимы** в старой России, когда для обозначения горничных употреблялось имя **Матрёша** и **Катюша**, кучеров – **Герасим**, лакеев – **Степан**, а для молодых слуг и камердинеров – имя **Алексей**, а вернее – **Алёшка**.

Иностранное английское имя Роберт пользовалось успехом несколько средним, правда, в СССР после выхода на экраны кинокартины «*Дети капитана Гранта*» по имени мальчика – главного героя фильма, то же самое можно сказать и об антропониме *Никита* («*Детство Никиты*» А. Толстого). В честь маленькой девочки-актрисы *Шерли Темпл* Америка называла своих девочек – *Шерли* и *Хайди* (имя девочки, роль которой исполняла та же Шерли Темпл в фильме того же названия, что и имя), а вот *Седрик* – так звали прелестного мальчика из фильма «*Маленький лорд Фаунтлерой*», в США совершенно не прозвучало, и Седриков сейчас в Америке по сравнению с Шерли и Хайди очень мало. О распространении имени *Сергей* по всей России можно предположительно сказать, что оно вошло во все сметающую моду после довоенной картины «*Истребители*», где главную роль исполнял красивый Марк Бернес. Популяризации этого имени (первоначально) помогло и то, что в спектакле МХАТа «*Анна Каренина*» сына Анны и Каренина звали тем же именем. Но прошу читателя не забывать, что все это – только мои собственные предположения.

Многие родители на вопрос – почему в первой половине XX века мальчики почти поголовно были *Владимирами?* – гордо объявляли, что называли сына в честь Ленина, но отцы и матери сыновей по имени *Юрий*, также популярного как Владимир, ничего толкового сказать не могли. Имя это было просто модным. Интересно, что во времена Сталина его именем – *Иосиф*, мальчиков почти не называли. Почему? Ясного ответа я никогда не слышала. Единственное, что я как-то уловила, это то, что имя Иосиф – некрасивое! Со свистящим «с» и глухим, шипящим «ф». Что абсолютная правда.

Возникновение моды можно объяснить только стадностью человеческого мышления, но это лишь одна сторона дела. Иногда мода на имя, так же, как и на что-то другое, возникает в умах огромного числа людей, и стадность переходит в безумие. Вот один пример: в США несколько лет назад в суде слушалось известное дело некоего *О’Джей Симпсона* по обвинению в убийстве своей жены *Николь* и ее знакомого. «О» – аббревиатура от редкого имени обвиняемого – *Орентал*

(оно в форме *Орентий* существует и в русском языке и есть в святцах). Процесс длился более года, и в это время юные матери в Калифорнии, переполненные досужим любопытством ко всему происходящему в зале суда, начали называть своих детей-мальчиков *О'Джей*, даже не думая о том, что именем преступника называть своего ребенка неэтично и даже преступно, а в данном случае и неграмотно, так как никто не знал, каково настоящее имя Симпсона и что значит аббревиатура *О'Джей*... (а «О» как раз и стоит вместо имени *Орентал*). Приблизительно такая же история произошла и в СССР, только в обратном порядке. После того, как *Троцкий*, *Бухарин*, *Зиновьев*, *Рыков* и другие после 1937–38 годов были объявлены «врагами народа», детей с аббревиатурой *Ледат* (Лев Давидович Троцкий), *Иар* (*Иван Алексеевич Рыков*) и другими того же рода должны были срочно переименовывать... В Германии, вплоть до самого недавнего времени, ни один родитель не дал своему отпрыску имени *Адольф*, которое носил Гитлер.

Должна упомянуть, однако, что **есть лица с тонким лингвистическим слухом и вкусом, которым претят одинаковые имена**. Эти граждане никак не поддаются и не следуют людской тривиальности и делают все возможное, чтобы их дети носили «отдельные» имена, как назвал разные антропони́мы русский поэт Игорь Северянин. Добавлю, что подобное ярко выраженное явление я встретила за границей только один единственный раз в изысканиях израильского ономаста *Эйбрахама Штáля*. Он пишет о том, что к концу XX и началу XXI века наименование детей в *Израиле* коренным образом разнится от тех имен, которые когда-то давались в еврейской среде. Главным образом **имена** новорождённым **даются языческие**, обозначающие название человеческих качеств (**сила, красота, достоинство, ум** и прочие), *название цветов*, растений, необыкновенных качеств **животных** и т.д. и в стране царствуют такие имена, как **Нимрод, Яэль, Эйтáн, Али́я, Ли́бр, Ли́бра, Уаз** (значение их я опускаю). Некоторые родители к именованию своего будущего ребенка относятся до того ревностно и серьезно, что многие семейные пары перед рождением своего чада вывешивают на главном здании кибуца

(беру как пример израильский киббуц – место совместного проживания и общих сельскохозяйственных работ его многочисленных поселенцев) объявление о том, что будущий ребенок таких-то родителей будет называться так-то, и просят не заимствовать этого имени до рождения мальчика или девочки. От всей души приветствую это.

Назрение детей по моде сегодняшнего дня во всех странах не обходит никого: ни академика, ни рабочего, ни крестьянина, ни ученого. Пример отталкивания от моды дал в России А.И. Солженицын, когда он назвал своих трех сыновей «мужицкими» именами Ермолай, Игнатий и Степан. Своё начало три этих антропонима ведут от греческих и латинских прозваний. В дореволюционной России они, за исключением имени Степан, были принадлежностью деревни, поэтому я называю их «мужицкими» именами.

Отталкивание от «модных имен» было всегда, но редко. Хочу привести один интереснейший пример из национальной литературы времен советской жизни. Так, в 70-х годах, писательница Мария Корякина в одном из своих рассказов описывает *малограмотного крестьянина Алексея*, вернувшегося с войны тяжело раненным в маленькую деревню средней России. Перед кончиной, *думая об имени своему будущему сыну или дочери, он просил жену не называть ребенка как всех, а записать девочке не слыханное в деревне имя Матильда*, а сыну – *Гарольд*, которыми он пленился за границей. «Спиши на бумажку, забуду ведь!» – произнесла заплаканная женщина и спрятала записанные имена в самом для нее дорогом месте – за иконой. *Родился сын Гарольд, Галя*, но, к сожалению, судьба его мне неизвестна.

Моду на имена необходимо отличать от других мод. В конце прошлого, XX века, появилась мода на брючные костюмы. Родилась эта мода в США и прошла все континенты нашей планеты. То, что брючные костюмы женщины начали носить в США, абсолютно понятно. Стиль этой одежды вынужден, ведь почти все американские женщины водят машины, – это главное средство передвижения в стране. Сидеть же в машине в юбке и пальто, когда пуговицы трутся о руль и очень скоро отрываются, – не Бог весть как удобно. Поэтому и возникла мода на брючные костюмы.

Что же касается повальной моды на имена, то есть о причинах ее, могу предложить свой вариант. Когда человек заговорил, одной из первых его «задач» было, вероятно, обращение к себе подобным – вот тогда-то и появилось имя. Не кажется ли ученым-ономастам, что когда у кого-то появилось имя, кличка или что-то подобное, и этот «кто-то» стал на это имя откликаться, человек стал называть тем же самым первоначальным антропонимом и всех других своих соплеменников? Так что это – как не рудиментарный физический отросток, сохранилось в генной памяти человечества, и теперь мы называем это модой. Но впоследствии, когда жизнь наших древних предков подошла к другим, более цивилизованным пределам, человеческое существо каким-то десятым чувством начало видеть в каждом человеке личность, особь, и стало с о з д а в а т ь и м е н а, которые впоследствии приучили это человеческое существо видеть в каждой личности и особи образ отдельного человека... Религии человечества, появление «святых» – следующий этап к распространению, утверждению и появлению новых имен и составлению списков имен, угодных по разным причинам той или иной религии.

Какая извилина у нас в мозгу заведует следованием всеобщей «моды», особенно на имена, ученым пока неизвестно, но наука идет вперед, и мне кажется, что в конце концов население планеты Земля в каждом государстве будет заполнено антропонимами всех стран мира, без выбора «наше» или «не наше», и люди всех рас, национальностей и племен будут называться антропонимами со всевозможным разнообразием, разнородностью, неоднородностью и разнотипностью человеческих наименований. Антропонимам будет отдаваться гораздо больше внимания, чем в наше время, и всякий человек полюбит, оценит и будет беречь с в о е о т д е л ь н о е и м я, как истинный «с л а д о с т н ы й д а р».

**«КЛЯНУСЬ СОБАКОЙ!» –
ОБЫЧНАЯ КЛЯТВА СОКРАТА**

В 1869-1870 годах в Верховном суде Соединённых Штатов разбиралось дело «Бэрден против Хорнсби», взволновавшее всё население страны. Суть дела была в следующем: собака по кличке Драма, принадлежавшая Чарльзу Бэрдену, была убита выстрелом из винтовки его соседом Леонидасом Хорнсби за то, что случайно забежала на его участок. Дело о злодейском убийстве Драма всколыхнуло всю Америку. Убитому псу, «старому доброму Драм», в городе Уорренсбурге, штат Миссури, был поставлен памятник – знак любви человечества к своим домашним питомцам.

Если вы, читатель, когда-нибудь попадёте в этот городок, то сами увидите, что главную достопримечательность в нём составляет всё, что так или иначе связано с делом «Бэрден против Хорнсби». Сейчас уже шестое или седьмое поколение жителей Уорренсбурга знает на зубок все перипетии этого давнего судебного дела, и каждый школьник покажет вам не только памятник погибшему Драм, установленный в центре города, но и здание суда, где велась более ста лет назад знаменитая тяжба. Здание отреставрировано и находится под охраной государства. Но не только злодейское убийство первого друга человека привлекло внимание всех американцев и всего мира к делу «Бэрден против Хорнсби». *В истории Соединённых Штатов это судебное разбирательство считается одним из самых выдающихся благодаря речи сенатора Джорджа Уэста в защиту Драма – первой речи в истории США, а, возможно, и всего человечества, в защиту домашнего животного.*

«Леди и Джентельмены! – так начал своё выступление сенатор Уэст. – Тот, кто кажется вам сегодня лучшим другом, завтра может предать вас. Любимые дети, которых вы произвели на свет и непрестанно ласкали и лелеяли, могут оказаться неблагодарными и бросить вас в старости на произвол судьбы. Те, кому вы когда-то помогали, часто бывают способны на то, чтобы отплатить чёрной неблагодарностью. Когда кто-то «на

коне», окружающие готовы валяться у него в ногах, униженно вымаливая благосклонное внимание, но стоит удаче повернуться к счастливику спиной, они первые бросят в неудачника камень.

Только одно-единственное существо в мире никогда вас не предаст, не продаст, не бросит в тяжёлую минуту и останется с вами до последнего вздоха. Это существо – собака.

Господа присяжные заседатели! Собака – единственный бескорыстный друг человека. Она всегда с хозяином, будь он беден или богат, здоров или болен, счастливеец или неудачник. Собака не бросит своего владельца ни в дождь, ни в град, ни в мороз, ни в палящую жару, а если хозяин её, волею судеб, лишится последнего гроша и останется нищим, она будет лизать ему руку, даже если эта рука не протянет ей корки хлеба. А когда беднягу нищего постигнет смертный час и его понесут к месту последнего успокоения, собака пойдёт за гробом, как приближённые шествуют за катафалком усопшего короля, и после того как все разойдутся, только собака, уткнув нос в лапы, одна останется лежать ничком на могиле хозяина, до конца оставаясь его единственным, верным и после смерти, самым преданным другом.»

Эта речь потрясла не только жителей Соединённых Штатов. Вплоть до сегодняшнего дня не только граждане Америки, но и весь мир цивилизованного человечества старается не забывать того, о чём напомнил своим согражданам сто тридцать лет назад сенатор Джордж Уэст. Его речь ежегодно перепечатывают все популярные журналы и газеты, включают в детские книги, передают в бесчисленных программах радио и телевидения, посвящённых животным, читают на занятиях в школах и детских садах, и почти все американские ребята знают наизусть историю собаки Драма и трагические события, развернувшиеся в городе Уорренсбурге в середине прошлого века.

В августе 1989 года на всех обложках популярных журналов США появилась фотография человека с собакой. Это был сенатор Томас Фбули и его любимица А́лис, которые представили перед своими согражданами в память печального события: А́лис скончалась в возрасте четырнадцати лет. Её знала вся

Америка. Сенатор Фоули нашёл собачку маленьким щенком на улице, воспитал и не расставался с ней ни на минуту в своей, занятой серьёзными политическими делами, жизни. Каждое утро этот государственный деятель отпраивлялся на работу в Сенат в Вашингтоне в сопровождении Алис, где они находились в стенах здания «от звонка до звонка». Все работники Сената хорошо знали Алис, которая присутствовала вместе с хозяином на заседаниях, осматривала вместе с туристами здание, наслаждалась его красотой, подходила к особой двери, которая автоматически отворялась, когда ей надо было выйти по своим делам, и в известном ей уголке предавалась трапезе.

Все, работающие в Сенате Соединённых Штатов, считали Алис своей полноправной коллегой.

В одном из вашингтонских университетов, где я работала, как-то один студент, не самый молодой, больной диабетом человек, вдруг спросил меня, когда я собираюсь в очередной раз отпраивться в Союз, а когда я ответила, *попросил меня найти в Москве некоего N – члена Союза Советских писателей и передать ему, что он, американец по имени и фамилии таким-то, вскоре прибудет в столицу СССР со специальной, одной-единственной целью: найти этого N и... убить его.* После некоторого замешательства и посыпавшихся на него вопросов соучеников, мой студент ответил, что он собирается, даже не прибегая к правосудию, лишить жизни московского литератора за то, что тот «с улыбкой варвара и наглостию скифа» (процитировал он русского поэта XIX века Александра Полежаева) избил палкой собаку, которая, якобы, испугала его дочь. Об этом происшествии он прочитал в «Литературной газете»...

Животных, как домашних, так и диких, в США и других высокоцивилизованных странах высоко чтят и отношению к ним могли бы позавидовать самой чёрной завистью граждане иных государств на разных континентах. Те, кого Сергей Есенин (а задолго до него английские писатели и поэты) назвал «братьями нашими меньшими», занимают особое место в жизни американцев, которые окружают своих четвероногих

друзей истинно человеческими ценностями. Человек на всей планете Земля – всё ещё человек. Он всё ещё хочет иметь подле себя не только создание, которое он сам любит, но и существо, любящее его. Существо, радостно бросающееся ему на шею и целующее его, смотрящее с любовью, нежностью и преданностью прямо в глаза своему «папе» или «маме», как очень часто называют в Америке владельцев собак. *Заметили ли вы, что большинство любимцев носит теперь те же имена, что и мы, люди? Причина? Да она в том, что подсознательно или сознательно, но мы желаем очеловечить своих питомцев и потому даём им свои имена для полного с ними альянса, а наши пушистые приятели хоть и не наделены даром человеческой речи, обладают способностью понимать своих владельцев и, прежде всего, отзываться на свою кличку.*

Как нет в мире безымянного человека, так не существует и домашнего животного без прозвания, которое, как тот, так и другой, получают при рождении «в сладостный дар».

Что же мы знаем о зоонимах, как называют в ономастике клички и прозвищные имена наших младших братцев и сестриц, самых нам близких существ, – домашних животных?

*Мы, три храбрые собаки,
Отправляемся в дозор,
Шарик, внучек Забияки,
Пёс Барбос и пёс Трезор.*

В одну из своих поездок в Москву мне пришлось посетить клуб «Дружок», объединяющий любителей породистых собак. Клуб создан по инициативе городских властей и пользуется большой популярностью. Я, конечно, прежде всего, поинтересовалась кличками собак и, к своему удовольствию, получила по этому вопросу полную информацию. Поскольку клубные собаки – особых кровей, то и имена их «полированные». Среди непереносимого количества собакевичей по имени Джёрри, Тедди, Бобби, Диана, Кинг, Джей и так далее я познакомилась и с псами по кличкам Фидель (в честь Кастро),

Фингáл (этимология этого имени мне пока неизвестна, знаю только, что русский писатель XVIII века Владислáв Óзеров дал название «Фингал» одной из своих трагедий). Пёс *Дуглáс*, *Грант*, *Дункáн*, *Мíстер Твíстер* (так звали симпатяжку бульдога), *Гáмлет*, с близнецами – мальчиком и девочкой по кличке *Той* и *Тоя*, с собакой *Чáсик*, а также с «леди собаками», как называет «по-русски» представителей женского пола этих животных мой муж-американец, с прозвищными именами *Бéта*, *Грéта*, *Дíва*, *Мада́м*, *Ма́я*, *Фéя* и так далее. Вспомнив, что двух овчарок Николая Николаевича Щáдина (друга моего отца), солиста Свердловского оперного театра, звали не совсем обычными именами *Ост* и *Зю́йда* (Восток и Юг по-немецки), я и их подкинула любителям необычного вместе с кличками *Капкáз*, *Крым* и *Рым*, о которых слышала от дедушки, московского извозчика. Клички эти – социально-исторические, ибо так начали называть собак после Крымской войны 1856 года, в которой участвовал мой прадед. Собаки с именами Капкáз, Крым, Рым были членами семьи Андрея Васильевича Чепурнова, дяди моего отца и товарищами папы по детским играм на Рогожской улице столицы. Позже, в войну по освобождению Болгарии от турок, появилась и собачья кличка *Дунáй*, по названию реки, где происходили военные действия; кличка эта, не в пример первым трём, живёт до сих пор, но вряд ли кто может объяснить её историческую подоплёку.

А вот зоонимов типа *Тузик*, *Дружо́к*, *Жучка*, *Ша́рик*, *Ба́рсик*, *Барбóс* или *Трезóр* среди членов клуба «Дружок» я не встретила, ибо назвать таким «простонародным» именем породистую собаку в наше время будет значить то же самое, как если бы сейчас дали в России мальчику имя Карп или Кóнон, а девочке Фёкла или Акули́на (правнучку Л.Н. Толстого зовут... Фёкла).

Для того, чтобы начать разговор о русских зоонимах, надо прежде всего указать, что внимание к теме этимологии, истории и всего, что связано с именами животных, ничем не стимулировалось и почти выпало из поля зрения не только рядовых граждан, но и учёных европейского мира, за исключением, но очень малым, – профессионалов-ономастов.

У нашего народа есть масса кличек и прозвищных имён любимцев, которые используются в России со времён оных. Такие собачьи имена, как *Жучка*, *Бобик*, *Тобик*, *Тузик*, *Трезёр*, *Барсик*, *Дружок*, равно как и другие, знает в России каждый ребёнок. Но откройте этимологический словарь *Дэля* или *Фасмера*, перелистайте словари русского литературного языка и вы увидите, что имён собак, даже самых распространённых, за исключением *Жучки* и *Полкана* в этих словарях нет.

В чём же тут дело? И что мы вообще знаем о канисниках (от латинского *canis* – собака и греческого *опута* – имя)?

Пройдёмся по истории. В *египетских папирусах расцвета Двенадцатой династии* Аменемхата III за 2.400 лет до н. э. упоминаются такие имена собак, как *Абакафу*, *Акёна*, *Бахакаа*, *Махут*, *Менеммуф*, *Менманфнаши*, *Нахси*, *Пахатес*, *Ками*, *Салекан*, *Текар* (или *Текал*), *Фесём*, *Ксабеу*, *Ксафмес*. Значение и произношение некоторых из этих кличек известны. Так, *Махут* значит *белая антилопа*. *Ками* – *чёрный*, *Текал* – нечто ненужное (семантика этого слова ярко свидетельствует об отношении египтян к собакам вообще), а *Фесём* по-древнеегипетски значило собака обыкновенная, иными словами, дворняжка.

Некоторые из вышеперечисленных прозвищных имён явно связаны с именами животных из повести «Маугли» Р. Киплинга, так канисним *Акёна* близок к волчьей кличке *Акёла*, а окончания «каа», «каи», «аа» напоминает нам *Каа* – имя мудрой змеи в «Маугли». Дальнейшие исследования покажут, неуместны или, наоборот, необходимы здесь аналогии.

Древнегреческий учёный человечества *Плутарх* в своих «Сравнительных жизнеописаниях» рассказал нам, что *Александр Македонский*, величайший царь всех времён и народов, считал своего коня *Букефала* (ранее писали *Буцефал*) самым своим близким другом и после смерти его основал город у *Гидаспа*, который назвал *Букефалия*. Другой писатель и ритор древности *Потамон из Метилёны* (ок. 75 г. до н. э.) добавил к этому сообщению, что тот же Александр Македонский очень любил выращенную им собаку по кличке *Перитес*, которую подобрал щенком. *Перитес*, как утверждает *Потамон*, не раз спасал Александра от когтей и зубов диких зверей и

однажды даже победил *Слона*, пытавшегося обидеть его хозяина. По утверждению древнего автора Александр Македонский всегда спал с этим, самым, по его утверждению, близким ему существом, а когда Перитес перешёл в мир иной, увековечил его память, основав город его имени, что было традицией в древности.

Среди развалин древней *Помпеи*, скрытой под застывшей лавой после извержения вулкана Везувия 24 августа 79 года до нашей эры, был недавно найден при раскопках скелет собаки, накрывшей своим телом ребёнка. Положение, в котором оба находились, убедило учёных в том, что собака легла на мальчика, чтобы защитить его от раскалённого пепла. Позднее археологи обнаружили окаменевший ошейник, на котором было выгравировано, что собаку-героя звали *Делта*, а хозяина её *Северинус*, и что Делта спасала своего владельца трижды: первый раз, когда она бросилась в океан и вытащила из воды своего вот-вот готового пойти ко дну хозяина, второй – пустившись за разбойниками, пытавшимися ограбить и погубить её патрона, а третий – в пещере близлежащего города *Геркуланума*, когда Северинуса пыталась растерзать волчица. Последний акт героизма, уже, конечно, не зафиксированного на ошейнике, Делта проявила здесь, в доме своих хозяев, в Помпее, 24 августа 79 года, когда она накрыла своим телом маленького сына Северинуса, пытаясь спасти его от смертельно дышащей лавы.

Тот же Плутарх запечатлел в своих сочинениях и собаку по имени *Кализэум* (Колизей в русской форме), которая забавляла цирковыми трюками в Риме императора Веспасиана...

А вот древнерусские документы не донесли до нас имён и прозвищ наших домашних питомцев. Мы знаем о них из литературы XV–XVI веков, т.е. сведений последующего времени и сохранившихся в памяти людей. Самое первое из известных доступных нам материалов о животных-членах семьи, любимых своими хозяевами, находим в жизнеописании **Петра Первого**, у которого было пять собак и одна лошадь. Великий царь был к ним очень привязан, но особенно любил маленькую рыженькую псицу по имени **Лизётта** (Lisette), миниа-

тюрную итальянскую борзую. Псицу Лизетту, которая была названа так в честь любимой дочери Петровой, Елизаветы, будущей императрицы, Пётр Алексеевич часто держал на коленях, нежно поглаживая, и в такие минуты грозного, сурового русского императора можно было просить о чём угодно, даже об отмене смертной казни его врагам и врагиням.

Обратите внимание, что любимицу Петра Первого звали человеческим, французским именем, а исследования показали, что самые простонародные отечественные клички собак – нерусского происхождения, которые, возможно, начали популяризоваться в России ещё до появления Великого Петра, когда «окно в Европу» было весьма и весьма подслеповатым.

ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РУССКИХ КАНИСНИМОВ (КЛИЧЕК СОБАК) В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ

Настоящий труд – первая попытка этимологического анализа *каниснимов* (от лат. *canis* «собака» и греч. *опута* «имя, название»), т.е. кличек собак, которым, наряду с *фелиснимами* (кличками кошек) и *экуснимами* (кличками лошадей), а также других домашних животных в русской зоонимике не уделялось до сего дня должного внимания.

Наиболее традиционные каниснимы проникли в Россию путём иностранных заимствований. Источники – западноевропейские и восточные языки; способы заимствований – письменные и устные; типы заимствований:

– прямой, когда каниснимы несущественно изменяли свой облик, фонетически и грамматически оформлялись как типичное русское слово;

– комбинированный, включающий частичную сохранность фонетического, словообразовательного и семантического аспектов языка-источника наряду с типичными лингвистическими особенностями языка-приемника.

Труд построен на анализе текстов литературных и исторических памятников письменности, а также на результатах личного опроса автора статьи о предмете исследования населения СССР и русского зарубежья, в частности, старообрядцев, сохраняющих живой зоонимикон двухсотлетней давности.

Примерно с 50-х годов XX века антропонимы, принятые у русских, стали неотъемлемой частью ономастикона всех народов мира (см. Алла Кторовая «Русские имена за рубежом: Ономастика. Типология. Стратиграфия», Москва, Наука, 1988). Но самое замечательное то, что русскими антропонимами в полной и краткой формах, а также отечественными аппелятивами называют теперь за рубежом не только людей, но и животных и прежде всего собак. Однако сегодняшняя экспансия русских

имён за рубеж в качестве каниснимов – явление вторичное, так как взаимозаимствование кличек собак началось с обратного варианта, а именно с усиленного проникновения, начиная с XVIII–XIX веков, иностранных (турецких, испанских, итальянских, немецких, французских, английских и прочих) антропонимов и аппелятивов в качестве каниснимов – в Россию.

Результаты личного мини-опроса автора статьи показали, что *самыми традиционными русскими кличками собак* первой десятки принято считать такие, как: **1. Жучка, 2. Бобик, Барсик, 3. Тобик, Фрэнтик, 4. Тузик, 5. Дружок, 6. Шарик, 7. Трезёр, 8. Барбос, 9. Полкан и 10. Салтан**, за которыми следуют каниснимы *второй десятки* – **Валёт(ка), Треф(ка), Дамка, Розка, Пальма, Пират(ка)** и другие.

В образовании каниснимов первой десятки принимают участие различные лексические основы: 1. Иностранные антропонимы, 2. Иностранные аппелятивы, 3. Названия мастей игральных карт, 4. Словосочетания из французского языка типа *Ma chere, Ma bonne amie*, употреблявшиеся в привилегированном дореволюционном кругу России в качестве дружески-непринуждённого обращения, и 5. Лубочная переводная Повесть о Бове королевиче XVIII века.

Начиная с XVIII века, в помещичий быт России вошёл французский язык и, соответственно, личные имена, когда Иван стал Жаном, Степан – Этьеном, Мария – Мимй, Евпраксия – Зизй и т.д. Эти антропонимы, наряду с французскими аппелятивами, выступали также в качестве кличек модных в XVIII веке маленьких собак породы болонок и левреток, среди которых **Жужу** (joujou – фр. игрушка), **Бибй** (Bibi – имя), **Бижу** (bijou – драгоценность), **Зизй** (Zizi – имя), **Жолй** (joli – хорошенький), **Амй** (amie – друг), **Шерй** (cherie – дорогой). **Тотё** (Тото – имя), а также **Кокё** (Coco – имя), **Фифй** (Fifi – имя) и особенно частое **Мимй** (Mimi – имя). Последние три пользуются и в настоящее время большой популярностью и занимают 10-ое, 43-ое и 141-ое места соответственно среди 25.000 самых любимых и модных каниснимов за рубежом. Многие из этих имён

носили болонки и леврётки Екатерины II; любимую собачку звали Мимí.

Чужеземные каниснимы с окончаниями «и», «у» и «о» скоро подверглись руссификации, приняв в конце слова уменьшительные национальные суффиксы «шка» и «тка» (по образцу Машу-тка, Федю-шка) и французские клички собак стали звучать как *Жужушка*, *Жужутка*, *Бибíшка*, *Бижушка*, *Мимíшка*, *Амíшка* и т.д. Канисним *Жужу*, по парадигме *Жужу-Жужушка-Жушка* не замедлил трансформироваться в самую популярную кличку *Жучка* с некоторым изменением фонетического облика слова в результате а) гаплогонии – упрощения слова, при котором опускается один из соседних слогов, в данном случае «жу», и б) народной этимологии от русского ащелятива «жук», «жучок».

В результате гаплогонии же кличка *Бибíшка* (так звали собаку Г.Р. Державина, русского поэта XVIII века) приняла форму *Бíшка* или *Пíшка*, её пары. Гипотетически канисним *Бижушка*, утратив слог «жу», также превратился в кличку *Бишка*, которую носил любимый всеми цирковой пёсик *дедушки Дурова*.

Русификация кличек *Амí* и *Мимí* проходила подобным же образом по линии упрощения слова – отпадения начальной гласной «а» в имени *Амишка* и опущения соседнего повторительного слога «ми» в кличке *Мимíшка*, в результате чего одинаковые основы слов, слившись, дали русский канисним *Мíшка*. Кличку *Мíшка* носила любимая собака *Корнея Чуковского*. Встречается она и сейчас в России, и в семьях русской эмиграции, а также у зарубежных старообрядцев, но ассоциируется либо с деминутивом от *Михаил*, либо с ласкательным табуистическим названием медведя.

Кличка *Фифíшка*, претерпев гаплогоническое изменение, бытует в русском языке как *Фíшка*, а канисним *Жолí* через форму *Жолька* модифицировался в прозвищные имена *Жулька* и *Жулик* в результате опоры нерусского слова на фонетическое случайное сходство в корне русского языка, в данном случае, «жулик». Кличка *Жулька* до недавнего времени была широко распространена в Подмосковье.

Две иноязычные формы кличек с окончанием «о», *Тотó* и *Кокó*, – деминутивы от ряда французских антропонимов, – остались за бортом русификации в XVIII–XIX веках и популяризовались в русские каниснимы *Тотóша* и *Кокóша* только в 30-х годах нашего века, когда *Корней Чуковский* ввёл эти деминутивы в свою детскую сказку «Крокодил». Встречалось в XVIII–XIX вв. в дворянских кругах и собачье имя *Тутý* (от фр. *Tutu* – «ты-ты»), которое трансформировалось в русскую форму *Тутик*, но это прозвище не из ряда самых популярных. Кличка Туту встречалась в книгах для детей графини Сегюр, урождённой Растопчиной (1799–1874). В 70-х годах в Париже появился новый топоним: *улица графини Сегюр*.

Однако среди высшего класса российской аристократии XIX–XX вв., включая и царские семьи, *не Франция, а Англия* стала моделью подражания в быту. Отразила этот стиль жизни и канисника, когда самыми типичными кличками для фоксов, а также сенбернаров, доберман-пинчеров, кокер-спаниелей и других модных пород собак, пришедших на смену болопкам, стали английские. Среди них типичными были заимствованные от аншелятивов, таких, как *Джой* (*joy* – англ. радость), *Дэзи* (*daisy* – ромашка), *Леди* (*lady* – леди) и других, а также деминутивов *Джек* (*Jack*), *Джим* (*Jim*), *Бобби* (*Bobby*), *Тоби* (*Toby*) и полных личных имён *Диана*(ка) (*Diana*), *Ральф* (*Rolf*) и других. Собачек цесаревича Алексея, последнего наследника русского престола, и его сестры, Великой княжны Анастасии, звали Джой и Джэни.

Канисним **Бобби** так же, как и антропоним **Бобби**, – деминутив одного из самых распространённых до нашего времени в англоязычных странах имени **Роберт** (*Robert*), – был всегда популярен в Англии и занимает там сейчас 128-ое место среди 25.000 самых любимых и модных прозвищных имён собак. В России форма этой клички последовала модели образования русских сокращённых при помощи продуктивного суффикса «ик» (дом-ик, стол-ик) и, несущественно изменив фонетический облик, приняла форму Бобик.

Русская кличка **Тббик** прошла подобную же модификацию. Английское прозвищное имя **Тбби** от антропонима **Тобáйес** (Tobias), широко употребляемого с XIII по XVIII в., но затем резко сдавшего свои позиции, известна в Англии как канисним со времён Средневековья и связано с историей народного кукольного театра *Панч и Джуди* (Punch and Judy) – эквивалента русского Петрушки, где одним из артистов был пёс Тоби, который танцевал в представлениях менуэт с дрессированной свинкой. Канисним Тоби занимает сейчас 32-ое место среди 25.000 кличек первого ряда в англоязычных странах.

Прежде чем перейти к анализу клички *Трезёр* (от фр. *tresor* и англ. *treasure* от латинского *thesaurus* – сокровище, при греческом языке-источнике), необходимо заметить, что многие отаппелятивные иностранные клички собак семантически сходны и обозначают что-то первостепенное, необычайно дорогое в жизни владельца. Как прозвищное имя собаки, *Трезор* – изолированный компонент словосочетания популярной формы каниснимов, существующих сейчас в англоязычных странах. По существующим правилам в США, например, можно дать своему питомцу любую одно- или многоосновную кличку с условием, что она не превышает двадцати пяти букв. Среди разных форм комбинаций из нескольких слов *есть одна*, широко употребляемая, которую теперь очень медленно начинают вводить в обиход России, типа «Наша дорогая Дэйзи» (Our dear Daisy), «Мой любимый Тоби Джонсон» (My beloved Toby Johnson), «Наше сокровище Бонни Смит» (Our treasure Bonnie Smith) и т.д. Слово «сокровище» из последней комбинации и послужило основой для рождения русской клички *Трезёр*.

Оригинально происхождение каниснимов, связанных с названиями фигур и мастей игральных карт, проникших в Россию с Запада в XVII веке. Первый из них, *Тузик*, принял суффикс «ик» в слове «туз» – старшей, главной карты, попав в Россию в форме *tux* через польский язык-посредник из *dús* (два, двойка) народной латыни, языка-источника. Вполне возможно, что кличка *Тузик* семантически пополнилась и

калькой с французского *as* и английского *ace* – туз, которая как ранее, так и сейчас используется в качестве каниснимов в этих странах. Трёхосновная кличка *Эйс оф Спейдз* (*Ace of Spades*) – *пиковый туз* – особенно популярна, и недавно пёс, носящий это имя, был удостоен звания Собаки-героя и награждён золотой медалью за спасение детей своего хозяина при пожаре.

От карточных же терминов ведут своё начало и русские собачьи имена *Валёт, Треф, Дамка, Розка и Пальма*. Интересно, что первичный смысл и исходное происхождение клички Валёт (Валёткой звали собаку Ермолая из «Записок охотника» Тургенева) связано не с карточным термином, а с аппелятивом «валёт» (*valet*), что значит «слуга» по-французски и по-английски (язык-источник – латынь). Подтверждается это тем, что в русском языке в дрессуре собак укоренился ошибочный целевой приказ «*служи!*..», вместо правильного «*проси!*..», как в английском языке. Это доказывает, что канисним *Валет* первоначально был кличкой-вывеской, указывающей на то, что собака – слуга своего владельца.

Канисним Треф вероятно ведёт начало от немецкого *treff*, восходящего к французскому в значении «клевер» (язык-источник – греческий). А кличка *Дамка*, если учесть, что в давние времена её давали черно-белым пятнистым собакам, по осторожной гипотезе возникла от немецкого слова *Dambrett* – *шашечная доска*, с корнем которой, *dam*, связано и название «дама» в игральных картах.

Этимология и семантика старинного каниснима *Розка*, известного ещё с XVIII века и широко употребляемого теперь, особенно в Сибири, – не от антропонима *Роза* или аппелятива «роза» (цветок), а от «розовый» – названия цветкового обозначения. История названий карточных мастей подводит к выдвинутой следующей этимологической догадке: известно, что в XVIII веке карты масти черви назывались «роза» – калькой с французского *sœur, rouge* (сердце, красное, розовое) и немецкого *Hérzen, Rot* (красное, розовое сердце). Напрашивается предположение, что отдельную карту масти черви игроки в просторечии называли «розовая», «розка» с субзначением

«сердце», а затем стали использовать в качестве каниснима, ассоциируя близость собаки человеческому сердцу.

Прямое отношение к карточным терминам прослеживается при анализе *прозвищного имени Пальма*. Английский глагол to palm (от лат. palm, ладонь) имел в XVIII-XIX веках, кроме прочих производных, значения 1. прятать карты в руке, то есть мошенничать, и 2. гладить, поглаживать кого-то, что-то. Со временем глагол to palm после отпадения конечного сонанта «м», модифицируется в слэнге английских цыган в два этимологических дублета: аппелятив «пэл» (pal), который в значении «любимчик» был заимствован как калька в русский язык лет двадцать пять назад, и канисним *Пэл* (Pal) в значении «*другок, друг*» – один из самых популярных, стоящий на 99-м месте в англоязычных странах сегодня. Гипотетически *русский канисним Пальма* ведёт своё начало от английского *Пэл*, где передаётся только внешняя, звуковая форма слова при участии других производных слова-источника, таких, как palmerу (превосходный, заслуживающий пальму первенства), palmer (паломник) и Палмерстон (Palmerston) – фамилия британского государственного деятеля XIX века. Эти три слова когда-то служили в британской метрополии каниснимами, а попав в Россию, трансформировались в кличку *Пальма*.

На фоне всех аспектов семантики и этимологии традиционных русских каниснимов заслуживает особого внимания происхождение *кличек Шарик и Другок*, которые утратили свои этимологические связи. Вероятнее всего, прозвищное имя Шарик связано своим происхождением с кличкой *Шери, Шерка, Шерочка* от chère из французского словосочетания *chère ami* и не имеет никакого отношения к русскому аппелятиву «Шарик» от «шар». Некоторое подобие аналогичного явления есть в антропонимике и зоонимике англоязычных стран, когда из французского *bonne amie* выделился компонент *Bonnie* (милый, хороший), который, приобретя английское окончание ie или u, стал самостоятельно употребляться в наше время в США и других англоязычных странах как антропоним, канисним, фелисним и эквусним. Канисним *Бонни*

стоит сейчас на 109-м месте среди 25.000 самых любимых в Англии.

Гипотеза о происхождении клички *Шáрик* от французского Шéри основывается, среди прочего, и на том, что форма каниснима Шери лишена родового окончания, что характерно для французских кличек типа Жужу́, Бибí, Бижу́, Мимí, Шерí и т.д. и образованных от них кличек Жучка, Бишка, Мишка. Фíшка, Шéрка и др. для наименования собак как женского, так и мужского пола, где окончание «ка» не является указателем женского рода, тогда как во всех славянских языках пол животного и почти всегда его кличка определяется грамматическим окончанием. Это видно даже в каниснимах иноязычного происхождения – Трезóр (м. р.), но Трезóрка (ж. р.). Валéт (м. р.), но Валéтка (ж. р.), Треф и Трэфка, Пирáт и Пирáтка и т.д. Кличка Шерка и её производные (крошечную белоснежную болонку Н. С. Лескова звали Шéрочка) начали активизироваться в России в определённый период XIX века, и нетрудно предположить, что если собака была мужского пола, что и хотел подчеркнуть владелец, то её сначала называли *Шерик* (по образцу Бобик-Тобик-Тузик), а затем, в результате фонетической субституции форма *Шерик* быстро подогналась под отечественное *Шáрик*. Продолжение изучения вопроса сегодня показывает, что в ту же орбиту модификаций от французского *chère*, а не от уменьшительной формы антропонима Александр, вливается и история зоонима *Шурик*, который широко используется в качестве фелиснима, *имени котов*, в России сегодняшнего дня.

Анализ национального каниснима *Дружок* также вызывает сомнения относительно своего русского происхождения от русского аппелятива «друг». Вероятнее всего его этимология связана с калькированием как английского *Пэл*, так и французского *Ами́*: оба слова означают «дружок», где участвует не внешний звуковой облик слова, а его семантика на родном языке, то есть внутренняя форма. В старорусском языке уменьшительное от «друг», типа *Другóня*, *Другóнька*, *Другóшка*, *давались*, как клички, *лошадям и коровам* и живут в этом употреблении у русских старообрядцев до сего времени в США, но

собакам они не даются. В этом заложен и некий социальный смысл: «другом» для рядового небогатого жителя мог быть только кормилец, то есть лошадь, корова или другие «продуктивные» домашние животные, а собака имела лишь утилитарное значение и выступала либо в роли сторожа дома, либо как игрушка для детей, частью их жизни. Характерно то, что клички собакам у американских старообрядцев из России дают дети, «как велось спокон веку», по утверждению стариков.

Важно отметить, что Дружок, как кличка собаки, так же как Шарик, Түзик, Бóбик, Тóбик и все проанализированные выше, за исключением прозвищных имён Жучка и Полкан, не упоминаются ни в одном словаре русского литературного языка, включая Дáля и Фáсмера, по многим, вероятно, причинам. Сомнения в происхождении клички Дружок от славянского «друг» ещё более возрастают при анализе лубочной переводной старорусской *Повести о Бове королевиче* (литературный источник – повесть на французском языке XII–XIII вв.; литературные посредники – итальянский, сербский и белорусский варианты XVI–XVII вв.). Здесь супругу Бовы называют в русском варианте сначала *Дружнёна*, а потом *Дружнёвна*, модифицируя франко-итальянский антропоним *Друзиана* (*Drusiana*) на языке оригинала, где корень этого имени связан случайным созвучием с русским аппелятивом «друг».

Два последних каниснима первой десятки, *Полкан* и *Салтан*, также заимствованы из *Повести о Бове*. *Полкан* происходит от итальянского *Pulicane*, а *Салтан* – от арабо-турецкого «султан» в значении «господин». Кличка Барбос, по исследованию В. Кипарского, стала употребляться в России в качестве каниснима после появления в России XVII–XVIII вв. старорусского переводного романа «*Барбос – разбойник гишпанский*», а прозвищное имя *Пират* вошло в состав русских кличек не ранее XVIII века, когда само слово было введено в лексику родного языка Феофаном Прокоповичем из немецкого путём прямого заимствования.

Мне неоднократно задавали вопрос: а как же звали на Руси собак до появления Жучек, Шариков, Тобииков и т.д.? Вопрос этот был бы сложен, не изучай автор древней литературы и имен собак и кошек у старообрядцев США, покинувших, как помнит читатель, Россию в XVI–XVII вв. до появления тех же Бобиков и Трезоров. Собак в те давние времена прозывали именами животных, домашних и диких, и зоонимы Медведко, Волчек, Лиска, Зайка, Барсук, Хорёк, Горностайка, Белка нет-нет да и встречаются и по сей день у собак в Сибири и, вероятно, в других местах России. Часто давали клички собакам и по цвету их шерсти: Пестря, Черня, Белянка, Рыжка, Арап и Арапка, Мавр и Мавра (псы черного цвета) – не так уж редки они и в настоящее время. Должна добавить, что такие клички собак, как Жучка и Полкан впоследствии перешли в имена нарицательные, что означало просто «собака». У Пушкина, как все помнят, есть строки:

*Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в копя преобразив.*

Здесь «жучка» пишется поэтом с маленькой буквы, как аппелятив. Полкан же в значении просто «собака», также фигурирует на страницах произведений некоторых русских писателей.

Интеграция иностранных каниснимов в неизменяемой оригинальной или русифицированной форме с окончанием «ик» не прерывается в России и по сей день. Так английская кличка Чарли, вошедшая в моду в США в 60-х годах после выхода в свет повести «Путешествие с Чарли в поисках Америки» Джона Стейнбека, тут же проникла в СССР и заимствовалась, приняв традиционную форму Чарлик. Среди клубных собак особенно часты клички Чарли, Том, Тим, Джордж, Тоби, Шери и прочие, наряду с Чарлик, Томик, Тимик, Джорджик, а также другие со ставшим традиционным для русских каниснимов окончанием «ик».

Заимствованные каниснимы часто претерпевают лингвистические трудности в сохранении своих фонетических, грамматических и семантических форм в стране-приемнике. Так семья из Москвы в Нью-Йорке назвала свою собачку модным сейчас в США именем *Тиффани* (в переносном значении «сокровище»), но дети в семье зовут её *Тифка*, а все окружающие в Москве – *Тиска*, полагая, что это уменьшительное от русского Тихон. Второй случай касается личного эксперимента, когда по моему совету карликового пуделя в американской семье назвали *Пудик*. Имя распространяется, входит в моду в округе, но все уверены, что *Пудик* – от «пудель», породы собаки, и зовут её *Пуди* или сокращённо ласкательно *Пуд*. На самом деле прозвищное это имя заимствовано из сказки Горького «*Воробьишко*», которая начинается словами «Жил-был воробей, звали его *Пудик*».

Итак, в процессе фонетического, словообразовательного и семантического анализа наиболее традиционных русских каниснимов в тесной связи с экстралингвистическими факторами обнаруживается их изначальная чужеродность, которую можно обосновать, подкрепив свои соображения необходимой аргументацией.

На этом заканчивается доклад в Хельсинки в августе 1990 года. В связи с ограничением размера текста и времени, за бортом осталось много невысказанных фактов, о которых впоследствии пойдёт речь.

В свете того, что, как упоминалось в начале доклада, употребление русских имён в качестве зоонимов теперь в центре моды США и Запада, встаёт вопрос: почему? Что этому способствовало? Уж не то ли, что русские каниснимы, фелиснимы и эквуснимы были завезены в другие страны эмигрантами после войн и революций, а затем проникли в среду иностранцев? Вот что говорят по этому поводу бывшие российские граждане «третьего возраста», то есть те, по американской терминологии, кому далеко за восемьдесят, проведшие большую часть своей жизни в рассеянии всего мира.

– Хотелось иногда хоть как-то вспомнить Россию, хоть собачку в доме назвать по-русски, но не удавалось этого, потому что дети и внуки уже были иностранцами, на родном языке говорили неважно, а главное, не чувствовали его и поэтому пушистых своих питомцев называли так же как в семьях коренных жителей страны, – рассказывает 96-летняя мадам N, прожившая многие десятилетия в разных городах Европы. И далее:

«Во Франции, например, чтобы не забывать престоно-родных русских Жучек (парадоксально, что никто, кроме М. Фасмера, так никогда и не догадался, что «русская» кличка эта – от французского Жу-жу! – А.К.), давали щенкам кличку Жукі или Жучи, а из чисто русских прозвищ было только одно – *Гришка*, по злому гению царского двора *Григорию Распутину*. Это собачье имя было привезено из России: так в самые последние годы царствования государя Николая Александровича Второго стали называть злых псов в высшего класса семьях. Были, помню, в Париже среди собак и кошек также клички *Мек* и *Морфесси*, в память *Надежды Филаретовны фон Мекк*, корреспондентки и друга Чайковского, и знаменитого эстрадного певца *Юрия Морфесси*, но это ведь фамилии иностранного происхождения... А чисто русских кличек нет, не было.»

Есть интересное явление, которое я охарактеризовала бы как закон антропонима-бумеранга, входящее в полное противоречие с утверждением некоторых именологов о том, что некоторые положения в ономастике не должны ни в коем случае приобретать политическую окраску. Реальные факты убедительно доказывают, что иногда без этого обойтись невозможно.

Спустя 30 лет после ждановщины, когда Россию 40–50-х годов затопило поветрие на унижение всего иностранного, в том числе и на мужские деминутивы типа Эдик, Рудик и им подобные, которые стали называться «собачьими именами», в США и в Европе, совершенно независимо от истории СССР и параллели к российским событиям тех лет, начала,

по причине пока неизвестной, расти и шириться повальная мода давать декоративным домашним животным, включая птиц, русские антропонимы (это касается большей частью мужских имён) и, например, собак обоего пола с кличками *Борис, Игорь, Юрий, Сергей, Дмитрий, Николай, Михаил, Андрей, Саша, Миша, Гриша, Дима, Наташа, Надя, Аня* и прочими можно найти в любом микрорайоне любого города всех штатов США.

В Америке сейчас модны антропонимы всех народов земного шара, но обычай называть домашних любимцев именно русскими именами принял настолько массовый характер, что кое-кто из аборигенов уже начинает относиться к ним как к «собачьим» и не желает давать своему ребёнку ни одного из категории вышеназванных.

Анализируя же чисто политическое отношение к зарубежным именам эпохи ждановщины 40-х гг. и, как аналог, теперешнее положение иноязычного зоонимикона за пределами России, становится ясно, что неприязненное отношение к «чужому» имени в большинстве случаев бьёт по закону антропонима-бумеранга, разрушает антропонимический баланс и нарушает основу здоровой социальной среды, где любое имя, фамилия или название, по Замыслу Высшему, – суть Сладостный Дар.

Итак, краткий обзор имен собак завершен (пока!). Да простит меня читатель, но я хочу еще раз предупредить, что данный очерк – не краткое содержание одной из глав книги «Сладостный дар», выпуск первый 1990 года, предназначенный для тех, кто занимается ономастикой профессионально, а сжатый пересказ написанного о кличках собак, доступный читателю, которому не знакомы ономастические термины. Добавлю, что в первом выпуске книги «Сладостный дар» автор называет собачьи имена словом **к а н и с н и м ы** (от латинского «кάνис» – «собака» и греческого «онίμα» – имя, название), хотя в официальной зоонимике русского языка они носят название **к и н о н и м ы**. Сделано это для того, чтобы читатель не путал имена собак с искусством кино, и, вообще, кажется мне это наиболее правильным.

Далее последует скромная попытка автора начать рассказ о **ф е л и с н и м а х**, как по латыни называются клички других наших домашних друзей – кошек.

В США не возбраняется присутствие собак в сопровождении своих владельцев в общественных местах за исключением ресторанов, больниц и прочих учреждений, где должны соблюдаться строгие правила гигиены.

Доклад прочитанный на Всемирном Ономастическом Конгрессе в Хельсинки, Финляндия, в августе 1990 года.

НАШИ ЛЮБИМЫЕ ДОМАШНИЕ ЗВЕРЯТА И ИХ ИМЕНА

В Малайзии находится *город Кучинг*. Кучинг на малайзийском языке значит «кошка». Почему этот город так называется – потонуло в веках, но в *центре его – памятник кошке, символу города*.

А во французском городке Риэн открылся единственный в своем роде музей кошек. Там собрано его основателями, супругами Мюллер, более двадцати тысяч экспонатов, рассказывающих о жизни этих животных на протяжении тысячелетий. В музее собраны также орнаменты, шкатулки, марки, игрушки, книги с баснями и сказками, посвященными кошкам, сервизы, одежда, белье и все прочее с изображениями этих любимых нами домашних животных. Там же экспонируется на большом портрете самый толстый кот в мире по имени *Тидлс*, ему двадцать лет и весит он 22 килограмма 64 грамма.

В музее продаются и духи, а также туалетная вода для кошек в аэрозольной упаковке, при этом рекомендуются самые разные виды этой необычной косметики для всех видов этих пушистых зверьков: для короткошерстных – одни, для длинношерстных – другие и так далее.

*Мури-мури-мури-муррр!
Жил на свете кот Мурмур
В рыбжаренном дворце,
На масляном острове,
В океане из сметаны, –
Фаршированном мышами.
Там ветчинные диваны,
С неба падают котлеты,
И всегда лежанки греты.
И на этом острове
Уголок готов и мне.*

Я сидела в гостях у своей приятельницы в Иерусалиме, а она читала мне свои стихи, посвященные своему любимому коту *Илбике*, которого все соседи-израильтяне звали *Мурмуром*.

– Илюшка – необыкновенный кот, – рассказывала мне приятельница. – Вы думаете, где он сейчас? Шляется по помойкам. А зачем?

И я узнаю необыкновенную вещь. Оказывается, *каждое утро Илюшка отправляется во всякие значимые места и в пасти приносит своей хозяйке... подкидышей. Брошенных котят.*

– Он не только приносит мне подкидышей, – продолжала Етта, – *он их нянчит! Зализывает им ранки, переносит в комнате туда, где теплее, кормит из своего рта!*

Кот! Не мама-кошка, а папа-кот нянчит детей, да не своих, а чужих!

В России к кошкам относились по-разному. О мужьях в средней России говорили так: «Если он кошек любит, то и жену будет любить». Кошка в доме считалась непременной принадлежностью, это осталось во многих сельских местностях до сих пор. «Дом без кошки – не дом», – говорят и сейчас в некоторых крестьянских домах средней России. В песнях, которые пели у колыбели младенцев, почти всегда упоминался кот Баюн: «*Придет sereneкий коток, схватит Ваню за бочок*», – пели бабушки внукам-младенцам, и все народы на нашей земле, в том числе и русский, верили что котики способны павевать сон. «*Котá зовут почевать – ребёночка качать*» – так поется в какой-то народной песне, а в награду котуку готовят то молочка, то пирожка, а иногда даже обещают ему то «лапки вызолотить, то хвостик высеребрить». Вышеупомянутой *кот Баюн*, рассказывающий сказки, всем известный «*кот ученый*», который «*все ходит по цепи кругом*», упомянут Пушкиным в прологе поэмы «*Руслан и Людмила*».

Кошки стали членами человеческого очага на пять тысяч лет позже собак, три тысячи пятьсот лет назад до нашей эры. Древние египтяне боготворили их, убийство кошек считалось уголовным преступлением, а после естественной кончины этого маленького животного его труп бальзамировали. На

кладбище Бенни Хасан в Египте в 1800 году *археологи нашли триста тысяч мумифицированных кошек*. По представлению древних египтян кошки защищали человека от злых духов, а глаза их, отражая солнце, оберегали человека от таинственной ночной темноты. Там же, в Древнем Египте, родилась у женщин мода обводить глаза черным в подражание глазам кошек. Этой моде следуют сейчас многие женщины земного шара. *Египтяне же первыми заметили особую изысканность кошачьего племени* и, возведя их в особое достоинство, украшали этих маленьких «тигрят» драгоценностями, а богине плодородия по имени *Бастет* придали образ кошки, чтобы отметить обильное потомство последних.

В США кошки попали довольно поздно – в 1600 году, но сразу же о них начали слагать легенды и перенимать сказания у других народов. Так, в Америке есть деревья, на которых весной появляются почки, похожие на кошачьи лапки. Биологическое название дерева «*Кошачьи лапки*» появилось после того, как в Америку проникла легенда из Польши. Сказание говорит, что некая кошечка горько плакала, сидя у пруда, когда какой-то злой человек бросил в воду ее котят, чтобы утопить их. Услышало дерево на берегу горький плач кошки и простерло свои ветви в глубь воды, где котята отчаянно боролись за свою жизнь, что помогло малюткам уцепиться за ветви и выбраться на берег. И вот с тех пор на кустах и многих деревьях весной появляются почки, похожие на кошачьи лапки.

Древние народы тоже не обошли вниманием наших пушистых любимчиков. Одна из легенд о кошках (а их во всем мире гораздо больше, чем о собаках) гласит, что младенец *Христос* никак не мог уснуть в овечьих яслях, где он родился, и его не мог успокоить ни ослик, ни преданная Марии и Иосифу собака, и только когда в ясли забралась кошечка хозяев гостиницы, *Вооза* и *Рүфи*, и начала свое нежное мурлыканье, малютка *Христос* тут же погрузился в глубокий сон. Ну как тут не вспомнить русского *кота Баюна*? И вот с тех пор, говорит легенда, вы найдете на лбу у всех кошек знак «М» как символ благодарности *Мадонны* (то есть *Богородицы*) этим маленьким существам.

Однако, увы, из песни слова не выкинешь: определенное население многих стран, в том числе и русский народ, в большом долгу перед кошками, особенно черными, так как в старину верили, что черные кошки приносят несчастье, и уничтожали их, часто предавая мученической гибели. Я и сама грешна перед черными кошечками, ибо когда мне было лет одиннадцать, я испытывала необъяснимый страх перед кошкой, атласно-воронова крыла окраса, сидящей на подоконнике черного хода нашей огромной московской коммуналки. Кошка была небольшая, очень худенькая и смотрела на меня неотступно своими огромными зелеными глазами, когда я после школы поднималась по лестнице в нашу квартиру. Страх мой не был безотчетен – из рассказов бабушки и тети Вари я знала, что в их деревне в старину, перед Госножинками (время конца жатвы) черных конек по языческому обычаю бросали в огонь живыми, и я была уверена, что моя черненькая кошечка на подоконнике как бы ищет повода, чтобы отомстить мне за жестокость предков.

А повзрослев, я с благодарностью думаю о своем прадеде, ямщике и московском извозчике, который дрался с теми, кто топил котят и собачат, и о руководительницах в детском саду, давших мне прозвище «*Мурлыкалка*» за нежное урчание при общении с милыми сердцу людьми. Может быть, в прошлой жизни я была кошкой... Никогда не забуду я и кошечку *свою*, *Малютку Скуратову*. Малютка Скуратова получила свою кличку за безоговорочную преданность мне и маме. А преданность эта выражалась в том, что зверек крал на кухне селедочные головки у соседки и приносил их к нашим ногам, точно так же, как опричники царя Грозного Ивана Васильевича определяли число недругов своего владыки по снесенным ими головам. И чем больше голов они сносили с плеч, тем большую награду получали от своего старшего *Малюты Скуратова*. Моя драгоценная кошечка *Малютка Скуратова закончила свою крошечную жизнь героически, выбросившись из окна, когда решила, что я умерла в больнице*, куда меня, на ее глазах, унесли на носилках. Не доказывает ли этот необыкновенный для животного поступок абсолютно человеческий ум кошек?

Уже не говоря о коте *Илюшке* и *Малютке Скуратовой*, я обязана упомянуть и о случае в Ленинграде, ныне Петербурге. Однажды, гуляя в центре этого города, я зашла в тот двор-колодец, где, по вычислению историков-литературоведов, жил Раскольников. В темной подворотне чуть приоткрылась дверь, откуда выскочила небольшая кошечка, и тут же разда-лось:

– Ну, Мária, смотри у меня! Последнее делаю тебе пред-упреждение! – из полузакрытой двери раздался голос и высунулась изможденная пожилая женщина. – Если в одиннадцать ноль-ноль не поцарапаешься в дверь, свет потушу и спать лягу, а ты уж сама как хочешь!

А потом, взглянув на меня, прибавила:

– Пенсионерка я, кроме Марьи – никого. Одних уж нет, а те далече. Подруги все давно ушли на тот свет, жених в войну от голода прямо у станка помер... Блокадница я, медсестра...

Не раз слышала я рассказы подобно этому, но здесь замер-ла от жалости и ужаса.

– Теперь Мária самая моя закадычная, – продолжала жен-щина. – Кошка она и есть кошка, а эта такая умная, что расска-зать кому – никто не поверит. Придет ведь в одиннадцать ноль-ноль, как ей велено, как пить дать придет. Не верите? Заходите завтра, всю правду скажу, соседка не даст соврать.

Из любопытства я постучалась на следующий день. Умница Мária вернулась домой ровно с точностью до одной минуты в назначенное ей хозяйкой время.

А уж то, что кошки поступают иногда как человек, знают многие, в том числе и я, ибо сами были свидетелями того, как эти пушистые комочки, когда их мучает жажда, вспрыгивают на раковину, открывают лапкой кран и, наклонив головку вбок, точно как люди, пьют из водопровода, а потом закрывают воду той же лапкой. Умеют эти существа и пользоваться уборной, спуская за собой воду, а котик моей американской племянницы в США, зовут его *Тутлз*, приходя домой после гулянья, вскаки-вает на толстую веревку, прикрепленную к стене у двери, заби-рается по ней, как скалолаз, наверх, нажимает кнопку звонка и ждет, когда ему отворят дверь.

То, что кошки могут быть не менее верными друзьями человека, чем собаки, доказано на множестве примеров. Но к кошкам, как к трудным детям, нужны особый подход и талантливым воспитатель. Подвести манеру их поведения под какую-то схему невозможно, так как эти создания напоминают неординарных детей с нестандартной психикой, и подход к ним должен быть таким же особенным, с учетом оригинальности их поведения и, вероятно, генического мышления. Но то, что у них свой тайный, понятный только им мир, не поддается сомнению, стоит только посмотреть на их таинственно горящие, особенно в ночи, глаза-фонарики, чтобы удостовериться в том, что они видят то, чего не видит человек.

Многие великие люди любили кошек особенной любовью. Пророк Магомёт как-то отрезал очень длинный рукав своего халата, сотканного из драгоценных нитей, чтобы не потревожить спящую на нем кошку; в древней Британии тысячу лет назад уэльский правитель *Хуэлл Гуд* (т.е. «хороший»), издал закон, по которому объявлялось суровое наказание тому, кто убил или даже обидел кошку. История знает многих великих зарубежных знаменитостей из тех, кто с особым почтением и даже преклономением относился к этим маленьким зверькам, как бы чувствуя, что эти теплые создания живут в своем особом, таинственном мире. Вот пример: сэр *Томас Грей*, автор элегии «Уж вечер, облаков померкнули края», считающейся одним из шедевров мировой поэзии, включенным Петром Ильичом Чайковским в либретто своей оперы «Пиковая дама», а также *Доктор Джонсон* – знаменитый составитель словаря английского языка, *Чарльз Диккенс*, прекрасные писательницы Англии XVIII века *сестры Бронте*... – все они, а их не перечесть, восхищались нашими прелестными домашними зверьками.

Знаменитый на весь мир доктор Джонсон каждое утро выбегал в близлежащую рыбную лавку, чтобы кунить своим маленьким «тигрятам» свежих устриц, не пропустив ни одного дня в своей жизни. Обожал котов *Томас Эллиот*, знаменитый английский поэт XX века, написавший трогательную эпитафию (надпись на могильном памятнике) своей любимой *кошке*

по имени Селіма. С этим поэтом мы еще встретимся на страницах этого очерка.

Русские писатели тоже не обошли кошек своим дружеским вниманием. Писательница-юмористка *Надежда Тэффи* судила о людях по их отношению к кошкам. Она считала этих малюток-животных умными, добрыми и чуткими. Когда у писательницы болела голова или что-нибудь еще, ее кошечка, чувствуя это, тут же вытягивалась у виска лежащей писательницы, грея этот висок своим необычным теплом, и боль скоро проходила. *Тэффи* слагала о кошках стихи и длинные поэмы и среди ее героев были кошачьи *Ромео* и *Джюльетта*, *Тристан* и *Изольда*, *Филимон* и *Бавкида* и прочие, преданные друг другу в любви кошачьи существа. Эмигрантский писатель *Илья Сургуев*, который прославился тем, что еще до революции написал пьесу «Осенние скрипки», с огромным успехом ставившуюся на сцене Художественного театра в Москве, ходил по Парижу с карманами, набитыми хлебом с маслом и кусочками колбасы, подкармливая встречающихся ему голодных бездомных кошек. Очень любил кошек *В.И. Ленин*, его воспитанницу звали *Женька*, так как она была найдена у дверей квартиры *Ленина* и *Крупской* в день *Евгении*, 6 января, когда супруги жили в *Женеве*. Обожал племя этих зверьков и советский писатель *Виктор Некрасов* и даже написал о них довольно большой очерк, с любовью упоминая своих маленьких сереньких котят по именам *Нинель* (*Ленин* наоборот), *Толя* (в честь *Анатолия Васильевича Луначарского*) и *Надя* (в память *Надежды Константиновны Крупской*).

Однако самым большим пристрастием к кошкам прославился знаменитый американский писатель *Эрнест Хемингуэй*. Его дом, ныне музей в *Кейп Кóде*, городке южного штата *Флорида*, США, до сих пор изобилует несколькими десятками кошек.

Все, кто интересуется китайским астрологическим гороскопом, знают, что у китайцев есть год *Кошки*, и все рожденные в этом году (он был в 1999-м) изысканны, умны, склонны к альтруизму и любят «ходить сами по себе»...

Однако любимая моя тема как именолога – происхождение прозвищных имен маленьких домашних наших зверят и пора перейти к рассказу о них.

За границей гораздо раньше, чем в России, поняли загадочность кошек, столь разнящихся своим поведением от других живых тварей, пригревшихся у домашнего очага и избравших человеческое жилье своим пристанищем.

Об истории имен кошек в древности известно еще меньше, чем о кличках собак. Человечеству осталось пока неизвестным, как называли и вообще давали ли имена этим крошечным мурлыкалкам древние египтяне. По мнению археологов, египтяне своих воспитанников звали словами *Муу́ау* – звукоподражанием кошачьему языку. Отсюда и пошли в разных языках «м́ау», «мью», «мурр» – звуки, издаваемые нашими любимыми питомцами.

Поэтическое воображение некоторых писателей и поэтов иногда отождествляло независимость котов, их царственную снисходительность к другим зверюшкам-собратьям с гордой толерантностью обнищавших королей к своим подданным. И по мнению поэтов-аристократов, кошачья «самость» этих маленьких древнеегипетских богов должна была воплощаться в особенно эстетных, необычных именах, играющих своеобразную, загадочную роль во взаимоотношениях человека с этим теплым, пушистым существом. Лучшее на эту тему – превосходное стихотворение знаменитого, упомянутого выше, английского поэта Томаса Эллиота (XX век). Привожу его в мастерском переводе русского литератора Якова Бергера:

*Характер кошачьего племени строг,
И вот вам моих наблюдений итог:
Чтоб к ним подойти, подружиться вам с ними, –
Особое дайте им, тайное имя!*

*Кто имени не принимает в расчет,
Позорно не знает, что кот – это кот,
Что кошка нисколько не скот и не крот,
Что в имени звонком нуждается кот.*

Пожалуй, что я удружу вам советом:
 Код в имени кошкином есть под секретом,
 И кот – не собака, и мелет тот вздор,
 Кто вступит без кода с котом в разговор.

И лежа, кот ждет не того у ворот,
 Бульдог – это шавка, а кот – это кот!

Себя покрывать не желая позором,
 Не хочет ни **Фрэнтом** он быть, ни **Дозбором!**

Сторонник особых, единственных квот,
 Полюбит таинственность в имени кот,
 Чтоб было оно недоступно прекрасным,
 Чтоб гласный в нем звук отзывался согласным!

С котами я вас познакомлю такими,
 О каждом из них говорит его имя!!!

Какой ожидает он первой же ласки?
 Чтоб не был записан ни в **Мурки**, ни в **Васьки**,
 Чтоб даже Платоном он греческим не был,
 И в **Джёрджах** и **Джэймсах** он тоже не бегал!

Другое же дело, когда **МУКУСТРА́ПУ**,
КОРКО́ПАТУ жмете вы вежливо лапу!
 И он допотопных не терпит крестин,
 Когда называют его – **АВГУСТ́ИН!**

Кот зверь благородный, он любит, что хором,
КУ́АХО зовут его и **ДЖЕЛЛИО́РУМ**
 Пожалуй, попробовать можно – **БАМБА́ЛА**,
 Увы, в мире кошек имен таких мало.

Но если коту попадете вы в тон,
 Скажите: какой с ним пойдет разговор?

Так будьте же умными сразу же с ними,
И, в дружбу вступая, придумайте имя!

Томас Эллиот посвятил котам не одно стихотворение, называя их такими существующими в действительности или только в его воображении кличками, как **Рамтуг-так**, **Бустофер Джбунз**, **Лондон Дэнди**, **Мунгожерй**, **Румпельштйльцхен** (эта кличка навеяна именем сказочного немецкого карлика), **Аспарагус** (по названию деликатесного овоща), **Скймбел**, **Кот Театральный Аристокот** (вместо Аристократ) и другими.

Как называют кошек и котов в обыденной жизни «простые американцы»? Обратимся к статистике. Ибо для кличек домашних животных каждые пять лет в Соединенных Штатах составляется статистика самых популярных и непопулярных имен. Итак, самые популярные клички для малюток «тигрят» сейчас в США следующие: *Смоуки* (дымок), *Бренди* (коньяк, по цвету шерсти), *Флаффи* (пушистый, то есть Пушок), *Тайгер* (тигренок), *Тибби*, *Тигги*, *Том* (по мужскому имени), а также по антропонимам *Китти* и *Сэм*.

За этими, самыми популярными именами, идут антропонимы *Дженни*, *Полли*, *Сэнди* и так далее. Очень часто встречаются имена из области искусства, литературы, религии, например: **Гамлет**, **Тристрам Шэнди** – имя героя романа того же названия английского писателя **Стёрна**, **Лорд Байрон**, **Козётта**, **Фабрицио**, **Микельанджело**, **Лукреция Борджиа**, **Мария Стюарт**, **Королёва Елизавета** и им подобные.

Читатель заметит, что среди кличек кошек, да и прочих домашних животных, очень часто встречаются антропонимы, то есть имена человека. Среди пособий с именами для домашних животных в США встречается очень много русских имен нарицательных, таких, как *Молоко*, *Кошка*, *Каша*, *Чемодан*, *Фигус*, *Самовар*, *Водка* (кошка с норвом), *Улочка*. Последнее, *Улочка*, заимствована у русских старообрядцев, живущих на Аляске. Само же слово «улочка» – уменьшительное от «ула», как старообрядцы называют улицу. В единичном использовании мне пришлось встретить у хозяев-американцев и кошку по кличке *Чайник*. Кошечку назвали так за не совсем обычное,

несколько ненормальное поведение. Слово «чайник» входит сейчас в состав российских коллоквиализмов, и за рубеж оно проникло с молниеносной быстротой. В одной из американских семей подружилась я и с котом по кличке *Смирнов*, по фамилии популярного когда-то в России изготовителя водки, пользующейся славой за границей до сих пор. А на кладбище, где покоятся любимчики разных семей (есть и такое в США), я набрела на памятник кошечке по прозвищу *Шалунья*.

Если в России считалось, что черная кошка приносит несчастье, то во Франции как раз наоборот. Если вам кто-нибудь дарит черного котенка, то принимающий подарок обязан заплатить за него символическую плату, точно так же, как в России платят монетку за подаренный носовой платок, чтобы не плакать, как утверждает поверье.

Границы мира расширяются, и если с XVIII века в России заимствовали имена домашних воспитанников извне, то есть во Франции, Англии, Германии и т.д., то в конце XX века и по сей день Европа, как видно из вышеупомянутого материала, в некоторых случаях перенимает клички маленьких животных (речь шла о собаках) на нашей с вами родине. Возьмем Францию. Вот примеры кошачьих имен, употребляемых за рубежом в наше время: *Катя, Таня, Саша, Миша, Танюша, Катюша, Борис, Борис, Игорь* и т.д. Самые популярные среди них *Саша, Миша* и прочие с окончанием на «ша». С самого начала употребления кличек с окончанием на «ша» произошел языковой ономастически *комический конфуз*: ведь по-французски слово «ша» значит... «кошка» (*le chat*). И русский литератор **Юрий Лотман**, живший во Франции, объяснял французам имена своих трех сыновей так: **Гри-ша** – **серый кот** (серый по-французски – *gris*), **Ми-ша** (**половина кота**, по-французски *mi* – половина) и **Лё-ша** – **просто «кот»**, так как *le* (le) по-французски – артикль.

Есть, конечно, во **Франции и свои, национальные, клички** кошек. Например, *Брискетта*. Не от этой ли французской клички пошло русское «**брысь!**»? Теперь само по себе слово «брысь» ничего не значит, оно звукоподражательное и употребляется только по отношению к кошке, если хотят, чтоб она кому-то

не мешала и убежала. Возможно, его происхождение ведет свое начало от слова «*брысь*», что значит «*гиена*» по-тюркски. От «брысь» пошла и кошачья кличка *Брыска* в России, ее можно найти в рассказах Чехова, но, насколько мне известно, употребляется эта кличка редко.

Кроме клички *Брискетта*, есть во Франции и кошачьи прозвища *Береніка* (старинное иудейское женское имя), *Пукс*, *Эджси* (русское Евпраксия во французском произношении) и другие кошачьи прозвища по именам и фамилиям знаменитых певиц прошлого. Известно, что кошки часто широко беззвучно открывают рот, что напоминает рот певиц, поэтому во Франции, а потом и в России этим одомашненным существам давали клички *Патти* и *Фодор* (знаменитые французские певицы XIX века).

Иногда в кличках кошек присутствуют и политические насмешки. Так, в Польше, вместе с традиционными польскими именами *Кброль*, *Вбйтек*, *Фйлипп*, кошкам, еще до перестройки, часто давалось имя *Мартровский Доцент*. Подоплека этого прозвища заключалась в том, что в 60–70-х годах прошедшего XX века в Польше звание доцента в институтах и университетах давалось не за научную, а за политическую деятельность, и давалось это звание в марте месяце. Хозяева домашних зверьков хотели подчеркнуть кличками своих питомцев, что их воспитанник обладает большими талантами, чем вышеупомянутые так называемые «доценты», которые не имеют к науке никакого отношения.

Политическая насмешка присутствует и в кошачьем имени *Фанни* – намек на террористку-эсерку *Фанни Каплан*, стрелявшую в 1922 году в Ленина. Даются в Польше и кошачьи зоонимы из русских литературных произведений. Так, жирные, неповоротливые коты получают прозвище *Бегемот*. Эта кличка навеяна романом Булгакова «Мастер и Маргарита». Распространены кошачьи клички *Шатун* и *Буба*. Буба по-польски значит «страшилище», «урод». Буба имеет большое сходство с русской *Бабой Ягой*. Еще совсем недавно можно было встретить в Польше кошек по кличкам *Райка* и *Шайка*, которые скоро воссоединились в *Шайкарайка*, а потом в *Шайкалейка*.

Последнее слово сохранилось и в русском языке. Говоря о польских именах маленьких «тигрят», хочу закончить их обзор следующим: в России с XIX века было известно кошачье имя **Фрэнтик**. Я думаю, что эта кличка имеет отношение как к польскому имени **Францык**, так и к русскому слову «*франт*», означающему человека, любящего подражать последней моде и особенно тщательно следящего за своей внешностью.

Поскольку мое эссе об именах кошек достаточно калейдоскопично, я могу себе позволить свернуть с главной темы о кошках вообще и вернуться к истории прозвищ маленьких «тигрят» на нашей родине, в России. Пользоваться я буду сведениями, полученными от старых российских эмигрантов, осевших во Франции после революции. Эти ценнейшие сведения подарила мне недавно покинувшая наш мир в 105 лет замечательная русская женщина, дочь и жена русского генерала Нина Фёдоровна Буро́ва. Язык ее был столь красочным (она сама была писательницей, врачом, прекрасной художницей и общественной деятельницей), что мне хочется полностью привести ее рассказы обо всем, что касается кличек собак и кошек в дореволюционной России. Итак:

«Мода на прозвища домашних животных в деревне и в городе была, конечно, очень разной. В мое время, а я говорю о последней четверти XIX века, в деревнях среди кошачьего населения были, конечно, *Васьки* и *Машки* (*но ни в коем случае не Мурки*), а у привилегированных россиян, то есть по теперешним понятиям – у богатых людей, клички для собак и кошек брались из русской или иностранной литературы. Собак, я помню, пазывали *Шпóнька* (Гоголь), *Муму́* (Тургенев), а я в своем детстве держала трех всеми любимых песиков *Сáвку*, *Бу́рку* и *Кау́рку*. Затем стали входить в моду и русские имена людей, так у Великой княжны Марии Николаевны, дочери царя Николая II, собачку звали *Сáвва*. А после революции, в эмиграции во Франции, куда и я с детьми в конце концов переехала после долгих и мучительных испытаний вдали от родины, у русских эмигрантов пошла другая мода, связанная с переменной жизни вообще. Кошкам было принято давать

«нежные» имена. В Париже в 1925 году появилась российская эстрадная певица **Йза Крамер**. Самой популярной песенкой Изы была «Люлю, Люлю, я вас люблю». Поэтому вскоре большинство собак и кошек в столице Франции стали носить кличку *Люлю*, и кличка эта живет до сих пор. Почти в то же самое время вошло в моду для зоонимов прозвище *Цербазон*. Сначала так стали называть больших неприветливых и мрачных кошек и собак, а потом уж всех любимчиков подряд. Откуда взялась эта непонятная, не очень красивая кличка? А вот откуда: в то время в парижской эмиграции существовала *московская театральная антреприза Церетели – Базиль – Зон*. Там пели Шаляпин, Кузнецова, Филиппковская и другие русские певцы – знаменитости того времени. Как-то в театре начались неурядицы и молоденькие актрисы, чтобы насолить своим антрепренерам, придумали для чьей-то кошки кличку по первым слогам фамилий своих антрепренеров. Так появилось прозвище *Цербазон*, и не успел никто и глазом моргнуть, как все собаки и кошки Парижа стали откликаться на эту кличку. Это собачье и кошачье имя существует и сейчас в Париже, но происхождение его и история давно и прочно забыты. Было и еще одно интересное русское прозвание для домашних животных в Париже в 20–40-х годах XX века, и корни его тоже в театральном мире России. Кличка эта – **Морфэсси**, по фамилии знаменитого эстрадного певца **Юрия Морфэсси**, которого в России любили все слои населения, включая обитателей царского дома. И у меня тоже была кошка с этим именем. Ну а еще одна кличка – *Мэжк*, давалась только кошкам, ведь она чем-то напоминала кошачье «мяу». Эта кличка обязана своим происхождением фамилии Надежды Филаретовны *фон Мэжк*, богатой женщины, поклонницы и покровительницы Петра Ильича Чайковского, великого нашего композитора. Были семьи, которые хотели сохранить свою «русскость» и поэтому давали своим питомцам как будто русские имена. Называть собак Жучками не желали, видели в этом что-то плебейское (хотя сама кличка Жучка происходит от французского Жу-Жу, о чем уже говорилось выше, но этого, вероятно, тогда никто не знал). Да и для коренных французов произношение клички

Жучка давалось с трудом, поэтому вместо Жучки давали своим любимцам прозвище **Жукі**, с разным ударением, то на «у», то на «и». Точно такому же исправлению подверглась и собачья кличка *Адольф*. До 1939 года этот зооним был очень модным во Франции, но после кровопролития во Второй мировой войне, развязанного Гитлером, всякое воспоминание о фашистском фюрере и его имени было непереносимо, и поэтому кличка сократилась до *Дольфи*.

Что касается кошек, то об их кличках мы знаем еще меньше, чем об именах собак. В детстве русские ребята поют:

*Тра-та-та,
Тра-та-та!
Вышла кошка за кота,
За Котá Котóвича,
За Ива́н Петрóвича.*

Клички Кот Котóвич и Ива́н Петрóвич среди кошек в России никогда не были типичными, хотя, может быть, и существовали. В русских народных сказках котам дается шутовская кличка Котофей Котофенч, но в широком распространении она неизвестна».

Потом мы с Ниной Федоровной перешли на кошачьи имена последней трети XIX и начала XX века и пришли к заключению, что мода, или скорее традиция называть собак и кошек определенными именами вообще резко изменилась. Спросите сейчас у пожилого жителя России, какие были самые популярно кошачьи клички во времена его детства, в годы, скажем, 20-ые, 30-ые и 40-ые. Уверена, что ответ будет однозначен: коты звались *Васьками*, кошки *Мурками*, а кроме того широко бытовали *Фрэнтики*, *Мурзики* и *Барсики*. Однако только на первый взгляд происхождение русских кошачьих имен кажется немудреным. Так, в далеком прошлом, котов в деревне действительно кликали *Васьками*, а кошек – *Машками*, но в городах, ближе к началу XX века (это моя гипотеза) начали встречаться и *Мурки*. Итак, мы подошли к интересной

теме: откуда в России появились Васьки, а затем Мурки? И почему – Васьки, а не Ваньки, Мйшки, Стёпки, Петьки или другие уменьшительные имена от полных мужских имен, бытующих в России и считавшихся русскими, а на самом деле являющимися не русскими, а латинскими, греческими, иудейскими, византийскими и т.д., широко распространенными на Руси после принятия христианства.

Итак, то, что *Васьки* существовали уже во времена баснописца Крылова – достоверно: «А Васька слушает, да ест» («Кот и повар», басня Крылова). Может быть, кличка Васька существовала и до баснописца, но найти ее зафиксированной в докрыловской литературе мне не удалось. Знаменитый лингвист Фасмер сообщает нам, что когда-то, во времена оны, Васьками звались мальчики на побегушках и коты... но выявить мотивы и историю этой кошачьей клички, то есть ее происхождения, он не смог. Пришлось прибегнуть к другим источникам, многое прочитав и послушав, и вот что я выяснила по упоминаниям той же темы в разных российских изданиях прошлого и позапрошлого века и от той же Нины Федоровны Буровой, большого специалиста по лошадям, наездницы, женщины-джигита, ветеринара. Оказывается, при Екатерине II, в XVIII веке, стало уделяться особое внимание разведению *породистых лошадей*. Не вдаваясь в подробности, следует сказать, что эти *породистые лошади выписывались из Италии*, а с лошадьми прибывали и их наездники, и весь обслуживающий персонал, работающий в конюшнях. И вот тут – прошу внимания!!! В большинстве случаев **итальянцы кликали** своих питомцев-лошадей именем **Себастиан**. Русские переняли эту кличку, переделав ее на русский лад и стали называть своих лошадушек **Севастьянами, Савбськами** и всякими производными от этого мужского имени, а затем (обратите внимание на корень этого слова!) **сокращенно Васьками**, а иногда **Сеньками**. И вот пошли по России лошадки Васьки и Сеньки как уменьшительные от Севастьян.

Имя *Сенька*, как нам кажется сегодня, будто бы не прижилось, но вот мой дед, московский извозчик, родившийся в 80-х годах XIX столетия, прекрасно помнил, что у Якова Василье-

вича, его прадеда, ямщика, свидетеля нашествия французов на Москву в 1812 году, лошадей как мужского, так и женского пола по рассказам родных, не забывающих историю своего рода, звали Васьками и Сеньками. Если тщательно проштудировать русскую литературу, особенно ту, где упоминаются лошади, то кличку *Васька* у лошади можно встретить у некоторых писателей, как например у А.И. Эртеля, описывающего конно-заводские заведения, у Лескова, у Чехова, а также у других русских писателей. Конечно, кличка *Васька* не давалась породистым лошадям, а была достоянием лишь простых, рабочих лошадушек.

Клички животных, то есть **зоонимы**, как известно, **переходят с легкостью** от одного вида животных к другому. В США я встречала *собак* с кличками *Кошка*, в России, задолго до революции, прозвания *Кролик* удостаивались породистые лошади, собаки и кошки. *Машками* звались кошки и коровы, *Васьками*, как мы знаем теперь, величали лошадей и котов. *Барсами, Барсиками и Полканами* не только кошек и собак, но и – лошадей! Их же, лошадей, прозывали иногда *Мурза* или *Мурза́* (потом кличка эта перешла к котам), тем же лошадкам давалось имя *Франт*, и вот именно от них в России пошли *Мурзики* и *Франтики*, и кошки с этими именами, не считая Васек и Мурок, заполонили ономастикон всего кошачьего населения во времена моего детства. По моим предположениям, в России начали называть котов *Васьками* в самом начале XIX века, а затем *само это слово попало в русские малопонятные некоторым словосочетания*, такие, как «**Сделал все – и вся**», «**Поел – и вся**», «**Мы с ним вась-вась**», то есть в хороших отношениях. В первых двух приведенных словосочетаниях «*вся*», мне кажется, то же самое, что итальянское «*баста*», и это один из верных шагов по раскрытию моей гипотезы.

Переходим теперь к раскрытию «тайны» имени Мурка. Русский глагол «мурлыкать» ведет свое начало *от латинского murturare*. По-немецки это *turmeln*, по-английски *murmer*. Если слить корень этих иностранных слов со славянским «*муругий*», как иногда обозначают цвет окраски кошачьей

шубки – меха (а он часто означает «пятнистый, полосатый»), то до Мурки здесь недалеко, особенно если учесть, что кошки в старину, вероятно, носили имя **Муругая** и **Мурга** (это моя гипотеза, но здесь есть огромная доля вероятности). Однако я хочу предложить и второй вариант самого распространенного кошачьего прозвища **Мурка** в России. Известно, что до революции сокращенным от **Мария-Марья** могло быть **Маша**, **Машка**, **Мара**, **Маруся**, **Маня**, **Маря**, **Мбрия** (два последних на Урале и в Сибири) и их производные, а также уменьшительное **Мэри** и **Марí** в высших кругах общества. Круг демипутивов от этого имени, как видим, был довольно широк, но женского уменьшительного **Мура** среди них не было. Женщин и девочек стали называть сокращенным именем **Мура** только (по моим предположениям) в середине XIX века или чуть позже. Откуда же взялось это сокращение? По моей гипотезе – от кошачьего имени. Но откуда появилось кошачье имя «**Мурка**»? Найти историю кошачьего прозвища **Мура – Мурочка – Мурка**, кроме уже вышесказанного, можно по параллели с собачьей кличкой **Жучка**.

В своей первой книге «Сладостный дар» я «вышла», как теперь говорят, на появление простонародного русского собачьего прозвища **Жучка** от «салонного» французского **Жу-жу**. Парадигму изменения **Жу-жу** в **Жучку** я сделала сама, но была счастлива, когда нашла подтверждение своего открытия у знаменитого лингвиста Фасмера. То же самое было проделано мною с «салонным» кошачьим и собачьим именем **Амур**. Кличка эта была очень распространена у собак и кошек в салонах XVIII века. Кошечка **Амур – Амурка – Амурочка** очень скоро превратилась в **Мурку**. И разгадка в этом. Кроме того, к этому присоединилась и модификация (изменение) парадигмы глагола «муругий», так что все эти три языковых компонента слились и стали причиной появления на Руси кошачьей клички **Мурка**. Впервые я призадумалась над этим именем, прочтя книгу Надежды Дуровой «Записки кавалерист-девицы», чью любимую беленькую пушистую собачку звали **Амур**. Таким образом, мы видим редкий случай, когда зооним перешел в антропоним, точно так же, как в итальянской семье по фами-

лии *Титта*. Там, в этой семье, новорожденного сына называли по кличке всеобщей любимицы собачки *Руффо*, о чем говорилось ранее. Выросши этот сын стал певцом *Титта Руффо*, известным всему миру.

Есть у меня и еще одно интересное наблюдение относительно имен собак и кошек, живущих без определенного хозяина во всех портах мира. Встречаются между ними такие прозвища, как *Боцман*, *Матрос*, *Свайка*, *Ветошь*, *Капитан*, *Мяушка*, *Лапоть*, *Швабра*, *Наша Мявка* (от Шмакодявки), *Котофей*, *Котофейч*, *Барыня* и другие. Вышеназванные – русские клички, но в портах США есть кошки с точно такими же смысловыми прозвищами, звучащие, конечно, по-английски, и встретить там *Капитана*, *Матроса*, *Шкипера*, *Барыню* (Old Lady) не редкость.

Издавна известно, что первый президент США *Джордж Вашингтон* любил и холил свою собаку по имени *Вулкан*, *Авраам Линкольн* нежил дворняжку по имени *Фидо*, *Герберт Гувер* – никогда не ложился спать, не приласкав свою любимую овчарку по имени *Кинг*, а *Франклин Рузвельт* всегда брал свою собачку в длительные поездки. Уже в свое время я помню веймарскую легавую президента *Эйзенхауэра* по имени *Хайди*, немецкую овчарку *Клиннер* привечали в Белом доме во времена *Кеннеди*, а у *Никсона* жили терьер *Паша*, карликовый пудель *Вики* и ирландский сеттер *Киш Таймахо*.

А что нам известно о прозвищах самих президентов? В США есть своеобразное явление, когда телохранители-охранники дают президентам и их женам клички в целях конспирации. Когда срок президентства кончается, кличка доходит до широкой публики. Так, все знают, что президента *Рональда Рейгена* называли *Ройхед*, что значит «шкура неклеимного животного», *Джорджа Буша*-первого называли *Лесной волк*. *Пинки* – «розовая» – кличка *Нэнси*, жены президента *Рейгана*, *Олд Леди* – кличка жены *Буша*-первого. Очень часто эти клички переходят к домашним любимцам, а кроме того к домашним воспитанникам переходят имена известных в Америке героев книг, голливудских знаменитостей и вообще всякие смешные имена такие как *Грета Гарбо* (знаменитая киноактриса), *Мики*

Руни (кинозвезда), *Хау ду ю буди*, *Мистер Мяу*, *Дракула* (имя венгерского вампира), *Микки Маус* и прочие. Среди кошек знаменитых голливудских артистов самая популярная кличка – *Клеопатра*.

Жизнь человека, начиная с колыбели, озаряется очеловеченными животными и идет, нога в ногу с взрослением любого нормального индивидуума. Все мы храним глубочайшую нежность и любовь к *Каштанке* и ко всем приятелям Маугли в индийских джунглях. Нет ребенка в нашем мире, который не подружился бы в раннем детстве с *Белым Клык*ом, братцами и сестрицами из «*Сказок дядюшки Римуса*», с *Белым Пуделем* Купринá, *Белым Бимом – Черное Ухо* и другими дорогими нам зверюшками. Дети всех стран, национальностей и рас прежде всего знакомятся с жизнью животных – по сказкам, стихотворениям, картинкам, песенкам, и очеловеченные зверьки – первое, что входит в быт человека, начиная с младенческого возраста. Малышам России особенно много к вышесказанному дала английская поэзия в переводах Маршакá и Корнея Чуковского.

Стихотворения Корнея Чуковского пользуются в переводах огромной популярностью и любовью на всех континентах, но покойный писатель был особенно тронут в конце своей жизни, когда узнал, что нет теперь маленького израильтянина, не знающего его стихи, переведенные на... древнееврейский язык, на иврит! И сделала этот перевод некоторых его поэм, «*Муху Цокотуху*», например, в 60-х годах XX века одиннадцатилетняя девочка, школьница-поэтесса *Эйнат Якир*, *эмигрантка из России*, для которой оба языка, русский и древнееврейский, родные! Девочка Эйнат в совершенстве сохранила не только размер стиха, но и его гибкость в сочетании с музыкальностью и сама мастерски читает «*Муху Цокотуху*» по радио и телевизору. Ее перевод «*Мухи*» восхитил знатоков литературы во всем мире. Узнав это, *Корней Иванович немедленно послал письмо «Детям в Израиле»*, где говорилось: «Я думал с гордостью, что правнуки Авраáма, Исаáка и Иáкова станут читать «*Доктора Айболита*» на языке своих предков... В иллюстрациях Доктор Айболит предстает предо мною как

типичный еврей – с добродушным лицом еврейского цадика (праведника). Он очень похож на виленского доктора *Цемаха Шабáда*, который лечил даром бедных людей в городе... а также собак и кошек, когда дети приводили их к нему. Когда я писал своего Айболита, то представлял себе его в образе доктора Шабáда...».

А в своем послании Обществу Израильских писателей 14 мая 1964 года Корней Чуковский, любимый поэт детворы нашей родины, России, сказал, обратившись к литераторам из страны Библии: «Верю и знаю, что вы достойны своих замечательных предков, обогативших дарованиями и мудростью столько литератур мира...».

Остается добавить несколько слов о докторах Айболитах, в США бескорыстных бессребренниках, подобных доктору Цемаху Шабáду. Они есть везде на нашей планете, а одного из них я хорошо знала и дружила с ним в Америке. Звали этого американского доктора Айболита, ветеринара по профессии, *Энтони Лысохóра* и родился он в США от русско-украинских родителей, эмигрировавших в страну Колумба в начале XX века. По-настоящему его имя и отчество были *Антóн Яковлевич*. Этот прекрасной души человек, общавшийся всю свою жизнь с животными, как бы переиал от наших братьев меньших чистоту их душ и пытался самостоятельно, в одиночку, примирить все страны и народы человечества. Животных он лечил бесплатно и брал только с некоторых состоятельных людей лишь самую мелочь (или самый мизер, как говорят сегодня), чтоб хватило на оплату помещения, инструментарий и лекарства. Во время Второй мировой войны доктор Лысохóра был летчиком-истребителем, как и мой муж, и скончался в 1988 году. Я научила всех знающих его американских соседей называть нашего уважаемого ветеринара по-русски – *доктором Айболитом*, и все хозяева его бывших пациентов до сих пор с огромной теплотой вспоминают о нем.

А в заключение мне хочется сказать, что незадолго до конца прошлого, XX века шведские законодатели приняли «*Биль о правах домашних животных*». Доброй феей этого

законопроекта шведы называют *А́стрид Липдгреп*, написавшую гениальную детскую книгу «*Песни Длинныйчубок*», которую знают все дети мира. «Бабушка», как называют писательницу в Швеции, требует равноправия для всех живых существ в серии очерков, напечатанных в самых популярных шведских газетах, где в ее рассказах-притчах непременно присутствует *Господь Бог*, как бы совершающий инспекционную поездку по нашей грешной земле и *приходящий в ужас от обращения некоторых индивидуумов со зверюшками, которые украшают нашу жизнь*.

Из опросной анкеты Гиннеса мы знаем, что во всем мире самое *благоговейное отношение к домашним животным* с давних пор *существует в Англии*. Поэтому всех, кто каким-то образом нарушает установленные правила (закрепленные зачастую и юридически), ожидает серьезное наказание. Так, в газете «*Ивнинг Пост*» города Лидса как-то сообщили, что некий гражданин по фамилии Лав был оштрафован властями на 25 фунтов стерлингов только за то, что он испугал на улице чью-то кошку. А в Новой Зеландии законы по защите животных еще строже: одного из жителей города Лёкленда наказали штрафом в 25 долларов за то, что в течение нескольких дней он не выводил на прогулку свою собаку.

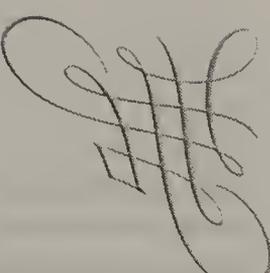
Вспоминаются мне тут слова талантливого, но в наше время почти забытого русского стихотворца *Петра Шумахера*, написавшего в XIX веке стихи, навеянные намятником баснописцу И.А. Крылову в Летнем саду в Санкт-Петербурге. А стихи говорят:

*О, милый дедушка, с гранитной высоты
Глядит, как резвятся вокруг него ребята,
И думает себе: о, милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты.*

Мне в этом четверостишии ничего непонятно. Если поэт имеет в виду детей – называя их «зверятами», тут придется только пожать плечами, а если он так именует крыловских сказочных зверюшек, то Петр Васильевич Шумахер явно

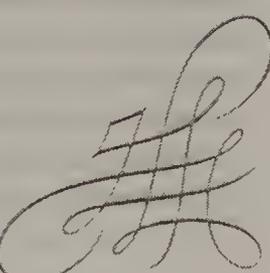
ошибается, ведь наши дорогие любимчики, наши воспитанники, наши милые зверята никогда для нас не вырастают и уж конечно, не становятся «скотами», так что *Братец Кролик*, *Каштанка*, сестрица *Крольчиха*, матушка *Медоус* с дочками и все их соседи и друзья остаются на всю жизнь нашими драгоценными, нашими самыми любимыми и обожаемыми домашними зверятами.

Сквозь
тайны имён

СВЯТАЯ ЭДИГНА

В русской истории еще есть много пятен, но такого крупного упущения, о котором пойдет речь ниже, я еще не встречала. Для меня эта странная и таинственная легенда началась в тот момент, когда я нашла в каком-то старом альбоме давно ушедшей из жизни древней российской старушки преинтереснейший для себя материал. Эта старушка после Отечественной войны долго жила в Германии в качестве ди-пи, то есть «перемещенного» лица. Она была очень религиозна и в ее альбоме о немецких и баварских святых, я нашла удивительное упоминание о женщине, полуроссиянке, полуфранцуженке по происхождению, и о чудесах, сотворенных ею. Необычайно трудно было узнать об этой святой и об ее происхождении, о том, кто она и как попала в баварские праведницы (Бавария, а это южная Германия, считает ее своей Святой). В поисках мне помогли разрозненные отрывки из разных европейских источников, так что сведения об этой таинственной особе будут несколько разноречивы, ибо начало истории-легенды о ней находится в XII веке, когда женщины очень редко удостоивались подробного упоминания в исторических анналах.

Итак, кто же была эта загадочная дама, или девушка? И почему о ней почти совсем не упоминается в разных отечественных изысканиях о далеком прошлом национальной истории? Ведь за пределами России о ней известно и немало – а во многих церквах Баварии, в частности в известной Frauenkirche и в Национальном Баварском музее на Prinzregentenstrasse в Мюнхене есть фрески и витражи с изображением той, о которой мы ведем речь. И, только после тщательного изучения давно прошедших веков Баварии, загадка этой незнакомки приоткрылась. Удивительна ее судьба. В той, кто изображен на фресках и витражах вышеупомянутых музеев и церквах, переплелись истории трех стран: Германии, Франции и... Киевской Руси.

Святая эта родилась во Франции в 1055 году и получила данное ей матерью латинское имя *Эдигна*, что в переводе на русский значит «достойная», а родителями ее были французский король Генрих I и... киевская княжна Анна, дочь Ярослава Мудрого и внучка Святого *Владимира Красное Солнышко*. И здесь полагается автору Алле Кторовой сделать внушительное отступление и поглубже, вместе с читателями, окунуться в давно минувшее прошлое.

Ярослав Мудрый (978–1054) – в некоторых хрониках он называется еще Хромой, так как припадал на правую ногу, получивший в крещении имя *Георгий (Юрий) – сын Владимира Святого*, крестившего Русь, и похищенной им Рогнеды, дочери полоцкого князя *Рогволода*, которую, выражаясь по-современному, *Владимир* впоследствии бросил, женившись в 988 г. на *Анне*, сестре византийского императора *Василия II*.

Ярослава недаром называют Мудрым – он был настоящим интеллектуалом, как мы называем подобных людей теперь, он очень любил... книги, читая их часто и ночью и днем, как сообщает нам вкратце одно из самых древнейших исторических повествований российской истории. Он окружил себя множеством талантливых писцов, чтобы эти писцы переводили с греческого на славянский самые значительные книги всего мира, особенно богослужебные фолианты, а их к тому времени накопилось немало. Ярослав *«засеял книжными словами сердца верующих людей, ибо велика польза от учения книжного, это источники мудрости, ибо от слов книжных... обретаем мы мудрость и воздержание, книгами мы в печали утешаемся. Если прилежно поищешь в книгах мудрости... найдешь в этих книгах – неизмеримую глубину, там ты посеешь великую пользу душе своей, ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами»* – говорит нам *«Повесть временных лет»*. Это слова самого великого князя Ярослава Мудрого, этим словам мы полностью можем придать значение афоризмов, а записали эти необыкновенные для того времени изречения писцы и великий смысл этих сентенций неплохо было бы повторять каждому ныне живущему сейчас человеку не раз и не два в течении его жизни.

С полным основанием можно сказать, что великий Ярослав Мудрый был основоположателем широкой культуры на Руси, так как он не только понял, что такое **КНИГА** и **СЛОВО**, но заботился о сохранности рукописных материалов и свято хранил все издания в каменной церкви *Святой Софии*, которая была выстроена по его указанию на месте, где были ранее разбиты полчища печенегов. Он повелел украсить этот знаменитый храм, где до настоящего времени сохранилось его захоронение – саркофаг – с золотом, серебром... и прочими драгоценностями. Славен был Ярослав и своей широкой строительной деятельностью: в его княжение были возведены и другие святилища во многих городах Киевской Руси, куда князь поставлял «попóв» (так речет «Повесть временных лет»), «давая им от богатства своего жалованье, и повелевая им учить людей... посещать часто церкви...» – добавляют те же писцы. Сооружены были по повелению Ярослава и Золотые ворота, главные ворота города, с надвратной церковью Благовещения и «Ярославов город», территория Киева, окруженная гигантскими земляными валами и деревянными укреплениями, которые расширяются в восемь раз сравнительно с «городом Владимира» – так говорится в старинных летописях. Возводится и Церковь Ирины (Ирина – христианское имя жены Ярослава, Ингигёрды, дочери шведского короля Óлафа) и церковь Георгия, а это – христианское имя Ярослава, но, к сожалению, две последние не сохранились. Таков был замечательный князь Ярослав Мудрый.

Под стать ему была и дочь его – *Анна Ярославна*. Недурно бы заметить для интересующихся именованьем, что в некоторых старинных российских летописях, как-то в *Лаврентьевской* (впервые) и затем в летописи Ипатьевской и других, употребляется имя *Янка*, *Яна* или *Янька* вместо Анна. Каково происхождение этой формы – неясно, но вероятно, от древнеарийского имени Иáн, либо от женских уменьшительных с окончанием «ян»: *Стояна*, *Бояна* и пр. Есть в древнерусских документах и имя *Янина* – дочь *Яны*, имя современное.

По словам российских историков, Анна Ярославна знала... **ПЯТЬ иностранных языков**. Это не так уж удивительно, ибо ее

отец, Ярослав Мудрый, был женат на дочери шведского короля, а его сестра *Марія Добронѣга* вышла замуж за польского короля *Казиміра*.

Четверо из шести сыновей Ярослава были женаты на иностранных принцессах: Владімир – на английской принцессе А́нне; Изяслав – на Гертфуде, дочери польского короля Мешко II; Святослав – на О́де, дочери Леопольда, графа Штаденского; Всеволод – на дочери византийского императора Константіна Мономаха – Маріи.

Старшая дочь Ярослава – Елизавета – вышла замуж за норвежского принца Гаральда Смелого, а после его гибели за датского короля Свена Эстридсена, а Анастасія – за венгерского короля Адрия I. Так что нет ничего удивительного в том, что Анна Ярославна знала пять иностранных языков. На лету, вероятно, хватала слова и выражения всех своих родственников и родственниц, ибо, была, без сомнения так же талантлива, как и ее отец Ярослав Мудрый.

Итак, после того, как мы отдали дань деятельности и талантам Ярослава Мудрого, перейдем к его дочери *А́нне – Я́нке тож*. Как это ни странно, но в русских летописях нет упоминания об Анне Ярославне, и именно это я называю в начале очерка большим упущением, белым пятном в русской истории, хотя на фресках Софийского собора в Киеве изображена вся семья Ярослава Хромого-Мудрого, – он сам с женой, тремя дочерьми и четырьмя сыновьями. *Анна Ярославна* была третьей дочерью Ярослава и его жены Ингигерды.

Годы жизни Анны – 1025–1075. Киевская Русь в те времена находилась в расцвете своего могущества, а поскольку браки в те далекие времена были династическими, то есть преследовали политические цели и ничего общего не имели с взаимными чувствами брачующихся, то породниться с великим князем Киевским, женившись на его дочери, считалось большой удачей и честью. И вот, когда у французского короля Гёнриха I умерла жена, он посватался к княжне Анне Ярославне, дочери Великого князя Киевского, Ярослава Мудрого.

Будьте уверены, любезные читатели, что я не собьюсь с ритма и обещанное – то есть рассказ о внучке Ярослава

*Деревня Чураевка, указатели:
Русский дом, улица Толстого, Киевский проезд. Все обитатели деревни, увы, вымерли.*

Израиль, г.Ашдод, улица Рогозина.

Эквадор, магазин «Калинка».

*Въезд в имение Хеверли,
где жила и погибла возлюбленная пара
Веверлей и Доротея.*

Небольшой американский городок Одесса.

*Старинное кладбище г.Одесса, где похоронен человек, крикнувший «Одесса»,
когда решался вопрос о названии нового городка.*

Местечко Петербург на Аляске.

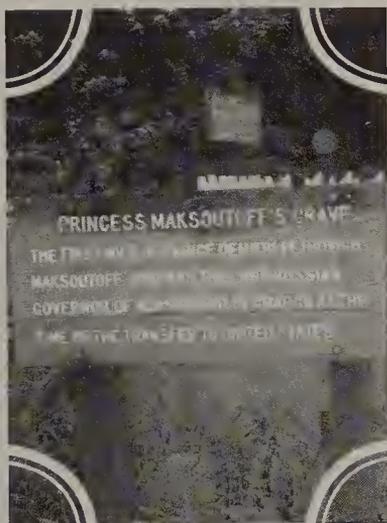
Русская церковь и кладбище при ней в г. Анкоридже на Аляске.

Городок Солдатня на Аляске.

*Могила княгини Волконской
на кладбище г.Анкориджа, Аляска.*

*Могила княгини Мансуровой,
первой жены князя Дмитрия
Петровича Максудова, последнего
российского губернатора Аляски.*

Аляска, Сейка, сторожевая башня.

*Памятник Св.Владимиру Великому
в Канаде.*

Едем с Сунчиком в Японию из Китая.

П. П. Шафиров

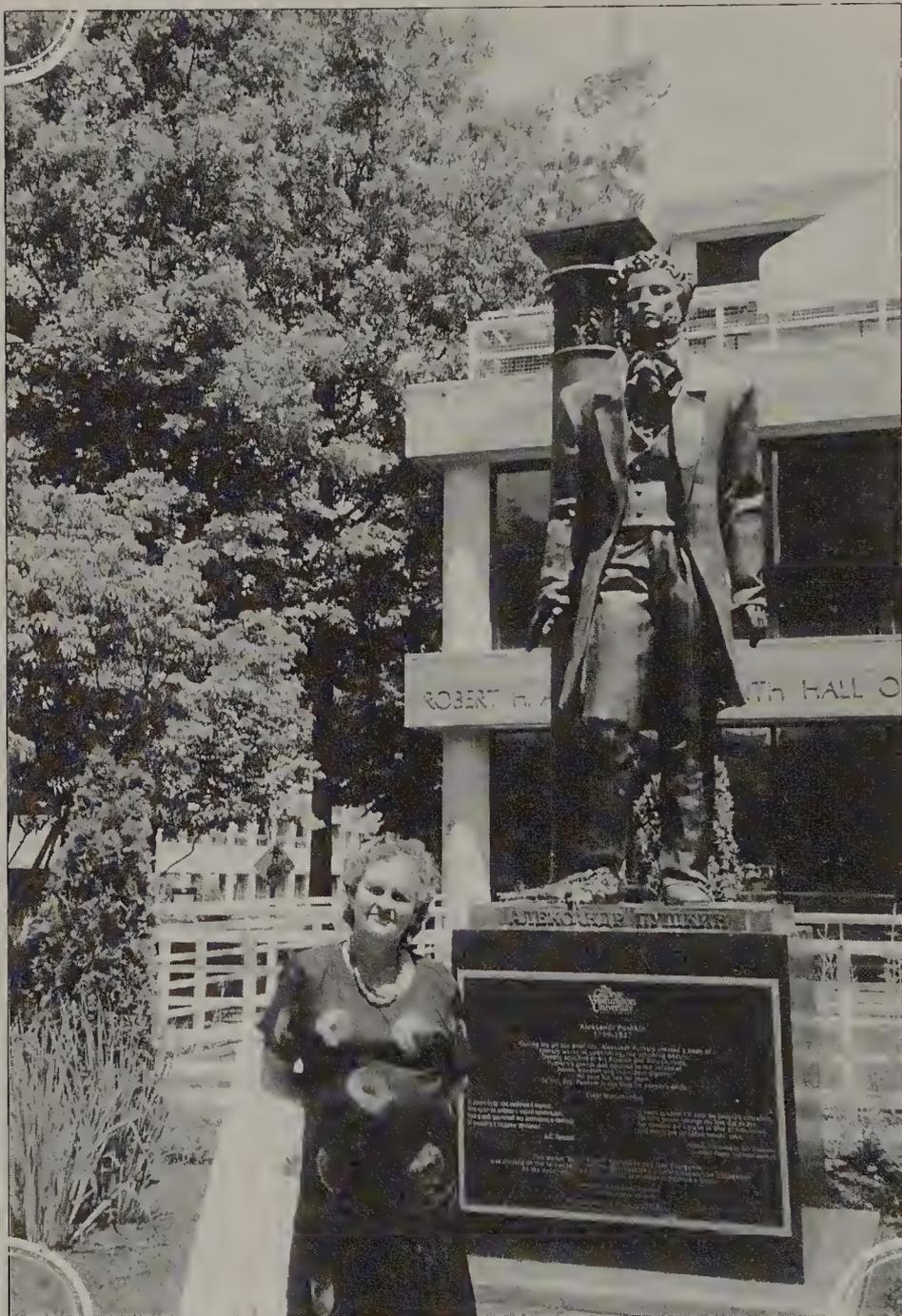
П. С. Нахимов

Н. С. Мартынов

М. Ю. Лермонтов

Автору памятника А.С.Пушкину в Вашингтоне.

Мудрого и дочери Анны Ярославны, **ЭДИГНЫ**, не исчезнет во множестве биографических подробностей деда и матери Эдигны, их ближайшей родственницы, баварской святой. Но сначала я должна познакомить тех, кто интересуется этой загадочной женщиной с ее ближайшими родными, не так ли?

Итак сватовство Генриха I было принято Ярославом и послы Франции прибыли в Киев, а затем в Реймс, где Генрих I и Анна Ярославна обвенчались, и дочь Ярослава Мудрого стала французской королевой. Событие это произошло 14 мая 1051 года, после чего сведения о жизни «Русской королевы Анны» во Франции можно найти только в старинных хрониках этой страны, где она величалась королевой.

Эти старинные источники рассказывают нам, что Анна была хороша собой, умна и образована. Ведь она выросла в доме Ярослава Мудрого, любящего книги, который знал латинский язык, имел библиотеку и заказывал для этой библиотеки переводы с иностранных языков для своих детей. Анна, также как и ее отец, знала латынь и очень скоро, заняв трон, овладела французским. В архивах Франции хранятся пожелтевшие пергаментные грамоты, на которых рукой Анны густыми черными чернилами крупно и уверенно написано по латыни «*Anna regina*», то есть Анна королева. Известен случай, когда Анна Ярославна написала латинский титул и славянскими буквами «*Ана реина*».

У нее было несколько сыновей: первый сын – *Филипп* – после кончины отца стал королем Франции Филиппом I; средний, *Роберт*, умер; а *Гуго* прославился в первом крестовом походе. Интересно мне, как именологу, *греческое имя Филитт*, данное Анной своему первому сыну. Именно после Филиппа *имя это заняло одно из первых мест в католическом именовании*, а совсем недавно оно было «модным» и в России также, между прочим, как и его матери – *Яна или Янина*. Необходимо отметить, что в те древние времена имя Анна произносилось как *Яна или Янина*, как уже было упомянуто выше.

Возвращаясь к жизни Анны Ярославны нужно упомянуть, что особенно восхваляли французские летописцы благочестие Анны, заверяя, что «русская королева» думает больше

о Боге, чем о мирских делах. Сохранился даже документ, где Папа римский Николай II писал ей: «слух о Ваших добродетелях, примерная дочь наша, дошел до нас и мы с большой радостью узнали, что в христианнейшем Вашем государстве Вы несете Ваши королевские обязанности с достойным усердием и отменным умом». Это, последнее, а именно благочестие Анны очень важно, а почему – увидим позднее. Чтобы закончить рассказ о жизни Анны Ярославны скажем, что после смерти своего супруга Генриха, она переселилась с детьми, а наследнику Филиппу было после смерти отца всего семь лет, в Санлис, центр королевских охот. Регентом при нем стал младший брат Генриха. В Санлисе Анна построила церковь, сохранившуюся до сих пор, на ее портале, в стенной нише – скульптура женщины с тонким задумчивым лицом, с длинными густыми косами, с короной на голове... В руках она держит изображение церкви – ее дар Богу. На постаменте надпись – «*Анна Русская – королева Франции*». Анна похоронена в этой церкви и, судя по недавним сообщениям 2005 года, ей в скором времени собираются открыть там памятник.

После кончины мужа Генриха прожила Анна недолго, и историки отмечают в ее жизни даже некий романтический случай, когда ее сосед, граф Рауль де Крепи́ и де Валуа́ оказался первым, но далеко не последним французом, не устоявшим, по выражению одного из летописцев, перед «славянским очарованием» Анны Ярославны и... женился на ней, похитив ее, вопреки правилам церкви. Прожила Анна всего пятьдесят лет... Это последнее, достоверное свидетельство о жизни Анны Ярославны, дочери Великого князя Киевского Ярослава Мудрого.

Перейдем теперь к судьбе одной из дочерей «Русской королевы» Франции по имени *Эдигна*, редкого имени, значащего по латыни – *достойная*.

О молодости ее, также, как и о юности других дочерей Генриха и Анны Ярославны почти ничего не говорится в старинных документах Франции. Однако, к Тысячелетию Крещения Руси в 1988 году не только в России, но и в других странах появились, лежащие много веков под спудом,

интереснейшие сведения о русских людях, попавших волею судьбы за пределы родины и прославившиеся в месте своего пребывания. Во многих странах Европы католическая и протестантская церковь к этому юбилею выпустила немало книг о судьбах православия в СССР, о преследовании верующих при «социализме», о тех священниках и церковных деятелях, кто не сдавался жестокому режиму и продолжал подпольно проводить церковные службы и обучать граждан основам православия.

Перед Празднованием Тысячелетия Христианства на Руси в печати всего мира, а особенно в немецкой прессе, появились работы о событиях *ДО Крещения Руси, о людях, уже тогда исповедовавших христианство* и свято преданных этой религии, в общем, о том, что было мало известно родившимся в России после революции 1917 года. Об одной из таких, свято преданных христианству женщин, народы Европы, а теперь, я полагаю, и граждане России разных религий узнали именно из немецкой печати, а рассказывается в легендах и очерках на эту тему не о ком ином, как об Эдигне, дочери Анны Ярославны, внучке Ярослава Мудрого и правнучке Владимира Святого, крестившего Русь.

Эдигна родилась в Париже в 1055 году. Можно предполагать, что она, также, как и мать ее, Анна Ярославна, была очень религиозна, а кроме того, тоже, как и Анна Ярославна, необычайно образована. Нет сомнения и в том, что еще девочкой, она слышала рассказы матери о Киеве и красотах этого города, о Киево-Печерской Лавре и ее подвижниках, о толпах верующих, которые выстаивали долгие церковные службы и о прочем, связанным с религией христиан. Но время брало свое, и когда Эдигне исполнилось 20 лет родители решили, что пришло время ей выходить замуж. Это решение отца и матери страшно испугало девушку, и она решила... бежать. Но куда? Можно предполагать, что она решила удалиться на родину матери, в Киевскую Русь. Раздобыв воз, запряженный быками, Эдигна переоделась в одежду простой крестьянки, взяла с собой кое-какие сельскохозяйственные инструменты, кое-что из еды и... петуха и курицу.

Цель последнего упоминания нам пока неясна, какие были в то далекое время понятия и нравы, как именно на бегство из родного дома смотрели родители и окружающие спустя множества веков – нам неизвестно.

В то время во всем мире велись непрерывные войны, а домашними делами и сельским хозяйством занимались не мужчины, почти все воевавшие с соседями, а женщины. Поэтому на Эдигну, с ее возом и пожитками на возу никто не обратил никакого внимания. Как выяснилось впоследствии, Эдигна брела на Восток, покрытый в то время густыми лесами, куда, как можно предполагать, очень редко ступала нога человека, чаще всего – охотника. И вот, говорит легенда, недалеко от места, где сейчас расположен крупный немецкий город Фюрстенфэльдбрюк, петух в руках Эдигны, начал кукарекать.

Нам уже известно, что пение петуха в глубокую старину считалось предвосхищением чего-то нового, еще неизведанного (вспомним пушкинскую «Сказку о Золотом петушке»), и именно пение петуха заставило Эдигну остановиться и решить, что эта местность – конец ее пути. Осмотревшись, французская принцесса решила обосноваться в густом лесу, на поляне, где росла огромная липа. Липовое дерево было с огромным дуплом, – это дерево сохранилось и по сию пору, и россияне, живущие сейчас в Европе, могут посетить это заповедное место, где в настоящее время устроено нечто вроде небольшого музея с описанием всех деяний дочери Анны Ярославны.

Вскоре о ней узнали и близживущие поселяне (будем называть их **ТАК**, по старинному). А по прошествии короткого времени недалеко от дупла, где «прописалась» молодая девушка, стали вырубать лес для постройки небольших сел и городков. Одно из таких местечек с небольшой церковью называли **ПУХ** и впоследствии Эдигну начали называть **Edigna von Pough**, то есть **Святая Эдгина из города Пух**. Под этим именем дочь Анны Ярославны известна как баварская святая и по сей день. Святой ее стали называть потому, что она лечила болящих, учила грамоте взрослых и детей и всячески помогала страждущим. Крестьяне кормили ее и

всячески помогали в бытовых, житейских нуждах. А лечила Эдигна не только людей, но и домашних животных, поэтому она стала слыть среди крестьянства как покровительница лесов, животных и зверей.

Эдигна прожила в дупле старой липы тридцать пять лет. Незадолго до кончины Эдигны местные поселяне проведали, что она – дочь французского короля и к ней за советом и помощью, стали прибегать люди высокого ранга и тамошняя знать. Она скончалась в 1109 году 54 лет и ее, как праведницу, похоронили под алтарем местной церкви. Такой великой чести в те времена удостаивались только **СВЯТЫЕ**.

В 1878 году, при перестройке этой небольшой местной **ЦЕРКВИ ЭДИГНЫ** были открыты ее мощи. Тогда же было основано *специальное Общество этой Святой* для сохранения всего, связанного с ее именем. Раз в десять лет при содействии этого общества дается театрализованное представление, показывающее жизненный путь Едигны и чудеса, сотворенные ею.

Так уже девятьсот лет сохраняется память о правнучке Владимира Святого, крестившего Русь, внучке Ярослава Мудрого и дочери Анны Ярославны – Едигне.

ДВОЙНОЕ ДНО ФАМИЛИЙ ПОТОМКОВ КИРИБЕЕВИЧЕЙ

По утверждению художника Билибина, представителя круга «Мир искусства», настоящее русское лицо встретить в XX веке в России трудно или вообще невозможно, так как канонические национальные черты совершенно размылись за прошедшие тысячелетия татарскими, мордовскими, латышскими, финскими и прочими показателями этнических «контактов». В древней России, по забытым давно уже канонам, «красавцем-мужиной» считался *Кирибеевич*, черноглазый, темноволосый, при прямом носе с горбинкой антигерой поэмы Лермонтова «*Песня про купца Калашникова*». Лица с такой внешностью, если говорить о типичности, давно не являются в средней России принадлежностью тех, кто называет себя русскими и обычно принимаются коренным населением за красивых иностранцев. Идея о том, что классическая русская красота выражается в белокурости, голубоглазости, богатырской статности и удалом разлёте чёрных бровей давно уже сдана в архив и поэтому теперь часто заменяется невежественной, по-детски смешной попыткой включить в число характерно *русских людей* любые живописно-прекрасные лица.

В фильме «Тихий Дон» шестидесятых годов в роли Аксины снималась, как её называли критики, «типичная русская красавица» – чистокровная *еврейка Элина Быстрицкая*. Среди моих знакомых есть некто, подпадающий подо все параметры Билибина, утверждающий, что он – русский, хотя мать его – эстонка, отец – украинец, мать отца – полька немецкого происхождения, а бабка по матери – турчанка, родившаяся в Греции. Невероятнейший конфуз произошёл в Москве в 70-х годах, когда долго не могли начать съёмки картины о *Шалытине* за полнейшей невозможностью найти в современном Советском Союзе актёра или хоть кого-нибудь, пусть отдалённо, но напоминающего внешне великого певца, только матушкой Русью могущего быть рождённым. Объехав всю страну от

Москвы до самых до окраин и не найдя ничего подходящего, отчаявшийся постановщик как-то шёл в столице по улице Горького и вдруг замер от счастья, натолкнувшись на красивого блондина с, по общепринятому лексическому клише, открытым русским лицом и молодецкой фигурой – живого Шаляпина. Жестокое разочарование ожидало режиссёра, когда выяснилось, что вылитый гениальный сын России – швед, ни слова не понимающий по-русски.

С такой же точно трудностью столкнётся в наше время каждый, возжелающий убедить потомков Кирибеевичей в их истинной русскости по семейной фамилии, поверхностно руководствуясь только будто бы национальным её звучанием в отрыве от углублённой разработки происхождения данного родового прозвания.

Главная цель моих ономастических этюдов – не установление национальности по форме наследственных фамилий российских граждан, а обстоятельства, при которых те или иные иностранные прозвания появились в России, изменились под влиянием родного языка и сегодня считаются чисто русскими.

Необходимо помнить при всех прочих равных условиях, что многие, совершенно по-русски звучащие фамилии могут быть в России двуэтимологичны (двуосновны) имея одно происхождение от чисто-русского, славянского слова, а другое от иностранной фамилии, имени нарицательного или иной инонациональной лексической единицы и передалось русским не по кровному родству, а по кличкам, прозвищам, побратимству и другим, социально-бытовым контактам. Происхождение таких фамилий установить чрезвычайно трудно, тем более что одни из них имеют, или, теоретически, могут иметь документальные подтверждения, а другие – суть гипотезы, обосновать или опровергнуть которые выпадет на долю будущей научно-исследовательской работы. Кроме этого есть и ещё одна незыблемая установка: поиски родословной каждой отдельной фамилии требуют индивидуальных изысканий.

Иностранцы начали селиться в России во времена оны и уже к концу 1147 года страна знала в числе своих постоянных жителей *половцев* и *печенегов*. Первыми иноземцами, поселившимися в Москве на *постоянное жительство* во времена Дмитрия Донского стали *греки* – священники, ремесленники, переводчики книг и т.д. Вслед за греками преподобными в Московию и «*сурожские гости*», как называли тех же греческих, а также итальянских купцов, часть которых занялась ювелирными работами.

Жили в столице русского государства и *бесермены*, которых стали потом называть бусурманами – *ногайские* и *крымские татары*, промышлявшие торговлей, ремесленничеством и служившие толмачами-переводчиками, «офис» которых, татарский двор, занимавшийся сбором дани для Орды, стоял когда-то на месте бывшего Чудова монастыря в Кремле. В городе в последующие века действовали *все религиозные конфессии* – православная церковь, католические костёлы, лютеранские кирхи, грегорианская, армянская, грузинская, ассирийская и три греческие церкви, синагога и даже буддийская кумирня. Всё это доказывает, что россияне того времени были настоящими интернационалистами и не меньше, чем американцы сегодня *легко смешивались с «пришлыми людьми»*, вступая с ними не только в тесные деловые отношения, но, нередко и заключая с иноземцами браки, передавая потомкам свои наследственные родовые прозвания. Фамилий с неславянскими корнями в России великое множество, но для того, чтобы отыскать эти корни и, следовательно, установить историю рода, которому они принадлежали, требуется труд, который, иначе, как сизифовым не назовёшь, так как со временем, благодаря разным обстоятельствам, некоторые родовые прозвания настолько русифицировались, переделываясь на славянский лад, что принимались коренными жителями страны за отечественные. Вот примеры:

Иноземцев (вспомним «Капли доктора Иноземцева»), *Чужанинов*, *Сурожин*, *Фрязин*, *Бесерменов*, *Иностранцев* – все эти фамилии указывают или на то, что далёкий предок именователя получил это прозвище, поскольку не был уроженцем России, или что он был коренным жителем Московии, но

отзывался на кличку, которая затем перешла в фамилию по внешнему сходству с каким-либо чужеземцем, по прозвищу, по побратимству и тому подобное, о чём говорилось выше.

Благодаря тщательной работе над историческими, литературными, старинными семейными и прочими документами, а также интереснейшим личным встречам в разных странах с потомками тех иноплеменников, которые когда-то или временно жили в России, или прочно и навсегда связали с этой «загадочной» страной свою судьбу, – мне удалось набрести на историю родословных многих русских фамилий, представители семей которых рассеялись по разным странам мира.

Результатами этого, литературно обработанного материала я и хочу поделиться с читателями.

Среди иностранцев, приезжающих в Россию при Петре I было большое количество **голландцев**, которые вели с русским правительством разного рода дела и, в первую очередь переговоры, касающиеся кораблестроения. Старинные фламандские документы донесли до нас, что именно в это время усилился в Москву из Гааги наплыв купцов, среди которых были и носящие фамилию *Раабе*, одну из самых широко известных голландских фамилий. Некоторые из этих иностранных гостей женились, остались в России и положили начало происхождению, по созвучию, одной из ветвей фамилии... **Рябов**, оформленной типичным для русских фамилий окончанием «ов», которая и до появления голландцев Раабе широко бытовала в России, ведя своё происхождение от славянского прилагательного «*рябой*».

Откроем повесть Тургенева «Ася». Фамилия главного героя этого произведения – **Гагин**. Но никакого отношения фамилия эта к гусиному «га-га-га» не имеет и связана с **названием столицы Голландии Гаага**, – а выяснила я это в Амстердаме в 1963 году от потомков Гагиных – россиян XVIII века. А есть ли Гагины с русской родословной? Да, таковые тоже имеются. В черновиках работ по истории моего отца упоминается, что «54-лета в Василегороде годовал воевода князь Василий *Гага*

Ондреевич Великого», а затем, в продолжении изысканий указывается, вероятно, его сын «Иван княж Васильев сын Гагин...»

Из отечественных архивов известно, что в XVII веке прибыл из той же страны по приглашению Петра Великого купец-голландец по фамилии *Любс*. Один из его потомков положил начало существованию в наших краях фамилии **Любский**. Среди них есть и одна моя добрая знакомая, лицо которой как две капли воды похоже на внешность женщин с полотен старых фламандских мастеров.

Русской семье **Гениных** известно из семейных документов, что родоначальником её клана был живший в XVII-XVIII веках в Петербурге голландец *Виллим Геннин*, родившийся в России от работавших там родителей. Виллим Геннин (один из его потомков до сих пор настаивает на двойном «н» в написании фамилии и ударении на последнем слоге), построил, по заданию царя Петра первый в России бальнеологический курортный санаторий Марциальные Воды, тёплые минеральные источники которого помогали от разных болезней. Есть, так же, как у фамилии Рябов, и другие истоки семейного прозвания Генин. Один, русский вариант указывает на происхождение фамилии от мужского имени *Геня* (уменьшительное от Евгений), другой встречается у евреев и ведёт своё происхождение от женского имени *Геня*, подобно фамилии **Лейкин** (*Лейкин Н. А.* – русский писатель и журналист середины XIX начала XX века – и Наум Лейкин – журналист сегодняшнего дня, еврейского происхождения) где у русских она образована от мужского *Фалалей*, сокращённо *Лейка*, а у евреев – от деминутива (сокращённо-го) женского имени *Лея*.

Классов – фамилия у русских редкая, но и она встречается, связываясь с историей голландцев по имени *Клаас*. Помните Тиль Уленшигеля и слова, которые он беспрестанно повторял? «Пепел Клааса жжёт моё сердце!» – без устали твердил Тиль, чтобы показать, что не оставит смерть своего отца Клааса неотмщённой...

В эпоху, наступившую после Петра I, приток иностранцев в Россию не только продолжался, но стал даже усиливаться. Так, при Анне Иоанновне подвизался при петербургском «феатре» близкий к царскому двору испано-итальянский комик-певец *Педрiлло* (от личного испанского имени Педро, по-русски Пётр). Народ, конечно, немедленно переделал имя певца в *Пердило*, ещё недавно неудобное для того, чтобы употреблять его в печатной публикации на русском языке. Педрилло дал какой-то генеалогический росток дереву, посаженному в России и от него пошли **Педрилины**, часто, в насмешку называемые *Пердилинными*, разумеется. Просьба не путать это родовое прозвание с фамилией *Пердунóв*, которая пошла от славянского слова «пердун».

Русская фамилия **Талáнов**, как и **Талáнтов** – редкая. Первая заимствована из тюркского, где «талан» значит удача, счастье, язык-источник второй в значении «высший дар» – латынь, но обе они стали входить по созвучию в общий ряд однокорневых и отождествляться, часто взаимозаменяясь с будто бы родственными им фамилиями **Талья́новы**, **Талья́шины**, **Талья́шкины**, **Талья́нчиковы** и другими той же основы. Родство между этими фамилиями, однако, обманчиво, а история нашей страны сообщает, что Екатерина II, как только взошла на престол, начала стремиться к развитию государственной промышленности, и, как это повелось, стала приглашать в Россию иностранцев. В Екатеринбурге ещё в середине-начале XIX-XX веков показывали так называемую «*Талья́шкину гору*», одну из достопримечательностей города. К фамилии Тальянов и другим от неё образованным Тальяшкина гора имеет самое непосредственное отношение, так как среди разных видов производства, привлекавших правительство России, немалое место отводилось обработке и шлифовке драгоценных и полудрагоценных камней, для чего и были вызваны из Италии специалисты этого вида работ. **Именно во время пребывания в Екатеринбурге итальянцев**, мастеров-ювелиров высшего класса, их, как и горный хрусталь, который они обрабатывали, начали называть на

Урале «*тальяшки*» (т.е. *итальяшки*), «*тальянчики*» и прочими, от того же корня, которые впоследствии разными путями, указанными выше, вошли в русский ономастикон как национальные фамилии. Примечательно, что так же, как представители семьи Любских не утратили до сего времени в своей внешности черт явного фламандского происхождения, гены тех, кто произошёл от итальянцев, передают поколению за поколением прекрасные голоса. Знакомая мне семья певунов **Тальяновых**, с которых и повела я розыск истории их рода, живёт до сих пор на Урале около Екатеринбурга, а в Москве в 40–50-ые годы был солистом в хоре мальчиков под управлением Свешникова юный *Женя Талáнов* с ангельским дискантом. Говоря об итальянцах, самом музыкальном народе мира, становится совершенно ясно, почему ещё недавно любимый русским народом инструмент, певучая гармонь, называется «*тальянка*», «*тальяночка*» («Играй, играй, рассказывай тальяночка сама про то...» и т.д. из популярной в СССР песни 50-х годов).

В Москве, недалеко то Покровских ворот расположился старинный Дурáсовский переулок, куда меня водила бабушка в детский сад, который размещался в огромном барском доме с великолепным вековым садом, где, помню, каталась я с другими малышами на санках. Домом этим с XVIII века владела богатая русская семья **Дурáсовых**, происхождение которой ведётся не от слова «дурак» (тогда было бы Дурако́в, Ду́ров, Ду́рнев и пр.), а от итальянской фамилии *Дура́цци*, предки которой поселились в России при Екатерине II.

Истоки фамилии Ольги Николаевны **Лабзинб́й**, замечательной актрисы Московского Художественного театра, которая блистала на сцене в 40–50-х годах, лежат в итальянской фамилии *Ланз́ини*, которая по парадигме *Ланзани-Ланзин-Ланз́ин* превратилась впоследствии в нередкую у русских фамилию *Лабз́ин*. Зная лично несколько человек этой фамилии свидетельствую, что и у некоторых из них сохранилось в лицах что-то неотразимо иноземное, мягкое, южное.

В России издавна довольно широко бытуют фамилии от корня *Сан* и *Санта*, и я не ошибусь, заметив, что у многих из нас среди знакомых есть **Сантáловы**, **Сентя́нины**, **Санáевы**, а, возможно даже **Сантананáевы**, как у меня.

В 1731 году в Петербурге знаменит был врач-португалец по имени и фамилии *Антóнио Рибейро Сánхец*, успешно лечивший Анну Леопольдовну, её сына Иоанна Антоновича, Елизавету, петрову дочь и императрицу Екатерину II. Он был даже избран в почётные члены Российской Академии Наук, материально хорошо вознаграждён и представлен к немалой пенсии, как вдруг всего в одну минуту лишён, поскольку матушка Екатерина не возжелала осыпать благодеяниями человека, который «покинул знамя Иисуса Христа», выяснив, что врачеватель был из семьи «малого народа» по современной терминологии. В Испании и Португалии фамилия *Сánта* (что значит «святой») часто давалась евреям, которые переходили в христианство. Потомков с фамилией Санта довольно много и сегодня в Чехословакии, а также в Турции, которая широко открыла свои границы бежавшему в XV веке из Испании гонимому народу, который принёс Турции великую пользу: доставил ей учёных, врачей, типографов, оружейников, мастеров пушечного и порохового дела, искусных ремесленников и купцов. Община их потомков процветает и теперь в принявшей их стране, а говорят они, кроме родного, турецкого на старопыспанском (кастильское наречие) языке ладíно.

Крупный вклад в образование русских фамилий внесла близкая соседка и, в разные исторические периоды то друг, то враг России – Германия, в те времена, когда она была ещё Пруссией и, конечно, позже. Русские люди с фамилией **Нёмцевы**, **Немцóвы**, **Немчанíновы**, **Пруссакóвы**, **Прусéцкие** и **Прúсские** составляют немалую часть российского населения. Не все они, тем не менее, потомки выходцев коренного народа Германии, ибо в далёкие времена каждый «чуж-чужанин», не говоривший по-русски, считался и назывался в России «немым», откуда и пошло слово «немец». Известно из отечественной истории, что многие жители знаменитой Немецкой

слободы в Москве времён Петра Первого так высоко почитали и восхищались великим царём, что переходили в православие и меняли свои имена. Однажды мне пришлось держать в руках документ о подобном событии в семье *Антоновых*, живущих в Новгороде, когда, ознакомившись со старинными письменами (модернизация текста имела место в XIX веке) я узнала, что лекарь Петра, немец Адольф, так полюбил своего пациента, что крестился, стал *Антоном* и от него пошли русские *Антоновы*, имея своими многочисленными однофамильцами тех, чьё семейное прозвание – наследственно патронимического русского происхождения. По моему совету бесценные документы были отнесены в архив, однако восседающая там «девушка» заявила, что у них и так завал и бесконечно накапливать исторические свидетельства прошлого им не резон.

Сыграли свою роль в появлении русских фамилий в России и «фон-бароны» Германии. Есть основания полагать, что немецкие фамилии с приставкой «фон», такие, как **фон Бюлов** (известный в русской истории путешественник по России), **фон Трёсков** (участник заговора против Гитлера, член генерального штаба, застрелившийся после неудачного покушения на фюрера), **фон Кйзов** (знакомая Бетховена), Ульрика фон **Крёгов** (последняя любовь Гете), **фон Бюкке**, долго живший в России, **фон Лёвцов**, а также немецкие фамилии без «фон», но с окончанием «ов» (русский писатель Сергей **Минцов** и Игорь **Чиннов**, крупный русский поэт, живущий в США) – были результатом миграции населения в Пруссию из пограничных русских земель, которые затем, по обратной связи разными путями вернулись в Россию в формах *Фанбулов*, *Фанбуканов*, *Буканов*, *Фанкйзин*, *Кйзин*, *Крёков* и так далее. Такого же типа и фамилия русского писателя и драматурга XVIII века *Фонвизина*, которую когда-то писали отдельно: *фон Визин*.

Этимолого-социальные следы взаимной связи русско-немецких фамилий можно проследить и сегодня, приняв во внимание, что миграция населения практически шла всё

время, и по городам и весям современной Германии рассыпаны такие фамилии, как **Рёссов**, **Руссбах**, **Москвобоген**, **Русштэйн**, **Русмэнш**, **Руссехальт** при типично немецких именах **Ганс**, **Фриц**, **Фридрих**, **Дитрих** и других. Попалось мне один раз даже сочетание **Гюнтер Вольфганг Мёсква**, принадлежащее, как я лично выяснила, чистокровному немцу. Процесс онемечивания русского населения и, без сомнения, русификация немецкого, начался давно и о том, как германизировались личные имена у русских (а впоследствии, соответственно, и фамилии) рассказывает нам в повести «**Колываньский муж**» великий русский писатель **Н.С. Лесков**, который с большим интересом относился к вопросам ономастики.

У россиян есть немало фамилий с окончанием «иц» и «ец» — **Стёблец**, **Вальдец**, **Стэйниц** и другие. Это фамилии изначально немецко-польского происхождения. И вот одно из комичных, но убедительных свидетельств того, как интернационально континентальны наши многогородные семейные прозвания, которые носят представители совершенно разных стран, народов, национальностей и даже рас: во время Второй мировой войны главнокомандующие военно-морских флотов СССР, США и Германии были адмиралы по фамилиям, соответственно — **Трибуц**, **Нимиц**, и **Дениц**. Далёкие предки русского адмирала Трибуца вероятнее всего выходцы из Пруссии, а прадеды американского адмирала Нимица носили фамилию с основой от русского слова «немец».

Много наследственных семейных прозваний оставили России ассимилированные немцы: редкая фамилия **Фалетбров**, **Велетбров**, **Фалетуров**, **Валетуров** и **Велетиров** — от искажённого немецкого «*форейтор*», **Генделевы** от **Гендель**, **Фурманов** — от **Фурман** — тип фамилий, примыкающий к господствующей форме русских фамильных окончаний на «ов» и «ев». Другие ассимилированные немецкие фамилии принимали окончание «ин», как-то **Таубины** и **Таубкины** от немецкого *Taube*, **Трубины** и **Траубины** от немецкого *Traube*, хотя есть и **Трубины**, происходящие от русского слова «труба». Все эти многочисленные

наследственные семейные наименования среди русских часто совершенно неизвестны на первый взгляд, о чём свидетельствует немало занимательных случаев. Так, во времена жизни Ф.М. Достоевского предметом вышучивания со стороны недоброжелателей писателя была девичья фамилия его жены – *Сниткина*. Для ономастически непросвещённого человека корень этого семейного прозвания мог связываться только с русским нарицательным «*нитка*», что и заставило врагов Достоевского утверждать, что прародители Анны Григорьевны были портными. Но ничего общего с портняжным ремеслом фамилия *Сниткина* не имеет, а произошла она от немецкой, наследственной родовой формы *Шнитке* или *Шнитте*. Есть в России, кроме Сниткиных и другие фамилии этого же происхождения: *Шнитников*, *Снитников*, *Ситников* (последняя, думается, по ассоциации с ложной этимологией от «ситный», как назывался исчезнувший ныне в России превкусный сорт хлеба, искусными мастерами выпечки которого были немецкие булочники), *Шнитковы*, *Снитковские*, *Шитовы*, *Ситовы* и другие.

Удивительно и крайне интересно будет для русского читателя узнать историю происхождения фамилии бывшего главы советского государства *Гебргия Максимилиановича Маленкова*, которую я «вычислила» следующим образом: как только этот руководитель партии и правительства пришёл к власти, и его «иоф» (имя-отчество-фамилия на языке ономастов) начали беспрестанно повторяться всеми и повсюду, стало заметно, что русские произносят *Маленков* по-разному, не зная, как справиться с ударением в этой, как будто бы простейшей национальной форме. Произносятся её, как *Маленьков* или *Малинков* (а за рубежом многие старые эмигранты её до сих пор именно так произносят), никому и невдомёк, что ничего общего ни с русским нарицательным «маленький», ни с «малинкой» эта фамилия не имеет, и что Маленков – это изменённая под влиянием отечественных норм вполне узнаваемая немецкая фамилия *Mollenhoff*, принявшая, как и прочие того же типа (*Minzloff* – Мёнцлов, *Ditloff* – Дйтлов и др.) русское окончание «ов».

Что же касается отчества бывшего главы правительства СССР, то в России имя *Максимилиан* давалось, преимущественно в семьях пришельцев из Германии. Отец поэта Максимилиана Волошина, представителя Серебряного века, был запорожским казаком, но сыну было дано имя по желанию матери литератора *Елены Оттобальдовны*, урожденной *Глэзер* из семьи обрусевших с XVIII века немцев. А чтобы поставить точку над *i*, следует добавить, что в Оренбурге, где родился *Г.М. Маленков*, до сих пор, кажется, существует кирха, где, наверное, были прихожанами предки Георгия Максимилиановича, где они до его рождения жили в этом, носящем немецкое название, городе. В заключение не могу не сообщить читателю в качестве забавнейшего курьёза, что в 70-х годах в Сенате США заседал американец немецкого происхождения, сенатор по фамилии *Möllenhoff* – вылитый *Г.М. Маленков*, так что если трудно найти явные доказательства в опонастике, то характерно этнические черты (как в случаях семей Любских и Тальяшкиных) почти никогда не подводят. Также, как *Möllenhoff* веками бытовала в России фамилия *Kisselhoff*, которая потом превратилась в *Киселёв* и *Кисельков*, тождественная русским той же формы, где в основе происхождения лежит нарицательное «*kissel*», – название любимого в России напитка.

Среди происшедших от неприличных для русского уха и глаза словосочетаний из других языков, подобно уже упомянутому Педрилло, и образованных от них русских фамилий, находим мы и состоящую семантически (по смыслу) в тесном родстве с Педрилло отечественную фамилию **Фурцев**, прижившуюся у русского народа. Эту фамилию носила единственная за всю историю СССР женщина, которая входила в состав Политбюро 50-х годов Екатерина *Фурцева*. Исходная форма этого семейного наименования – древнегерманское «*ferzen*» (*ferzen*), синоним глагола «*педере*» (*pedere*), который исконно родственно присутствует во многих европейских языках. Никто, тем не менее, не может быть наверняка уверенным в немецком происхождении фамилии *Фурцев*, так как этимоло-

гия её может вестись и от *Фурс*-модификации простонародного русского имени *Фёрс*.

Не отставала от активного ономастического внедрения в российские национальные фамилии, а также аппелятивы (имена нарицательные) и Франция. Две русские семьи до сих пор спорят о правильном написании фамилии – **Савин** или **Саввин**? Спор беспредметен. *Ия Саввина* – актриса, а фамилия её, по крайней мере если судить по её написанию – патронимического характера и произошла от русского имени Савва, хотя в старые времена оно писалось только с одним «в» – Сава. Иван *Савин* – русский литератор, финн по национальности, взял себе фамилию Савин с одним «в» в качестве псевдонима. Этимология этого родового имени может быть разной, но одна версия особенно интересна. Мой отец, долгие годы живший и умерший в Саратове, хорошо знал потомство Ивана Александровича *Савина*, скончавшегося в возрасте ста шести лет в этом городе в начале века. Савин был французом, бывшим солдатом наполеоновской армии, который раненым после плена попал в город на Волге и остался там навсегда. Женился, имел детей и преподавал танцы в гимназии и французский язык в военном училище. Его настоящие имя и фамилия были *Жан Савэ* и поэтому потомки Ивана Александровича начали писать и пишут свою фамилию через одно «в».

«Здравствуйте, Машёрова Натáша!

Вы не только красотой лица, –

Каждым жестом, каждым словом вашим –

Редкостная копия отца!»

– так писала в стихотворении «Память» советская писательница Екатерина Шевелёва, обращаясь к дочери бывшего государственного и партийного деятеля Советского Союза *Петра Мирóновича Машёрова*, погибшего в 1980 году в автомобильной катастрофе.

Фамилия **Машеров** необычайно интересна и забавно вписывается не только в отечественную историю и социологию,

но и в ономастику, а именно и точнее в антропонимику и топонимику России.

История этого семейного прозвания следующая. Происходит фамилия *Машёров* от «*ma chère*» (французского обращения, которое значит «мой(я) дорогой(ая)». Выражение это, без сомнения, повторялось в разнообразных житейских ситуациях французами, бежавшими из России в Первую Отечественную войну 1812 года через те места Витебской губернии, где более века спустя родился бывший советский государственный деятель. Одним из неотвратимых прямых последствий этих «разнообразных ситуаций» явилось то, что как самому Петру Мироновичу, так и его односельчанам, среди которых немало Машеровых, а родились они в деревне *Шёрки*, а топоним этот возник, а потом изменился по ономастической шкале от ничего не говорящего русскому уху *Шеры* (по прозвищу живущих там «шёрок» и «машёрок») в *Шёрки* по ассоциации с русским «широкий», – досталась очень приятная, несколько аристократическая в понятии русских людей западная внешность, – так что ещё раз «виват!» точнейшей науке о генах. А красота Петра Мироновича *Машёрова* и его дочери Наташи напоминает прелесть темноглазого, златокудрого лица *Лёры Французовой*, история фамилии которой точно такая же, как и у Машеровых. Деда её родились в деревне Французовка, где-то в средней России, окрещённой так местными жителями по густо населившим этот уезд пленным французам, не пожелавшим вернуться на родину в том же 1812 году и предпочевших русских «шерок» девам страны Жанны Д'Арк. Облик бывших и настоящих поселян, уроженцев населённого пункта Французовка до сих пор резко, но выгодно отличается от внешнего вида окрестных жителей – низкорослых, кряжисто-раскосых, высокоскулых потомков скифов, мордвы и марийцев, называющих себя русскими.

Фамилия **Францúzов** нередко встречается в России не только у русских. Её взяли себе на границе при миграции на восток многие австрийские евреи, чтобы почтить австрийского императора *Франца Иосифа*, вступившего на престол в

1848 году, который включил в конституцию страны пункт о равноправии этого народа-скитальца и основал первые в Европе еврейские светские школы.

Обезьянины. Странная вроде бы русская фамилия, не так ли? Старинный этот дворянский род насчитывает членов этой семьи ещё со времён царя Алексея Михайловича, когда обезьянки были в России редкостью и обитали только в зверинцах при царских дворцах. А вот французы по фамилии *Обейссон* (*Obéissant*) при дворе были нередки. Полагать можно, что Обезьянины и пошли от французского этого слова, что значит «послушный», если принять во внимание удивление жителей Московии, когда они видели, как маленькие смешные существа точь-в-точь повторяют движения человека.

*Жил-был славный царь Додон
Смолоду был грозен он...*

– так начинает Пушкин свою «Сказку о Золотом петушке».

Русскому человеку фамилия **Додонов** (герой повести А. Неверова «Ташкент – город хлебный» – мальчик Мишка Додонов) кажется абсолютно своей и созвучна слову Дон, которое, между тем, никакого участия в образовании этой фамилии не принимало. Имя Додон – французского происхождения и взято Пушкиным из переводной «*Повести о Бове королевиче*», самого популярного для домашнего чтения литературного произведения России XVIII века, которое пришло из Польши и Белоруссии через Францию и Италию, оставив литературные следы по всей Европе. Антропоним Додон (у Пушкина Дадон) – модификация имени отца героя повести, Бовы, который по-французски называется *Dodo de Magance*, а франко-итальянское имя самого Бовы звучит *Bovo* или *Buavo* и именно от этих двух, заимствованных из старинной переводной русской повести иноязычных антропонимов пошли сначала имена и прозвища, а затем и образованные от последних фамилии **Ббвин** и **Додбнов**. К фамилии Бовин также имеет тесное отношение и ассимилированная

французская фамилия *Бовэ*. Эту фамилию носил известный архитектор, построивший в России XIX века множество прекрасных зданий, а в 634-ой школе в Москве, где я вела во времена оны английский язык в старших классах, учился *Юра Бовэ*, потомок архитектора, и я всегда любовалась его большими серыми глазами, кудрявой головой и совсем не русским складом красивой внешности. От прочих имён главных героев повести о Бове королевиче – *Лукопёр* (*Lucafer*), *Полкан* (*Pulicane*), *Салтан* и других пошли русские имена, клички, прозвища и фамилии *Лукопёров*, *Полканов*, *Салтанов* и другие, от них производные. От имени героини повести, *Друзианы* (ит. *Drusiana*), которая в русском тексте называется сначала *Дружнёна*, а потом *Дружнёвна* начали в России свою ономастическую судьбу *Друзины*, *Дружниковы* и *Дружнёвы*, а от другого женского персонажа, *Мильчигрии* (*Малгирия* тоже) повелись *Мальчигрины*, *Мальчирины*, *Мильчакóвы*, *Мальчиковы* и так далее. Имя главной героини повести о Бове, *Дружневна*, кроме всего прочего положило основу и русскому типовому канисному (кличка собаки) – *Дружók*, а *Полкан* и *Салтан* другим, без изменения заимствованным, самым популярным в XIX – начале XX века прозвищным именам собак, о чём рассказывается в одной из глав настоящего труда.

Одна из русских семей вековой династии рабочих текстильной фабрики в окрестностях подмосковного древнего города Дмитрова носит фамилию **Барсакóвых** и все члены её, даже маленькие дети поправляют тех, кто произносит её, как *Барсукóв*, отождествляя с русским нарицательным «барсук», так как родовое прозвание этой семьи произошло от французской фамилии *Барсáк*, один из представителей которой приехал в середине XIX века из Франции при очень романтических обстоятельствах в Дмитровский уезд для налаживания там текстильного производства, остался, женился и положил начало русской фамилии *Барсакóв*.

Представители одной из московских семей именуются **Мамзелевы**. История происхождения фамилии Мамзелев,

образованной от французского обращения к девушке, – мадмуазель (mademoiselle) в русском просторечии «мамзэль», судя по некоторым семейным документам и преданиям, ещё интереснее, чем сага о родовом прозвище *Барсако́в* и уходит корнями в далёкое прошлое России, связанное с судьбой сестёр, сосланных в XVIII веке в Холмогóры брауншвейгской семьи убиенного в Петропавловской крепости *Иоáнна Анто́новича*, правнучатого племянника Петра Великого, возможного претендента на русский престол.

«Как? Неужели он и протопопше строил куры?» – восклицает, ведя с «дамой, приятной во всех отношениях» беседу о Чичикове в «Мёртвых душах» Гоголя «дама просто приятная», которую я сама изображала подростком на школьной сцене, сознательно связывая фразу «строить куры» не с курицей-птицей, а с фамилией Жени *Ферлакуровой*. С девочкой Женей задолго до своей сценической «деятельности» я дружила в юные годы в далёком городе Барнауле Алтайского края. Она была из когда-то сосланных в Сибирь семьи французского происхождения, и я всегда наслаждалась какой-то нерусской аурой их домика и чистенькой бабушкой в чёрной наколке, которая помногу раз рассказывала мне, что расшифровывается это наследственное семейное наименование исходя из французского «*faire la cour*», что по-русски означает «ухаживать за кем-либо». Жаловалась бабушка только на то, что фамилию постоянно искажают, произнося её как **Феракúровы**, **Фикúровы**, **Фигúровы** и даже **Факíровы**. Пятнадцать лет назад внук её официально изменил фамилию **Ферлакуров** на **Фигúров**.

Владимир Соллогуб, писатель XIX века и автор знаменитого «Тарантаса», упоминает в своих воспоминаниях фамилию *Лепрiнцев* от *Le Prince* (фр. князь), которое трансформировалось в нередкое для русских **Непрiнцев**.

Следуя поговорке «на ловца и зверь бежит», русские наследственные родовые прозвания с затушёванной этимологией

сами шли ко мне в руки от отдельных лиц и семей в России, а также за границей при обстоятельствах самых неожиданных, благодаря чему удалось мне набрести на ряд материалов, ещё как будто не тронутых отечественными именоведами. Например: известная русская фамилия **Мансвѣтов** – тюркского происхождения, начало которой положил татарский хан **Мансвет-Гирей**, хозяйничавший в Сибири на заре российской истории.

Фамилия **Бессемѣнов**, которой М. Горький наделил в своей пьесе «Мещане» главных персонажей, происходит, как мне кажется, не от «безсеменной», о чём писали, стараясь притянуть к ней социально отрицательный смысл к значению, по утверждению некоторых советских литературных критиков этой вырождающейся семье, а от «*бесермен*», как назывались в старорусском языке *татары*. К этому выводу я пришла после знакомства с членами нескольких ветвей этой фамилии, связанных между собою тесным родством, которая в разных вариантах модифицировалась и писалась её представителями по-разному: **Бесермѣновы**, **Бесермѣановы**, **Басурмѣановы**, **Бессемѣновы**, **Беремѣновы**, **Брѣмины** и даже **Бармины**.

Яуза – название нескольких рек в России. Недалеко от Москвы, через городок Зубцов протекает река *Вазуза*, имеющая тот же корень слова. Обосновать историю этимологии слов с основой «уз» европейского происхождения этимологи считают весьма трудным, но там же, в *районе Зубцова*, по моим давним наблюдениям, сохранилось в разных оттопимных определителях много слов из языков прибалтов, в те времена – литовцев, набегавших в эти районы в XIV-XV вв. *Яузе* – латышская фамилия, но встречала я её и в варианте *Яузов*, принадлежащей русскому. Не в тесном ли родстве с этой фамилией состоит семейное прозвание **Каузов** – фамилия «героя-любownika» комедийной драмы, женившегося по высочайшему приказу из Москвы в 70-х годах на Кристине, пыле покойной дочери греческого миллионера Опассиса, второго

мужа Джеклин Кеннеди? Хотя, вероятнее всего, *Каузов* – фамилия искусственная, образованная от латинского «*causa*», которая в старой России до последней трети XIX века давалась молодым людям при поступлении в духовную семинарию.

К русским фамилиям, пришедшим из английских родовых прозвищ, ассимилированных ещё в допетровские времена типа **Городанов** (от англ. Гёрдон), **Хомутóв** (от англ. Хэмилтон), **Резанов** и **Рóзанов** (от Резан) можно прибавить необычную фамилию **Еварлáков** – от английского сочетания «*éver lucky*» в значении быть всегда удачливым. Еварлаковы появились при русском дворе ещё во времена Алексея Михайловича и неоднократно упоминаются в русской истории и позже, после царствования «тишайшего царя». Потомки вельможи Еварлакова при Екатерине II, впоследствии отбросили приставку «евер» и стали называть себя сначала **Лáковыми**, а потом, в конце XIX – начале XX века и особенно во времена революции, всё время снижали своё наследственное прозвание и, боясь репрессий, довели его форму до социально более «низкого», простонародного звучания **Лúковы**, **Льковы** и прочих однокорневых фамилий.

Встречаются в России и такие наследственные формы-идентификаторы личности как **Америкáнцев**, **Лóндонов**, **Парíжский**, **Орлеáнский** и даже... **Нью-Йóркский**.

Происхождение их наверняка разное, но если они принадлежат русским, то логика говорит за то, что так прозывались те члены прошлых поколений этих семей, которым пришлось жить в Америке, Лондоне, Париже и так далее. Советская книга для юношества (автора припомнить не могу) «Джек Восьмёркин – американец» рассказывает о подростке Яшке, который попал в Америку из России. Вот его-то потомки и могли получить кличку «америкáнцы», по имени Джека, как стали называть Яшку в России, а потом фамилию **Американцевы** и даже закрепить её за собой в качестве официальной. Российские граждане, называющие себя **Парíжскими** или **Орлеáнскими** (представителя последней фамилии я хорошо

знала), имеют явное отношение к тем небольшим сёлам и городкам на Урале, в Сибири и на Алтае, по названию *Париж*, *Орлеан*, *Монмартр* и другие, которые были основаны русскими солдатами, вернувшимися из Франции после пребывания в вышеуказанных местах во время войны с Наполеоном. Солдаты эти получили в подарок от царского правительства свободные земли и использовали данное дарителями право называть эти новонаселённые места полюбившимися им французскими названиями.

Есть в России и семьи с этимологически непонятными для русского уха фамилиями. История некоторых из них забавна и удивительна. Так, в Ленинграде, в молодости, я знавала юного инженера по фамилии *Лабиннаг*. Лицо его странным образом мне кого-то напоминало. Что же оказалось? Некоторые родственники великого русского поэта были столь женолюбивы, что заимели множество внебрачных детей от своих крепостных «метрэсок» (последнее слово французского происхождения, соответствующее в те времена термину «барская барыня»). В XIX веке многие из потомков этого рода, как две капли воды похожие один на другого, подали прошение на высочайшее имя с просьбой называться фамилией своих биологических отцов. Николай I изучил, как мы теперь говорим, ситуацию, усмехнулся и высочайшей рукой начертал на прошении: *«Присвоить просителям фамилию Ганнибал, но только задом наперёд – сиречь Лабиннаг, а не Ганнибал. Николай»*.

Копия этого документа эпохи сохранилась и находится в архивах Пушкинского дома в Ленинграде.

Евреи стали селиться на территории теперешней России задолго до образования Киевской Руси и хоть туго, но смешивались с коренным населением, обогащая русский ономастикон так называемыми «говорящими» фамилиями, или, как они ещё называются на языке именоведов «фамилиями-вывесками», которые лингвистически ясно указывали, какая национальность положила основу данному роду.

В русском фольклоре слово «жидовин», которое до XVIII века, так же, как и слово «жид» не имело обидного смысла, – частый гость. Так, в одной из русских былин Жидовинмогуч богатырь сражался с Ильёй Муромцем и поначалу даже одолел его; Роман **Жидовинов** – крепкий сторожевой, отчаянно защищающий русские позиции, упомянут в «Сказании о Мамаевом побоище», а русское старинное имя *Садко*, ведущее своё происхождение от древнееврейского Саддук (Saddg), которое носил новгородский гость-купец, дало Руси фамилии *Садков*, *Сатков* и им подобные. Все знают автора рассказов для детей – Бориса *Житкова*. Эта фамилия, частая у русских, имеет двойное происхождение – от клички «жидок» (есть в России существующая до нашего времени деревня *Жидки*, где живут геры, как называются православные русские, перешедшие в иудаизм в середине XIX века, об интереснейшей истории которых мне рассказал потомок основателя этой секты Яша Жуков, живущий сейчас в Израиле) и от русского прилагательного «жидкий» (Лука Жидкий – участник Медного бунта в Москве в XVII веке).

Фамилия **Юдин** у русских от христианского имени Иуды, но не в память Иуды Искарюта, предавшего Христа за тридцать серебряников, а от Иуды – четвёртого сына библейского Иакова, сына Авраама, защитившего молодого Иосифа от злобы братьев, и от «юде», немецкого обозначения еврея, а тётка Павлика Морозова, белоруса по национальности, носила фамилию *Беркова*, часто встречающуюся среди белорусов и русских в пограничных с этой областью местах – явно от уменьшительного мужского еврейского *Берка* от Берл на идише.

Интеллигентный мир знает и чтит Николая **Евреинова** – русского драматурга, режиссёра, теоретика и историка театра. Фамилия *Евреинов* пошла от Матюшки Григорьева, жившего «с сыном Петрунькой да с братом Федкой Григорьевыми» в Мещанской слободе, как зарегистрировано в одной из переписных книг жителей города Москвы XVII века. Матюшка

(Матвей), «евреин» из пленных, сначала торговал в овощном ряду, но вскоре дошёл до звания мещанского старосты, а затем попал в Гостиную сотню, высший класс московского купечества. Его сын, Яков, носил уже фамилию *Евреинов* и под этим родовым «кодом» известен в русской истории как основатель-владелец шёлковой фабрики в Москве и общественный деятель, занимавший в российском государстве крупные правительственные посты, вплоть до президента Коммерц-Коллегии. Именно от него и пошли знаменитые русские Евреиновы.

Но есть в современной России и граждане, которые, ставя в паспортной графе номер пять слово «русский», носят фамилию еврейского происхождения, не имея о том никакого представления, ибо всё, что связано с корнями этих родовых названий, давно поваплено во тьме веков. Истоки ряда русских фамилий еврейского происхождения ведут своё начало от личных имён и аппелятивов (имён нарицательных) Хазарского каганата (царства), образовавшегося на огромной территории южной части России в VII в. н.э. Хазарские правители избрали своей официальной религией *иудаизм*, но под их властью мирно сосуществовали евреи, христиане, мусульмане и язычники. От этнонима (названия национальности) *хазар*, *хазарин*, *казар*, *казарин*, как назывались жители царства, а также от личного имени *Азар*, одного из сыновей хазарского хана Тогармы, пошла у русских людей фамилия **Азаровы, Хазаровы, Назаровы и Казариновы**. На территории Хазарского каганата находились древние российские марийцы, чуваша, а также татары, антропонимика которых удержала некоторые имена хазарского происхождения, в частности, современное татарское имя *Когын* от «каган», корня одной из самых типичных фамилий сегодняшнего еврейства, а также мужское имя *Саркел*, связанное, вероятно, с названием Саркел-столицы древних хазар на нижнем Дону, от которого пошли оттопонимные фамилии **Саркелов, Сакелов, Саркулов** и даже **Соколов**.

Разумеется, за прошедшие тысячелетия образовалось много гибридных слов и, конечно, имён, когда найти корень и, тем более, провести ясную линию происхождения данной лексической единицы трудно. Встречала я и очень редкую у русских фамилию Каганатов (Кагатов, Кугатов) и, если учесть, что Хазария когда-то называлась «каганатом», то многое в истории этого родового прозвища может проясниться при её тщательном изучении.

В связи с анализом истории названий типичных национальных зоонимов заинтересовала меня и фамилия Буланов, которая, несмотря на давнишнее заимствование из тюркского, считается чисто русской. Если следовать обычной модели образования древнерусских фамилий от дохристианских имён, то эта родовая форма должна быть образована от личного имени Булан. Но такого имени ни в старых грамотах, ни в словаре древнерусских имён нет. Есть Булат, есть Булгак, но Булана нет. Имеется, правда, в родном языке от этого же корня один из самых распространённых эквусимов (ключек лошадей от латинского equus) – *Буланый*, *Буланко* и пр., но связь этой клички с именем собственным пока неясна. Фамилия **Буланов** встречается в архивных документах довольно поздно, только в XVI веке, однако практика ономастических исследований показала, что отсутствие в писцовых книгах и других документах отдельных слов и имён при широком распространении образованных от них фамилий отнюдь не показатель того, что они не существовали в прошлом.

Происхождение имени и фамилии Булан и *Буланов* может, теоретически, объяснить тот малозвестный факт, что у *хазар* был мудрый царь *Булан*, первым принявший иудаизм, имя которого, без сомнения, заимствовалось всеми жившими под властью каганата народами, в том числе и великороссами.

Имена других хазарских царей также перешли к окрестным населением, трансформируясь в фамилии национальностей современной России. Очень близка к истине гипотеза о том, что русские Вадии, Овадии и Авадии имеют корнем древнеиудейское Овадия, имя хазарского царя, который сле-

лал иудаизм официальной религией этой страны; **Анўкины**, **Анўчины** и **Анўчкины** (последняя – фамилия одного из персонажей «Женитьбы» Гоголя) пошли не только от русского слова «онучи», но и от мужского древнееврейского имени **Ханука**, которое в настоящее время употребляется только в качестве хремотонима, имени нарицательного, обозначающего название праздника; **Завулóновы** и **Закхёевы** от мужских Завулон и Закхей, а **Насýмовы** (**Назýмовы**) от антропонима **Нисýм**. **Алла Левентон**, русская актриса, переселившаяся в 20-х годах в США и достигшая там огромной популярности, взяла себе в качестве сценического псевдонима фамилию **Назýмова**. Прелестную, синеглазую Аллу Назимову помнят и почитают в США до сих пор...

Из вышеперечисленных имён **Завулóн** (Звулон) и **Нисýм** используются и сейчас как антропонимы в государстве Израиль, а «завулóн» употребляется и как глагол в значении «чувствовать кого-нибудь», а также прилагательное со значением «высокий, величественный», довольно редкие случаи совпадения имён собственных и нарицательных, подобно русским Вера, Надежда, Любовь. Завулон был шестым сыном библейских персонажей Якова и Лии; **Закхей**, старинное библейское имя в значении «чистый, светлый», стоял во главе одной из древнеиудейских сект, оказавшейся в вавилонском плену. Как историческое лицо известен Иоханнán бен Закхей (Иоханнан, сын Закхея), ведущий философ Иудеи II века нашей эры. В США антропонимы Завулóн и Закхей всё ещё включаются в именник и даются, правда, весьма редко, мальчикам. В словаре русских личных имён Н. Петровского издания 1966 года в СССР, имена Завулон и Закхей упоминаются только как входящие в список перечисляемых на букву «з», но, страха ради иудейска (удачный каламбур, не так ли?) – знамения того времени – без какого-либо упоминания об их происхождении. А в дореволюционной России они когда-то были включены в святцы, употреблялись в качестве крестильных и, следовательно, служили основой для возникновения фамилий, однако в XVIII веке из календаря были изъяты «как редко употребляющиеся в русских семьях». По этой же причине

исчезли из святцев и женские библейские имена **Сáрра**, **Лія**, **Рахїль**, **Руфь**, **Ревéкка**, **Эсфїрь**, а также **Юдїфь** и многие другие, менее известные. Имя Сарра у русских употреблялось ещё в XVIII веке к крайнему смущению нынешних историков литературы, которые только-только начинают знакомиться с новой наукой XX века, ономастикой, так как *Саррой звали прабабку Пушкина*, да не по матери (тут есть кое-какие занимательные исторические показатели, над которыми сейчас ведётся интенсивная работа), а по отцу, и звали её **Сáрра Юрьевна Ржéвская**, как и *дочь Толстого-Американца*, талантливую девушку-поэтессу **Сарру Толстую**, умершую в семнадцать лет.

В наше время и ранее древнееврейские антропонимы широко использовались и используются в западных странах среди как католиков, так и протестантов, а у россиян даются теперь либо в русских православных монастырях на родине и за рубежом, либо в среде русских сектантов-пятидесятников, у которых особой любовью пользуются имена Авраам и Сарра.

Есть русские фамилии, которые отражают то или иное событие в России и участие в нём евреев. Эти события упоминаются в старинных хрониках, актах и прочих документах, включая устные предания. Так, к истории возникновения фамилии **Баркагáнов** имеет, вероятно, тесное отношение устное предание, которое бытовало в районе Полоцка, передаваясь из уст в уста до середины XIX века. Предание повествует, что, когда Иван Грозный захватил в 1563 году Полоцк, он приказал утопить в Двине всех евреев с жёнами и детьми, всего три тысячи человек. Людей поставили на лёд, и когда лёд разрубили, все пошли ко дну. Но добрые люди из числа жителей города спасли двух детей, мальчика и девочку, детей коэна (кагана, священноучителя), а когда дети выросли, то получили прозвище Бар-Коэн, откуда и пошла русская фамилия **Баркагáновы**, **Баркáновы**, **Барогáновы**, **Барáновы**, **Аркагáновы**, **Аркáновы**, а так же прочие, и у меня самой есть две знакомые, одна еврейка по фамилии **Баркагáн**, а другая русская – Баркагáнова.

Бытует у россиян разных национальностей и фамилия **Бербе́ров**. Эта фамилия также еврейского происхождения. Берберийские племена Северной Африки принимали иудаизм ещё в доисламский период. Племя Джара́уа властвовало надо всеми берберами, а во главе племени стояла еврейская правительница Дагийя́ Ал-Кагина́ (вспомним современное татарское женское имя Когына́), где Кагина тоже имеет своим корнем еврейское «каган». Воинственная Дагийя́ была убита в бою с арабами у источника, который до сих пор называется Бир Ал-Кагина. Множество берберов, входивших в её войска, прошикло в Россию, считая себя иудеями, а от названия этого племени и пошло в России родовое прозвище Берберов (русская писательница Н. Берберова, живущая в США, семья Берберовых в Баку, воспитывавшая в доме ручного льва, который, в конце концов, нескольких членов семьи и растерзал) и т.д.

Есть вполне обоснованное предположение, что название источника, **Бир Ал-Кагина** дало основу для образования фамилии **Бира́лов**, **Обира́лов** и других того же рода.

Русские фамилии еврейского происхождения, завуалированные типичными для русских наследственных прозваний суффиксами «ов» и «ин», насколько известно, не были ещё предметом глубокого ономастического исследования. Как пример приведу родовое имя **Белинко́в**, носитель которого **Арка́дий Ви́кторович Белинко́в**, выдающийся русский публицист, «протопоп Аввакум XX века», скончался в США в 1970 году в расцвете своего огнепального таланта. Его фамилия, имевшая так же, как и **Маленко́в**, типично национальную форму, совершенно сбивала с толку тех, для кого родной язык – русский, и произносилась либо **Белиньков** (от «беленький»), либо **Бели́нков** или **Белянков** (от «былинка» и «белянка»), а то **Беликов**, **Белков**, **Белянков** или **Блинков** и на все другие, какие только возможно лады, которые носят фамилии с корнем «бел». Между тем, фамилия **Белинков** это трансформация на русской почве старинного еврейского прозвания **Бя́лик**, о чем А.В. сам рассказывал. Отечественная литература знает фамилию **Беликов**, героя рассказа Чехова «Человек в

футляре». Происхождение этой фамилии, судя по некоторым, моим собственным соображениям, Чехову было известно.

Производя предварительный анализ некоторых неславянских семейных наименований, бытующих в России, не могу не отметить, что меня давно занимают этимологические корни фамилии деятеля перестроечного периода Бориса Николаевича **Ельцина**. Фамилия эта неискушённому в ономастике рядовому гражданину страны кажется типично русской, и только ономаст-профессионал может понять, насколько она русифицировано затемнена. Подобно семейным наименованиям Маленков и Белинков, фамилия эта не проста, а разница только в том, что, если родовое прозвище Георгия Максимилиановича влечёт за собой путаницу в произношении, то наследственное семейное Бориса Николаевича – в написании. Фамилия *Ельцин* до того, как она замелькала на страницах прессы, «тянула» на написание окончания через «ы», то есть *Ельцын*. Чередование «ы» и «и» в окончаниях некоторых российских фамилий играет важную роль, и именовед-специалист, проведя ономастический анализ, отнесёт фамилию Ельцин к пласту тех, которые образованы не от названия города Елец (в этом случае было бы Ельцов, Елецкий, персонаж оперы «Пиковая дама», или Ельчанинов, представитель старинного дворянского рода), а от еврейского антропонима, деминутива (уменьшительного) женского имени *Ельця*.

Для жителей пограничных с Россией на Западе еврейских местечек (слово «mestechko» вошло в интернациональную лексику), где мужчины и женщины часто назывались кажушимися для русских уничижительными именами, благодаря окончанию «ка». Это правильно только отчасти, но этого вопроса я здесь не касаюсь. Фамилии, образованные в силу разных исторических причин от женских, а не мужских имён, как это большей частью бывает у русских, широко популярны у евреев, например *Дворкин* от Дворка, *Ривкин* и *Рывкин* от Ривка, *Малкин* от Малка, *Хенкин* от Хенка (вспомним знаменитого советского эстрадного артиста Владимира Хенкина) и так далее. Для некоторых юго-западных областей России

характерным окончанием тех же уменьшительных было не «ка», а «ця», как-то *Ёльця* и *Эльця*, *Рівця*, *Райця* (от Райка), *Дульця* (от Дебора) и прочих, от которых и пошли еврейские фамилии типа Ельцин, Ёлкин, Елчин, Елшин, а также другие, образованные от иных имён, в которых, по закону чередования согласных в русском языке «ч» переходит в «ц» и «ц» в «к» и «ч». На Руси людей с такими фамилиями множество: покойный Миша (Михаил) *Райцин*, певец-тенор, певший на сцене Метрополитен Опера; Аркадий Райкин, незабываемый советскими гражданами представитель эстрадного искусства, и другие.

Что же касается фамилии *Ёльцин*, то она встречается и в США, попав в Америку вместе с эмигрировавшими сюда в конце XIX века евреями, бежавшими от погромов в России, и отец мужа миссис Клары Елкин, общественной деятельницы, принимающей активное участие в жизни одного из еврейских организационных центров Нью-Йорка, которые по-английски называются «Джуиш коммьюнити сентер», а на языке последних эмигрантов из России, именующих себя «третьей волной» – Джуйка, – носили в России фамилию Ельцин.

Фамилии подобного рода встречаются и в русской литературе, в частности, в пьесе А.Н. Островского «Последняя жертва». Это единственная пьеса великого драматурга, в которой фигурируют национальные меньшинства, или, как их прежде называли в России, инородцы. Антигерой этой пьесы, «молодой человек», как определяет его автор, зовётся **Вадим Григорьевич Дульчин**. Фамилию Дульчин с первого взгляда можно принять за патронимную, образованную от старинных русских календарных имён Дул или Дула. Но Дул даёт нам фамилию Дулов (Вера Дулова – известная арфистка 30–50-х годов XX века в России), а от имени Дула ведут своё начало Дулины, которых в России, вероятно, изобилие, если только среди своих знакомых я могу указать двух, носящих эту фамилию. Сочетание Вадим Григорьевич Дульчин, вообще очень для ономаста интересное, подтолкнуло меня к усиленному анализу всех трёх компонентов его «иоф», в результате чего я пришла к заключению, что безумно любимый вдовой Юлией Тугиной

«молодой человек» был из крещёных евреев. Фамилия его это прямая трансформация от еврейского сокращённого **Дульця**, превратившегося по парадигме (шкале) **Дулька-Дульця-Дульчя** в фамилию **Дульчин**. Имя героя, **Вадим**, происхождение которого вплоть до сегодняшнего дня туманно для русских ономастов, пытающихся притянуть его этимологию к старославянскому «вадѣти», что для некоторых совсем неубедительно, восходит, по моей гипотезе к **Овадія**, древнееврейскому имени (так звался один из князей, которых Иосафат послал учить народ). В попытке разрешить этимологическую загадку имени **Вадим**, предполагаю, что когда-то евреи при переходе в христианство, брали себе в качестве будто бы православного имя с корнем «вад» своего национального имени **Овадія**, прибавляя к нему типичное для древнееврейских антропонимов окончание «им» – типа **Иоахим** (русское **Аким**), **Никодим**, **Онисим**, **Рувим**, **Херасим** (**Герасим**) и так далее. О том, что **Вадим Григорьевич Дульчин**, а вернее навеянный **Островскому** прототип этого образа был из «обращённых» в христианскую веру иудеев, говорит и его отчество, **Григорьевич**, так как имя **Григорий** часто бралось евреями по имени **Гершель** при переходе в господствующую религию России. О том, что **Дульчин** фамилия никак не русская, говорит и тот факт, что граждан с подобным родовым прозвищем немало в Израиле, а типичный их представитель **Арье Дульчин** – всем известный общественный деятель, предки которого прибыли когда-то из России.

Русских фамилий, явно говорящих о своих древнееврейских и идишских (от «идиш» – название новоеврейского языка европейских представителей этого народа) корнях в России много. Так великий русский химик **Менделѣев** получил фамилию, данную его отцу по имени **Мендель** при крещении. Среди моих знакомых в русской семье, где скрестилась масса национальностей, что теперь наблюдается сплошь и рядом не только в России и США, но и во всей Европе, есть некто

* Была и модификация этого имени – **Овадим**.

Толецкий, открывший недавно, что его прадед, еврей, носил оттопонимную фамилию Толедский и был выходцем из испанского города Толедо, а фамилия Добрыкин сосуществовала до революции как у евреев, так и у русских города Екатеринослава (ныне Днепрпетровск) и часто взаимозаменялась по созвучию с чисто русской старославянских корней фамилией Добрынин (Добрыня Никитич – русский богатырь, герой былин). Но Добрыкины – выходцы из венгерского города Добрекен, где жила в рассеянии многочисленная группа евреев, бежавших из Испании во времена Фердинанда и Изабеллы и, таким образом, так же, как и Толедский, ведёт своё начало от топонима. Сходна с вышеупомянутой и фамилия *Любáвин*, которая, подобно двум вышеупомянутым, имеет двуосновную этимологию – от старославянского женского имени *Любáва* и топонима, названия города *Либáва* (бывшая Курляндия, ныне город Лиеная, часть Латвии), откуда пришли в Россию многочисленные представители еврейского населения.

Не желая никого причислять к большим или малым народам, ибо «большой» и «малый» воспринимаю только как обозначение количество, но не качества, напоминаю, что работа в области историко-социолого-ономастических изысканий даёт нам огромный материал, свидетельствующий о том, что при внимательном рассмотрении генеалогических древ «высоких» и «низких» русских фамилий можно обнаружить среди Кирибеевичей после того, как их «поскребёшь», не только тюрков, татаро-монголов и прибалтов, но и все другие народы мира. Так, **Пётр Пáвлович Шафíров**, сподвижник Петра I, еврей-христианин, был женат на **Анне Степáновне (Самбýловне) Копьёвой**, также из семьи крещёных евреев, а их дочери повыходили замуж за представителей старых аристократических родов Рюриковичей и Гедиминовичей, потомков, в свою очередь, викингов, дав России одних из самых всем известных выдающихся деятелей, среди которых:

Братья Матвей и Михаил Виельгóрские – музыканты, XIX век.

Самáрины – славянофилы, XIX век.

Пётр Андреевич **Вяземский** – поэт, друг Пушкина, XIX век.

Афанасий Афанасьевич **Фет** – поэт XIX века.

Сергей **Трубецкой** – князь, философ, XIX век.

Сергей Юльевич **Витте** – выдающийся государственный деятель при Николае II, XIX-XX век.

Феликс **Юсупов-Сумароков-Эльстон** – князь, инициатор убийства Распутина, XIX-XX век.

И, наконец, «красный граф», талантливейший русский писатель нашего времени – Алексéй Николаевич **Толстой**.

Чтобы продемонстрировать, как скоро забывается происхождение фамилии и, какие в связи с этим возникают огромные трудности в нахождении её этимологии, приведу два примера из жизни Соединённых Штатов вчера и сегодня, где речь идёт о русских семейных именах.

Один из них касается названия микротопонима в Бруклине, части Нью-Йорка, а именно **Óloff street** (впоследствии **Oloff boulevard**). Название своё, **Óлофф**, не только улица, но когда-то и большая часть этого района, получила по принадлежности её владения голландцу (по другим сведениям датчанину) по фамилии **Óлофф ван Кóртланд** (**Óloff van Córtland**), который был одним из первых приехавших в Новый Свет европейцев, поселившихся в этих местах будущего города-великана. Название улицы долго не вызывало никаких сомнений ономастов, поскольку **Óлоф** (**Óлаф**) типичный скандинавский мужской антропоним. Однако старинные документы Национального Географического общества Нью-Йорка, на которые случайно наткнулись недавно в древних архивах в поисках чего-то другого городские следопыты, сообщили, к огромному удивлению историков города, что хотя **Олофф стрит** действительно называлась так по имени голландца, но сам-то он ведёт своё происхождение от одного из... братьев **Орловых**, вельмож Екатерины II, имя его не **Олофф**, а **Óрлофф вон Кортланд**, а сама улица, изначально и вплоть до 1937 года называлась **Орлофф стрит** (**Orloff street**). Желая получить хоть какие-нибудь дополнительные

сведения относительно этого интересного названия, я обратилась в соответствующие организации, но натолкнулась на огромную проблему, которая заключалась в том, что теперь, в результате реконструкции этого района, а, следовательно, и улицы, названия Orloff на карте города нет, и для того, чтобы с точностью установить этимологию названия, исчезнувшего микротопонима, потребуется несоизмеримый с возможностями сегодняшнего дня труд.

Второй пример – из области не столько этимологии, сколько истории присвоения русской фамилии американцу и быстро забытых сопутствующих этому обстоятельству моментов.

Речь идёт о том, что полная форма имени и фамилии мэра столицы США Вашингтона восьмидесятых годов читается как **Мэрион Шепилов Бэрри** (Marion Shepilov Barry), где **Мэрион** – имя, данное ему при рождении, **Бэрри** – фамилия, а **Шепилов** – среднее или второе имя, которое (это зависит от того, к церкви какой религиозной деноминации принадлежит человек) можно взять себе во время конфирмации в возрасте 13-14 лет.

Но мэр **Мэрион Бэрри** получил своё второе имя не при конфирмации, а совсем при других, несколько комических обстоятельствах. Когда он был ещё молодым человеком, «интеримкнувший к ним шепилов», член правительства СССР, был на устах у тех, кто сочувствовал борьбе арабов с израильтянами, будучи на стороне первых. Поскольку **Шепилов** урегулировал в пятидесятых годах один из арабо-израильских конфликтов в пользу Египта, арабы, прославляя его, стали давать фамилию **Шепилов** в качестве имени собственного поворожденным мальчикам. Позже, уже в 60-х годах, когда юных Шепиловых было довольно много в Северной Африке, и личное имя это было среди негритянского населения известно, **Мэрион Бэрри**, при задержании его полицией в связи с каким-то инцидентом, который к политике не имел никакого отношения, назвал себя тоже **Шепиловым**, чтобы скрыть своё настоящее имя (показывать удостоверение личности, которым в США большей частью являются водительские

права, в Америке не всегда требуется, так как обычно верят на слово). Форма Шепилов попала в досье и стала частью его официальной идентификации, но в связи с каким именно обстоятельством мэр города Вашингтона, столицы Соединённых Штатов носит в качестве второго имени русскую фамилию Шепилов, принадлежащую нартийному деятелю Советского Союза – давно забыто...

Заканчивая краткий обзор мульти-этимологий фамилий *потомков Кирибеевичей*, хочу рассказать читателю, как и моё родовое прозвание чуть было не попало в число тех, которые имеют «двойное дно».

Мои далёкие предки ведут своё происхождение от *Неустройко Чепурнова*, «извощика», жившего в подмосковном селе, владельцем которого в начале XIX века стал помещик Зверев, о чём я рассказываю в своей книге «Мелкий жемчуг». Внешне мои прадеды, крепостные, да и их потомки, были по простонародным понятиям очень красивые, высокие, кудрявые люди, на что и указывает их фамилия, ведущая своё название от древнеславянского «чепурный», что значит высокий, красивый, кудрявый. Но самой отличительной чертой их внешности были высокие лбы, что и послужило причиной того, что помещик Зверев дал моему прадеду прозвище... *Сократ*. Василий Яковлевич Чепурнов ничего, конечно, об афинском мудреце не знал и принял прозвище греческого философа спокойно. От прозвища образовалась фамилия *Сократовы*. Эта «поулошная» фамилия, то есть фамилия, данная в обход официальной окрестными жителями, привилась настолько, что сохранилась даже в перенесённых книгах после отмены крепостного права. Когда мой отец, который, конечно, уже очень хорошо знал и историю фамилии *Сократов* и её происхождение, поступал во время Первой мировой войны в Школу прапорщиков, выяснилось, что в каких-то списках он числится не как Чепурнов, а как Сократов, и он, по его словам, с трудом вернул себе свою родовую фамилию.

Где-то на Волге и в Московской области до сих пор живут мои кровные родственники с высокими лбами, в документах

которых у некоторых стоит Чепурнов, а у других – Сократов, а третьи ещё лет пятьдесят тому назад именовались Чепурновы-Сократовы или Сократовы-Чепурновы.

Ведущие социологи считают, что главная трудность в установлении мира в душах всех народов земного шара сегодня, лежит в искоренении национальных и расовых предрассудков. Это имеет теснейшее отношение к ономастике. Какое? Самое прямое.

Некоторые именологи до сих пор утверждают, что фамилия, при нормальных условиях жизни – самая устойчивая, труднее всего поддающаяся изменению часть идентификации члена любого общества. Ещё недавно многие из нас улыбались, считая за шутку предсказания футурологов о том, что не за горами то время, когда имена и фамилии любого индивидуума будут заменены померами. Однако не успели мы и глазом моргнуть, как оказались в XXI веке – веке мгновенных скоростей и изменений самого широкого характера во всех направлениях бытия, когда жизнь нашу стала регулировать машина. Компьютер.

В XXI веке, то есть уже сейчас, человек не в состоянии так же мгновенно и спокойно, как машина, приспособиться к гонке быстропесущегося вперёд мира и проводить своё существование в беге. Ему некогда, и он старается справиться хотя бы с основными трудностями из массы сваливающихся на него ежедневно дел и забот. Но Регулятору нашей жизни, компьютеру, тоже некогда, и он, как и человек, старается отобрать из любой информации, распирающей его искусственную память, главное, отбрасывая второстепенное. За последнее время в США, передовой стране мира, как во всём приятном, так и неприятном, сообразуясь со вкусами допотопного по меркам XXI века индивидуума, появилась *новая проблема. Проблема, связанная с ономастикой*, а именно – с *исчезновением* нашего наследственного, семейного, родового прозвания. Граждане Америки стали замечать, что в различного вида документах, вместо того, чтобы воспроизводить полную форму личного имени и фамилии, как-то *Джон Ричард Смит* или *Мэри*

Элизабет Браун, компьютер, сегодняшний Господин мира, по собственной инициативе, не желая возиться с совершенно, по его мнению, никому не нужными второстепенными данными, оставляет только один, единый, определяющий суть Мыслящего *Тростникá* (как назвала человеческое существо знаменитая англоязычная писательница Перл Бак) указатель – имя собственное: Джон или Мэри, или только фамилию, и тогда на конверте письма адресату значится не «*Мистеру Джону Роберту Смуту*», как было в добрые, старые времена, а только «*Мр. Джону*» или «*Мс. Мэри*».

– Уважаемый господин Компьютер! Наш отец и друг! – Верните нам родовые фамилии! – горестно вопиют те американцы, которые желают следовать незыблемым, веками закреплённым, устоявшимся формам жизни, обычаям и традициям и считают, что фамилия каждой добропорядочной семьи – это гордость и основное богатство, передающееся по наследству. Но если наш *Вселенский Патрон – ЭВМ* не собирается утруждать себя обработкой сравнительно коротких имён и фамилий жителей англо-говорящих стран, то чего же ожидать там, где состав населения идентифицируется не только предлинными наименованиями, вроде: *Сергей Владимирович Иванов* или *Марина Александровна Петрова*, но и прочими нуднейшими данными с перечислением места жительства и работы, года и места рождения, национальности и так далее?

Разрешите повторить: социологи считают, что главным препятствием ко всем проблемам жизни в наше время являются национальные и расовые предрассудки. Мы, находясь в XXI веке, в запредельном нынешнему человеческому сознанию периоде, сами отрегулировать все свои трудности не в состоянии, и поэтому не человек, а Машина – Царь природы сегодня, и только Она, а как долго, мы не знаем – будет указывать всем, кто населяет Земной шар, как жить и действовать *соответственно Произволению Высшего Сознания*.

Не захотел смертный добровольно отказаться от национальной и расовой ненависти, чтобы хоть на один шаг прибли-

зиться к образу и подобию Божиему – как тут же ему наказание: лишение его фамилии или имени.

Не желает разум детей Адама и Евы перестать делить людей, вычисляя их принадлежность к тому или иному народу по фамилиям – Пластик-Стекло-Металл – всё, из чего состоит *Наш Старший Брат – Электронно-вычислительная Машина*, тут же подкинет ему вторую казнь египетскую и лишит его второй идентификации, национальности.

И заставит детей общей для всех Матери Сырой Земли войти в нивелированное общество, где попытка причислить равнородных Детей Божиих к «большим» и «малым» народам станет убогой, жалкой и потеряет всякий разумный смысл.

ЗАГАДКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРНЕЙ ПУШКИНА

*Писательница Алла Кторова выступила с рассказом о своих предположениях относительно генеалогических корней Александра Сергеевича (Пушкина) в связи с тем, что предки Пушкина (по матери и прабабка с отцовской стороны) носили библейские имена: **Абрам, Осип, Исаак, Вениамин, Саффа...** Выдвигать версии в свободной стране может каждый думающий человек. Но русский атташе по культуре (из Российского посольства) счел, что русский поэт не мог иметь хоть каплю еврейской крови! Он (атташе) демонстративно встал и вышел из зала.*

Скандал в Балтиморе. Вечер, посвященный празднованию 200-летия со дня рождения Пушкина. «Новое Русское Слово». Пятница 25 июня. 1999 г.

От редакции:* «В Америке случился скандал. Писательница Алла Кторова, которая живет в США с 1958 года, пишет книги и занимается исследованиями в области ономастики, прочла доклад о Пушкине, который вызвал дипломатический – в прямом смысле слова – демарш атташе по культуре посольства России в США», – это цитата из статьи нашего постоянного автора, популярного израильского журналиста Яна Топоровского, опубликованной в крупнейшей израильской газете «Вести», редактором которой он является. Многие, наверное, помнят случай с выступлением Аллы Кторовой,

* КАСКАД. Cascade russian newspaper, выпуск № 04 (112), февраль 2000.

о котором подробно рассказывала наша газета. Атташе по культуре Российского посольства г-н Зубихин был оскорблён тем, что в своем оригинальном выступлении Алла Кторова высказала предположение о допустимости еврейских корней у Пушкина: через эфиопов к царице Савской и царю Соломону, с библейскими именами и другими гипотезами на эту тему.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию этот материал, вокруг которого и ломались копыя.

В своей книге «Только один год», в 70-х годах, Светлана Аллилуева, дочь Сталина, писала о том, что на Кавказе с незапамятных времен существуют места, где живут негры, но откуда они появились в России, никто не знает. «До сих пор в горах Абхазии осталось негритянское население, – писала дочь Сталина, – ...мусульманские черные деревни Абхазии жили немногим лучше, чем их предки в Африке: почти полная неграмотность, бедность. Местное население не смешивается с неграми, их оттеснили в бесплодную горную местность... молодежь этих, так называемых, «негритянских» групп населения, знающая по-русски... рассказывала, что все хотят учиться, что женщины неграмотны, что, вообще, раса вымирает». В 1998 году, к 200-й годовщине со дня рождения Пушкина, в московской газете «Культура» появилась небольшая заметка потомков великого поэта: *Юлии Григорьевны Пушкиной, праправнучки, и Георгия Александровича Галина, праправнука*. Заметка эта называется «С Пушкиным на родственной ноге». В числе прочего они, с некоторой долей раздражения, пишут, что к 200-летию со дня рождения поэта расплодилось не только в России, но и в других странах мира множество лиц, называющих себя «потомками Пушкина» и дальними родственниками российского национального гения, причисляющих себя бездоказательно к роду Пушкиных. Среди нерусских и пероссийских так называемых «потомков» Пушкина (на всякий случай беру слово «потомки» в кавычки) праправнучка А.С. и его праправнук называют даже некоего эфиопа Ажала из Хайфы (Израиль), недавно ренатрировавшегося на свою историческую прародину. Статья об эфиопе Ажале появилась в московской газете «Труд» от 16. 11. 96, где этот человек рас-

сказывает журналистам легенду, которая передается в его роду из поколения в поколение.

Аллилуева писала свою вторую книгу «Только один год» в то время, когда эмиграция в Израиль только начиналась, а об операции вывоза на самолете *ф а л á ш е й* – группы граждан Эфиопии, именующих себя потомками древних иудеев (эта операция называлась «Шломó»), в страну Авраáма, Ицхáка и Яко́ва ни она, ни тем более Юлия Пушкина и Александр Галин не могли даже предполагать... И тут я перехожу к интереснейшей книге абхазского писателя и ученого Дмíтрия Гу́лиа «История Абхазии», где он пишет о том, что те чернокожие люди (а именно их имеет в виду Светлана Аллилуева, называя их неграми) на самом деле эфиопы, далекие предки абхазских евреев, пришедших в Абхазию в незапамятные времена. Как именовед, я пользуюсь розысками *Дмитрия Гу́лиа* по топонимике (наименования географических мест), где он утверждает, что названия мест в Эфио́пии и в Абха́зии совершенно одинаковы: *Багада́ – Багада́. Гумма – Гумма, Табакúр – Дабакúр* и так далее. Дмитрий Гу́лиа не строит своих предположений на песке, а в доказательство приводит ссылку на утверждение великих ученых древности *Геродóта, Каллимáха* и других, писавших, что жители Колхíды (так до нашей эры называлось восточное побережье Черного моря) появились здесь из Египта. Бывшие абиссинцы на побережье Колхиды стали называться новым именем – *к ó л х и*, сохраняя множество воспоминаний о египтянах и о прежнем месте проживания своих предков в стране древних пирамид.

Именно об одном из этих воспоминаний, которые Ю. Пушкина и А. Галин называют «легендой» (об этом ниже), упоминается в разысканьях многих ученых, как иностранных, так и русских. Из русских ученых писал об абхазской общине по названию Адзю́бжа этнограф *Е. Ма́рков* еще в 1913 году в газете «Кавказ». «Я был поражен чисто тропическим ландшафтом, – пишет ученый, – на яркой зелени густых девственных зарослей вырисовывались хижины... крытые тростником, копошились курчавые негрятята, везде были... черные люди в белых одеждах. Негры ничем не отличаются от абхазцев, гово-

рят только по-абхазски, исповедуют ту же веру... Мне думается, что негры в этих местах являются случайным элементом....» Вероятно, этнографу Е. Маркову не удалось познакомиться с абхазскими «неграми» поближе, ибо в отношении веры эфиопов он несколько поспешил, причислив ее (веру) к религии современных абхазцев, ибо современные абхазцы исповедуют не только ислам, но и православие, а кроме того, в их религии есть и третий элемент. И в доказательство этого перейдем к свидетельству современных жителей Абхазии и Израиля, среди которых часто можно встретить лиц, считающих своими соплеменниками тех, кто сейчас (имеется в виду 1998 год) живет в Египте.

О них чрезвычайно интересно пишет некто *Н. Орлов* в эссе «Абхазские потомки Пушкина», опубликованном в израильском журнале «Алеф». В этом эссе он сообщает читателю о прибывших в Израиль эфиопах, считающих своими религиозными корнями не христианство, не ислам, а иную, великую, первую (имею в виду время возникновения) религию мира. Цитирую. «Впервые, – пишет Орлов, – я увидел их не в Израиле, а в далеком Сухуми. И встретились мы в... Сухумской синагоге. На втором этаже служка продал мне пакет мацы, испеченной на «американской машине». Вдруг в комнату вошли несколько совершенно чёрных курчавых мужчин – по виду настоящие негры – и на абхазском языке что-то спросили служку. Он им ответил... Когда они ушли, я спросил: «Эти негры – евреи? И как они здесь очутились?»

Существует несколько версий о том, как ко́пты, так называемые потомки древнего населения Египта, попали в Абхазию, но достоверно известно, что так называемые «кавказские негры», те, о которых писала Светлана Аллилуева, – это не представители черной расы, а изначально белые потомки древних эфиопов из Египта, и живут они в Абхазии, вероятно, тысячами, в основном в Адзюбже, Поквеше, Агандаре, Меркуле и других селениях. Живут компактно, многие перебрались в Сухуми, работают на трикотажной фабрике, в порту и других местах. И я вспомнила давно позабытое, когда до войны моя мать (а она всю жизнь работала в текстильной промышленности) рас-

сказывала о том, как, приехав в Сухуми в командировку на трикотажную фабрику, она видела на этой фабрике «настоящих негров», работников этого предприятия. Что все они прекрасно говорили не только по-абхазски, но и по-русски, что один из руководства этой фабрики – тоже негр, брат его – учитель, а другой родственник – врач. А относительно той «легенды», которую упоминают в газете «Культура» праправнучка и праправнук А. С. Пушкина, то, не вдаваясь в подробности, скажу только, что в 1927 году А.М. Горький посетил с абхазским писателем Чанбóй село Адзю́бжу, центр проживания кавказских эфиопов, и старуха-эфиопка при свете ночного костра рассказала ему легенду-быль о том, как появились в Абхазии ее пращурь...

Сам Горький и некоторые из ученых, путем сопоставлений исторических и рассказанных старой женщиной фактов, нашли повествование ее вполне достоверным. И не та ли это «легенда», более похожая на быль, которую изложил нынешний житель Израиля, эфиоп Ажа́л, корреспонденту газеты «Труд»? Напрашивается интересный вопрос, с какой долей правды можно утверждать, что среди предков Пушкина, живших когда-то в Эфиопии, были евреи? Для меня ответ почти однозначен – со стопроцентной правдой. Вышеупомянутым же потомкам Пушкина, живущим в России и ничего не знающим о том, что в их отечестве живет сейчас группа населения одних и тех же с ними экзотических корней, впадать в нелепое волнение как-то не пристало. Уж кому-кому, а им хорошо должно быть известно, кто был их пращур, описанный Пушкиным в повести «Ара́п Петра́ Вели́кого», и с радостью ухватиться за легенду, рассказанную израильским эфиопом Ажалом журналисту из газеты «Труд», в надежде проанализировать и, возможно, усвоить еще кое-какие дополнительные сведения о национальном происхождении великого русского поэта.

Начнем с малого и запомним, что *сам Пушкин* о своих *корнях* со стороны матери, «прекрасной креолки» Надежды Осиповны, *знал не все*. После смерти поэта открылись документы, подтверждающие это. Приведу только один пример: у прапра-

деда Пушкина. Авраама–Абрама, знаменитого «арапа Петра Великого», был, оказывается, старший брат, вместе с которым его привезли в Россию. Мальчик был крещен и получил имя Алексей. Судя по имени, крестным его отцом был царевич Алексей, сын Петра I. О том, что у арапа Петра Великого был брат, Пушкин знал, хотя и смутно. И только недавно стало известно, что *Алексей-арап* упоминался в архивах двенадцать лет, но скоро все упоминания о нем из записей исчезли. Он был *музыкантом* и *служил гобоистом* в Преображенском полку. Далее: поэт почти все время в своих произведениях называет Абрама–Ганнибала негром, а с народностью Эфиопии–эфиопами–совершенно не знакомит читателя. Почему? Потому что *только в наше время открылось, что эфиопы – не негры, а «белой кожи» национальность, населявшая когда-то Аравию*. И значение этого слова – «загорелый». Вероятно, это была западная Аравия по той причине, что именно здесь сохранились у населяющих ее племен священные воспоминания о святых праотцах *Аврааме, Ицхáке и Яáкове*, доказывающие, что как раз по этой территории проходили иудеи из Египта, стремясь на свою историческую родину под главенством Моисея, который видел на Хорíве горящий терновый куст.

Ни один из древних историков не оставил нам столько повествований, подтверждающих библейские сказания, ни один народ не придерживается обычаев, упомянутых в Библии, как жители местных племен. Более того, некоторые из этих *аравийских племен* (а их немалое количество) *сохранили в чистоте старинный язык, родственный древнееврейскому*, что весьма ценно для изучения Ветхого Завета. Разрешите мне, автору этого эссе, выдвинуть свою гипотезу о том, что эфиопы – это те евреи, которые, будучи отпущены фараоном (по предположениям – Рамзесом II), не ушли вместе со своими соплеменниками в Израиль и, в конце концов, ничем уже не отличались от настоящих египтян, или те, кто ушел с Моисеем, но как-то застрял в Аравии на пути в древнюю Иудею и впоследствии вернулся опять в Африку, а также рассеялся по другим государствам, в том числе и по нашей прародине – России. О том, что в современной России, например, никто по моим сведениям

этого еще не исследовал, а если и исследовал, то не обнаружил результатов, свидетельствует хотя бы тот факт, что в *Большой советской энциклопедии* утверждается, что большинство эфиопов — христиане, а также мусульмане и только небольшая группа, так называемые фалаши (насколько я понимаю — часть коптов), исповедуют иудаизм. А вот *дореволюционный словарь Брокгауза и Эфрона*, а этот *энциклопедический словарь был полностью проксирирован советскими историками, идет по шагам фактической истории и утверждает, что фалаши «выдают себя за потомков левитов и своим культом и правами во многом напоминают иудеев» и что в «умственном отношении народ этот богато одарен» и обладает массой талантов, в том числе поэтическими, музыкальными и торговыми.* Многим известно предание о царице Савской — представительнице этого древнего этноса, прибывшей к иудейскому царю Соломону, чтобы убедиться в его мудрости. Царица Савская принесла в дар Соломону золото, драгоценные камни и слоновую кость, а богатство это было достоянием ее народа, одного из самых могущественных торговых народов Аравии того времени. Верховный правитель Эфиопии, негус, по преданию, был сыном царя Соломона.

Недавно мне, уже здесь, в Америке, довелось познакомиться с семьей американца, служившего много лет консулом США в Эфиопии. Как-то, сидя у них в гостях, я слушала интереснейшие рассказы о пребывании бывшего консула с женой и маленьким сыном в этой стране и о народе этого государства. Семилетний мальчик хозяев сидел в это время в стороне и рассматривал книгу о великих людях России, принесенную ему мною в подарок. Вдруг он инстинкту, подбежал к нам, сидевшим за столом, и, указывая отцу и матери что-то на одной из страниц альбома, начал с большим волнением повторять: «Папа! Мама! Смотрите, смотрите, это *Леви, Леви!*» Оказалось, что во времена жизни семьи в Эфиопии маленького мальчика «пячил» некто *молодой эфиоп* по имени *Леон*, очень образованный молодой человек, *по религии — иудей*, учившийся в то время в одном из колледжей Франции и зарабатывающий деньги на обучение во время каникул, приглядывая за детьми. А на той странице книги, куда мальчик показывал пальцем, был изобра-

жен не кто иной как... Пушкин, и портрет его в книге был из относительно мало известных. Это была миниатюра, акварель И.Е. Вивьена де Шатобрена, исполненная в 1826 году, относящаяся, вероятно, к тому времени, когда, по свидетельству современников, Пушкин «...очень переменился и страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение, он все тот же скор, подвижен и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению». Вышеупомянутый портрет был первым изображением Пушкина молодым человеком (1826 год), и именно Вивьен открыл серию картин воссоздания облика поэта, исполненных позже него В. Тропининым, О. Кипренским, Н. Уткиным и Г. Гippiус. От себя скажу, что на портрете Вивьена де Шатобрена Пушкин как-то особенно походит на интеллигентного современного жителя Аравии.

Приблизительно в 60-годах в России пробудился интерес к национальным корням Пушкина, и были даже попытки журналистов-африканистов найти в Абиссинии место рождения предка поэта. Журналисты, конечно, столкнулись с непреодолимыми трудностями, так как архивы того более чем далекого времени сгорели во время итало-абиссинской войны еще до начала Второй мировой войны. Но если говорить не об аргументах, которые, возможно, когда-нибудь предоставит нам история, этнография, а может быть, и археология, то мы уже сейчас знаем из разных источников, что в тех местах, где, по-видимому, родился Абрам Петрович Ганнибал, прадед Пушкина, целые деревни населены эфиопами, очень похожими внешне как на арапа Петра Великого, так и на его правнука, самого Пушкина. Но, впрочем, в далекую Эфиопию ходить и не надо, ибо российский ученый Илья Львович Файнберг, много писавший о предках Пушкина, говорит, что «через двор, в котором я живу, ходят десятки африканцев-эфиопов, которые учатся русскому языку в автодорожном институте в Москве. Они так похожи на Пушкина, похожи не только внешне, но и движениями, сменой выражения лица, причем мне объяснили (...), что походка эфиопов, которая всегда описывается как индивидуальная особенность Пушкина, – не индивидуальна, поскольку у них (эфиопов) несколько иное строение мускулатуры ног. Те черты образа

Пушкина, о которых пишут его современники, то есть походка, быстрый переход от одного настроения к другому – особая душевная динамика, тоже характерны для этих африканцев». Получены сведения, что многие из этих молодых людей-эфиопов исповедовали иудаизм.

Думаю, что читатели, соанализировав вместе с автором этой статьи факты, придут к заключению, что Алла Кротова пытается открыть новую страницу в происхождении предков гениального поэта и убедить всех россиян в том, что африканец Авраам – Абра́м Ганниба́л был эфиопом иудейского происхождения. Для меня это уже давно не составляет сомнений, ибо наука ономастика уже очень давно заставила меня обратить пристальное внимание на то, какие имена носили предки Александра Сергеевича со стороны матери. Разумеется, я никак не претендую на какие-то сутоубо исторические открытия, безоговорочно утверждающие мою правоту, так как прямых доказательств нет. Прямых – нет, но есть масса косвенных, *именоведческих*, и они стоят того, чтобы в них разобраться.

Итак: прадеда Пушкина, знаменитого арапа Петра Великого, звали Авра́ам, или – в просторечии – Абра́м. На родине его называли Ибра́гим. Версия о том, что «арапчик», как называли тогда в России маленьких мальчиков с темной кожей из далекой чужеземной страны, был сыном некоего эфиопского князя (князька), подвергается некоторыми учеными сомнению. Заведомо известно только то, что десятилетний «арапчик» Авраам был крещен Петром Великим, *назван Петром* и по обычаю того времени получил отчество и фамилию, сходную с отчеством крестного, став таким образом Петром Петровичем Петровым (впоследствии он взял себе фамилию Ганниба́л). Зафиксировано в истории и то, что мальчик «назвал, когда его оным именем называли, (...) не хотел носить нового имени (...) и государь велел его называть прежним именем до крещения его». Об этом пишет Петр Абрамович (Абраамович) – сын Абрама Ганнибала.

Задаемся вопросом: маленький мальчик не хотел нового православного имени – почему? Пока оставим этот вопрос открытым, хотя имеется масса свидетельств во всемирной

истории, когда насильно крещенные еврейские мальчики в России, например, которых похищали и определяли в *кантонисты*, не хотели носить нового чуждого имени, справедливо полагая, что с новым именем они потеряют и свою веру, а хорошо известно, что именно *евреи остаются верными религии отцов и дедов, даже если их заставляют креститься, а если это случается, то тайно исповедуют веру предков*. Испанские марраны – то есть крещеные евреи – тому ярчайший пример.

Оставил ли сам «арап» воспоминания о том, где он был рожден, какую религию исповедовал до того, как попал в Россию, и прочее? К сожалению, хотя прадед Пушкина действительно трудился над своим жизнеописанием и закончил его, по как-то, «испугавшись фельдъегерского колокольчика» и, вообразив, что его сейчас «уведут» («возьмут» – синоним сталинского времени), рукопись сжег. Если вдуматься в этот эпизод, невольно приходит на ум СССР, начиная с послевоенного времени вплоть до перестройки, когда лица еврейской национальности боялись всяких документов, подтверждающих их принадлежность к «малой нации», и уничтожались ими.

Итак, точно известно, что ребенок не хотел носить нового имени и предпочитал старое, данное ему в стране рождения. Мы не знаем, каково было настоящее имя его брата, также крещенного в России и ставшего Алексеем (о нем упоминалось выше), но есть еще одна интереснейшая подробность для именоведов. Оказывается, в документах о прибытии мальчика Абрама – Авраама – Ибрагима в Россию говорится о том, что в то же самое время, когда Абрам был на пути в чужую для него страну, другим путем в то же государство следовал другой юный арапчик по имени... *Ефим*. Некоторые ученые утверждают даже, что это был старший брат Абрама и Алексея. Не могу взять на себя многого, но с полным правом утверждаю, что именоведам неизвестно, когда евреям по имени *Хаим* стали давать в России при крещении имя *Ефим*, но факт существования арапчика с этим именем очень ценен, тем более что это имя в быту у русских православных было мало распространено. «Арапчик» *Ефим Рагузинский* (он носил фамилию крестного отца, коим был Савва Владиславьевич Рагузинский) в молодом

сти был послан, так же как и его сверстник, арап Петра Великого, учиться во Францию и страшно там бедствовал. Почему мальчик стал *Ефимом*, а не *Саввой*, по имени крестного, – неизвестно, но для именоведов необычайно занятно другое.

Во времена Петра Великого, в XVII веке, в церковном календаре имени *Ефим* не было, а заменяло его греческое *Евфимий*. И вполне возможно, что имя Ефим положило начало заменителю еврейского имени *Хаим* или какой-либо его модификации в Эфиопии. Из исторических записок известно, что Ефим Иванович (так мальчик-арапчик стал, выросши, зваться в России) особенно не выделялся из окружения Петра и таких высот в социальном положении, как прадед Пушкина, не достиг, хотя дослужился до чина генерал-поручика и стал кавалером ордена Александра Невского.

Есть и еще несколько свидетельств, которые невозможно игнорировать: так, например, известно, что у прадеда Пушкина Авраама вторая жена была немка Христи́на-Регина фон Шёберх, которая «родила ему множество черных детей обоего пола», а всего их было... пятнадцать. Известны имена четырех сыновей – *Иван, Петр, Януарий* – дед Пушкина – и *Савва*. Пусть не удивится читатель, зная, что отчество матери Пушкина было по-настоящему *Януа́рьевна*, а не *Осиповна*. Да, официально «la belle creole», то есть «прекрасная креолка», именовалась в истории как Надежда Осиповна, хотя Пушкин в своем наброске «Начало биографии» пишет, что настоящее имя его деда было Януа́рий, «но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения. «Шорни шорт, – говорила она про мужа, – делат мне шорни репят и дает им шертовски имя», вследствие чего Януа́рия стали называть *Иосифом*, в просторечии – *Осифом* или *Осипом*, отсюда и Надежда Осиповна.

Дочери же арапа Петра Великого носили имена *Евдокия*. *Анна* и *Елизавета*, но когда ему было уже 62 года, появилась и самая младшая – *Собья*. Арап в те свои преклонные годы жил в *Суйде*, недалеко от Петербурга, и пушкиноведы предполагают, что тут же росли и дети Елизаветы Абрамовны и Анны Абрамовны, его дочерей, а также *Андрей*, сын Павла Исааковича, то

есть его внук. Откуда же в семье прадеда Пушкина появился Исаак? А вот откуда: последним ребенком арапа Петра Великого был сын, история имени которого тоже заслуживает самого пристального внимания. Выше говорилось, что в деле «арапчиков», привезенных в Россию в подарок Петру Великому, принимал участие некто Савва Владиславьевич Рагузинский. И вот именно в честь него Абрам Петрович назовет много лет спустя своего четвертого, последнего сына *Саввой*. Архивы же скупо сообщают безо всяких дополнительных объяснений, что в семье имя это «не привилось» и *Савву* станут называть... *Исаак*. Не Сергей, Савелий, Серафим или как-то иначе на букву «с», а именно *Исаак*. Но пойдём дальше.

У *Исаака Абрамовича* так же как и у его отца было многочисленное потомство («Вся толпа моего семейства – как он однажды выразился – пятнадцать человек детей»). Однако мы знаем только некоторых, в частности дочь его *Екатерину Исааковну Ганнибал* в замужестве Меландр, а также сыновей *Павла* и *Семена* Исааковичей и, из упомянутых историками, *Анну Семеновну*, дочь *Семена*. Читателю, мало знакомому с ономастикой, покажется, что *Павел* и *Семен* – чисто православные имена, он не заподозрит в них ничего иудейского, но это только потому, что эквиваленты некоторых еврейских мужских имен, начинающихся на «п» и «с» – как например, *Пинхас*, *Симха Самуил*, *Соломон* и других – в России со времен оных заменялись «для удобства чужого уха» на *Павел*, *Петр* и *Семен*, но только в просторечии, а никак не в документах, а одним из первых такого рода лиц был *Петр Павлович Шафиров*, занимавший во времена Петра Великого очень высокое место в правительстве. Известно, кто был крестным отцом *Шафирова* (*Шапиро* – его настоящая фамилия), но в голову просятся два варианта. Первый – если это был сам Петр I, то с именем Петр все ясно, но если это не так, то есть и вариант второй – иудейское имя *Шафирова* – *Шапиро*, скорее всего, было *Пинк(х)ас*.

Возвращаясь же к предкам Пушкина, будем считать, что Исаак назвал своих сыновей вышеуказанными именами не случайно, а по каким-то далеким предкам, и хотя здесь это только гипотеза, но более чем вероятная. Об остальных детях своего

двоюродного деда Исаака Абрамовича Ганнибала и, соответственно, об их прозваниях история нам пока не донесла ничего. Все это и по сей час находится в архивах, а, как говорил мне покойный А.А. Лацис, один из замечательных пушкинистов, 80 процентов сведений о Пушкине – на французском языке, и большая часть их еще не только не переведена, но даже не исследована. Пушкин очень интересовался Ганнибалами и писал: *«Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них»*. Под «именем» в этом контексте подразумевается «род», «семья». Засечем, что родного дядю Пушкина, брата матери, звали Саввой, переделанным на Исаак, – о чем поэт прекрасно знал, но нигде не упоминал и не поинтересовался престранным явлением – почему же «это имя не привилось в семье», так же как и настоящее имя его родного деда – Яну́ария, переделанного на **Осип (Иосиф)**.

У Исаака Ганнибала было, как и у его отца, много детей, о чем писалось выше. А вот **третий сын арапа Петра Великого**, двоюродный дед Пушкина, именовался Петром в честь Петра Великого. Он служил генерал-майором и, когда вышел в отставку, стал жить недалеко от Михайловского в селе Петровском, где поэт навещал его и был хорошо знаком с его женой Ольгой Григорьевной фон Данненберг. И вот тут продолжается, по моему разумению, самое интересное в подкрепление моего предположения о том, что предки нашего первого непревзойденного российского Поэта были иудейского происхождения.

В конце 80-х годов мне посчастливилось побывать в селе Михайловском, ныне называемом Пушкинские горы. Знаменитый хранитель заповедника **Семен Степанович Гейченко** был тогда жив и встретил он меня необычайно приветливо. Потом выяснилось, что как раз зимой, перед моим прибытием в это драгоценное для нас всех место, ураган свалил и сломал в любовно охраняемой Семеном Степановичем «Аллее Керн» вековой дуб. Был брошен клич о помощи, на который я из США откликнулась немедленно: вот это, как я понимаю, и послужило причиной тому, что с Семеном Степановичем у

нас установились близко-дружеские, так называемые «доверительные» отношения, и я смогла задать ему «напрямую» безо всяких колебаний вопросы, занимавшие меня долгое время. Он, в свою очередь, был тоже со мною, насколько я понимаю, в каком-то смысле откровенен. Много интересного, еще не попавшего в печать, услышала я тогда от этого замечательного человека, и только спустя долгое время я, наконец, прочла ответы на свои долго скрываемые мною от окружающих вопросы в написанной им необыкновенной книге «Пушкиногорье», где абсолютно все соответствует истине.

Итак, **Петр Абрамович Ганнибал**, второй двоюродный дед Пушкина. Официально он был женат, но, как все его братья, был необычайно любвеобилен. Он завел у себя в Петровском целый гарем крепостных девушек и, из песни слова не выкинешь, присвоив себе «право первой ночи». Своих наложниц и детей от этих «барских барыней» он, по окончании любовных утех, поселял в деревне *Арапово*, существующей до сих пор. У его законного сына по имени **Вениамин** (прошу обратить внимание на четвертое, чисто библейское имя потомков арапа Петра Великого) во времена, когда последний был предводителем уездного дворянства, насчитывалось *одиннадцать* детей от одной из крепостных девушек. Кроме этого, были у Вениамина Петровича и двое детей – мальчиков от своей «метрески» – синоним выражения «барская барыня» – другими словами, фаворитки **Марии**, дочери таможенного егеря **Василия Анисимовича Анисимова**. Имена мальчиков были опять-таки **Петр** и опять-таки... **Вениамин**. Это был *пятый Вениамин* (Вениамин Вениаминович) в роду Ганнибалов.

Древнеиудейское имя Вениамин среди русского населения в то время не бытовало почти совсем, особенно среди дворянства, и стало распространяться, ставши даже «модным» только в Сибири в первой четверти XVIII века. Причиной моды на **это имя в Сибири** было то, что так звали высокое духовное лицо – епископа **Вениамина Иркутского**, скончавшегося в 1814 году. (Духовным лицам даются при рукоположении в церковный сан старинные библейские и по возможности редкие имена – это обыденное явление). Имя Вениамин до сих

пор часто встречается у сибиряков, но сейчас большей частью лишь в отчествах, а в годы Второй мировой войны, когда я была в эвакуации в Барнауле, оно было в ходу и у маленьких мальчиков, а также подростков (сокращенно – Вэна!) почти повсеместно. И то, что имя это было во времена Пушкина очень редким, непривычным и очень трудным для произношения (попробуйте-ка скоро произнести «Вениамин Вениаминович»), свидетельствует о нежелании матери Вениамина из рода Пушкиных-Ганнибалов, Марии Васильевны Анисимовой, звать сына библейским наименованием, и она «кликала» его, а за нею все – Владимиром. Настоящее библейское имя опять не при-вилось! Редчайший случай среди дворянских семей в России. И пушкинистам следовало бы очень давно обратить на эту странность пристальное внимание.

У православного народа имя, данное при крещении, с большой трудностью могло быть изменено в документах. А уж если человек в царской России хотел изменить свое церковное имя, ему надо было подавать прошение «на высочайшее имя»! И процедура изменения имени крещеного человека была необычайно долгой, утомительной и сложной. Я, изучая историю русской ономастики, знаю один такой случай в XIX веке, когда простой крестьянин просил Александра II изменить свое имя... *Говендэй* (а такое имя было тогда в церковном календаре) на Иван.

Кто виноват в этой «неприличной» ошибке, а это ошибка в правописании, теперь трудно разобраться... Но правильное произношение этого имени в месяцеслове (святцах) – *Говеддэй*. Очень много было страдальцев в старину из-за этого имени. А в наше время, совсем недавно, молодая девушка не соглашалась ни за что выйти замуж за молодого человека по фамилии *Говендяев* – это было указано в одной из книг об ономастике. Куда уж тут *perdillo* да *perdillo*! «Народная этимология» беспредельна!

Сокращенное, уменьшительное имя – дело другое и к вышесказанному не имеет никакого отношения. А тут вдруг в роду *Ганнибалов-Пушкиных Савва* становится *Исааком*, *Януарий* – *Иосифом* (Осифом) безо всякого о том упоминания в официальных

документах! А потом появляются Вениамины, да не один, а два, *отец и сын!* Всего было пять Вениаминов в семье Ганнибалов!

Дед мальчика, которого мать начала называть Владимиром, Петр Абрамович, жил недалеко, в селе Петровском, маленького «Володьку» часто привозили к бабушке, они очень полюбили друг друга, и мальчик даже стал считаться наследником имения. Все звали его Володькой Дубровским, ибо он был из местечка Дубровы. Есть ли здесь связь с именем главного героя повести «Дубровский», пока неизвестно. Рассказал мне Семен Степанович Гейченко, что Пушкин хорошо знал своего внучатого двоюродного внука, он навещал двоюродного деда в селе Петровском и так же, как и все окружающие, называл мальчика Володькой. *Знал Пушкин и семью Анисимовых*, он оставливался у них проездом из Петербурга в Москву и обратно. Потомки Анисимовых, по уверению Семена Степановича, до сих пор живут в Боровичах, подробности о них можно найти в новгородских архивах, а самому Гейченко рассказал о маленьком «арапчике» Вениамине-Владимире, Володьке, в 1965 году *Борис Александрович Анисимов*, живший тогда в Волхове. Разумеется, если бы ученые заинтересовались всей этой историей, потомков Вениамина-Владимира не так уж трудно было бы разыскать. Смотрите книгу «Пушкиногорье»!

Вообще надо сказать, что потомков Ганнибалов рассеяно по России (а со времен перестройки не только в России) очень много. Уже спустя самое малое время после гибели поэта их можно было найти в самых разных городах нашей страны: жили они и в Пскове, и в Опочке, и в Великих Луках, а также в Волхове, не говоря уже о С.-Петербурге.

Покончив с Ганнибалами, перейдем к *Ржевским* – родственникам Александра Сергеевича как по отцу, Сергею Львовичу, так и по матери, ибо предки матери и отца поэта скрещиваются в далеком прошлом, начиная с Петра Пушкина. Здесь мы найдем не только много захватывающего, но и просто курьезного. Начать тут надо с того, что так называемая «Родословная роспись» – то есть генеалогия Ржевских – дана во всех советских исследованиях о Пушкине во всех мельчайших подроб-

ностях, и тут мы узнаем то, что Пушкин в 33-м колене – потомок Рюрика, а также и о прямом родстве Ржевских со всеми первыми киевскими князьями: Игорем, Святославом, Владимиром и Ярославом Мудрым – вплоть до Владимира Мономаха.

Многие, интересующиеся Пушкиным, знают, что кроме Арины Родионовны, «доброй подружки бедной юности поэта», он очень любил свою бабушку по имени *Мария Алексеевна*, урожденную *Пушкину*, женщину старорусского склада, выросшую в патриархальной семье и впитавшую в себе «привычки милой старины». Именно с ней после долгих передрыг развелся Осип Абрамович Ганнибал, дед Александра Сергеевича, оставив жене единственную дочь Надежду, будущую Надежду Осиповну, мать поэта. Бабушке Марии Алексеевне выпало счастье стать первой воспитательницей Пушкина, заботливой и любящей спутницей его детства. Она, по описанию первого биографа Пушкина *П.П. Бартенева*, была женщиной практического ума, хозяйственной сноровки и способности понимать предметы в их отношениях к действительности. Правда, Василий Львович, дядя Пушкина, которого поэт окрестил своим «Парнасским отцом», обращает сугубое наше внимание на то, что, несмотря на свои прекрасные качества, Мария Алексеевна была «старухой со всячинкой». «Эта женщина была первой воспитательницей Поэта, – пишет П.П. Бартнев. – У нее он выучился читать и писать по-русски». «От нее, без сомнения, осталось у Пушкина много семейных преданий, которыми он так дорожил впоследствии», – добавляет Ольга Сергеевна Павлицева, сестра поэта.

Что касается семейных преданий, то каждый знает, что бабушки и дедушки первым делом рассказывают внукам о своих семьях и, прежде всего, о своих родителях, то есть в этом случае, о прабабушках и прадедушках Поэта. Особенно нас интересует мать бабушки Пушкина, Марии Алексеевны, то есть прабабки Пушкина. Она была дочерью нижегородского губернатора, Юрия Алексеевича Ржевского. Богатый дом часто посещал сам Петр I. А что касается семейных преданий – то *Пушкин задумал роман «Арап Петра Великого»* не только о Ганнибалах, но и о Ржевских. Осуществить все произведение

полностью ему не удалось. Но проглядывает ли где-либо в иных произведениях Пушкина его прабабка, мать бабушки Марии Алексеевны? Хоть какое-нибудь воспоминание о ней имеется? Что осталось в памяти поэта, когда он в детстве, глядя на сохранившийся ее (прабабки) старинный портрет работы Григория Сердюкова (вторая половина XVIII века), видел женщину с правильными чертами лица и сосредоточенным взглядом умных глаз, носившую «драгóй анти́к – праба́бушкин чепец», что было отмечено Пушкиным в его юношеском стихотворении «Сон» в 1816 году? Каково было ее имя?

И вот тут начинается курьезная часть биографии предков величайшего Поэта России, которая долгое время вводила русских пушкинистов, а также экскурсоводов и всех, кто глубоко интересовался происхождением Пушкина, в недоумение и заблуждение. Потому что звали прабабку Пушкина – *Сарра*. Сарра Юрьевна. *Сарра Юрьевна Ржевская*. Во всех родословиях Пушкина она стала упоминаться только спустя много лет после гибели поэта, но упоминается почти вскользь, безо всяких подробностей. Почему? Как говаривал Иван Андреевич Крылов, «мысль эту можно боле пояснить, да чтоб гусей не раздражить». Однако, оставив «гусей» без внимания, обратимся к чему-то более существенному.

Простите, читатель, но когда я пишу эти строки, то не могу отделаться от обывательской песенки, сочиненной в недавнее время в связи с антисемитскими гонениями в СССР на «малую национальность». Уверена, что все помнят и припев этой песни: «евреи, евреи, кругом одни евреи», подразумевая представителей этой национальности будто бы виновными во всем, что есть отрицательного в нашем отечестве.

Необычное имя Сарра, как звалась прабабка Пушкина, долгое время совершенно сбивало с толку пушкинистов: одни называли ее *Саррой Юльевной*, другие – *Софьей*. Суэта вокруг имени Сарры Юрьевны была долгой и абсолютно не по существу. Как могло случиться, вопияли пушкинисты, что губернатор Юрий Ржевский, истинный славянин, дал дочери, русской боярышне, такое архаичное, более того, «еврейское имя»? Ошибка! – заключали биографы Пушкина, здесь явно

произошла ошибка, а если уж вдруг звали прабабку Поэта, как на грех, действительно Саррой, то позже она была переименована в Софью, так как такое необыкновенное имя, как *Сарра*, в совершенно русской среде — не привилось! Не привилось! Чуть ли не в пятый раз встречаем мы эту фразу в биографии предков Пушкина, и теперь уже не только со стороны деда по матери, но и чисто русской прабабки, матери бабушки! И началось маловразумительное, забавное по невежеству толкование причин появления этого имени, тогда как нужно было просто обратиться к православному церковному календарю.

Да, действительно, имени Сарра в святцах сейчас нет. А когда-то было, но перестало упоминаться в именованье XVIII-XIX веков по причине того, что в русских семьях, мол, оно почти не встречается. Однако все древнеиудейские библейские имена, как мужские, так и женские, остались в церковном справочнике под рубрикой «Имена, не числящиеся в месяцесловах, но числящиеся в богослужебных книгах», и православная церковь отмечает их дважды в год как «Неделю святых праотец» с 12 по 18 декабря и на сырной неделе: со 2 по 7 февраля. Путаница же с библейскими именами в православной религии заключается еще и в том, что в некоторых справочниках отмечаются и другие даты «именинницы Сарры»: а именно — 20 апреля, 18 июня, 19 августа и 10 декабря. Во все вышеупомянутые даты младенцев по желанию родителей можно называть любыми библейскими именами. Неясность и неопределенность объяснения и толкования имени прабабки Пушкина заключается только в одном — в архивах не осталось упоминания о дне рождения и крещении Сарры Юрьевны Ржевской. Если бы дата ее появления на свет сохранилась и падала на одно из вышеупомянутых чисел — все стало бы на свои места.

Остается добавить, что это библейское имя хоть и было редким в те времена, оно нет-нет, да и встречалось у русского православного народа не только в XVIII, но и в XIX-XX веках: во времена Пушкина Саррой звали дочь Толстого-Американца; нашу известную скульптора Лебедеву, звали Сарра Дмитриевна.

В среде старообрядцев и пятидесятников все библейские имена, как мужские, так и женские, употребляются в наше

время сплошь и рядом. О том, что в православных монастырях за рубежом эти же имена – одни из самых популярных как у высшего духовенства, так и у монахов и у монашек, я упоминала в своих очерках не раз.

Итак, с именем Сарра все ясно, по крайней мере, для именоведов. Ну а что делать с Ганнибалами, как расценивать их родовые имена? Об этом причудливом именологическом сплетении иудейских имен в «Родословной росписи» предков Пушкина никто по-настоящему и не пытался разобраться. Надо сказать, что когда дело касалось лиц «малой национальности», близко стоявших к поэту, начиналась либо передержка, либо умышленное замалчивание. Так, национальность Амалии Ризнич – одной из самых любимых женщин Пушкина, той, которой были посвящены такие стихотворные шедевры, как «Для берегов отчизны дальней», «Простишь ли мне ревнивые мечты» и «Под небом голубым страны своей родной» – авторы работ о Пушкине или не упоминают вообще, или называют ее «очаровательной сербкой», пользуясь тем, что она была женой серба Ивана Ризнича, а в ряде трудов о «любовных романах» Пушкина она и сама вообще не упоминается. А между тем Амалия Ризнич была дочерью венского банкира-еврея, и настоящая ее фамилия была Рипп.

Что же касается того, как сам величайший Поэт России относился без прикрас и умолчаний к полноценной истории своих предков, то тут возникает для автора этого эссе совершенно пока неразрешимый вопрос: как мог гений, неоднократно писавший о «любви к отеческим гробам», о том, что его предки (Авраам, Исаак, Иосиф, Вениамин – перечисление имен даю от себя) – это единственное наследие, доставшееся ему от них, – как мог Пушкин с его колоссальной, необъятной любознательностью и тягой к всеобщей, а также к русской истории, более того, к истории своего происхождения и заявлявший, что уважение к своим предкам – черта, отличающая образованность от дикости, как мог он пройти мимо фактов, идущих прямо в руки! Уверена я – Пушкин знал все и, возможно, думал перенести вычисленное им и на бумагу, но он, вероятно, так же как и его прадед Абрам Петрович Ганнибал, испугался фельдъегерского колокольчика!

Ведь мы мало что знаем о судьбе лиц, не подходивших по национальному признаку к государственности тех времен. Только теперь, спустя почти два века после гибели Пушкина, этого титана русской литературы, выясняются детали сложных переплетений судеб его предков и их национальных корней. Неужели за это столь долгое время никто из пушкинистов не задался вопросом о том, почему о родословной Ржевских – его предков по отцу написано много подробных трудов, начиная с «прусского выходца Радши», а о Ганнибалах, что, по-моему, много примечательнее, – очень мало?

Уже писалось о том, что, по утверждению пушкинистов, около 80 процентов деталей биографии Пушкина еще не разработано, поскольку архивные документы эти все на французском языке. Но, как уже было замечено выше, есть и много материалов на русском языке, выпавших из поля зрения тех, кто посвятил свою жизнь творчеству Пушкина. Часть этих еще никем не оцененных сведений находится за рубежом – и иногда проскальзывала в разных русскоязычных публикациях за границей – о двойниках Пушкина, например, и в частности об *Александре Элькэне* (1786–1868) и некоем *Дмитриеве*, о пропавшем пушкинском кольце, присланном А.С. Пушкину из Сибири декабристами и недавно найденном. Кольцо это, по моим предположениям, в конце 70-х годов XX века было за границей у последней владелицы его, г-жи *Кумельт-Ледйльн*, если только эта реликвия не была передана в Россию во время перестройки. Есть заслуживающие внимания и розыски о судьбе поэта и в самой России: так, несколько лет назад в журнале «Время и мы», который начинался Виктором Перельманом в эмиграции, появилось сообщение пушкиниста *Александра Лациса*, о котором упоминалось выше, повествующее о возможном происхождении от Пушкина... *Л.Д. Троицкого!* Нечего и говорить, что труд А. Лациса лежал долгое время без движения, ибо цензура была яростно-бдительна. Имела ли эта работа Лациса хоть какой-нибудь резонанс, мне из США судить трудно. Кажется, нет.

Хочется добавить, что **Александра Сергеевича Пушкина в советское время вообще засахарили. Замифологизи-**

ровали. Начали формировать образ великого российского гражданина как государственного патриота, несправедливого царя и друга всех «униженных и оскорбленных». **Приспособили творчество Поэта к конкретной ситуации советского строя.** И до сих пор Россия не может оторваться от той лжи, которой была пронитана идеология СССР, с ее лицемерием и человеконенавистничеством, скрываемым под маской будто бы братства и равноправия всех народов, населяющих нашу великую страну. **О предполагаемых национальных корнях Ганнибалов никто никогда не писал, но если и были такие работы, то они наверняка тщательно скрывались** литературными властью предержащими. Что могло произойти, если бы даже мои скромные розыски попались на глаза литбортонисцам – нетрудно предположить, ибо пример – налицо. **После кончины Иосифа Бродского, крупного таланта, лауреата Нобелевской премии, некоторые, так называемые, писатели и поэты современной России, обеспокоено задавали дешёвые риторические вопросы в известных всем невежественных публикациях неких средств массовой информации в надежде, вероятно, на поддержку малообразованной публики. «А разве Бродский вообще-то русский?»** – вот что было главной доминантой смысла и цели этих вопросов. Бродский причислялся только к... русскоязычным поэтам еврейского происхождения.

Когда-то Пушкин в эпиграмме на Булгарина заметил: «Будь жид, и это не беда», но это было более двухсот лет назад, и лексикон Поэта отражал лишь словарный запас того времени. К сожалению, принадлежать к «малому народу» в России до сих пор считается бедой, и не маленькой, и лягнуть исподтишка того, кто по происхождению не такой, как ты, будь даже он семи няней во лбу, считается сегодня даже у некоторых лжеинтеллигентов истинным доказательством только своего права на звание великого русского гражданина, четко выведенного в «пункте пятом», которого, слава Богу, теперь не существует. Не существует только на бумаге, но кто знает, сколько должно пройти времени, чтобы отношение к «малой нации», а к ней относится теперь более 50 процентов всей русской интелли-

генции, полностью изменилось в лучшую сторону? В ином случае, лишь дай российским юдофобам волю и просвети их в делах именоведческих, эти так называемые интеллектуалы и Пушкина могут, причислить к «русскоязычным африканским поэтам».

* * *

При появлении этого эссе эмиграция впала в неистовство. Граждане, где в пятой графе советского еще паспорта у них стояло «русский», начали буйствовать, вопия «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», – те же россияне, кои прожили д в е с т и л е т в м е с т е с первыми – тоже заволновались, а одна гражданка в стране «меда и молока» от радости впала в глубокий обморок, не приходя в сознание долгое время.

Задача автора – успокоить тех россиян, кто жил д в е с т и л е т в м е с т е, доведя до сведения обеих сторон, что все материалы о нацкорнях Пушкина взяты из материалов советской прессы и проанализированы до тонкости, отсюда и заключение автора. С этим заключением можно спорить, но только на основе фактологических, опубликованных в разных материалах, данных.

СКВОЗЬ ТАЙНЫ ИМЕН И ФАМИЛИЙ НЕКОТОРЫХ ИЗВЕСТНЫХ РОССИЯН

Очерк первый*

*По чьей указке Николай Соломонович
застрелил Михаила Юрьевича?*

*Тайну пятой графы майора Мартынова
разгадывают уже 156 лет.*

«Вечерняя Москва»

«К одному из юбилеев Лермонтова газета «Советская Россия» опубликовала свой собственный анализ причин, погубивших поэта. На вопрос «Кто убил поэта?» – в анонимной колонке был дан и ответ – Николай СОЛОМО́НОВИЧ Мартынов. ... В православной церкви существует так называемая неделя святых праотец, отмечаемая в конце декабря и рожденным в это время младенцам можно давать древнеиудейские имена, как мужские – Соломон, Давид, Самуил, Исаак и т.д. ... так и женские – Сарра, Лия, Руфь, Ревекка... и т.д.»

Алла Кторова. «Кто убил поэта?». Древнеиудейские имена в русской традиции. Независимая газета. 30.10.98 г.

Дерестройка и гласность принесли не только много хорошего в Россию, но оживили и массу отрицательного, в частности – бешеный национализм на Кавказе и оголтелый, открытый антисемитизм по всей стране. Последнее для

* КАСКАД. Cascade russian newspaper, выпуск № 14 (98), июль 1999.

нашей страны не ново, но явно черносотенное нутро многих российских так называемых интеллигентов далеко не всегда было заметно даже и в сталинские времена. В начале 90-х годов российские евреи жили под неустанным страхом морального насилия, насмешек и открытых издевательств со стороны немалой части населения, что заставило многих лиц «малой национальности» покинуть страну.

Генофонд нашей родины заметно оскудел, если принять во внимание, что огромное число интеллигенции России – это полукровки, в большей части русских и евреев. Отечественный наш философ Владимир Соловьев когда-то писал, что именно потомки русских и евреев – самый замечательный народ на свете по уму, интеллекту, разнообразным талантам, особым духовным качествам, присущим и той и другой стороне, и даже внешности. Писать о бытовом, «уличном» антисемитизме я считаю ниже своего достоинства, но о таком на «высшем уровне» будет совсем нелишне упомянуть, и не только упомянуть, а вновь и вновь беспрестанно повторять в назидание потомству, ибо **юдофобство подобно ветке вербы – куда ткни, там и растет**, да простит меня это нежное деревце.

В уже упоминаемые 90-ые годы многие лица «еврейской национальности» были не в силах не только выйти на улицу в своем родном Отечестве, но и читать те газеты и журналы, к которым привыкли годами, так как если на намалеванные на стенах домов оскорбительные слова можно было заставить себя не смотреть, то теперь редакторы и писатели многих печатных изданий решили более не притворяться и, распоясавшись, стали показывать свое низкое нутро.

Все помнят журнал «Наш современник» и его главного редактора **Станислава Куняева**, который еще за несколько лет до перестройки, бия себя кулаком в грудь, вопиял на страницах «Вечерней Москвы», что человеконенавистником (в чем его кто-то обвинял) он быть не может по той простой причине, что сам он *полутатарин*. Невозможно забыть **Николая Бурляева**, бывшего неплохим артистом в подростковом возрасте и его еще недавно злобные высказывания по поводу того же «малого народа», а уж лицо так называемой комму-

нистки по имени **Нина Андреева** раскрылось в те времена полностью – «*обло, озорно, стозевно и лайяй*».

Особенно разошлись российские антисемиты, когда на смену термину «еврейское засилье» пришло давно забытое в России упоминание о жидомасонах, деяниями и теориями которых начали российские псевдоинтеллигенты потчевать умы так называемых образовантов, которых в дореволюционном нашем Отечестве называли полуинтеллигентами. С радостной ненавистью начали вспоминать некоторые из так называемых «инженеров человеческих душ» нашего времени некоторых русских классиков, в том числе Пушкина и Лермонтова, приписывая им в их упоминаниях о евреях свои собственные злобные соображения – и все для того, чтобы разжечь в умах малообразованных людей кровавые инстинкты, натравливая последних на другой народ с целью спровоцировать нападения, избиения и даже убийства в страшных насилиях, которые до революции назывались погромами. И здесь на первом месте стоит «писатель» **Валентин Распутин** с его оголтелыми высказываниями о его «будто бы братьях по перу», у которых когда-то *пятая графа в паспорте была запятнана ненавистным Распутину словом*.

Разные упоминания о лицах «еврейской национальности» удалось изыскать сегодняшним «деятелям русской литературы» у некоторых национальных писателей прошлого за исключением разве **Льва Толстого**, назвавшего **юдофобство «душевым сифилисом»**, и, конечно же, **Лескова**, **ярого поборника освобождения россиян от душевной скверны**.

Что же происходит теперь, в эмиграции, когда российские евреи избрали иные страны как панацею для освобождения от унижений? Та «ветка российской вербы», о которой говорилось выше, даже здесь, в свободной стране, продолжает цвести пышным цветом и только потому, что намеренно или нет, но в эту страну засылаются или посылаются с нашей родины под видом службы самые отсталые элементы России, для которых слово «еврей» хуже самого отвратительного. Причём эти отсталые элементы скрывают здесь свою наглую невежественность показным желанием и будто бы приятием

того, что они так яростно отвергали и, более того, преследовали в России. Эту наглую невежественность ни в коем случае нельзя принимать как неизбежное и всячески стараться как на страницах русскоязычной, так и зарубежной прессы давать ей отпор со стороны всех, пока ещё не зараженных душевным сифилисом людей, а способов для этого – масса и на первом месте здесь – пресса.

Представьте себе, читатель, что на вечере, посвящённом 200-летию Пушкина, в ответ на выступление историка, тщательно занимающегося родословной поэта и утверждающего на основе изысканий и неопровержимых фактов на присутствие среди предков поэта древних иудеев, некто из представителей некоего учреждения – рассадника семейства вербовых, – а именно семейная «культурная» пара, решили высказаться здесь же в зале, после конца «мероприятия», но трусливо, «за кулисами», а не в лицо докладчику, с мещански-провинциальным пустозвонным «опровержением» явного исторического факта (я говорю о предках Пушкина), заявляя, что Пушкин – «Наш», то есть чисто русский, что он любил свою родину Россию, и прочими выкладками и выкриками достойными хрестоматии для 5-го класса времен сталинизма. Мне кажется, что далее хрестоматии для малолетних *они* о поэте мало что знают, потому что никогда, вероятно, *не слыхивали высказывания Пушкина «Черт меня угадал родиться в России»* (привожу смысл). Нелишне здесь будет добавить, что и среди членов последней эмиграции нашлись в зале те бывшие россияне, которые по-английски называются *brown-nose*. Пожалуйста, посмотрите в словаре, что это значит, а я со своей стороны уверена, что те, кого я называю *brown-nose*, уехали из России не потому, что их считали там людьми низшего сорта, а в поисках вкусного куса хлеба с колбасой самого лучшего мяскокомбината.

Возвращаясь же к тому, кто есть кто, скажу, в который уж раз, что наука ономастика (именоведение) – мое главное призвание как филолога – **не занимается установлением национальности**, раскрытием псевдонимов и так далее, как это было при Сталине и его приспешниках. Ономастика зани-

мается поисками корней имен и фамилий, их изменениями в разных периодах истории, заимствованиями из других языков и так далее. Много интереснейших фактов удалось установить автору этого очерка, проникая в анналы материалов, посвященных этой теме, но для этого надо вернуться к России сегодняшнего дня. Итак. Кроме журнала «Наш современник», упомянутого выше, добавлю, что усердствовала в антисемитских пассажах и «Молодая Гвардия» а также всем известная газета «Советская Россия».

* * *

Ко дню одного из юбилеев Лермонтова газета эта в анонимной колонке! напечатала имя и фамилию того, кто погубил Лермонтова, причем в иоф (имени-отчестве-фамилии) убийцы отчество его было набрано как Николай СОЛОМО-НОВИЧ Мартынов. То есть сликó возможно жирным и крупным шрифтом. Тогда же по улицам ходили какие-то люди с плакатами и лозунгами, призывающими великий русский народ нещадно расправиться с теми, кто «смеясь, дерзко презирал земли чужой язык и нравы». До пасилей, могущих опозорить сегодняшнюю Россию на весь мир, дело не дошло, но жуткий осадок от происшедшего никуда не делся. Итак, Николай Соломонович Мартынов. Об отчестве его мы сейчас поговорим.

Не только историки, живущие в России и никогда не выезжавшие из родной страны, но даже те, кто часто бывает за рубежом и подолгу сейчас живет за границей, не имеют никакого представления о том, какие интереснейшие документы о прошлом России хранятся в руках частных лиц и некоторых архивах многих стран мира, особенно США.

Вот один из этих документов. Он написан *матерью Петра Петровича Зубова*, известного покойного церковного деятеля. Запись не имеет даты и фамилии автора, но подписана инициалами О.З. Этот документ – запись об одной из жесточайших страниц русской истории, он лежит в архиве США со времен революции и написан широким размашистым женским почерком и, как полагают историки, во времена начала первой эми-

грации. Привожу этот документ без изменений, а называется он «Воспоминание о Пугачеве».

«Не стану излагать русским известную всем историю Пугачева, но расскажу случай в моей семье, происшедший в те смутные времена «Пугачевщины» и переданные устно мне моей бабушкой Шереметевой, когда мне было приблизительно двенадцать лет. Она любила вспоминать события прошлого: вижу еще перед собой ее умное, красивое лицо, темные волосы, несмотря на возраст, причесанные по-старинному с пробором посредине, — ее худые изящные пальцы, когда она крутила папиросы, которые сама делала.

Она вспоминала о далеком прошлом, о событиях, давно ушедших в вечность и часто уже принадлежащих более истории, чем воспоминания современных людей. Ее единственная аудитория была небольшая, но внимательная, — девочка, то есть я. Иногда какой-нибудь эпизод был не по годам для меня, но я все-таки воспринимала его в тайные залежи моей памяти и, бывало, много лет спустя, понимала весь существенный смысл давно произнесенных слов.

Вот что я помню об ее рассказах о Пугачеве.

Ее дед, Мартынов, был помещиком большого имения «Липяги». Он был женат три раза и имел тридцать восемь (38!) детей, многие из них умерли младенцами, и я аккуратно сохраняла список их имен:

Лидия -1, Лидия -2, Марья -1, Марья -2. Иногда пять-шесть раз повторялось то же самое имя и это казалось мне чрезвычайно интересным. Его же третья жена была на много лет моложе его старших детей, так что был оригинальный случай: в одной и той же люльке лежали два младенца — дед и внук — правильнее сказать, брат деда и внук.

И вот, к этой многочисленной патриархальной семье вдруг донеслась ужасающая весть о приближении Пугачева и его необузданных войск. В те времена события узнавались, когда не было более времени и возможности принимать надлежащие меры против них. В доме случилась ужасная суета и невыразимый переполох, тем более что меньше недели перед

этим жена Мартынова родила сына. Напуганные, все кое-как собрались и решили бежать из имения прямо в лес, а оттуда – куда глаза глядят.

Взяли с собой молодую мать, но оставили новорожденного сына с мамкой-кормилицей, а также, что было очень необходимо, двух мальчиков от второй умершей жены.

Одного из них звали Савва, другого не помню, – им было 4 и 6 лет. И вот неизбежное случилось.

К вечеру того же дня усталые, злые всадники разбойников подъехали к имению. Пугачев слез с коня и первым вошел в дом, держа в руке хлыст, которым он стал бить по сторонам, задевая мебель и картины. Преданные служащие уехали с господами, а остальные все разбежались.

Нежеланного гостя встретила мамка-кормилица с новорожденным ребенком на руках; за ней робко выглядывали оба мальчика, переодетые мужичками. Пугачев заорал: «Где помещик? А? Убежал? Ничего, догоним. Да еще и красного петуха пустим ему в дом! Выходи, баба!» Мамка-кормилица затряслась. «А это что? – крикнул Пугачев, дергая ребенка за голову из ее рук – Барчонок, что ли? Давай его!» «Не тронь! – закричала кормилица, – не тронь его, это мой сопляк!» Тут бабушка останавливалась, кашляла и прибавляла, улыбаясь: «Этим скверным словом она спасла моего отца. Тот маленький ребенок был моим отцом! Понимаешь ли ты это?»

Я, конечно, понимала, но все-таки казалось странным, что новорожденный был отцом этой старой женщины.

«А вот, – продолжала бабушка, – обоим мальчикам она не смогла помочь и они погибли». К ним пристали грубые, полупьяные люди: где сахар? Где чай? Где водка? Испуганные, они наивно отвечали: «Наша экономка уехала и взяла с собой ключи, мы ничего не знаем», – и стали между собой говорить по-французски.

«Ага! Барчук! Ну, хватайте волчат и пригвоздите к воротам!» – приказал Пугачев.

Бедных детей схватили и пригвоздили рядышком к большим деревянным воротам, то есть распяли, как Иисуса Хри-

ста, а когда злодеи ушли, крестьяне похоронили мальчиков в церкви прихода.

Лет двадцать спустя до Петербурга донеслись странные слухи: в селе Липяги в церкви, на могилах убитых детей совершались чудеса. Уж не святые ли они были? Приходили изда- лека и устраивались настоящие паломничества. Приехал на то место архиерей, были вскрыты могилы и тела детей были найдены совершенно нетленными. Насколько помню, по просьбе Священного Синода, их перевезли в семейный склеп в городе.

«А почему твоему отцу дали такое странное имя?» – спрашиваю я. Бабушка смотрит на меня: «Странное? Нет, но неожиданное». Напуганная мамка решила окрестить ребенка до возвращения родителей. Пошла в церковь. «А как назвать его?» – спрашивает священник. «А Бог весть! – отвечает мамка, – уж и не знаю. По святому назовем, – решил священник – На сей день святой будет **Соломбн-царь** – так и назовем!»

Так и назвали. «Но это еще не все, – продолжает бабушка, – с семьей убежала в лес сестра двух убитых Пугачевым детей, шестнадцатилетняя дочь Мартынова, т.е. моего деда. Почему-то она не вернулась в Липяги и была захвачена приверженцами Пугачева.

Стройная, высокая, она была замечательно красива и в нее был безумно влюблен молодой корнет *Мертваго*.

Пугачев приказал её повесить. Верёвка была уже накручена вокруг ее шеи и ей стало ясно, что она должна погибнуть. От всего сердца она помолилась и мысленно дала обет, что если невероятный случай её спасёт, она построит монастырь и будет монахиней всю жизнь... И чудо свершилось. Скамейку под её ногами стали тянуть и в эту самую трагическую минуту вдруг лихо подскакал Мертваго с сотней храбрых всадников, рассеял Пугачевские банды и увез с собой спасенную им свою возлюбленную. Она вышла за него замуж, иначе было нельзя поступить, но через три года овдовела и не забыла данное обещание: построила в Нижнем Новгороде монастырь и была первой его молодой игуменьей. Помню, как бабушка

вдруг замолчала, стала крутить папироску и, словно воскресив какое-то воспоминание, стала тихо смеяться. О.З.»

На этом воспоминания кончаются. Говоря же о том, кто был невольным убийцей Лермонтова (в поэта попала без прицела пущенная пуля), и о тех, кто судит о национальности только по именам и фамилиям, посоветую просто-напросто «повысить свой культурный уровень» и взять в руки труды по науке ономастике, о которой говорилось выше. Из книг специалистов они бы узнали, что в православной церкви существует так называемая «Неделя святых праотцев», празднуемая в середине – конце декабря, когда младенцев, по желанию родителей, можно назвать древнеиудейскими именами отцов православной церкви. Испокон веку в эту неделю у русских православных родителей рождались младенцы «мужеска пола», которых называли Соломóн, Давíд, Самуи́л, Авраáм, Нау́м, Исаáк, Иу́да, Моисе́й, Йо́в, а также женского, с именами Са́рра, Ли́я, Реве́кка, Рахи́ль, Юди́фь и прочими. Отсюда пошли фамилии русских семей. В наше время подобные имена у детей довольно редки, но все еще встречаются среди сектантов. Добавлю, что мужское имя Рафаи́л нередко встречалось в среде русского дворянства, и о своем «дяде Рафаше» мне рассказывала покойная Вера Ильинична Толстая, внучка писателя.

Сейчас еврейские имена встречаются, главным образом, в отчествах и фамилиях у обычного русского населения России, большей частью преклонного возраста (А́нна Моисе́евна, Пе́тр Абра́мович, Соломо́новы, Абра́мовы, Иса́ковы, Нау́мовы, Моисе́евы, Самой́ловы и пр.), но широко используются на нашей родине в церковной среде и встретить среди насельников монастырей настоятеля отца Авра́ама, послушников и монахов Мельхиседе́ка, Соломо́на, Нафанаи́ла, Иа́кова (то есть древне-иудейского имени Яков с ударением на последнем слоге) в мужских и Реве́кку, Рахи́ль, Юди́фь и пр. в женских – совсем не редкость.

Все вышеупомянутое пишется мною не для «господ-антисемитов» из той части русской прессы, которая запятнала себя на век позором, а для уважаемых читателей, которые

с вышеописанной историей русских имен, возможно, плохо знакомы. Тем, кто несколько лет назад развернул кампанию, позорящую честь русского общества и русской литературы, а вместе с нею и всей России, абсолютно все равно, кто был невольным погубителем Лермонтова – русским ли дворянином или человеком иного круга и национальности. Притворяясь религиозными, они зачастили в православную церковь, по ведь это эрзац, суррогат, фальсификация, если не употребить более сильного определения, а именно – тоже клинический случай юдофобства. Ибо – что такое «Протоколы сионских мудрецов», которые они пропагандируют, как не убогий, лживый, кощунственный вздор, признанный в России фальшивкой не только православными священниками, но и царем Николаем II Александровичем. «Какая ложь», – сказал он, отбросив писания *Нилуса*, сочинившего сей «трактат».

Упомянутым выше руководителям журналов и газет, называющихся когда-то «желтой прессой», просто нужно было выпустить гной, собравшийся в их душах, и обрушить свои человеконенавистнические страсти с единственной целью – вооружить ложными сведениями малокультурную часть российского населения на случай «решения» того вопроса, который мучил «нелюдь» – гитлеровских головорезов пятьдесят и более лет назад.

Очерк второй*

Автор неоднократно указывала, что ономастический анализ имени и фамилии не ставит своей задачей установление национальности, а занимается историей, географией, социологией и прочими науками, вся связка которых сама приводит к установлению названия того народа, из которого вышел данный индивидуум. В процессе исследований историку-лингвисту-именологу-социологу приходится идти в глубь веков, чтобы найти следы происхождения того пли

* КАСКАД. Cascade russian newspaper, выпуск № 17 (101), сентябрь 1999.

иногo прозвищного имени, что стало впоследствии называться фамилией и часто делаешь такие открытия о происхождении знаменитых людей России, что остается только ахнуть.

Вот несколько блестящих примеров. *Пётр Пáвлович Шафíров* (Сапир), ближайший сподвижник Петра I, крещеный еврей, был женат на *Анне Степáновне (Самóйловне)* Копьевой, также из семьи выкрестов. Их все дочери вышли замуж за представителей старых аристократических родов *Рю́риковичей* и *Гедемíновичей*.

Среди потомков этих браков – Михаил и Матвей Вельегорские – прославленные музыканты XIX века, Самарины – славянофилы, Петр Андреевич Вяземский – поэт, друг Пушкина, А.А. Фет – знаменитый поэт того же XIX века, Сергей Трубецкой – князь, философ XIX века, Феликс Юсупов-Сумароков-Эльстон – князь, инициатор и исполнитель убийства Распутина и, наконец, «красный граф» – талантливейший писатель нашего времени Алексей Николаевич Толстой и другие.

А совсем недавно мне пришлось познакомиться с происхождением и биографией еще одного знаменитого россиянина и нижеследующий рассказ о его настоящей «био» заставил бы *Ёсь Срёньча Стáлина* и его сподвижников перевернуться в гробу, буде они знакомы с материалами, попавшими в поле зрения настоящих историков, а не тех прислужников «великого вождя», кои создали фальсифицированную версию истории нашего родного края.

* * *

Начнем несколько издалека, вспомнив биографию *Владíмира Дáля*, потомка шведов, русского писателя и лингвиста, давшего России знаменитый этимологический словарь русского языка, которым русские филологи пользуются до сих пор. Владимир Даль с 1814 по 1818 год учился в Морском кадетском корпусе, который знаменит тем, что его закончили многие прославленные российские адмиралы, такие как *Ушáков*, *Синя́вин*, *Нахíмов*, *Истóмин*. Во время учебного похода в Данию и Швецию парусного брига «*Феникс*», подросток Даль вел дневник, где честно заметил, что моряк из него получится

некудышный, ибо он с огромным трудом переносит качку, не то что его ближайшие товарищи, например, шестнадцатилетний гардемарин Павел Н., взобравшийся как-то на площадку на самом верху мачты и спустившийся оттуда на палубу по веревке головой вниз. Трюк молодого гардемарина привел в такой восторг датского принца Христиана, что он пригласил русских практикантов-подростков в свою резиденцию на прием, где крепко обнял Павла Н., сказав, что он пленен мужеством, ловкостью и умением молоденького русского моряка.

А теперь – к делу.

Как-то, в начале XIX, века проходил по провинциальным тропам России какой-то военный полк, за которым увязался двенадцатилетний мальчик, пришедший в восторг от искусства полкового барабанщика. Родителей его никто и не думал искать, мальчик стал «сыном полка», каковых было немало не только во время Отечественной войны на нашей родине, но и в Америке, о чем свидетельствуют архивы Войны за независимость и Гражданской войны США. Вскоре выяснилось, что мальчик – еврей и зовут его *Самуил*, но фамилии у него нет, ибо в то время у евреев вообще не было фамилий. Мальчик был незамедлительно крещен и из *Самуила* превратился в *Степана*, крестным его был командир полка Михаил *Свешников*, а отчество подростка, как это всегда делалось при крещении «инородцев» другой веры, стало по имени названного отца – *Михайлович*. Через некоторое время отыскался и настоящий отец маленького нового христианина «Степана Михайловича», коим был некто местечковый сапожник *Нухим*, и юного барабанщика стали официально величать Степан Михайлович *Нухимов*. Впоследствии он изменил в фамилии первую гласную и стал **Нахимовым**.

Редкая исполнительность и усердие по службе дало возможность Степану Нахимову дослужиться до фельдфебеля, а за храбрость и находчивость во время одной из тогдашних российских войн он был произведен в офицеры, дослужившись впоследствии до звания майора, что дало ему возможность по тогдашнему военному уложению, стать личным дворянином. К тому времени *майор Нахимов* был уже довольно состоятельным

человеком и при выходе в отставку смог купить небольшое имение, сельцо *Городок* в Вяземском уезде Смоленской губернии. Несмотря на то, что Степан Нахимов уже отошел от своего народа, кровь, вероятно, давала себя знать, и женился он все-таки на еврейке по имени *Ревекка*, дочери лавочника Янкеля из Пинска, поставив, однако, невесте условие перейти в христианство. Сама Ревекка была не прочь переменить веру, но воспротивились ее родители, а посему отважный офицер Степан Нахимов просто «умыкнул» свою возлюбленную и счастливо зажил с женой по имени теперь уже *Раиса* в своем имении.

У Раисы и Степана Нахимовых родилось 11 детей, шесть из них скончались в раннем возрасте, осталось пять человек. Трех мальчиков в соответствующие годы определили в морской кадетский корпус, по окончании которого они служили на флоте. *Платон* Степанович дослужился до *капитана второго ранга*, *Сергей Степанович* стал контр-адмиралом, был назначен директором морского кадетского корпуса и в 1864 году произведен в *вице-адмиралы*, а что касается Павла, четвертого сына по счету, то весь мир вскоре узнал его как **прославленного российского адмирала по имени Павел Степанович Нахимов**, того самого юного гардемарина, поразившего датского принца Христиана своим мужеством, ловкостью и умением исполнять службу моряка, о котором писал Владимир Даль.

Рассказывать о том, какое место занимал и занимает адмирал Нахимов в рядах военной иерархии России излишне: орден Нахимова 1-ой и 2-ой степени, медаль Нахимова, полуостров и бухта в Тихом океане, военный крейсер, носящий его имя, знаменитое Нахимовское училище, памятник адмиралу Нахимову в Севастополе и т.д. – вот выборочно только несколько фактов. Во время Крымской войны 1855 года, будучи военным губернатором Севастополя, Павел Степанович Нахимов 11 месяцев *руководил обороной этого города*, был *смертельно ранен* на Малаховом кургане и *похоронен* там же, в Севастополе *во Владимирском соборе*, рядом с другими выдающимися русскими военными флотоводцами: *Лазаревым, Истоминым, Корниловым*.

В императорском рескрипте по случаю его кончины сказано: «Своим благоразумием, мужеством и замечательной распорядительностью адмирал Нахимов удивлял своих сподвижников и заслужил вечную признательность России».

Что же касается личной жизни Павла Степановича Нахимова, то прославленный адмирал в некоторой степени повторил судьбу своего отца, юного барабанщика из проходившего когда-то мимо еврейского местечка полка, а именно: официально женат он никогда не был, однако любимую женщину имел. Кровь ли говорила в знаменитом мореплавателе так же, как у его отца, крещеного еврейского мальчика Самуила, ставшего Степаном, или еще что-то, но любимой женщиной его была тоже женщина еврейского происхождения второй женой по имени *Рахиль*. Жениться на ней адмирал не мог, так как она была иной веры и креститься наотрез отказалась, что послужило причиной того, что их дети, три мальчика, остались незаконнорожденными. К моменту смерти адмирала семья жила в богатом имении Курской губернии, купленном Нахимовым за огромные деньги, откуда Рахиль с детьми была изгнана после кончины мужа как незаконная владелица, ибо завещать «гражданской жене» поместье было нельзя. Рахиль и трех сыновей взяли родственники. Судьба этой женщины осталась неизвестной, но дети адмирала не канули в небытие, и, поскольку именно во времена их возрастания евреи начали получать в России фамилии (а фамилию можно было взять любую), – все они стали зваться Нахимовыми.

Тут я должна сделать небольшое примечание: некоторые филологи считают, что фамилия Нахимов не только редкая, но вообще существует в России только в единичном числе и принадлежит прославленному российскому адмиралу. Однако просмотрев ряд исторических документов, я пришла к несколько иному заключению: фамилия действительно редкая, большей частью дворянская, но в России иногда встречалась и встречается по сей день. Так например *поэт-сатирик Аким Николаевич Нахимов* (1782–1814) – москвич, писавший преимущественно в рамках малых жанров (сатира, эпиграмма, басня). Не исключена возможность, что прославленный адмирал был знаком с

его произведениями (распространявшимися, кстати, «самиздатом» то есть в рукописях, а по какой причине, мною пока не выяснено) и, возможно, водил с ним знакомство. Кроме того, если и эта фамилия произошла от еврейского имени Нухим, то, возможно, литератор Аким Николаевич Нахимов (или его предки) тоже принадлежали по крови к «малому народу», но в свое время крестились, на что натолкнула меня, именоведа, мысль о том, что Аким — это русский вариант прозваний *Элиаким* или *Иохим* (*Ехояким*), одного из старинных древнеиудейских имен. Вышеупомянутый литератор этот жил в начале XIX века, он современник Пушкина. Разумеется, происхождение фамилии литератора *Акіма Нахімова* — это только моя гипотеза, но со временем, если настанет в том необходимость, придется это доказать, нерерыв массу самого разного материала.

А теперь переходим ко второй, не менее интересной части моего повествования. Знали ли в царской России о том, что адмирал Нахимов был еврейского происхождения? Да, те, кто этим интересовался, тот знал. О происхождении и жизни адмирала Павла Степановича Нахимова писалось в *Энциклопедическом биографическом словаре*, вышедшем до революции в издательстве братьев Грант (тоже евреев, между прочим), затем печаталось в журнале «Восход», издававшемся перед Первой мировой войной, упоминалось вслед за этим в книге известного историка Зайончковского в «Морском сборнике», а также и в других публикациях.

Пресса царской России была всякая, и черносотенная, и либеральная, но она была, по крайней мере, свободной и доводила до сведения читателей все, что ей было угодно. Свободная пресса во времена российского самодержавия не скрывала почти ничего, как хорошего, так и плохого, но только, как в данном случае, не афишировала некоторых фактов. Для молодого поколения стоит добавить, что *евреи в России были ограничены в правах формально никак не из-за национальности, а только лишь из-за веры*. Стоило же лицу еврейского происхождения креститься, как он получал те же права, что и все остальные православные и лишь во время ханжеской советской

власти лживая пресса искажала настоящую природу вещей, когда политические сатрапы запрещали дореволюционные печатные издания, а их подчиненные вырывали страницы из школьных учебников, книг и всей прочей литературы, откуда можно было почерпнуть хоть одно слово истины и правды. О том, какого происхождения был адмирал Нахимов, не имели представления не только рядовые граждане бывшего СССР, где родились и мы с вами, читатель, но, возможно, мало кто об этом знает и теперь, так как заслуги великого флотоводца перед Отечеством перечеркивала так называемая «пятая графа», и подробная биография его всячески замалчивалась.

Таких примеров «перечеркивания» масса и вот один из них: во время своего приезда в Америку в 1958 году, когда никому и в голову не могло прийти словосочетание «эмиграция из СССР», я застала на страницах газеты «Новое Русское Слово» выступления бывших советских военнопленных, которым удалось спастись от когтей «дяди Джо» и уехать в США. Выступления эти были связаны с национальностью Льва Доватора, еврея. Однако советская пресса в те времена пыталась усиленно, нагло кормить своих читателей рассказами о том, что знаменитый генерал Лев Михайлович Доватор – командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, Герой Советского Союза – был верным сыном белорусского народа, что мать его звали не то Пелагеей, не то Аграфеной, а деда чуть ли не Иваном или Василием и подобными «фактами», которые на языке одесситов называются «курам на смех». Все эти небывлицы усиленно распространялись в массовой печати и по телевизору в СССР в шестидесятых годах. Ложь о национальности замечательного полководца-кавалериста Льва Доватора (*Доватор – переделанное на русский лад древнееврейское Dov – «медведь»*) пресекалась лишь после того, как о выступлениях вышеупомянутых бывших советских военнопленных, разоблачивших измышления советчиков, стали писать в зарубежной прессе. Напоминаю тем, кто забыл или совсем не знал, что генерал Лев Доватор – один из храбрейших командиров тогдашней Красной Армии – был как никто любим своими подчиненными и погиб в 1941 году, не успев как следует повоевать.

А возвращаясь к адмиралу Нахимову, заметим, что правда все-таки торжествует и во время Второй мировой войны молодой советский офицер *Марк Штейнберг* встретился на фронте с неким майором *Яковом Нахимовым*, правнуком едва ли не самого знаменитого российского флотоводца, от которого он и почерпнул все вышеописанные детали жизни Павла Степановича Нахимова. После войны этот правнук адмирала, Яков Нахимов стал геологом. Спустя некоторое время, уже в эмиграции, вышеописанный и другие факты натолкнули Марка Штейнберга на мысль написать замечательную книгу *«Евреи в войнах тысячелетий»*, пользующуюся у читателей огромным успехом. Интересная деталь: в этой книге *Марк Штейнберг* пишет: «Во время Второй мировой войны, когда был учрежден высший боевой орден Нахимова для награждения флотоводцев, одним из первых получил эту награду – с высеченным на медали еврейским, несколько горбоносим профилем знаменитого адмирала Нахимова – командующий Азовской военной флотилией, контр-адмирал *Александр Петрович Александров* – тоже чистокровный еврей!»

В конце XIX века замечательный русский классик *Н. Лесков* написал небольшую книгу *«Еврей в России»*, где привел массу интереснейших фактов об истории гонимого народа в нашей стране. Труд этот в царской России был известен, но не популяризовался, а вопрос о происхождении выдающихся российских граждан-евреев в широкой печати вообще никогда не поднимался. Не поднимался потому, что тогдашней российской прессе на фоне время от времени сотрясавших страну погромов было не с руки акцентировать позорные для России вопросы. После перестройки, несколько лет назад, труд *Н. Лескова «Еврей в России»* вышел в виде маленькой, тоненькой книги-брошюры и мгновенно исчез в *Москве и Ленинграде* из продажи, раскупленный теми, кто желает знать правду. В этом очерковом сочинении, подробно разбирая причины античеловеческого антисемитизма в России, *Лесков* пишет и об участии во всех войнах нашего Отечества российских солдат-евреев. И вот упоминая о службе евреев в царской армии, автор, среди прочего, приводит такой красочный эпизод: унтер-офицер,

обращаясь к строю новобранцев, неустанно повторяет, что великий Суворов говаривал: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!», однако, подойдя к рядовому-еврею этот унтер-офицер добавляет: «Ну а к тебе, брат, это никак не относится, ты ведь жидок!»

Так наука ономастика, вонзаясь в быстротечный ход истории, вносит свои комментарии в многонациональную вековую жизнь огромной нашей страны, называемой сейчас опять Россия, разбивая упорный, но малограмотно-фальсифицированный труд тех, кто под знаком ложного «патриотизма» пытается извратить реальные факты о происхождении всем известных россиян. *Будем надеяться, что все попытки индивидуумов «интеллектуального» дна завлечь молодое поколение не только в паутину вульгарного кухонного антисемитизма, но, что хуже того, в сети разрушающего всё и вся расизма, пытаясь вести молодое поколение по пути ненависти и злобного человеконенавистнического шовинизма, а шовинизм этот нет-нет да и, проскальзывает в речах даже членов правительства нынешней России, – в итоге потерпят сокрушительный крах.*

* * *

P.S. Кстати, не могу не похвалиться тем, что в «Истории Пугачёвского бунта» Пушкина упоминается и моя девичья фамилия – Кочурова, так как доказано, что цитата писателя «Утром пришли пьяные казаки Кочуровы, Иван да Кузьма» имеет прямое отношение к предкам родственников нашей семьи, жившим тогда, и их потомкам, живущим сейчас, в Симбирске. По окончании бунта один из них, Петр Кочуров, был судим и сослан в Архангельскую губернию, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы. После революции о сподвижниках Пугачева и их потомках писали в газетах Симбирска, ставшего Ульяновском, и даже куда-то возили нашего родственника, ломового извозчика, не совсем грамотного дядю Степана Кочурова, чтобы он «делал доклад» и прославлял наш испокон веку бунтарский род.

ИМЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем: забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...
Александр Пушкин

* * *

Имя твое шепчу неустанно,
Шепчу неустанно имя твое.
Магнитной волной через воды и страны
Летит иностранное имя твое.

Быть может, Алиса, за чашкою кофе
Сидишь ты в кругу веселых людей,
А я всей болью дымящейся крови
Тяну твою душу, как чародей.

И вдруг изумленно бледнеют лица:
Все тот же камин. Электрический свет.
Синяя чашка еще дымится,
А человека за нею нет...

Ты снова со мной. За строфою – решеткой,
Как будто бы я с колдунами знаком,
Не облик, не образ, а явственно, четко –
Дыханье, пахнущее молоком.

Теперь ты навеки со мной, недотрога!
Постигнет ли твой Болеслав или Стах,
Что ты не придешь? Ты осталась в стихах.
Для жизни мало, для смерти много.

Илья Сельвинский

* * *

Марта, Марта! Весеннее имя.
Золотые сережки берез.
Сопки стали совсем голубыми.
Сушит землю последний мороз.

И гудит вдалеке лесосека.
Стонет пихта, и стонет сосна...
Середина двадцатого века.
Середина Сибири. Весна.

По сухим, по березовым шпалам
Мы идем у стальной колеи.
Синим дымом, подснежником талым
Светят тихие очи твои.

Истекает тревожное время
Наших кратких свиданий в лесу.
Эти очи и эти мгновенья
Я в холодный барак унесу.

Улетели, ушли, отзвучали
Дни надежды и годы потерь.
Было много тоски и печали,
Было много счастливых путей.

Только я не жалею об этом.
Все по правилам было тогда –
Как положено русским поэтам –
И любовь, и мечта, и беда.

Анатолий Жигулин

Ирина

Ирина, Ирина, Ирина,
Смирись, предводительство тая, –
Печалей твоих половина,
Считай, что отныне – моя.
Всех болей твоих половина,
Считай, что моя до конца!
Ирина, Ирина, Ирина,
Апрельская песня скворца.
Дай бог, чтобы этот мой выкрик
Был равен остатку судьбы!
Мы слишком к нокою привыкли,
Мы быта и будней рабы.
Ты – лучший на свете подарок,
Неведомый солнечный сад.
Насмешлив, тревожен и жарок
Прямой и кипжальный твой взгляд.
Ты – небо, росинка, рябина,
Рука на гитарной струне.
Ирина, Ирина, Ирина,
Качнись же навстречу ко мне!
Вдвоем – горячо и надолго,
Пусть позже осудят века!

Тряхнись, непокорная челка!
Махни, молодая рука!..

Геннадий Георгиев

Русские имена

Нет, не из шелка,
не из ситца,
а из сурова полотна,
что на хозяйстве пригодится,
в России сшиты имена.
Лукаво, ласково, степенно,
легко сплетается веноч:
– Аленка!
– Леночка!
– Елена!
– Голубоглазенький Ленок!
Чу – ветер дунул:
– Дуня! Дуня! –
А сам, юродивый, бегом.
Простоволосая колдунья
идет по лугу босиком.
Как спелый помидор
со свеклой
хозяева соседних гряд –
румяный Федор
с белой Феклой
на лавке рядышком сидят.
А им навстречу
зов ненастья,
то затихая, то трубя:
– Спасите!
Утопилась Настя,
Ивана до смерти любя!
И пашет, пашет, пашет
Паша,

лишь пот стекает ручейком.
Не уставая, машет
Маша
ему зеленым рукавом.
Привычно, ясно,
смутно, странно
живут в России имена.
А степь по имени
Степана
однажды степью названа...

Лариса Васильева

* * *

Тут столько Эдуардов, Жанн, Эльвир...
Имен заморских, говоря меж нами.
Как будто удивить хотели мир
Родители такими именами.

Глядишь, летит какой-нибудь пострел,
А дед его, взяв хворостину, кличет:
– Куды тебе несут? Убьесси, Ричард!
Куды ты, окаянный, полетел?

А то, глядишь, на лавке у ворот
Смеются бабы, то есть шутят:
– Стелла,
Ты чтой-то больно, девка, растолстела.
Видать, брюхата двойней? Вот везет!

Тут каждый житель для меня – родной.
Но разве это не чудно, не странно,
Что нет в селе ни одного Ивана
И Марьи ни одной?

Нина Краснова

Имена

Имена, имена, имена –
В нашей речи звучат не случайно:
Как загадочна эта страна –
Так и имя – загадка и тайна.
В этой жизни, а может, и в той,
Под земною звездой и небесной
Охраняет любой святой,
Не для каждого, впрочем, известный.

Посреди разоренной земли
На ветру разгорелась рябина.
В сентябре прозвучит Натали.
В октябре отзовется Марина.
И посыпется с веток листва,
Не убавить уже, не прибавить.
Имена ведь – не просто слова,
А почти воплощенная память.

Ради вечной надежды своей
Вспоминайте судьбою хранимых
Имена самых верных друзей,
Даже боль приносивших любимых.
Имена, имена, имена –
В этой жизни звучат не случайно:
Как загадочна наша страна,
Так и имя – загадка и тайна...

Александр Бобров

ИМЯ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ВЕЛИКИХ

Есть имена, которые столь же вечны и ярки, как звезды в небе. Когда люди в открытом море не знают, в каком месте находятся, то путь на земле определяют по звездам в небе.

Бертольд Авербах, немецкий писатель

Если бы называть все вещи их настоящим именем, сам Цезарь устыдился бы своей славы.

Джордж Байрон, английский поэт-романтик

Человек всегда гордится тем, что начертал где-то свое имя, хотя бы на коре дерева, и всегда приходит в удивление, когда больше не находит его.

Александр Дюма (сын), французский писатель

Не так легко составить себе имя превосходным произведением, как заставить ценить посредственное произведение с помощью уже приобретенного имени.

Жан де Лабрюйер, французский писатель XVII века

Мое имя будет жить столько же, сколько имя Бога.

*Наполеон I (Бонапарт),
французский полководец и государственный деятель*

Подборка Вячеслава Синуцына.

ДУХОБОРЫ И МОЛОКАНЕ В АМЕРИКЕ

До сей поры в Америку бегут люди всех стран и континентов, спасаясь от религиозных преследований. В биографии Льва Толстого значительное место уделено тому, как он вместе со своими единомышленниками посвятил много времени тому, чтобы царское правительство не чинило препятствия тем религиозным группам, а вернее — **с е к т а м** в России, кто исповедовал православную религию с ограничениями. **Духоборам**, например.

Духоборы отвергают духовенство, храмы, иконы, таинства и посты, считая, что жизнь человеку дана для «совершенствования вложенного в человека духа-Бога». Эта секта возникла в второй половине XVIII века в Екатеринославской губернии и с течением времени, кроме вышеуказанных отличий от официального православия, члены секты духоборов начали отказываться от присяги, уклоняться от несения военной службы (*во время Крымской кампании 1853–1856 гг. рота духоборов бросила оружие*). Священное писание духоборами не отвергается, но толкуется аллегорически, как картина борьбы двух начал — зла и добра. В конце концов существование духоборов начало серьезно беспокоить царское правительство, и встал вопрос о переселении членов секты в США и Канаду — единственные страны, признающие право каждого человека на любое исповедание избранной им для себя религии.

Духоборы уехали и поселились в Канаде в конце — начале XIX–XX веков с помощью Льва Толстого и его сподвижников. В настоящее время, после перестройки, российские и канадские духоборы (а их немало осталось и на родине) довольно тесно общаются и в журнале «*Наука и религия*» некоторое время тому назад было интервью с духобором, канадским журналистом, имя его — **КОЗЬМА ДЖОН ТАРАСОФФ** — из рассказов которого бывшие советские граждане узнали о том, что канадские духоборы сохранили свою самобытность на основе коллективного

труда, формирующего братские отношения в духоборских общинах. В Канаде члены секты духоборов стараются сохранить свои духовно-нравственные принципы, устои, национальные традиции и главное – родной язык. Особенно сильно у духоборов выражена духовная сторона, благодаря чему канадским духоборам удается сохранить свою **РУССКОСТЬ**. Конечно, почти все духоборы с течением долгого времени превратились в настоящих канадцев и по облику и по языку, но русскость свою чтят и ходят в православные храмы, которых в том месте, где они живут в Канаде, очень много. Перед одним из таких храмов в Канаде возвышается статуя князя Владимира, крестившего языческую Русь. Памятник поставлен канадскими духоборами.

Очень близка к духоборам и другая российская секта, называемая **МОЛОКАНАМИ**.

МОЛОКАНЕ – российская секта, отделившаяся от духоборов, но сохранившая многое из ее обрядов и учения. Молоканами секта называется потому, что в Великий пост они едят молоко. Сами молокане называют себя духовными христианами. Основана секта в XVIII веке *Семёном Уклеиным*, крестьянином *Тамбовской губернии Борисоглебского уезда*. Молокане, разнятся от духоборов тем, что совершенно отрицают православную церковь, ее таинства и обряды, мощи святых, иконы и *почитают только Священное Писание Ветхого и Нового Завета*. Есть и еще ряд отличий молокан от духоборов, но это не тема данного очерка и поэтому упоминать об этих отличиях не будем. Необходимо отметить только одну важную и очень интересную черту молокан: некоторые черты основателя секты Семена Уклеина стали доказывать превосходство **ИУДАИЗМА** над **ХРИСТИАНСТВОМ**. Они утверждали, что **ХРИСТОС** – последователь Моисея, простой человек, ставший пророком и сам исполняющий законы Ветхого Завета. Почему автор упоминает об этом – читатель поймет позже.

Когда-то в России молокан насчитывалось свыше пяти тысяч, затем число их варьировалось по-разному. До революции секта молокан преследовалась, как и секта духобо-

ров. Затем они получили разрешение уехать из России. Все это мне рассказывал *старшой этой секты*. Уехали из России его прадед с прабабушкой. Всего членов секты молокан в настоящее время насчитывается 25 тысяч человек. Они, также, как и духоборы, еще сохранились в России, а, кроме того, селятся по всей Северной Америке. Их можно найти в разных штатах США, как-то в Калифорнии, Орегоне, Аризоне, а также вместе с духоборами в Канаде и в других странах. Надо сказать, что после того, как духоборы и молокане были выпущены из России, они не «кучкуются» только около своих по вере, а расплылись по многим странам мира, как-то по Мексике, Австралии, Новой Зеландии и по другим странам нашей Земли. Как уже упоминалось, живут молокане в большом количестве и в СНГ, на юге Украины, в Крыму, на Кавказе и т.д.

Попав в Америку *молокане*, как и большинство духоборов *сохранили* свои *иоф* (на языке профессионалов-именоведов ИОФ значит: Имена, Фамилии, а в ряде случаев и Отчества). Говорят они по-русски очень хорошо, но уже с американской... интонацией. Вообще я должна заметить, что у тех эмигрантов, кто только-только приехал в АМЕРИКУ, прежде всего меняется интонация. Недавно молодая девушка, ездившая с отцом в Москву, нисколько не удивила меня, сказав «Папа хорошо говорил в России по-русски, но как-то странно: все «вверх» – она имела ввиду американскую интонацию отца.

Я знакома с молоканами, но не очень близко: когда-то в штате Аризона мои знакомые молокане подарили мне изданную ими небольшую книжечку – буклет, где описывается многое из их образа жизни и подробно перечисляются почти все насельники, их имена и фамилии, а иногда и отчества тех молокан, кто отчества свои сохранил. Среди членов секты молокан вы найдете *Морозовых*, *Пудовых* (от старинного имени ПУД, имя это из святцев, фамилии этой более двухсот лет), *Пипины*, также от имени ПАПА, когда-то бывшего в святцах, а они (святцы) за времена Православия в России неоднократно переписывались, *Карнауховы*, *Клубникины*, *Кудиновы*, *Куликовы* и прочие фамилии, часто встречающиеся

ся в настоящее время и в современной России. Что касается личных имен, то молокане следят за «модой на имена» в теперешней перестроечной России и дают мальчикам и девочкам, популярные сейчас в России имена, такие, как Сергей, Александр, Дмитрий, Алексей, Мария, Наталья, Анастасия, Максим и прочие, захватившие именованник России уже более тридцати лет.

Выше я упомянула, что молокане – приверженцы Ветхого и Нового Заветов, – поэтому они также называют младенцев при рождении иудейскими именами: девочки у них носят имена – *Сáрра, Лія, Рахіль (Рахиль) Ревéкка, Анна, Марія, Елизавета* и подобные им. За младенцами же мужского пола закрепляются такие имена, как *Авраám, Исаák, Моисéй, Давíd, Яков* и прочие. Есть и одна особенность, пришедшая в иные страны «от стариков», как сказал мне пресвитер молокан. Эта особенность заключается в том, что все женщины у молокан носят не полные, а сокращенные имена, и такие сочетания, как *Люба Давíдовна, Сáрра Моисеéвна, Марúся Авраáмовна* – не редкость, а узаконенная традиция. Также как и духоборы, молокане твердо соблюдают свою веру, и в тех местах, где они живут, есть много церквей, построенных членами секты. Но кроме своей русскости, молокане не забывают и России, и очень многие члены секты всячески поддерживают родной язык предков: два раза в неделю они собираются в группы, где им преподаёт русский язык одна из моих знакомых.

— Есть одно интереснейшее место в Соединенных Штатах Америки. Недалеко от Нью-Йорка, в штате Коннектикут, после того, как в США оказалось много беженцев из России, писателем Чураевым и Ильёй Львовичем Толстым, сыном Льва Николаевича Толстого, отцом Веры Ильиничны, о которой я очень часто упоминаю, была основана так называемая «Русская деревня», которой дали имя *Чурáевка*, в память ее основателя, писателя *Чурáева*. Прошу не путать деревню Чурáевку с Толстовской Фермой, где долгие годы до своей кончины работала, спасая людей из России, Александр

Львовна Толстая, – дочь великого писателя. На Толстовской Ферме расположен один из офисов так называемого Толстовского Фонда, где работают русские люди, много сделавшие для всех российских эмигрантов, прибывающих в США. Члены Толстовского Фонда находили жилище для новоприезжих, часто содержали их и на самой ферме с полным обеспечением, предоставляли им работу и всячески опекали растерявшихся от полной перемены жизни граждан из Советского Союза. Председателем Толстовского Фонда очень долго был член царской семьи, *Теймурáz*, сын племянницы последнего русского императора – Татьяны Константиновны, дочери К.Р., поэта (автора стихотворений «*Вчера мы ландышей нарвали*», «*Умер бедняга в больнице военной*» и прочих хрестоматийных стихов, очень популярных до революции).

Итак, *деревня Чураевка*. Расположена она в живописной местности, на берегу красивейшей полноводной реки, где насельники этого места вылавливают огромное количество рыбы. Многие известнейшие россияне, бежавшие из послереволюционной России, жили там долгие годы.

Познакомила меня и мужа с Чураевкой, ее историей и насельниками Клеопатра Матвеевна Животовская. Когда мы с Супчиком подружились с Клеопатрой, ей было уже за восемьдесят. Живая, веселая, знающая многих и многое, она выделялась среди своих подруг и знакомых пожилого возраста. Если себя я считаю поклонницей *Анатолия Петровича Кторова*, мхатовца Второго поколения, то Клеопатра Матвеевна – не поклонница, нет, а восторженная почитательница великих русских талантов самой высшей «пробы».

Она родилась где-то на Украине, отец ее был начальником одной из железнодорожных станций и в ранней юности она влюбилась в Виктора Тимофеевича Животовского, молодого человека. Отец Пати (Патя – сокращение от Клеопатры) был ужасным антисемитом, а Виктор Животовский был евреем, и о браке не могло быть и речи. Повторюсь, если напомним читателю, что все это было еще до революции, когда Клеопатре Матвеевне было 17 лет и она только-только кончила гим-

назию, а Виктору Животовскому было чуть более двадцати. В те времена сожителство молодых людей без брака было далеко «не в моде» и тогда молодая пара решила... бежать. А куда же бежали униженные и оскорбленные граждане всех стран Европы и других континентов – во все времена – как не в Америку? После многих перипетий им это удалось, и они попали в США.

В Америке молодые работали кто где, а Клеопатра, кроме заработка на кусок хлеба, нашла, как теперь говорят, свою «нишу». Этой нишей было... поклонение великим артистам и людям искусства. Всем, кто знал великого композитора и пианиста **Серге́я Васи́льевича Рахма́нинова** известно, что куда бы он ни приезжал на гастроли, его всегда сопровождала, кроме жены, худенькая дама с некоторой поклажей в руках. Поклажа – изумительные пирожки, изготовленные Патиными руками, их великий композитор и музыкант любил особенно... Дамой с «пирожками» была наша Патя, которая вместе с мужем Виктором Тимофеевичем, подружился с Сергеем Васильевичем, стали завсегд́атаями дома Рахманиновых и, нечего и говорить, что ни один концерт Рахманинова не обошелся без присутствия там Патины с Виктором.

Патя мне кое-что рассказывала об этой семье, напевала разные мелодии, любимые С.В. В доме Клеопатры Матвеевны я прослушала неизвестную никому маленькую пластинку с записью народной русской песни *«Уж ты милая, хорошая моя, мне понравилась походушка твоя»*, сочиненная Рахманиновым и *наигранную им* – Клеопатра ставила ее, пританцовывая и напевая слова, кружа вокруг стола в своей маленькой квартирке. Она угощала меня маленькими котлетками, такими, как любил Сергей Васильевич, и рассказывала о его жизни, гастролях и проч. Для нее великий музыкант и композитор был Богом, гораздо более великим, чем настоящий Бог.

Патинька часто и много угощала меня рассказами о великих. Дело в том, что она и с *Шляпинным* была хорошо знакома, и кое с кем из знаменитых русских талантов и даже гениев. Годы шли, великие стали постепенно стариться и уходить из нашего мира, а у Патиньки были свои планы о дальнейшей

жизни и записи о своей дружбе с русскими гигантами культуры и искусства, осевшими в эмиграции. Но в семейной ее жизни случилось несчастье: незадолго до моего приезда в Америку, скоропостижно, в одночасье, скончался Виктор Тимофеевич, что совсем убило Клеопатру Матвеевну. Осталась дочь Ирина с семьей, мужем-американцем и внуками. Ирина в юности хотела стать актрисой, но когда вышла замуж мечты эти испарились.

Кроме С.В. Рахманинова была и еще одна привязанность у Патиныки – это был никто иной, как **Константин Андреевич Сомов**, мир-искусник, замечательный художник – член знаменитого общества «Мир Искусств». Познакомились они на одной из выставок художников «Мир Искусств» в Нью-Йорке и очень подружились. Его письма к ней Клеопатра Матвеевна отдала мне, но когда я села за их обработку с надеждой послать эти письма для опубликования в соответствующие издания, то поняла, что с почерком художника мне не справиться. В конце концов, с помощью Пати, некоторые письма Сомова были мною «переведены с русского на русский» и появились в разных изданиях в Ленинграде и в Москве. В конце концов, в один из своих приездов в Россию, я отдала их в дар *Пушкинскому Дому* в Санкт-Петербург. Передачу этих документов мною дирекции Пушкинского Дома показывали даже по телевизору. Только что вышел большой том «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома» (2006). Там, под редакцией Татьяны Сергеевны Царьковой, помещен большой материал о К.М. Животовском, Алле Кторовой и все письма К.А. Сомова к Клеопатре Матвеевне.

К.А. Сомов жил в Париже, очень бедствовал, картины его покупались, но слабо. Жил он со своим любимым Мефодием, молодым человеком, преданным ему. Семьи у К.А. не было, и когда я поинтересовалась у Пати – почему? – она сказала мне, что Сомов был «человеком с нетрадиционной сексуальной ориентацией», как это теперь называется. Для меня в то время это было открытием, так как о гомосексуализме, лесбиянстве и прочей «нетрадиционной ориентации» некоторых индивидумов я в Союзе не имела никакого представления.

Должна отдать дань Клеопатре Матвеевне Животовской и поблагодарить ее за то, что она рассказала мне о жизни выдающихся людей России, попавших после революции «за бугор», как иногда теперь величают за границу...

Познакомила меня Патишка и с *Еленой Константиновной Сомовой*, женой племянника Константина Андреевича, которая жила в Америке с мужем в Нью-Йорке, а лето обычно проводила в Чураевке. С нею в Чураевку ездила и Патя. Елена Константиновна много рассказывала мне о Чураевке и о ее населенниках. Она очень любила все публикации, написанные Аллой Кторовой (помню я эту даму всегда в огромной шляпе почему-то!), и я часто встречала ее на своих выступлениях в Нью-Йорке. Елена Константиновна все время звала меня приехать летом в Чураевку с мужем и мы, наконец, собрались и отправились с ним в путешествие.

Тогда еще эта «деревня» была населена многими русскими людьми, познакомиться с которыми было одно удовольствие для тех, кто увлечен русской прозой, поэзией, живописью и прочими видами искусства. Жителей, населяющих Чураевку, было в то время, а это было в 60-х годах прошлого, XX века, очень много, и мне, к счастью, пришлось узнать многих из них и даже подружиться с ними.

Обе близкие подруги, Патя и Елена Константиновна, жили в маленькой избушке на вершине небольшого холма и, как мне кажется, избушка эта была лишена всяких, даже самых примитивных удобств. Патя и Елена Константиновна прежде всего послали нас с Супом к некоей *Тайсин*. «Это будет для вас очень интересно!» – сказала Патя. И вот мы идем и подходим к огромному дому на обширной поляне. Посреди поляны возвышался дом в три этажа. Перед домом стояло кресло, где восседала дама, и тоже в огромной шляпе. Её было «много». Она кивнула нам на приветствие и начала говорить. Говорить... стихами. Такое я встречала только у Мамина-Сибиряка. Он в одной из своих повестей описывает женщину простого происхождения, которая со всеми изъяснялась только в стихотворной форме. Сначала я смутилась, ибо мне показалось, что и я должна отвечать ей тоже уж хотя бы рифмованной

прозой, но потом поняла, что это совсем не так. На ее стихи я и муж мой, хотя понимал он по-русски очень мало, отвечали, конечно, в прозе, а она, подхватывая нашу мысль, продолжала свою речь в стихах. Говорили в стихо-прозе о разном и большей частью о каждодневном, но, расставшись, обменялись адресами – она в стихах, мы с Супчиком в прозе. В доме Тайсия жила одна, сын куда-то исчез, муж давно покинул свою даму, не выдержав «Жизнь в стихотворной форме».

После визита к Таисии, мы направились в другое место – к очень пожилой женщине, жившей в семье своих друзей, ибо многим пожилым, а когда-то у них были большие семьи, было скучно да и непривычно жить одним в огромных домах. Эта женщина много рассказывала о своем муже, военном, о том, как отступала Белая Армия. Я почти ничего не запомнила, но ночью раздался звонок. «Извините, – сказала наша последняя знакомая, – я ошиблась. Муж мой был не вѣхмистром, а рѳтмистром!» Не странно ли, что из посещения этой милой дамы, я запомнила именно и только это...

И еще были два интересных визита. Попали мы в дом к Нине, фамилию ее не помню. Нина, средних лет женщина, была преподавательницей английского языка в Москве. В войну попала переводчицей в США, вышла там замуж, имела дочь и двух прелестных внуков, мальчика Пѣтю и девочку Нину. Мне даже показалось, что девятилетняя Нина похожа на меня в детстве. Пѣте было пять лет. Дети были очень хорошенькие, разговорчивые, прекрасно изъяснялись по-русски и очень занимательно рассказывали мне о своей жизни. Просидели мы у Нины довольно долго, обменялись адресами, а когда я была уже дома, в Вашингтоне (а произошло это спустя две месяца после того, как я посетила с Супчиком Чураевку), позвонила мне Патя и сообщила ужасную вещь: дочь Нины с мужем и оба внука летели куда-то из США в Южную Америку, самолет потерпел крушение, дочь с мужем и оба внука погибли. Рука у меня не поднялась писать моей мимолетной знакомой, и я не знаю, жива ли Нина сейчас. Но это случилось много позже, когда Патя познакомила меня с *Томом Уитни*, своим знакомым, и, кажется, миллионером, жившим недалеко от Чураевки.

Тут просится небольшое предисловие. Я уже говорила читателю, что по приезде в Америку, я старалась узнать и познакомиться со многими интересными россиянами и написать о них, хотя бы и под другими именами. Да, под другими именами, так как «Время было такое». Не знаю, знакомы ли были читатели в России с певицей по имени **ЮЛИЯ**? Теперь ее записи на пластинках могут быть популярны. Во всяком случае рассказать о ЮЛИИ можно и нужно. А вступление таково: в Москве родилась и росла молодая девушка по имени Юлия, очень одаренная певица. Жила она на Арбате, недалеко от дома Пушкина, который он снимал, если не ошибаюсь, после женитьбы на Наталье Гончаровой. Юлия, а это было спустя несколько лет после войны, прославилась песней «*Мишка-одессит*», которую в те времена пела вся Россия. Хороши были в ее исполнении и другие русские и советские песни. И вот, миллионера *Тома Уитни* посылают из США в Москву с какой-то миссией. Должна сказать читателю откровенно – многие интересные подробности я просто забыла, ведь дело было почти сорок лет назад. А почему я их забыла – читатель узнает чуть позже.

И вот Томас Уитни приезжает в Москву, знакомится с Юлией, они влюбляются друг в друга. Он разводится с женой (там даже были дети), женится на Юлии и увозит ее в США. Все это было задолго до моего приезда с Супчиком в *страну Колумба*. И вот, когда мы были в Чураевке, Патя сообщила мне, что живущий недалеко от этой русской деревни Томас Уитни звонил ей и сказал, что очень хочет повидаться с *Аллой Кторовой* и ее мужем – ему кто-то сказал, что они сейчас в Чураевке, а Аллу Кторову он хорошо знает по ее рассказам, статьям и проч. Больше Патя ничего нам не сказала. Песни в исполнении Юлии я уже хорошо знала, бывая в домах моих русских знакомых. И вот, приехавши из Чураевки в огромное поместье Уитни и познакомившись с хозяином, муж и я с ужасом узнали, что совсем недавно, после страшной болезни, Юлия скончалась.

Я не забуду нескольких часов, проведенных у Тома, слушая с мужем его рассказы обо всей эпопее любви этой пары.

Он тогда же подарил нам книгу «Russia in my life» («Россия в моей жизни») – этой книгой зачитывалась не только я, но и все мои знакомые, как русские, так и американцы. Эту книгу кто-то из бывавших в моем доме «приватизировал». Сидя у Тома я выслушала пластинки, напетые Юлией, простите, читатель, – обливаясь слезами, – потому что там была в исполнении певицы песня, которую мы (мне было тогда два года) пели дуэтом с бабушкой и нас слушал весь московский двор на Кировской, бывшей Мясницкой. Песня эта – «Мы на лодочке катались» – ее теперь очень редко исполняют, несмотря на чудесную мелодию и слова, простые и трогающие душу. Все, что рассказывал Том Уитни о своей жизни с Юлией меня до того потрясло, что я несколько дней не могла ни спать, ни есть.

Хотела было я написать небольшое эссе об этой душераздирающей истории любви, но в первый раз за всю мою «писательскую» деятельность не хватило у меня духа. Почему? Скажу вот что: моя бабушка была очень странным человеком: совсем неграмотная, она обладала замечательным слухом и знала многие песни и арии знаменитых опер наизусть. Весь наш двор, из тех, кто остался на этой земле, хорошо помнит, что когда мне было *ДВА года*, бабушка выносила меня во двор, ставила на каменную площадку у лестницы черного хода, ведущего в нашу квартиру, и мы вместе с ней пели «Мы на лодочке катались». И вот, эти воспоминания заставили меня настолько погрузиться в жизнь ушедшую, бедную, но любимую, что я проревела весь свой визит к Тому Уитни и не смогла даже спустя какое-то время ничего написать о нем и Юлии.

Сейчас Том Уитни – почти в возрасте моего мужа Супчика. Он стар и болен. После Юлии он был еще раз женат, звонил мне, предлагал перевести на русский язык замечательную книгу «Девятьсот дней» о ленинградской блокаде, но как только я вспоминала пластинку, где была моя любимая мелодия «Мы на лодочке катались», как на глаза навертывались слезы, хотя к плаксам я совсем не принадлежу. Знаю, что Том Уитни меня искал, хотел встретиться опять, утвердиться в добром знакомстве, но этому не суждено было сбыться...

Таковы мои воспоминания о Чураевке. Я была там еще раз с друзьями – Эдуардом и его женой Олей Штейн, но от той замечательной деревни, в которой я узнала некоторых россиян и трагедию Нины и Юлии, уже ничего не осталось. Вся и всё вымерло. В маленькой часовне пусто – птички свили себе там гнездышки, а зайчики – квартируют зимой. Пустые улицы с русскими названиями, написанные английским шрифтом только и напоминают случайно заезжим туда спутникам о русской деревне в Америке, где когда-то жили эмигранты из России.

АЛБАЗИНЦЫ В КИТАЕ

Интерес мой в данном очерке касается тех россиян, кто много лет, а скорее много веков назад, волею судеб попал в **ИНОЗЕМЩИНУ** и положил там начало пребывания наших соотечественников.

Речь свою я буду вести о России и Китае и об отношениях граждан этих двух великих государств.

Но сначала немного предыстории. Все известные из архивов факты жизни русских людей в Китае настолько противоречивы, а кое-какие настолько запутаны, что придется ограничить огромный материал, взятый из архивов России и, частично из китайских хроник, лишь кратким их содержанием и многое просто опустить.

С завоеванием Сибири и Дальнего Востока связаны имена разных социальных групп России, в основном *казаков*. Имена *Пояркова, Ермака, Хабарова*, известны не только тем, кто профессионально изучает историю и географию нашего Отечества, но и школьникам, интересующимся своей Родиной.

1651 год считается годом установления русского влияния на реке *Амур*. Недалеко от слияния рек *Шилки* и *Аргуни* *Ерофей Хабаров*, первый землепроходец, поставил, первый русский острог на месте даурского городка князя *Албазы*. По-китайски этот город назывался *Якса*, Хабаров же назвал его – **АЛБАЗИН**. Таким образом городок Албазин – первый укрепленный пункт, захваченный в 1651 году русскими во главе с *Ерофеем Хабаровым*. Надеюсь, граждане России теперь прекрасно знают, что россияне в те далекие годы также, как и другие народы, а вернее правительства их стран, стремились к захвату чужих территорий, особенно же они зарились на огромный Китай, обладающий несметными полезными ископаемыми, главным образом – *золотом и промысловой рыбой*. Тут необходимо отметить, что в Китае, в Пекине, еще до описываемых событий, существовала *Русская Духовная Миссия*.

При захвате казаками Албазина в городке был поставлен на воеводство *Алексей Толбузин*, и с ним, в составе защитников города, было всего лишь 450 человек казаков. Захватом Албазина русские не ограничились и, кроме этого городка, основали вблизи этой же территории и множество других острогов и небольших селений. «Из Албазина часто в соседнюю Маньчжурью русские казаки объединения отправлялись на грабежи» – рассказывают китайские исторические хроники. Императором в Китае в то время был *Кан-Си*, второй из Цинской династии, вышедшей из Маньчжурии. Историки утверждают, что он был человеком необыкновенным: образованным, крупным государственным деятелем.

Китай не смирился с пребыванием русских в Албазине и стал предпринимать энергичные меры к изгнанию русских с Амура, тем более, что стычки российских казаков с китайцами в стремлении русских к продвижению на новые земли всегда проходили почти без ведома Российского государства и правительство России смотрело на действия казаков сквозь пальцы. Что же касается Китая, то император Кан-Си решил принять решительные меры против Албазина, начав отправлять грозные грамоты воеводе Албазина, Алексею Толбузину с требованием немедленного ухода казаков с Амура, однако на эти грамоты Толбузин никак не реагировал и попросту не отвечал. Вследствие этого, император Кан-Си решил в 1684 году отправить большую военную экспедицию против Албазина и с 12 июня следующего года начал ожесточенную осаду этого города. Как упомянуто выше, казаков – защитников Албазина – было всего *только 450 человек*, силы были неравными, и русский гарнизон, страдавший от бомбардировок и эпидемий, вынужден был прекратить сопротивление.

Несмотря на то, что в те жестокие времена победители жестоко расправлялись с побежденными, в лучшем случае продавая их в рабство, *китайцы*, по приказу императора Кин-Си, *разрешили* всем *русским вернуться в Россию*, однако в числе их нашлись лица, и не только казаки, не имевшие желания возвратиться в родную землю и добровольно перешедшие

на китайскую сторону, поступив на службу к китайскому богдыхану. Эта группа русских была первой группой **«невозвращенцев»**, которые впоследствии получили название **АЛБАЗИНЦЕВ**.

Чем же руководствовался император Кан-Си столь милосердно поступив с русскими казаками? Дело в том, что император Китая прекрасно знал, с какой категорией людей он имеет дело, а именно, что эти *защитники* Албазина просто-напросто *были не в ладах с русскими законами*. Они знали, что возвращение в Россию грозит им суровым наказанием. Те из русских, кто решил не возвращаться в родные края и остался в Китае, были очень милостиво приняты китайским правительством, отправлены в Пекин и там облагодетельствованы. Всего в Пекин попало приблизительно около сорока человек русских подданных.

Надо отметить, что Албазинская «вольница» не была единственной группой граждан России, давно, по разным причинам, уже обитавших в Китае и не имевших желания возвращаться в Россию. После ряда лет, когда китайская армия удалилась, русские начали опять нападать на Албазин, успешно окопавшись невдалеке от этого города. По этой причине в 1689 году был заключен так называемый *Нерчинский договор* в городе *Нерчинске*, который в то время принадлежал России. Опуская подробности, надо заметить, что *русские* получили по этому договору возможность *торговать с Китаем* и множество лиц из России наводнили Китай по своим торговым и иным делам.

И тут открывается новая страница отношений между двумя странами. Дело в том, что два столетия спустя, в 1883 году в Северной Маньчжурии были открыты богатые *Желтугинские золотые прииски*. Эти прииски, без сомнения, привлекли в Северную Монголию потоки русских авантюристов, желавших поскорее разбогатеть и вести беззаботную жизнь. В течение короткого времени *желтугинские золотые прииски* превратились в огромную колонию из 12 тысяч человек русских и более 500 китайцев, создавших свою организацию, правила, свой быт и нравы. Жизнь в этой необычно-

венной колонии была подобна жизни в Калифорнии во время известной калифорнийской «золотой лихорадки» позапрошлого века. А образ жизни желтугинского поселка был следующим: сам поселок строился вокруг центральной площади, где находилось так называемое «Управление желтугинскими приисками». Перед зданием управления на большом столбе висел громадный колокол в два пуда весом. Там же находился молитвенный дом, перед которым стояли две пушки. Несмотря на буйный характер русских насельников Желтугинских приисков и почти полное отсутствие моральных качеств, у желтугинцев все же сохранились какие-то религиозные чувства. Об этом свидетельствует документ о том, что все они были за то, чтобы построить в поселке молитвенный дом. Однако этот молитвенный дом был больше похож на православную церковь, хотя в ней и отсутствовала необходимая церковная утварь и богослужебные книги. Несмотря на это, в церкви существовал чтец, беглый каторжанин из духовного звания и ктитор. Над входом в молитвенный дом большими буквами было написано: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Аз успокою Вы».

Условия жизни в этой амурской колонии были жестокими, т.к. все ее обитатели имели преступное прошлое, но, несмотря на это, у себя в колонии обитатели ее старались поддерживать какой-то порядок, и нарушение этого порядка сурово каралось, – за убийство, например, по закону «Око за око, зуб за зуб». За другие преступления полагались телесные наказания, равносильные смертной казни, потому что виновные наказывались кнутом, набитым острыми гвоздями. За воровство полагалось 500 ударов этим кнутом и надо ли сомневаться в том, что преступник не выдерживал даже малой толики наказания и умирал задолго до окончания экзекуции.

Несмотря на жестокие нравы, желтугинцы избирали мэра колонии, им был, по одним сведениям, итальянский подданный Адольф Карлович Фасс, по другим – Карл Карлович Иванович, словак, австро-венгерский гражданин. Одновременно с выбором мэра насельники поселка решили дать колонии и официальное имя и назвать ее – «Амурской Калифорнией».

Странно или нет, но история *Желтуги* оказалась мало отмеченной в анналах русско-китайских отношений и с ликвидацией этой оригинальной колонии российской вольницы было забыто. Никакого влияния на последующие русско-китайские отношения эта колония не имела, как это было с албазинцами.

Вернемся же к албазинцам, вспомним тех, кто в XVII веке были захвачены китайцами в плен или перешли добровольно на службу к богдыхану. Мы уже знаем, что *император Кан-Си был милостив к «невозвращенцам»* по чисто политическим соображениям и старался привлечь казаков на свою сторону. Поэтому *русские*, перешедшие на сторону китайцев, *зачислялись в состав гвардейской части в Пекине*, создавшей специальную *русскую сотню* в так называемой военной части под названием *«Знамя с жёлтой каймой»*. Эта гвардейская часть считалась самой аристократической, она пополнялась только из рядов лучшей и верной части маньчжурской молодежи, китайцы же в эту часть не принимались. Все члены русской сотни, то есть *«невозвращенцы»*, получали богатые дары: *земли в вечное пользование, дома, деньги и хорошее жалованье*. Первое время во главе этой русской сотни были даже русские начальники.

Таким образом албазинцы вошли в историю как русская сотня императорской гвардии богдыхана в Пекине. Нужно только добавить, что *русские албазинцы не были первым ядром* этой сотни, а лишь дополнили те ряды, которые были сформированы еще до осады Албазина и состояли из казаков, захваченных китайцами ранее, среди которых были группы Чи-ли-ко-ли (Григория) Мельникова и Ко-ва-ли-ла (Гаврилы Флорова.) Политическое значение русской сотни стало падать после Нерчинского договора, а сама сотня превратилась в одну из частей гвардии под командой принцев маньчжурской династии.

Надо сказать, что *русское правительство* совершенно не интересовалось судьбой вышеупомянутых казаков, так как, повторяюсь, они считались *«невозвращенцами»*, то есть людьми, отрекшимися от своей родины. *Семьи их*, таким образом, стали быстро ассимилироваться с местным маньчжурским

населением, жениться на маньчжурках и забывать православные обряды, заменяя их идолопоклонством под влиянием своих маньчжурских жен.

Шли годы, проходили десятилетия, сменялись поколения за поколением, и албазинцы, а в их ряды влились русские из желтугинских приисков, все больше и больше отходили от православных обычаев и перемешивались с местным населением. Появилось второе, затем третье поколение, которое почти ничего не знало о своем прошлом и смутно слышало что-то о том, что они были потомками русских казаков, пришедших в Китай откуда-то с севера. У этих албазинцев ничего не осталось от русских обрядов, тех обрядов, которые могли бы напомнить им о том, что их деды были русскими и исповедовали православную религию. Вполне возможно, что в некоторых семьях и сохранились иконы и православные кресты, но молодежь уже этими остатками христианства не интересовалась.

Ассимиляция албазинцев шла так быстро, что, по словам членов упомянутой выше Русской Духовной Миссии в Пекине, в середине XVIII века потомки албазинцев создали свой, особый тип жителей Пекина. Они считали всякое занятие недостойным правнуков тех, кто принадлежал когда-то к императорской гвардии, были заносчивы, кичились перед мало знакомыми людьми и часто стали предаваться опиокурению и другим несправедливым занятиям.

А что же русское правительство? Оно, наконец-то вспомнило о том, что в Китае есть потомки русских казаков, и решило вернуть их в лоно православной церкви и использовать как-то на пользу России. Не раз и не два присылало русское правительство разных представителей в Пекин, где жили русские торговцы, а по-теперешнему бизнесмены, ведущие по Нерчинскому договору разные коммерческие дела с Китаем. Не удивительно, что эти русские представители хотели иметь в Пекине свою церковь и исповедовать свою религию так, как они исповедовали бы православие в России. Увы, на государственном уровне Китая им было в этом отказано. И тогда за возвращение албазинцев в родную страну взялась Русская Духовная Миссия. Эта право-

славная миссия России сыграла большую роль в истории русско-китайских отношений и вообще в распространении *православия* в Китае. Между прочим, в столице США, где я живу уже много лет, в *Вашингтоне*, существует *китайская православная церковь*, и мне приходилось неоднократно бывать в этой церкви.

Все, кто занимается профессионально историей Китая и России, знают, что *многие начальники Русской Духовной Миссии*, а они носили звание *архимандритов*, были людьми *высоко образованными*, учеными, оставившими после себя научные труды о китайской истории, культуре, языке. Кроме того, Русская Духовная Миссия оказалась прекрасной *школой* для подготовки *опытных переводчиков* с китайского на русский и наоборот. *Самым блестящим ученым* был некоторое время в Русской Духовной Миссии в Китае известный синолог с мировым именем архимандрит **Иоакимъ Бичурин (1777–1853)**. Он возглавлял Миссию в начале XIX века и *оставил русскому китаеведению*, называемому также *синологией*, целый ряд серьезных научных трудов, написал *первую грамматику* китайского языка и множество научных очерков по истории Китая. Архимандрит **Гурий Карпов** еще до И. Бичурина, в 1839 году перевел **Евангелие на китайский язык**, а архимандрит **Палладий (Кафаров)**, другой блестящий ученый-синолог, составил подробный китайско-русский **словарь**, **изданный в 1889 году**.

Однако, время шло, и албазинцы начали *перерождаться*. Если двести лет назад их описывали как людей, лишенных нравственных устоев, то к началу XX века в Китае было уже много албазинцев, живущих и работающих в Русской Духовной Миссии. Они *изучали русский язык*, приобретали навыки в овладении разными *ремеслами* и тесно общались с чтецами и псаломщиками в православной церкви, *приобщаясь к религии прадедов*. Елена Андреевна Камкина рассказывала мне, что в типографии, где издавались русские книги, *албазинцы*, изучившие родной язык предков, *стали высококвалифицированными наборщиками и переплетчиками*, превратившись в полезных членов русского общества вдали от России. Все эти люди носили

китайские фамилии *Ли, Ван, Сун* и так далее, но рассказывали всем, что их *настоящая фамилия – Романов, Иванов, Григорьев* и прочие.

Когда в *1899–1901* гг. разразилось *боксерское восстание, сотни албазинцев*, включая женщин и детей, *были зверски замучены* за то, что они исповедовали чуждую китайцам веру. Самым страшным было избиение албазинцев, работающих в типографии, посещавших православную церковь и молившихся там. Из общего числа албазинцев, работающих в типографии, а их насчитывалось более тысячи человек, триста были убиты, многие из-за страха за свою жизнь бежали, куда глаза глядят, а другие отреклись от православия. *Типография*, в которой работали албазинцы, *была разграблена*, там погибло *30 000 китайских иероглифов и доски с текстами*, а также ценные труды архимандрита Палладия и *отца Исáйи*.

Позже, когда боксерское восстание стихло, на месте разрушенного православного подворья был построен *Успенский монастырь*, а на месте умученных, убитых албазинцев была возведена *Церковь Всех Святых*.

Елена Андреевна и Виктор Петрович Камкины, которых читатель уже знает по предыдущим текстам, принимали деятельное участие в спасении албазинцев, и *Виктор Петрович* рассказывал, что, с наплывом русской эмиграции *после революции*, в Харбине и в крупнейших городах Китая – Тяньцзинэ и Шанхаэ, *албазинцы* стали *главными поставщиками работников тех же типографий*, где они когда-то работали под своими русскими фамилиями и *считались* одними *из самых лучших* служащих по созданию книг на русском языке.

После Второй мировой войны положение так называемых «албазинцев» изменилось, они разошлись кто куда, многие вернулись в Россию, кое-кто остался в Китае, и когда-то в магазине Камкиной работала молодая женщина, прекрасно говорящая по-русски, прапрадед которой был из тех самых албазинцев, о которых было рассказано в этом очерке. Поскольку в Китае в настоящее время религия не в почете, *группа «невозвращенцев русской национальности»* из бывших россиян, *распылилась по всему миру* и захватывающе интересный эпизод из жизни

русских казаков-невозвращенцев в Китае, посящих название «албаинцы», положил конец существованию этой оригинальной этнической группы.

P.S.

Хочется мне рассказать, как и я, хоть и косвенно, но *встречалась три раза с албаинцами*, и, представьте, себе читатель, – в Москве и здесь, в США, в Вашингтоне. *Первый раз* – в своей книге «Мелкий жемчуг», в главе «Третий глаз» я рассказала читающим о своей Второй матери – Аделанде Вадимовне – «мадам Обломок», упомянув о том, как в Москву приехала после почти шестидесятилетнего отсутствия ее подруга юности, Маруся. После революции Маруся с семьей поехала в Шанхай, город, где обосновались сотни и сотни русских беженцев от так называемого коммунизма. И вот там, в Шанхае (этот эпизод в «Мелком жемчуге» я опустила), рассказывала она моей Дидише, ей пришлось подружиться с полукитайской семьей, где росла девочка, прилично говорившая по-русски. Эта девочка, а звали ее *И-ИА (Нина)*, а, вернее, ее родители, работали в типографии Камкина.

Второй раз уже в студенческие годы, когда я училась в Ленинградском Театральном институте. Однажды, когда я уезжала в Москву на курсы, какой-то малознакомый человек просил меня передать своему приятелю с китайской фамилией пакет в Москве. И вот, подойдя к Парку Культуры им. Горького, я спустилась вниз большого естественного рва, справа от Парка, который весь был застроен маленькими домишками, а скорее лачужками. В этих лачужках жили китайцы. Человек, которому я должна была отдать посылку, оказался китайцем средних лет, живший с дочерьми по имени *Нина и Тамара*. Все они очень хорошо говорили по-русски. И вот, глава семейства рассказал мне, что его предки – из тех русских, кто в давние времена «стал китайцем», как он говорил, но потом их потомки вернулись в лоно родной веры православия, и его родители в том числе, и многие долго работали в типографии Виктора Петровича Камкина. Теперь этот ров засыпан, китайские лачужки снесены, и на этом месте возвышаются дома Фрунзенской набережной.

А третий раз мне пришлось познакомиться в США с моим соседом-китайцем, живущим в нашем районе. Он сам не был албазинцем, но его отец работал с «невозвращенцами-албазинцами», вернее с теми, кто называл себя потомками казаков, отказавшихся когда-то вернуться в Россию и вставших под знамена китайского богдыхана.

ПРЯМА, КАК ВОЛОС, РОВНАЯ ДОРОГА...

Потомки древних евреев в Китае

Девушки-миссионерки секты «Еврей-христиане» рассказали мне, что в Китае, в глубине провинции Хэнáнь, они встретили китайцев, предки которых были иудеями. Это сообщение не явилось для меня сногшибательным. Лет 20 назад я дружила с покойным Валерием Перелёшиным, замечательным русским поэтом и переводчиком из так называемой харб́инской (кита́йской) эмиграции и узнала от него не только историю евреев в Китае, но и кое-что другое, способное заинтересовать биологов и генетиков.

Более трех веков назад миссионер испанец Мáтео Рíчи, путешествуя по Китаю, обнаружил в одной из бывших столиц империи, городе *Кайфýн-фу* провинции Хэнáнь, еврейскую колонию. Весь мир был потрясен. Католические и протестантские теологи немедленно «сделали стойку», ибо поняли, что среди этого древнейшего народа хранятся, возможно, предания, апокрифы и книги, которые обогатят мир еще неслыханными историческими подробностями жизни народов Востока в дохристианскую эпоху.

Китайские евреи (будем их так называть в дальнейшем) отпочковались от одного из колен израилевых и выглядят как настоящие китайцы, мало осознавая, что являются представителями того самого *галута* (*рассéяния*), которое предсказал библейский пророк *Амóс*: «*Вот я повелю и рассéплю дом Изра́иля по всем народам, как рассыпа́ют зёрна в решётё*».

Рассеяние древних иудеев началось в VIII веке до н.э. после разрушения Израильского царства, когда бо́льшая часть населения этой земли была уведена в ассирийский плен и оттуда уже не вернулась в Палестину. Рассеянию способствовали и многие другие события еврейской истории.

Прибыв в Китай, древние иудеи в большинстве своем обосновались в городе Сунг, тогдашней столице провинции Хэнань, где вплоть до 1800 года показывали развалины синагоги. Историки-китаеведы пытаются установить время появления древних евреев на китайской земле, некоторые даже называют точную дату: 1165 год с числом 70, соответствующим количеству переселенцев. Пришельцев встретили по-китайски вежливо, разрешили им поселиться в городах Сунг и Кайфэн-фу, исповедовать свою веру и построить синагогу. Потомки этих колонистов еще в 1928 году называли себя потомками древних евреев, хотя внешне были типичными китайцами, совершенно утратившими веру отцов. Об истории своего народа, своих корней у них сохранились лишь туманное представление, смутные разрозненные воспоминания, а старинные книги мало-помалу за бесценок перешли в руки миссионеров и стали жемчужинами крупнейших библиотек мира.

Историки по крупницам собирают детали пребывания евреев в Китае, пользуясь надписями, высеченными на стелах, древнееврейскими письменами, покрывающими каменные плиты, обрывками дат и событий. До сих пор с помощью расшифровок этих надписей мы узнаём, что потомки тех, кто прибыл из Древнего Израиля в Древний Китай, пытались изучать иврит с детства, а некоторые даже умели писать на иврите.

Однако проповедники-миссионеры, попавшие в еврейскую колонию после Матео Ричи, утверждают, что писали китайские евреи с грубыми ошибками, а их речь, несмотря на то, что общий строй и мелодика языка чем-то напоминала иврит, была постороннему совершенно непонятна. Еще в середине XVIII века иудей-китайцы соблюдали Субботу, отмечали праздники Пейсах, Пурим и другие.

Те же стелы рассказали нам, что три основных еврейских клана провинции Хэнань назывались по-китайски Ай, Ли и Чин, а на каменной плите 1512 года сохранилась строка на иврите, по тону написанного и начертаниям письмен напоминающая строку из Талмуда. Строка эта вызывает в памяти потомков древних израильтян, что Миэх-ше (Моисей) получил Закон и передал его Ие-шуа (Иеошуа), а Библия сообщает, что А-ву-ло-ам

(Авраам) родил Ич-ссухска (Ицх'ака), что у Моисея был брат А-хо-ли-ен (Аарон), упоминается также имя А-тлу-ла (Эзра). Переводя древние письмена на другие языки, необходимо учесть, что в китайском отсутствуют звук и соответственно буква «р».

Поскольку древние иудеи пришли в Китай не прямо из Палестины, а после многолетних скитаний по Персии, Турции, Ирану, Индии и прочим близлежащим от этих земель странам, укажем, что слово Ву-су-ту на одной из стел означает по-персидски Устад, то есть «раввин», а слово Ке-хиллах – «синагога». Часто встречаются узнаваемые для европейцев, причем не только евреев, такие слова, как Этуной (еврейское А-дой-ной, одно из имен Бога), И-тцу-ло-и (Израэл), имена Адам, Нах, Авраам, последние три – уже не на иврите, а в китайской интерпретации. По заключению ученых, *последним человеком из абсолютно «окитаенных» евреев, хорошо знавшим и писавшим на иврите, был раввин Ли-вэй – Леви, имя которого неоднократно повторяется на стелах. Это единственное оригинальное бытовое имя, к моему великому сожалению именовёда.* Новейшие данные свидетельствуют, что все китайские евреи носят типично китайские фамилии.

Жили евреи в Китае довольно бедно, но их никто не притеснял, не подвергал дискриминации, они спокойно исповедовали свою религию. *Коренные китайцы называли их Лан-мао-ху-ху – «мусульманами в голубых шапках». Голубые шапки – это ермолки, кипы, а «муслим» – не-китайцы, поселившиеся в этой огромной стране.* Несмотря на бедность, которая, вероятно, затрудняла еврейским «иммигрантам» возможность получить «высокое» образование, они сумели проявить себя как люди незаурядного ума и таланта, играть в местных управлениях немалую роль, а некоторые из них были даже гуанями, то есть китайскими сановниками, «мандринками».

Забегая чуть вперед от важной для историков темы, заключенной в названии этого материала «Пряма, как волос, ровная дорога», укажем, что в книге американского историка Майкла Поллака «Мандарины, евреи и миссионеры» есть в иллюстрациях фотография красивого мужчины начала XX века, в лице

которого угадывается сразу *три крови*: монгольская, китайская и... еврейская. Объяснение несложно, а суть его – в знании путей иудейского Исхода.

Дело в том, что непосредственный исход древних иудеев в Китай начался после многолетних скитаний из китайского Туркестана, неподалеку от Монголии. Таким образом, евреи пришли в провинцию Хэнань уже достаточно «разбавленными» монгольской кровью.

Новые переселенцы занимались в Китае мелкой торговлей, ремеслами, обработкой земли, служили в армии, были учителями. Что касается традиций в быту, то они, правда, не сразу, но стали выдавать *женщин* своего клана за китайских аборигенов, тогда как *мужчины-евреи женились* только на «своих». Очевидно, что еврейские женщины, у которых мужья были китайцами, и их дети оказывались навсегда потерянными для клана израильтян. Китайки же, вышедшие замуж за евреев, принимали иудаизм и вместе со своим потомством становились еврейками.

У американской писательницы *Перл Бак*, детство и юность которой протекали в Китае, где отец ее был миссионером, в числе блестящих, с моей точки зрения, произведений об этой стране есть роман «*Пионы*» о девушке-китайке, полюбившей молодого еврея. Пожениться, однако, им так и не пришлось: ортодоксальная семья молодого человека грудью встала против того, чтобы принять в свою семью невестку-нееврейку и тем самым лишить своих потомков еврейского происхождения. Роман изображает Китай многовековой давности, но автор на основании легенд, легенд не мифических, а исторических, базирующихся на фактах, оживила события трех-четырёхвековой давности.

Вернувшись к профессиональной деятельности евреев в Древнем Китае, надо добавить одну важную деталь. Торговля, особенно мелким товаром, не считалась тогда там почетным занятием. Поэтому *Лан-мао-ху-ху* (*напоминаю, речь идет об евреях в Китае*) стали изыскивать новые пути, используя свою *природную склонность к наукам*. *Позднейшие данные свидетельствуют, что за всю историю пребывания евреев в Китае 241 из них добился*

высочайших постов. Об этом писал Чарльз Диккенс в статье «Евреи в Китае», опубликованной в журнале «Хаусхолд Борд», редактором которого он являлся. Статья была перепечатана многими европейскими журналами. Об иудеях в Китае писали *Кант, Вольтер* и другие лучшие умы. Среди высокоинтеллектуальных людей, живших в XVII веке, был найден некто *Чао Иинг-чен (Мозес бен Абраам)*, человек с университетским образованием, что для того времени было из ряда вон выходящим.

А как обстояло дело в Китае с *антисемитизмом*? *Существовал ли он там? Служил ли препятствием в продвижении по службе?* Антисемитизма, в том грубом смысле, как мы его понимаем, в Китае не было. Однако... И тут я перехожу к свидетельству весьма интересного человека, единственного в Китае считающего себя китайским евреем, который может доказать свое происхождение, последним евреем в современном Китае. По-китайски его зовут *Ши Хун-мок*, в европейской среде он *Самуэль Ступа Ши*. Родился в Китае, в провинции *Кунань*, прошел обряд обрезания, окончил университет. В настоящее время – подполковник армии на *Формозе (Тайвань)*, куда бежал *после победы Мао*. Рассказывает, что члены его семьи свято хранили предание о своем происхождении, что представители его клана, которых осталось всего... *200 человек*, до сих пор имеют своего *раввина и Талмуд* на... китайском языке.

Что касается антисемитизма, то открыто, со стороны правительства, Самуэль его не *ощущал*, но *знает*, что *в армии*, например, китайцы еврейского происхождения это тщательно скрывают. «А вообще... лучше быть настоящим китайцем, даже мусульманином, чем евреем», – говорит Самуэль. Почему? Он называет несколько причин, но, разумеется, далеко не все. С самого начала переселения евреев в Китай *подлинные китайцы* считают еврейскую *религию «смешной и странной до гротеска»*. Поэтому мальчику Ши родители запретили рассказывать, что он из еврейской семьи.

Когда евреи города Кунмина, где он родился, прекращали работу и праздновали Субботу, они выдавали себя за... адвентистов седьмого дня, предпочитая, чтобы их принимали за христиан-сектантов.

И последнее: рассказчик наш, интересный мужчина с хорошим характером, *не женат*. Несколько лет назад он был обручен с девушкой-китайкой на Тайване, но ее родители, узнав, что он исповедует иудаизм и корни его – еврейские, тут же заявили: «Свадьбе не бывать».

Не знаю, отыскивают ли китайские историки-социологи еврейские корни у высших чинов своего государства, как это делалось в бывшем Советском Союзе. Европейские социологи этим занимались, по-видимому, чтобы расставить точки над *i* в отношении так называемых коммунистов-интернационалистов к евреям. Так, например, *мадам Чан Кай-ши и ее сестра Сун Ят-сен* имели, по их мнению, еврейские корни. Такие же корни приписывались и... *Лю Шао-ци*, второму человеку в государстве при Мао Дзэ-дуне.

Далее я перехожу к очень интересным фактам. Фактам, построенным китаеоведами на основе глубокого изучения документальных крох, оставшихся в виде передачи из уст в уста тех, для кого «корни» – не пустой звук. В середине 60-х годов XX века немецкий писатель-политолог Хайнц Вётцель выпустил *биографию Лю Шао-ци*. Книга эта на русский язык не переведена, а если и переведена «для внутреннего (служебного) пользования», то широкой публике до сих пор недоступна. По данным немецкого писателя, изучение генеалогического древа *Лю Шао-ци* позволило установить, что его род ведет свое начало из провинции Хэнáнь. Результаты исследования указывают на явное иудейское происхождение этого рода. Более того, автор биографии утверждает, что семья, вернее, *предки Лю Шао-ци* жили в Кáйфын-фу, где некоторые из них, благодаря уму и незаурядным способностям, иногда занимали высокие должности. Так, *Лю Цо-фанг*, брат деда *Лю Шао-ци*, при Мао Дзэ-дуне был *министром финансов*, во время «великой китайской революции» его *расстреляли*, несмотря на преклонный возраст. Этот брат деда рассказывал *Лю Шао-ци*, когда он был еще мальчиком, что их предки, еврейские переселенцы, прибыли в Китай с Цейло́на во время династии Хань. В их роду были «лаб́ины» (равнины), которые назывались «ааронит» или «асонит» и происходили от *А-тлу-ла*, то есть *Эз-ры*.

Двоюродный дед называл несколько человек в правительстве Мао, происходивших, как и он, от иудеев. После казни старика родные передали Лю Шао-ци его молитвенник с *еврейскими письменами...*

Версию о еврейском происхождении Лю Шао-ци поддерживают многие ученые, изучающие историю нового Китая. По их мнению, именно *антисемитизм* руководил Мао Дзэ-дуном в борьбе с Лю Шао-ци, а лингвисты считают, что двоюродного деда звали *Ли Цо-фанг*, да и *Лю Шао-ци* – не что иное, как переход в более китайское звучание еврейской фамилии *Ли-вай*, то есть *Лев*. Но история борьбы Мао с Лю Шао-ци – это все-таки гипотеза.

Наконец, перехожу к самому для себя интересному, к расшифровке названия своего эссе «Пряма, как волос, ровная дорога». Да, Лю Шао-ци, вполне возможно, был потомком евреев. Но, думается, *не только гены его сохранили незаурядные качества «малого народа» – выдающиеся способности, умение разбираться в финансовых делах* и другое – тут помогли, вероятно, и воспитание, и образование, и кое-что еще, нам уже неизвестное. Все вместе вознесло его на такую высокую ступень, что в случае кончины или добровольного ухода Мао со своего поста, он должен был занять его место. И все-таки некоторые настаивают на том, что ни воспитание, ни образование тут не играют роли – это гены, только гены. Я же, человек, знающий лишь малую каплю из сравнительно недавно разработанной науки генетики, поражаюсь: неужели за четыре тысячи лет в совершенно окитаившихся по внешности иудеях могли сохраниться нетронутыми, до поры до времени спящими характерные интеллектуальные признаки?

Что касается «совершенно окитаенной внешности» библейских потомков, то тут скажу нечто представляющее интерес для профессиональных биологов и генетиков. *Спросите любого европейца, долго жившего в Китае*, видел ли он хоть раз природного жителя этой страны, у которого были бы волнистые волосы и не было бы типично китайского, плоского, а не иной формы, носа? И каждый из опрошенных твердо ответит отрицательно. Отсюда в грамматике народов нашей Земли, когда речь идет о сравнении, язык выбирает наиболее харак-

терные категории. Так, у европейцев это «*прямая, как палка*», «*прямая, как стрела*» и т.п. В китайском же языке это «*прямая, как волос*». Ибо у этого народа никогда, никогда не бывает волнистых или, тем более, кудрявых волос.

В начале статьи я упомянула, что когда-то была дружна с прекрасным русским поэтом харбинской эмиграции. Я имела в виду Валерия Францевича Перелёшина, стихи которого с большим успехом проходят сейчас по страницам прессы России. Перелешин долго жил в Китае, занимался переводами китайской поэзии, встречался с китайскими писателями и поэтами. Когда я гостила в Рио-де-Жанейро (городе-мечте Остапа Бендера), где в конце своей жизни обосновался с матерью Евгенией Александровной Сентяниной, тоже журналисткой. Валерий Францевич, он рассказал мне интересную историю с правом когда-либо ее опубликовать, что я сейчас и делаю. История такова.

Сразу после окончания Второй мировой войны он познакомился в Шанхае с молодым китайским интеллектуалом. Молодой человек свободно говорил по-французски, китайски (на всех диалектах этой огромной страны!) и называл себя *Жаном*, а настоящее его имя было *Чжан* (плюс еще что-то). Он занимался литературой, рисовал картины по европейской моде того времени, часто приносил Валерию Францевичу редкие китайские книги и марки, передавал ему предания, неизвестные европейцам. *Так вот, у этого молодого человека, китайца, были... волнистые волосы и нос с горбинкой.* К тому времени русский поэт уже хорошо знал историю древних евреев, нашедших страну, «усыновившую» их. Усыновившую вежливо, без насмешек, с должным пиететом к умению адаптироваться на чужой земле. Глядя на типичную китайскую внешность своего молодого друга с такой, однако, странной примесью инородности, Валерию Францевичу все время хотелось задать ему вопрос, но мешало истинно интеллигентское воспитание, не позволявшее вмешиваться в тайны чужой жизни и, тем более, происхождения. Но однажды друзья разговорились о Чу Гуанси, китайском поэте времен Танской династии. «*Пряма, как волос, ровная дорога*», – процитировал Валерий Перелешин пер-

вую строчку одного из своих любимых стихотворений чтимого им поэта, глядя в лицо Жана. Молодой человек, мягко улыбувшись, внес ясность: «**Ни таких волос, ни носа с горбинкой ни у кого в нашем роду не было, а разгадка проста – мать моя была природная китаянка из Пекина, отец же... Он и вся его семья из города Кайфын-фу, провинции Хэнань, были потомками древних евреев потерянного колена Израилева, которые пришли в Китай четыре тысячи лет назад**».

Так сплелись генетика, история, предания, апокрифы и разработки ученых разных народов. Я же все-таки никак не могу спокойно усвоить, как могли так проявить себя гены **за сорок веков**? Думаю, на этот вопрос могут ответить только ученые-генетики.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

В стране райской жизни и надежды

Как-то, проезжая мимо одной из вашингтонских синагог, я была поражена необычным зрелищем: перед зданием плясали, взявшись за руки, два круга подростков, мальчиков и девочек. Удивительным было то, что музыка и сама хореография танца каждые несколько минут менялись: то это было что-то восточное, совсем незнакомое, то уже где-то виданное и слышанное мною, но тоже едва-едва знакомое. Странной была и одежда детей: на одних мальчиках были еврейские ермолки, на других – нечто вроде разноцветных колпачков, девочки тоже были наряжены несколько необычно. Когда я вышла из машины, ко мне подбежал, вырвавшись из круга, юнец лет пятнадцати. Он понял, что я гостя и, очевидно, ожидал от меня каких-то вопросов. От юного танцора я узнала, что дети исполняют *турецкий народный танец Зайбék*, перемежая фигуры и музыку с еврейскими хасидскими плясками.

Оказалось, что именно в тот весенний день отмечалось пятивековое сотрудничество и мирная жизнь в Турции ее коренных жителей, турок и... евреёв.

В одном углу огромного зала, куда меня привел мой провожатый, – какое-то кино, в другом – тихая беседа с демонстрацией фотографий, а в середине зала – невиданных размеров стол с фантастическим угощением!

Известно, что самые искусные на свете кондитеры – турки. Турки и армяне.

К черноглазому кудрявому мальчику, моему добровольному гиду *Соломону Саллабатину*, тут же подошла молодая женщина, его мать – *Береника Гюльтикки*. Мать и сын носили два имени – одно еврейское, другое – турецкое. И мое изумление продолжало расти.

1992 год был юбилейным, праздновалось 500-летие открытия Колумбом Америки. Однако для евреев всего мира эта дата имела и другое печальное значение. Пять веков назад, 31 марта

1492 года, король Испании Фердинанд и королева Изабелла подписали эдикт, приказывающий испанским евреям (сефардам) под страхом смертной казни покинуть страну в четырехмесячный срок. Единственной возможностью остаться, а евреи жили в Испании много веков после начала рассеяния, было крещение и переход в христианство. Некоторые, в целях самосохранения, крестились, но дома, ночами, тайно молились своему одному-единственному Богу и исполняли обряды народа Авраама, Исаака и Якова. Евреи, перешедшие в христианство, назывались в Испании маранами. Впоследствии они рассеялись и по другим странам. Из семьи маранов вышли многие выдающиеся личности: мыслитель Уриэль Акоста, философ Борух Спиноза, известный всему миру писатель и философ Мишель Монтень и даже, как стало известно совсем недавно, испанский генералиссимус Франческо Франко (Гитлер это прекрасно знал).

Испанский король Фердинанд и его супруга Изабелла, изгнав сефардов из Испании, надеялись, что те погибнут среди пучины злобы, ненависти и презрения в других землях или примут христианство, но... случилось неожиданное.

Магометанин Баязет Второй, Султан далекой от Испании Оттоманской империи (впоследствии Турции), особым официальным вердиктом пригласил и принял евреев-изгнанников в свою страну. В этом вердикте было указано, что тот, кто без должного уважения отнесется к кому-либо только потому, что человек этот — еврей, будет немедленно казнен. Баязет Второй обязал всех наместников своих земель принять беженцев-сефардов с полнейшим радушием и добросердечием, а узнав, что один из кораблей с высланными из Испании евреями терпит бедствие, немедленно послал на помощь два судна своей эскадры. Таким образом в Оттоманскую империю попало около 70% испанских евреев. Вся жизнь «божьего народа» под эгидой турецких султанов стала светлой страницей истории еврейского народа, так как не только Баязет Второй, но и многие другие вожди Оттоманской империи делали все, чтобы предоставить сынам и дочерям Израиля жить в их стране без проблем и невзгод.

Так, еще в 1324 году, когда турки захватили город Бурсу, недалеко от Мраморного моря, и сделали ее своей столицей, *они нашли там* (задолго до поселения сефардов в Турции) большую *уметелную* колонию евреев, *приветствующую турок как освободителей*. Турецкий султан тех далеких времен, *Орхан*, старался помочь народу, жившему в рассеянии, и прежде всего выделил средства на постройку новой синагоги. Эта синагога процветала все последующие века и только 50 лет тому назад была закрыта из-за полного обветшания и отсутствия прихожан.

В последующие столетия *другой султан – Мехмет Второй* неоднократно *обращался ко всем евреям* Франции, Германии, Италии, Греции и других стран с приглашением прибыть на *постоянное жительство* в Турцию, где каждый из них найдет *«работу по душе, покой и отдых под своей лозой и ветвями своей смоковницы* не только со своими чадами и домочадцами, но также козами, ослами и прочими домашними животными». Турецкие евреи до сих пор часто *плачут от умиления* над призывом Мехмета Второго, *потому что его обращение к евреям, скорее, напоминает песни царя Давида, нежели официальный документ*.

Черноглазый мальчик Соломон Саллабатин и его мать привели в синагогу на следующий день и прабабушку семьи, 80-летнюю, еще моложавую женщину по имени *Рахилья* (библейское имя Рахиль приняло турецкий суффикс) *Гюльрис*.

Почему турецкие султаны еще задолго до изгнания евреев-сефардов из Испании не разделили неприязни к евреям с другими и взяли народ Авраама, Исаака и Якова под свою защиту и полную опеку, *никогда не только не оскорбляя (в Турции за все века не было ни одного погрома)*, но всячески стараясь приласкать и приглубить изгнанников?

– Почему? – задумчиво произнесла Рахилья Гюльрис, прабабушка. – Да потому, что *турки оказались самым умным народом на земле*. Ведь султаны прекрасно понимали, что евреи принесут в Оттоманскую империю *массу полезного*: поставят ей учёных, врачей, искусных оружейников, мастеров порохового дела, всех тех, кто в те времена создавал начала цивилизации!

– Да, да, – радостно подхватил Соломон Саллабатин, – ведь когда еврей-сефарды жили на Пиренеях, Испания процветала, это считалось золотым веком Испании! Каких только философов, ученых, поэтов, бизнесменов и государственных деятелей ни выходило из их среды!

Мать его, Береника Гюльтикки, улыбнулась:

– Знаете, ведь когда готовилось наше турецко-еврейское празднество, историческое общество в Стамбуле начало искать потомков тех, кто прибыл в Оттоманскую империю из Испании в 1492 году. А мы уже давно были в их числе! Мы, это наша семья, вернее семья моего мужа, потому что их фамилия Набмиас, а предки этой семьи, братья *Самуэль и Давид*, были *полиграфистами и основали* в Стамбуле, почти сразу после прибытия из Испании, типографию. На месте древней нашей печатни теперь стоит новая, и висит на ней мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1494 году братьями *САМУЭЛЕМ И ДАВИДОМ*, прибывшими из Испании, была построена типография. Типография эта служила Турции 450 лет и была снесена, ибо полностью обветшала».

Сын ее продолжал с большим воодушевлением:

– В будущем году я кончу школу и поеду в Станфордский университет, в Америку *учиться* полиграфическому искусству. Вернусь в Турцию и, угадайте, чем буду заниматься? Буду печатать книги на языке *ладино*! Вы знаете, что это за язык?

Ладино (мне очень нравится само это слово, оно напоминает мне русские слова «ладный», *Лада* и прочие того же корня) – это *кастильское наречие испано-сефардского языка и язык этот, хоть и в малой степени, существует и сейчас у евреев Турции и у сефардов Средиземного моря.*

– У нас в доме сохранились старинные книги на ладино, – поддержала прабабушка Рахилля. – Когда наши праотцы покинули Испанию, *они многое бросили, но книги взяли. Три тома!* А авторы этих книг! Одна книга написана *Шломó бен Левí*, великим философом сефардов, мы подарили ее библиотеке Иерусалима, другая – сочинение мыслителя *Якоба Кули*, она подарена Стамбульской библиотеке редчайших древностей, а третья пока у нас дома. В ней – переложение некоторых

отрывков из их сочинений на музыку! Мой правнук будет ее распространять по всему свету.

И прабабушка Рахилля, закачавшись, *запела что-то грустное, несколько заунывное...* Правнук подхватил и взял несколько нот мальчишеским голосом переходного возраста...

— Я по-настоящему петь сейчас не могу, у меня меняется голос, — сказал он застенчиво, — но как только наладится, я опять пойду в хор!

В Стамбуле недавно стал функционировать ансамбль молодых людей — *«Сефардийские птицы»*. Он разъезжает по многим странам и демонстрирует сефардское пение пятивековой давности на ладино. Что же касается ладино — половину тысячелетия жизни евреев-сефардов в Турции в Стамбуле не прекращала выходить газета *«Шалом»*. Еще 40 лет назад она печаталась только на турецком и иврите, но в последнее время одна страница газеты издается на ладино с целью возрождения этого языка.

Несколько слов об ономастике, об именах и фамилиях евреев, прибывших в Турцию из Испании. Россияне, любящие историю своей родины, давно заметили, что почти у всех народов и национальностей, населяющих нашу (и не только нашу) землю, встречаются фамилии, образованные от названий мест их рождения, а среди них — *Москвиты, Московские, Московеры, Ржевские, Тверские, Пинские, Пинскеры, Хорольские, Шкловские, Саламанские* и так далее. Известны мне также лица по фамилиям *Петербургский* и *Ленинградский*, но встречаются они из-за неудобьтруднейшего произношения, — особенно в скором разговоре, крайне редко. Такого рода прозваний, повторяющих место рождения или долгого проживания, очень много у еврейского населения России. Кто, из любящих литературу, не знает фамилии Гранат? Братья *Гранат* были известны издательской деятельностью до революции и выпустили много интереснейших книг. Ёрода, местёчка или места по названию Гранат в России нет, а получили братья свое родовое прозвище от предков, рожденных в Испании, в *городе Гренада*. Если говорить о Турции, то собственные имена еврейского населения в этой стране никогда не изменялись, а только приспособлива-

лись по звучанию к турецким (*Рахилля* вместо *Рахиль*, *Салман* вместо *Соломон*), но фамилии – оставались прежними. После того, как изгнанные из Испании евреи попали в гостеприимно принявшую их Турцию, фамилии их в основном остались те же, что были в их семьях в Испании много сотен лет тому назад.

В других государствах это было не всегда так, ведь евреи были гонимым народом и по разным причинам переселялись (а скорее им приходилось переселяться) из одной страны в другую, так что фамилии их изменялись, приспособливаясь к языку чужого народа. Есть одна интересная особенность у тех лиц еврейского происхождения, предки которых когда-то были гражданами Испании, и если наши читатели встретят сейчас в любой стране мира еврейские фамилии, подобные прозванию *Гранат*, *Севилл*, *Толедский*, *Барсел*, *Матрит*, *Соломанский* и их производные, как-то *Матритский*, *Барселский*, тот же *Солома(я)нский* и многие другие – они тут же поймут, что предки этих лиц родились и долго жили в испанских городах Гренада, Севилья, Барселона, Мадрид, Толедо, Саламанка и других.

Прабабушка Рахилля рассказала, что одними из лучших, «вечных», ковров ручной работы наряду с персидскими считаются турецкие, так называемые «сефардские» ковры. Мало кому известно, что искусство выделки самых дорогих и прочных ковров в мире привезли в Турцию сефарды, а их женщины внесли свой вклад в рукодельное искусство плетения кружев и изобретение узоров в вышивках, считающихся до сих пор непревзойденными по мастерству. Еврей-ремесленники поражали турок и другие народы изделиями из серебра, золота, меди еще в древние времена, и нынешняя слава израильтян как лучших ювелиров в мире пошла именно из Испании, а затем из Турции.

Как только прабабушка Рахилля стала говорить о ювелирном искусстве, Береника взглянула на отложной белый воротничок своего платья, в середине которого была приколоты брошь в виде золотого ключика с вделанными в золото бриллиантами, рубинами и сапфирами. Она поднесла отворот

с брошью к моим глазам и таинственно сообщила мне секрет этого драгоценного ключика.

Более пяти веков живут и процветают евреи-сефарды в Турции. Это время отмечено все расширяющимся доверием между двумя народами, показывая всему земному миру, как люди разной веры, истории и обстоятельств могут с полным доверием относиться друг к другу, трудиться и гармонически развиваться под знаменем одной и той же страны. Были времена, когда главный раввин Стамбула заседал в Дуване вместе с турецким муфтием и христианскими духовниками.

Конечно, было бы большим *преувеличением* представить положение евреев в Оттоманской империи идеальным. Несмотря на то что турки никогда не навязывали ни грекам, ни евреям, ни другим национальным меньшинствам ни своей религии, ни своего образа жизни и всем предоставляли полную свободу в выборе занятий, *все-таки иноверцы считались «неверными»*, местная администрация мусульманского мира их грабила и устанавливала для них непомерно большие налоги. Тем не менее иудеи чувствовали себя в Турции намного счастливее по сравнению с жизнью своих собратьев в христианской Европе.

Знание иностранных языков, обширные интернациональные связи в Европе дали возможность еврейским советникам приобрести огромное влияние при дворе Оттоманской империи и направлять политику Турции. *Некоторые из сефардов высоко поднялись на дипломатическом поприще*, как, например, *Соломон бен Натан Ашкенази*, первым установивший дипломатические отношения с Великобританией.

Необходимо указать и еще на одну удивительную особенность – в научную и социальную жизнь Турции начали вносить свой вклад и сефардские женщины. Так, *Дона Гарсиа Мэндос Нази*, тетка вышеупомянутого министра юстиции Ашкенази, известна всем законодателям Турции. Получив высшее образование (а это лишь XVI век), она влияла не только на судебные дела Стамбула, но и на создание судебника Италии позднейших времен.

Высшими судмедэкспертами считались до середины XIX века еврей-сефарды Турции: *Хаким Якуб*, *Моше Хамон*, *Дениэл Фанеска*, *Габриэл Винавентюра* и т.д.

В 1470, 1537, 1542 годах, да и во все последующие годы турецкие султаны принимали евреев, изгнанных из Германии, Италии, Богемии и прочих земель Европы. В середине XVII века турецкий султан *Сулейман Законодатель* (весь мир называл его Сулейманом *Великолепным*, а евреи в Турции – *Королем Соломоном*) личным письмом *Папе Римскому* уберег от лютой казни евреев-*марранов*, приговоренных по ложному обвинению к сожжению на костре.

2 октября 1840 года султан *Абдулмесид* выпустил свое знаменитое послание, полностью снимающее с евреев обвинение в распятии *Иисуса Христа*, так как, утверждал он, для этого нет никаких весомых доказательств.

И евреи отвечали приютившей их стране преданностью, любовью и самым высоким патриотизмом.

Мой новый приятель *Соломон Саллабатин* подвел меня к одной из стен синагоги, где шла наша беседа. На стене висела огромная фотография с изображением средних лет мужчины в окружении радостных, смеющихся лиц турецких и еврейских подростков.

– Эта фотография – моя любимая, – сказал мальчик, – это портрет нашего *Ататюрка*. Все школьники страны в конце учебного года пляшут под его портретом.

Во время правления *Мустафы Кемала – наши*, которого все граждане Турции называли *Ататюрк*, что значит «отец *тюрков*», страна достигла наибольшего расцвета. 2 февраля 1923 года *Ататюрк* произнес речь, навсегда оставшуюся «в умах человечества». Он сказал: «В нашей стране есть группа граждан, с которой у Турции и ее правительства – особые, тесные отношения. Эту группу составляют испанские еврей-сефарды, которые живут в нашей стране уже много веков подряд. Сефарды приехали в Турцию из далекой страны и с тех пор неустанно обогащают Турцию своими обширными знаниями и талантами. Турция не осталась в долгу перед этим замечательным народом и сделала все возможное, чтобы евреям-сефардам жилось

спокойно и счастливо в нашей стране. Так было, так есть сейчас и точно так будет в будущем». Ататюрк уничтожил, и это пример всему миру, систему этнического различия в стране, сказав: «**В Турции отныне нет никаких национальных меньшинств – турки, греки, армяне, евреи, чеченцы и все другие – полноправные граждане нашей республики**». Да, именно республики, ибо при Ататюрке султанат был уничтожен.

В 1938 году Ататюрк пригласил в свою страну выдающихся евреев Германии, которые внесли в науку Турции неоценимый вклад, но особенно много помогли в реконструкции высшего образования. В трагические времена Второй мировой войны Турция делала все, что было в ее силах, чтобы помочь выжить евреям, спасающимся от Гитлера.

– Вы, вероятно, слышали имя **Саллабатина Уикменё**, – сказала Береника. – Я сына назвала в его честь. Он был Генеральным консулом на острове Родос и в 1944 году помог выжить огромному количеству греческих евреев. В мемориале **Яд-Вашём** он перечислен среди **Праведников мира**, и в его память посажено дерево.

– Два года назад, – рассказала мне Береника, – когда было решено, что сын наш поедет учиться в Америку, мы решили подарить половину нашего огромного дома турецко-еврейскому обществу для развития и укрепления социальных связей. Ведь, может быть, мальчик там, в США, останется, и мы поедем к нему... И вот, представьте себе, после заключения договора является ко мне турецко-еврейская делегация и дарит мне грамоту и этот ключик:

– Вот, – говорят они, – это вам, Береника Гюльгикки. – Как вечное напоминание о том, что *Турция* – ваш родной дом навеки веков и что в любой момент вы, также, как ваши дети и внуки, можете вернуться в нашу *страну райской жизни и надежды* и открыть этим *золотым ключиком* не только дверь вашего бывшего дома, но и любую другую дверь, где вас всегда примут с почтением и любовью.

Краткая библиография

- АН СССР. Антропонимика. М. 1970
АН СССР. Ономастика. М., 1969
АН СССР. Системы личных имён у народов мира. М., 1986
АН СССР. Теория и практика этимологических исследований. М., 1986
АН СССР. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986
АН СССР. Этническая ономастика. М., 1984
Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979
Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М. 1983
Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1970
Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955
Калакуцкая Л.П. Склонение фамилий и личных имён в русском литературном языке. М., 1984
Кандель Феликс. Очерки времён и событий. Иерусалим, 1988
Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени. Изд-во Казанского университета, 1983
Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974
Никонов В.А. Личное имя – социальный знак. // Сов. этнография. 1967. № 5.
Ономастика. М., 1969.
Орестов О. Географические названия. // География в школе. 1938. № 1.
Отин Е.С. Об именах и кличках, тождественных топонимам. /Сб.: Этнография имен. М., 1971
Откупщиков Ю.В. К истокам слова. М., 1973
Петровский Н.Л. Словарь русских личных имен. М., 1966
Полное собрание еврейских имен. Сувалки, 1874

- Сазонова Юлия. История русской литературы.
Нью-Йорк, 1955
- Системы личных имен у народов мира. М., 1988
- Словарь иноязычных выражений и слов. М., 1966
- Словарь современного русского литературного языка.
М.-Л., 1948-1965
- Словарь русского языка. М., 1982
- Сталмане В.Э. Ономастическая лексикография. М., 1989
- Стасов. Русские названия карточных мастей. /Записки Академии Наук. 1875
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного.
М., 1973
- Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981
- Теория и методика ономастических исследований. М., 1986
- Теория и практика этимологических исследований. М. 1986
- Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М. 1989
- Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Лениздат, 1962
- Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка.
М., 1986
- Федосюк Ю. Что означает ваша фамилия. М., 1969
- Фельде Г.Ф. Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области. Сб.: Этнография имён. М., 1971
- Чичагов В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий.
М., 1959
- Этническая ономастика. М., 1984
- Chatto. Origin of Playing Cards. London, 1848
- Hook J.N. Family Names. MacMillan, 1982
- Lower m.a. English Surnames. Russel Snuth, 1875
- Mattews C.M. How Surnames Began. Lutterworth Press, 1962
- Room Adrian. Pet Names. New Horison, 1879
- Taggart Jean. Pet Names. New York, Scarecrow Press, 1962
- The Book of Pet Names. Dell Publishing Co Inc., New York, 1981
- Weekly Ernest. Surnames. London, John Murray,
2nd edition, 1927
- What's In a Name? By Leonard Ashley, Genealogical Publishing
C° Inc. Baltimore, 1989

Случайность имени

*«В моем сочинении не будет
ни одного слова правды...
И ни одного слова лжи».*

Алла Кторова. «Лицо Жар-Птицы»

Начну с очевидной натяжки: случайно или не случайно мы получаем свое имя? Алла Кторова (Виктория Сандор-Кочурова), профессиональный ономаст (именолог) ответила бы с философской уклончивостью: «Конечно же, случайно, если говорить о совпадении имени и судьбы. Конечно же, с умыслом, если учитывать переменные величины пространства и времени...»

Её назвали Викторией, а домашнее имя было не Вика, как следовало бы ожидать, а Витя. Витя, Вита, витальность. Жизненная сила. Живучесть. Энергия. Порыв. Это и есть неуничтожаемые временем и вкусовой конъюнктурой основные качества работ Аллы Кторовой.

Её книги – живой организм, развивающийся, «матереющий» с годами. Только не ветшают они, ибо никогда не писались «на злобу дня» (а «злобы» было много: й в прямом, и в переносном смысле), хотя, безусловно, в них «отразился век, и современный человек изображен довольно верно».

Просто в книгах Кторовой превалирует состояние, а не действие. А послевкусие от пережитого вместе с героями состояния остается надолго, если не навсегда, как от сладости прустовского бисквита.

В современной литературе, жаждущей читателя и тиражей, премий и бессмертия, форма часто «преодолеывает» содержание. Вместо загадочного «текста» – недоношенный «ГРОтекст». Словно автор ёрничает, одновременно заигрывая с читателем: «Не любишь? Мне какое дело? Я песню для себя пою...»

А Кторова – для тебя, читатель. Метаязык ее прозы богат и прост. Так говорят с дорогим собеседником. И как же не любить читателя, который подобно «близкому далекому» – прямой повод к высказыванию? Потому-то это высказывание изысканное, виртуозное (любимейший писатель Аллы Кторовой – непревзойденный стилист Лесков), никогда не разрушает целостности восприятия («Бесы вымешивали бесиво...» «Пращеры и правнуки». Каково!) Пьешь живую воду и радуешься, что жизнь продолжается. У автора хватает сердца превратить боль в эстетическое переживание, в катарсис, как говорится (вспомните, хотя бы, гибель Юры, разрушение старика-дома в «Юрином переулке» или беспомощное суетливое отчаяние Кларкиного деда из «Кларки-террористки»). Впрочем, о работах Аллы Кторовой можно и должно говорить в терминах «большого литературоведения».

Так, самая «именитая» книга писательницы – скорее, антироман – «Лицо Жар-Птицы» продолжает почтенную и давнюю традицию европейского романа воспитания, хотя «модернистская» структура произведения («матрешечная» композиция, лирические отступления, «раздвоение личности» главной героини), вроде бы, и противится такой консервативной дефиниции.

Ассоциативный ряд, который провоцирует одно название книги, сам по себе показателен. Это и «Конёк-Горбунёк» Ершова, и «Синяя птица» Мориса Метерлинка. (Автор же в «Главе I» дает свои собственные подсказки: Вертинский, Блок, *Бальмонт*.) И все ассоциации правомерны, ибо – работают. «Поэт издадека заводит речь. Поэта далеко уводит речь».

Читателю-неофиту может показаться, что Алла Кторова живет и пишет, повернув лицо назад («Женá же Лóтова оборотилась позади него и...»). Милое прошлое, действительно, доминирует в её работах. Но о «дорогих тенях» писательница, по слову В.А. Жукóвского, «не говорит с тоской: «Их нет». Но с благодарностию: «Были»». И потому не «Ох!», а «Ах!» сопровождает последние страницы ее произведений. В таком быту, в таком чадú, в таком адú, но – жили! И как неподражаемо полно-

ценно! И разве времена выбирают? И разве юность зависит от того, «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»?

Алла Кторова не любит «метафизику». Есть клубки воспоминаний. Есть руки мастера. Есть ткацкий станок мастерства. Ковер плетётся. И наше дело с тобой, читатель, разглядеть в узоре либо птицу-Сирин, либо Гамаюн. Ведь прячутся в переплетениях обе...

Юрий Большухин. Нью-Йорк. 1980-ые годы

За стенами стана

Русский читатель, мой самый близкий, самый верный друг!

За тридцать лет жизни в Америке все написанное мною спрессовалось в четыре книги, одна из которых «Экспонат молчаливый» — сборник повестей и рассказов, написанных в разное время и рассеянных по страницам альманахов и журналов русского Зарубежья. Как будто маловато, но это не потому, что Алла Кторова не выдержала экзамена на творческую плодотворность и не снимала каждый год с конвейера по новому увесистому тому своих сочинений.

Америка — изобильная страна, но то нормальное жизненное обеспечение, которое жители других государств мира имеют архибогатством, добывается гражданами Нового Света — трудом. И даже та легендарная тетушка, которая ошастливила благодатным наследством своих бедных украинских родственников, приобрела «несметное» состояние, напряженно работая с самой ранней юности.

В Стране Молочных Рек и Кисельных Берегов не поддавалась я искушению и не стала развивать в себе комплекс Золушки. Умела жить я в скудости, сумела и в изобилии. Философия смердяковщины — поклонения Богу европейского комфорта, меня не коснулась. К удивлению обывателей, как русских, так и американцев, я, презрев личное обогащение, не превратилась в знатную полковничиху, окруженную толпою слуг. Златом-серебром себя не увенчала, бриллиантами с драгоценными камнями не украсилась, русского ресторана «Эх, Тройка, Птица-Тройка!» не открыла и, отворив рот, жадно хлебать миллионы не начала.

Жить подобно тем, для кого существует только один Бог — чрево, мне было «и кюхельбекерно и тошно».

Спасибо судьбе. Она начертала мне другой узор, посоветовав выйти за стан! Как библейский Ной, когда в стане народ «ел,

пил и играл», вышел за крепостные стены и начал строить ковчег-убежище для спасения, так и я. Поняв, что мой удел — литература, я начала строить свой писательский ковчег. Я — вышла за стан.

Редко кто знает, что публикация книг иностранных писателей, за исключением известных всему миру литературных гигантов, а тем более книг писателей-эмигрантов, в данном случае — русских, — это *сам-себе-издѣт*. То есть все, созданное ими, выходит в свет за их собственные деньги. Если иногда случается, что какой-то владелец наборной машины, называющий себя издателем, и входит с писателем в мизерную долю, то эта сумма потом вычитается из так называемого «гонорара». То есть автор книги или получает гроши, или вообще ни копейки от продажи своих книг не имеет, оставаясь в стопроцентном дефиците.

И вместо того чтобы усесться у косящата окна, «вывязывая» мужу ночной колпак с кисточкой «а ля мистер Пиквик», варить ему русский борщ и выпекать пирожки, я пошла работать, чтобы иметь деньги на издание своих книг.

Но если есть в Зарубежье русский писатель, то должен быть и русскоязычный читатель, не так ли? Были ли таковые, когда в шестидесятом году начали печататься мои очерки о жизни в Москве? Да, были: среди эмигрантов первой (после-революционной) и второй (послевоенной) волн, а также среди американцев, занимающихся славистикой. Но разный жизненный опыт без промедления ввел писателя и читателя в конфликт. Дело в том, что *к моменту моего приезда в США основная масса русской эмиграции видела в последний раз страну своего рождения или в двадцатых, или в сороковых годах, и поэтому все происходящее там подгонялось в их сознании под застывшие на той, конечной точке отъезда критерии*. В эмигрантской, да и вообще в иностранной прессе утвердились для описания СССР, благодаря железному занавесу, свои, привычные стереотипы, но в очерках Аллы Кторовой начала вырисовываться вдруг иная картина: черное оказалось белым, белое — черным, в чаще всего панорама советской жизни стала сводиться к

неоднозначному, черно-белому изображению. Рассказы ново-приехавшей москвички читались с любопытством и интересом, разбавленным чувством удивления и часто сомнения, но я, создательница, сразу дала всем понять, что конъюнктурщицей в чужой стране становиться не собираюсь и чтобы от меня не ждали описаний покладливо-угодных эмигрантскому обществу только отрицательных сторон советской жизни. *По выражению известного писателя-эмигранта, автора множества интереснейших книг о России времен революции, «Алла Кторова прет одна против всех, яростно отвергая сладостный удел быть всеми любимой», что он горячо приветствовал, ибо сам в молодости был точно таким.*

Говорю о талантливом Романе Гуле, бывшем многие годы главным редактором интереснейшего нью-йоркского «Нового Журнала». По дошедшим до меня сведениям Роман Гуль и Константин Паустовский, любимейший писатель советско-сталинского периода СССР (читай России), были двоюродными братьями.

Даже после появления книги «Лицо Жар-Птицы», элегии о Прекрасной Юности, которая имела небывалый успех как среди зарубежного, так и отечественного читателя, оставалось ясным, что среди малопонятного и чуждого общества меня ожидают не праздники и пиروвания, а жестокие битвы. Однако, несмотря ни на что, писательница Алла Кторова была твердо уверена в том, что Литература и удивительная писательская судьба кустаря-одиночки, непригодного к повиновению, — ее в беде не оставят.

Я решила обогащать родную словесность с ясной для себя целью: рассказать простыми словами то, что плясало на острие языка и выстукивалось на машинке кончиками пальцев. Но, чтобы простота не стала хуже воровства, добавлю: талантом рассказчика обладает несметное количество лиц, писательским же, загенетированным провидением — редкие единицы. И если Фátум, по лишь одному ему известному замыслу, выбрал именно вашу душу, чтобы бросить в нее самое драгоценное на свете зерно — зерно литературного Дара, — вы счастливец, и счастливец вдвойне, если, по неясному пока еще

нам выбору Судьбы-Индéйки, Сабли-Лиходéйки, вы можете хоть на час сослужить роль пророка в своем отечестве. Не ищите в моей книге ни бытийной, ни физиологической биографии. Не ставя себе никакой историко-социологической цели, вышло так, что я пошла по как будто легкому пути жизнеописания своих современников, тех поколений отцов, *детей и внуков*, кому выпала едва ли не самая жестокая карта в мировой истории — эксперимент, имя которому — сталинизм, насадивший обманом, злой волей и ненавистью общество, где писатели, даже самозабвенные патриоты, погрузившись в угрюмое нравственное подполье, играли горестную, унижительную роль унтер-офицерской вдовы, занимаясь «приблизительной» литературой.

Однако нам с вами, дорогие друзья-читатели, редко повезло. Живя много лет вниз головой в перевернутом обществе, мы, дождавшись, вынули и другую, счастливую карту, которая сулит полное забвение прошлого и, я в этом глубоко уверена, успешную попытку осуществления того общества, ради которого наши отцы и деды пошли на бой.

Для каждого автора книги есть одна, самая главная, никогда не преходящая ценность: признание профессионального читателя, того, к которому Алла Кторовна обращается как к своему самому близкому, самому верному другу. А если писателю посчастливилось забраковать банальные приемы, найти свой «звук» в литературе, собственный рисунок речи, стиль и манеру письма, то первый, главный его судья — не критик, не теоретик-знаток словесного мастерства, а тот литературолоб, который сам расправится с ненужным ему сочинением. Пусть, читая Аллу Кторову, не скупится этот литературолоб ни на хвалу, ни на самые гневные осуждения. Осуждения не испугаюсь, ибо боюсь только мышей и сумасшедших, за хвалу низко поклонюсь по-русски, трогая пол рукой, и торжественно закрепляю за читателем полное право как прославлять, так и охаивать написанное. Я вполне готова к тому, что **не все в моих повестях** может понравиться, потому что **контакт между писателем и читателем**, так же как **Любовь двух** — это искусство камер-

тона: ты ему — пріму, он тебе — вто́ру, ты ему — пётельку, он тебе — крючо́к! И если петелька не попадает на крючок, а пріма, не идя в тон со вто́рой, рушит гармонию, то без обид и выяснения отношений, как двое прохожих на перепутье случайных дорог, писатель и читатель вежливо расстаются.

Растаемся, надеюсь, на время, и мы. друзья.

Желаю вам в отечественной литературе, и прежде всего в прозе, появления одаренного сверхталантом, чистого сердцем творца-великана. Желаю гражданам родной страны увидеть вслед за первым смельчаком, первопроходцем, который вывел Россию из глубокой задумчивости, граничащей с летаргическим сном, еще многих и многих борцов-героев — патриотов доброй воли, готовых разрубить и навсегда разрушить монолитные цепи, сковавшие когда-то трагически безнадежные времена, в которые поставили нас роковые события прошлого.

А мне, дорогие любители литературы, пожелайте до конца творческого пути так и считаться к повиновению непригодной и *всегда оставаться за стенами стана.*

Антон Павлович Чехов писал: «*Ехать на кумыс гораздо скучнее, чем читать дамские романы*». Не пора ли исключить эти слова из тезауруса изречений великих людей? Я уверена, что Чехов, обладая величайшим чувством юмора, о котором многим приходится лишь мечтать, просто пошутил, прикрепив негативно-комическое «мороз крепчал» только к женскому творчеству, и очень сожалею, что не дожил он до тех талантливых произведений современных русских писательниц, читать которые — радостный праздник.

Алла Кторовна

Москва — Вашингтон, 1989 г.

Книги Аллы Кторовой

1. Jurijs Straede. En fortaelling om Russisk skoleungdom. Foriaget Fremad, 1964.
2. Jurijs Casse und Meiner Shwester Carten. Zwei Erzählungen Possev – Verlag, 1966.
3. Лицо Жар-Птицы. Издание Русского книжного дела в Вашингтоне. V. Kamkin, Inc., 1969.
4. Экспонат молчащий и другое. A. Neimanis Buchvertrieb – Verlag SmbH, Munchen, 1974.
5. Крапивный отряд. Дом с розовыми стеклами. Вашингтон, 1978.
6. Le visage de L Oiseau de Feu. Le editions Quinze, Montreal, Quebec, Canada. 1980.
7. Лицо Жар-Птицы. Второе издание. Effect Publishing. New York, 1984.
8. Мелкий жемчуг. Published by Kozerog. Md, USA, 1987.
9. Лицо Жар-Птицы. Крапивный отряд. Изд-во «Художественная литература». М., 1990.
10. Сладостный дар. Изд-во «Весть». 2-ое изд. М., 1995.
11. На розовом коне. Изд-во «Весть – VIMO». М., 1994.
12. Сладостный дар. Изд-во «Весть». 2-ое изд. М., 1995.
13. Пращурь и правнуки. М., 1997.
14. Артист и девочка. СПб, 1998.
15. Сладостный дар, или Тайна имен и прозвищ. М., 2002.
16. «Минувшее...». Москва пятидесятих годов. М: Минувшее, 2003.
17. «Минувшее...». Американочка Ивановна рассказывает... М: Минувшее, 2005.
18. «Минувшее...». Государевы ямщики и московские извозчики. М: Минувшее, 2005.
19. «Минувшее...». Повседневная жизнь во времена былые. М: Минувшее, 2005.
20. «Минувшее...». Пращурь и правнуки. М: Минувшее, 2006.
21. «Минувшее...». Язык. Слово. Имя. М: Минувшее, 2007.

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ

- Борис Зайцев. Дни непреходящие. Париж. «Русская мысль», 19 сентября 1961
- Я.Н. Горбов. Литературные заметки. Алла Кторова «Юрин переулоч». Париж. Возрождение №140. 1963
- Debut Zwei Erzählungen von Alla Ktorova. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Juli 1966
- Алла Кторова. О наших именах. Нью-Йорк, 1967
- Леонид Ржевский. Художественная проза новой эмиграции. Нью-Йорк, 1967
- Я.Н. Горбов. Литературные заметки. Алла Кторова «Лицо Жар-Птицыг». Возрождение №220, Париж, 1970
- My sister's Applegarth. Russia's other writers. Selections from Samizdat Literature. Praeger Publishers, New York-Washington, 1970
- Alla Ktorova: a new face: Olga Hughes; The face of Firebird: scraps of an unfinished anti-novel. В альманахе Tri Quarterly by Northwestern University Press, 1973
- Alla Ktorova: a new face. Olga Hughes. The face of Firebird: scraps of an unfinished anti-novel. In the book «The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West 1922–1972». Edited by Simon Karlinsky and Alfred Appel, Jr. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, London, 1977
- А. Седых. Потерянная нить жизни – неоконченный роман Аллы Кторовой. Нью-Йорк, «Новое Русское Слово», 11 января 1970
- Michael Scammel. Where Literature and Politics Cross. London, 1972
- Ludmila Foster. Bibliography of Russian Emigree Literature 1918–1968. J.K.Hall Company. Boston, v.1, 1970
- Нежный гад. Новый колокол. London, 1972
- Флегон. За пределами русских словарей. Flegon Press. London, 1972 Ktorova Alla. The World Who's Who of Women. Montrose Press. Cambridge and London, 1972

- Алла Кторова. Язык и время. Нью-Йорк, «Новое Русское Слово», июнь/декабрь/апрель 1973–1974
- Михаил Гольдштейн. Экспонат молчащий и другое. Новая книга Аллы Кторовой. Нью-Йорк, «Новое Русское Слово», 12 января 1975
- Ю. Большухин. Преодоление зла. Заметки о книгах Аллы Кторовой. «Грани» 99, 1976
- Руфь Зернова. Книга Аллы Кторовой. Нью-Йорк, «Новое Русское Слово», 23 апреля 1978
- Deux ecrivains russes aux Editions Quinze La Presse. Montreal, 17 juin 1978
- Luisa Gerard-Brizuela. Novita in Liberia. Due romansi che silleggono con tensione. 15 il cittadino canadese 5 Luglio, 1978
- Tatiana Hays. Ma rcontre avec L'Oiseau de Feu. Culture et societe. Le Devoir, 30 juin 1978
- Mary Devergnas. Un roman de la vie moscovite. Canada, Culture et societe 7 octobre 1978
- Une Histoire Bouleversante. Signe 'Alla Ktorova.' Canada, Nouvelles Illustrces, 25 juin-jullet 1978
- Le Visage de L'Oiseau de feu. Livres. Critique. Photopresse. Canada, 1, 1978
- Le Visage de L'Oiseau de Feu. Informations Litteraires. Journal Clim, vol.3
- V.F., Alla Ktorova Le Visage de L'Oiseau de Feu. Brussels, Belgique, «Le soir», 3 Jan. 1979
- Наталия Белинкова. В доме с розовыми стёклами. «Время и мы» 38, 1979
- Simon Karlinsky. More Piercing than a Whistle. The State of the Language. Berkeley, University of California Press, 1980
- Алла Кторова. Потомки Кирибеевичей. «Новый Американец» 10, 16 марта 1981
- Алла Кторова. Злая старушка история. «Новый Американец», 17-23, 1981
- Алла Кторова. Эра Энтеэра или Конвергенция. «Новое Русское Слово», 4 августа 1981 и «Новый Американец», 2-8 и 9-15, 1982

- Алла Кторова Три тысячи пятьсот. «Новая газета» 13, 19 августа 1983
- Алла Кторова. Крапивный отряд. Юмор и сатира послереволюционной России. Антология в двух томах. Сост. Б.Филиппов. Том 2, Лондон, 1983
- Белла Езерская. Приключения Жар-Птицы. Интервью с Аллой Кторовой. «Новый Американец», 292, 25 сентября 1985
- Alla Ktorova. The Migration of Russian Pet Names. ANS Bulletin 74, New York, 1984
- Алла Кторова. Чёрное и серое (Вклад в хрущевяну). «Время и мы» 93, 1986
- Alla Ktorova. The Adaptation of Russian Names in the USA and other countries, ANS Bulletin 78, 1986
- Ktorova, Alla (pseudonym). Free Voices in Russian Literature 1950-1980. Bio-Bibliographical Guide, edited by Alexander Sumerkin. Russica Publishers, Inc., New York, 1987
- Marina Astman. The Contributions of Russian Emigre Women to World Culture. Bernard Alumnae/Sammer 1987
- Людмила Кафанова. Книги и люди. Перебирая и нанизывая жемчуга. «Журнал» 7, 1987
- Алла Кторова. Сладостный дар. «Новое Русское Слово», 28 августа 1987
- Иосиф Косинский. Крупный жемчуг. «Грани» 146, 1987
- Алла Кторова. Буржуйная жизнь (Венгрия сегодня). «Новое Русское Слово», 26 июня 1987
- Алла Кторова. Путешествие в небесную империю. «Новое Русское Слово», 31 июня–3 июля 1988
- Алла Кторова. Синее пятнышко (В стране восходящего солнца). «Новое Русское Слово», 14 октября 1988
- Кторова, Алла. Вольфганг Козак. Энциклопедический словарь русской литературы. Overseas Publications Interchange, Ltd. London, 1988
- А. Кторова. Русские имена за рубежом. Ономастика. Типология Стратиграфия. Академия Наук. СССР. Институт языкознания. Москва, «Наука». 1988
- Алла Кторова. Русские иноземцы. «Панорама» 362, 1988

- Алла Кторова. Улица. Добрых Детей. «Новое Русское Слово»,
10 марта 1989
- Белла Езерская. Живопись нельзя нюхать (Интервью с Аллой
Кторовой). Мастера. Эрмитаж, 1989
- Мира Блинкова. Русская писательница Алла Кторова.
«Грани», 153, 1989
- А. Иванова. Алла Кторова «Самая лучшая политика».
Литературная газета. Москва. 12 апреля 1989
- Екатерина Шевелёва. Алла Кторова – наша гостья.
«Московский литератор», Москва, 19 мая 1989
- Екатерина Шевелёва. Заморская птица? «Литературная
газета», Москва, 18 октября 1989
- Алла Кторова. Я вновь на берегах Невы. «Журнал» №261,
N.J., 1989
- Алла Кторова. Маня Кошмар и красавица Ваня. «Советская
культура», Москва, 30 декабря 1989
- Alla Ktorova. Foreign names in Russia. American Name Society
Bulletin 82, 1989
- Alla Ktorova. Русская литература XX века, том 2, стр 336,
«ОЛМА-ПРЕСС Инвест» 2005. Российская академия наук,
Институт русской литературы. (Пушкинский Дом).
- Ежегодник Рупописного отдела Пушкинского Дома
на 2002 год, стр 455, 458

* * *

Начиная с 1960 года, Алла Кторова периодически печата-
лась в ведущих сборниках, альманахах и журналах «Мосты»,
«Новый журнал» «Грани», «Новый колокол», «Возрождение»,
«Современник», «Время и мы», «Журнал», а также в газетах
Русского зарубежья и сборниках «Names» («Имена») на англий-
ском языке Американского ономастического общества (ANS).

С 1988 года печатается в России (СНГ) и других странах
бывшего СССР.

Издательский постскриптум

Итак, перевернута последняя страница книги произведений Аллы Кторовой. Надеемся, что читатели остались довольны, познакомившись с самым полным изданием художественных, исторических, публицистических и научных работ писательницы.

Наша совместная работа с Автором продолжалась пять лет. Конечно, за это время было много трудностей, но мы испытывали истинную радость от общения с Аллой Кторовой: она настоящий литератор, истинный профессионал-редактор и доброжелательный автор, понимающий своего издателя и доверяющий ему.

Работу над изданием шеститомника вела небольшая группа наших сотрудников, но в процессе этой работы нам приходилось обращаться за консультациями, изобразительными материалами и по иным вопросам к различным людям. И, подводя итоги, мы хотим выразить искреннюю благодарность за помощь и участие в реализации этого проекта: Александру Николаевичу Васину и Ксении Михайловне Велембовской, Сергею, Марине и Наталье Рябковым; Вячеславу Синицыну и Сергею Кузнецову; Надежде Васильевне Рыжак и Иоланте Ивановне Бондаренко; Игорю Евгеньевичу Домбровскому.

Выражаем признательность Международной академии профессионалов, корпоративным членом которой является наше издательство, за информационную поддержку этого проекта.

Хочется верить, что издание книг Аллы Кторовой станет неотъемлемой частью необъятной и многоцветной панорамы русской литературы.

*Генеральный директор
Главный редактор
Главный художник*

*Леонид Слепнер
Владимир Савицкий
Кирилл Зубченко*

Содержание

5	Вместо дотекста
8	На пути к книге, или несколько полезных советов ее читателю
10	Какую пользу тебе принесет эта книга, или помни имя свое
15	Сладостный дар
17	Тайна имен и прозвищ
20	Сладостный дар
27	Русские имена за рубежом
57	Российские приметы за рубежом
70	Свое – в чужом краю
87	Как звать-ся?
96	Краткий обзор истории американских имен
111	Двойные имена в англоязычных странах
117	Карнавальное шествие новых имен в Америке

Содержание

История имен негров-рабов в Соединенных Штатах и их сравнение с наименованиями детей крепостных в России того же периода	132
Курьезы имен и фамилий в разных странах мира	148
Мода на имена — лик орвелловской стадности	170
«Клянусь собакой!» — обычная клятва Сократа	190
Иностранные заимствования традиционных русских каниснимов (кличек собак) в России XVIII-XIX веков	198
Наши любимые домашние зверята и их имена	212
<i>Сквозь тайны имён</i>	235
Святая Эдигна	237
Двойное дно фамилий потомков Кирибеевичей	246
Загадка национальных корней Пушкина	282

Содержание

305	Сквозь тайны имен и фамилий некоторых известных россиян.
323	Имя в поэтических текстах
329	Имя в высказываниях великих
330	Духоборы и молокане в Америке
342	Албазины в Китае
352	Пряма, как волос, ровная дорога ...
361	Золотой ключик
370	Краткая библиография
372	Случайность имени
375	За стенами стана
380	Книги Аллы Кторовой
385	Издательский постскриптум.

Вадим Перельмутер
Пушкинское эхо.
Записки. Заметки. Эссе.

«„Вершина русской культуры?“ Всея культуры? Или этих двухсот лет, которые — как знать?— могут оказаться лишь двухсотлетним эпизодом?» — писал Георгий Адамович в дни Парижских Пушкинских торжеств 1937 года.

Книга поэта, эссеиста, историка литературы Вадима Перельмутера — об этих двух веках изящной словесности. О «двухсотлетнем эпизоде», пронизанном бесчисленными переключками между поэтами, окликаками и откликаками. Звуковым движением, в которое неизбежно вовлеченным оказывается и читатель стиха.

Минувшее — Library of Toronto Slavic Quarterly.
Москва — Торонто, «Минувшее», 2003, формат 60x90/16, 512 с., илл.

Алексей Поликовский
Граф Безбрежный.
Две жизни графа
Фёдора Ивановича Толстого-Американца.

Книга московского писателя и журналиста Алексея Поликовского повествует о жизни графа Фёдора Ивановича Толстого-Американца, одной из самых удивительных, колоритных и загадочных фигур российской истории первой половины XIX века. Это рассказ о человеке, который был отважным офицером и отчаянным картежным игроком, участником первого русского кругосветного плавания и бесстрашным дуэлянтом, нежным отцом и мужем, сумасбродным кутилой и тонким ценителем изящной словесности.

Книга хорошо и легко написана, читается с увлечением, а точные зарисовки и тонкий юмор создают достоверную картину того времени, показывают героя живым человеком, в окружении известных исторических персонажей. Этому в значительной степени способствует портретная галерея, представленная в иллюстрациях.

Москва, «Минувшее», 2006, формат 70x100/32, 200 с., илл.

Алла Кторовая

МИНУВШЕЕ...

Впервые российский читатель наиболее широко и всесторонне знакомится с ярким и оригинальным творчеством известной русской писательницы, москвички, Аллы Кторовой, уже более полувека живущей в США.

Серия книг, объединенная общим названием «Минувшее», включает самые ранние произведения, написанные автором в конце 50-х годов и последние ее работы.

В книге «**Москва пятидесятых годов**» читатели познакомились с произведениями, посвященными ее любимому городу: «Домрабыни», «Лицо Жар-Птицы», «Юрин переулок», «Снежный человек».

«**Американочка Ивановна рассказывает**» — это размышления автора о «второй родине» — Америке, рассказы, переписка с русскими писателями-эмигрантами, очерки о многочисленных встречах с интересными людьми.

«**Государевы ямщики и московские извозчики**». Повесть-хроника «Мелкий жемчуг» — своеобразный литературный и документально-исторический коллаж, в котором картины московской жизни переплетаются с размышлениями автора о литературе, исследование родословной и розыск архивных документов идут параллельно с воспоминаниями о детстве и юности, с эпизодами Второй мировой войны.

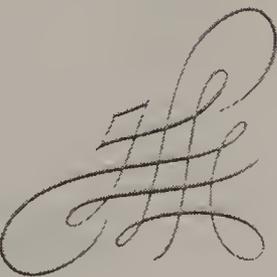
«Повседневная жизнь во времена былые». В книгу включены повести «Кларка-террористка», «Крапивный отряд», «Дом с Розовыми Стеклами», «До Петрова дня», «Скоморошки», «Ветроград моей сестры», «Экспонат молчащий» и рассказы. Автор свидетельствует, что «в разные годы – всякие судьбы, ежедневная борьба одних с роком и покорное принятие другими фатума».

«Пращурь и правнуки» – книга исторических работ автора знакомит читателей с неизвестными страницами семейного быта семьи последнего российского императора Николая II; необыкновенной судьбой майкопской атаманши Нины Федоровны Буровой, сражавшейся против красных во время гражданской войны; жизнью и деятельностью в США Александры Львовны Толстой, дочери великого русского писателя Л. Н. Толстого и его младшей внучки – Веры Ильиничны Толстой, замечательной певицы.

«Язык. Слово. Имя.» – сборник работ автора по ономастике, разделу языкознания, изучающему собственные имена, а также статьи, посвященные Пушкину, Лермонтову, Нахимову: «Каждый, убогий и знатный, в первый же миг при рождении, – имя свое получает».

Автор просит направлять отзывы по адресу:

Victoria Sandor 5838 Edson Lane,
Rockvile, MD, 20852, USA
E-mail: alla_ktorova@yahoo.com

Алла Кторовна

Минувшее...

Язык. Слово. Имя.

Набор М. А. Шмелева

Оформление К. А. Зубченко

Технический редактор Г. А. Лебедева

Сдано в набор 10.03.2007.
Подписано в печать 10.07.2007.
Формат 60x90/16.
Бумага офсетная №1.
Печать офсетная.
Печ. л. 24,5 + 0,5 илл
Заказ № 1224
Тираж 1000 экз.

Издательство «МИНУВШЕЕ»

Лицензия ИД №06244 от 12.11.2001.

117292, Москва, Профсоюзная ул., 12

Тел. (495) 350-59-73, 268-51-20

E-mail: trivek@mail.ru, www.triv.papod.ru

Адрес для переписки:

109387, Москва, Кубанская ул., 22-31.

ISBN 978-5-902073-54-3

9 785902 073543

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

ε. Νεϊρ

E. Neiz

АМЛА КТОРОВА (настоящие имя и фамилия Виктория Ивановна Кочурова) была первой после смерти Сталина советской гражданкой, которая осмелилась в 1958 году заявить властям о своем намерении выехать за мужом за американского юриста Джона Шандора участника Второй Мировой войны.

После множества препятствий и лично от «разрешения» самого Хрущева она наконец получает выездную визу и уезжает с мужем в США.

Приехав в Соединенные Штаты Виктория Шандор начинает выступать в литературе как Амла Кторова. С первых же публикаций оказалось, что перед читателем появился совершенно своеобразный писатель. Писатель, нашедший свой собственный, уникальный звук авторского повествования, отвергший многие прежние литературные приемы, непривыкший к повествованию моде и вкусам потребителя массовой литературы.

«Амла Кторова — очень искренняя писательница.

Сочинения Амлы Кторовой — это прежде всего русская литература. Писательство русская.

Мучительно и трагически русская.

Но в чем не похожа ни на одного из русских писателей.

Ни на кого из советских, ни на одного эмигрантского.

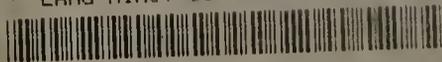
Это редкий и черный признак. Признак таланта.

Будет время — Амлу Кторову издадут в се Москве, она станет там читаемой и модной.

Но пока Москва «еще та».

«Или же Запад?»

Ktorova, A., 9785902073547
Minuoshes... Iazyk. Slovo. Ime.
LANG MINOU DE 02-08 \$12.95

Леонид Владимиров.
К читателям Амлы Кторовой
и рассказов «Экспонат молчаливой».
Verlag GmbH Munchen 1974